И. Н. Захарьинъ (Якунинъ).

Графъ В. А. Перовскій

и его

Зимній походъ въ Хиву.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: Жизнь графа Перовскаго.—Его плѣнъ у французовъ. — Письма изъ Италіи. — Дружба съ Жуковскимъ.—Кончина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: Зимній походъ въ Хиву, въ 1839 г., подъ начальствомъ Перовскаго.—Его письма объ этомъ походѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, № 12.
1901.

ВО
Кн. М

И. Н. Захарьинъ (Якунинъ).

М 900/176

ГРАФЪ В. А. ПЕРОВСКІЙ

и его

ЗИМНІЙ ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: Жизнь графа Перовскаго.—Его плѣнъ у французовъ. — Письма изъ Италіи. — Дружба съ Жуковскимъ.—Кончина.

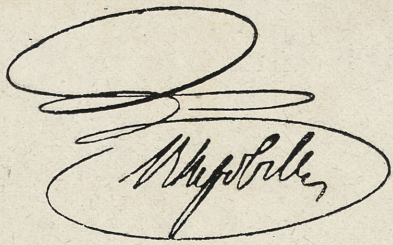
ЧАСТЬ ВТОРАЯ: Зимній походъ въ Хиву, въ 1839 г., подъ начальствомъ Перовскаго.—Его письма объ этомъ походѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, № 12.
1901.

1937

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Графъ В. А. ПЕРОВСКІЙ.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изданная, въ началѣ 1898 года, моя книга «Хива», описывавшая зимній походъ нашихъ войскъ въ Хиву, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта (впослѣдствіи графа) *Василія Алексѣевича Перовскаго*, имѣла большой успѣхъ. Появленіе ея было привѣтствовано многими нашими журналами и газетами, обратившими вниманіе на книгу и посвятившими ей сочувственныя статьи и замѣтки, въ которыхъ относились съ должнымъ вниманіемъ къ героизму войскъ, къ мужеству главнаго начальника отряда и тѣмъ несчастіямъ, которыя выпали на долю этого даровитаго человѣка въ легендарномъ зимнемъ походѣ 1839 года.

Тѣмъ не менѣе, личность В. А. Перовскаго осталась въ моей книгѣ недостаточно все-таки выясненной и обрисованной, такъ какъ я, собственно, описывалъ самый походъ въ Хиву, а не жизнь военачальника этого похода. Одинъ изъ петербургскихъ журналовъ обрушился даже на

генерала Перовскаго по поводу моей книги—и, обѣляя начальника колонны, генерала Ціолковскаго, обвинилъ въ неудачѣ похода не лютую и многоснѣжную зиму того года, а главнокомандующаго,—и мнѣ, невольно, довелось защищать его славное имя отъ этихъ несправедливыхъ нападеній. При этомъ, по необходимости, пришлось сообщить («Историческій Вѣстникъ» 1899 г., май) факты, весьма нежелательные для памяти того генерала, защиту котораго взялъ на себя петербургскій большой журналъ.

Поэтому, въ настоящее время, приступая ко второму изданію книги, я рѣшилъ дополнить ее многими такими свѣдѣніями о графѣ В. А. Перовскомъ, которыя могли бы нарисовать читателю, хотя отчасти, прекрасный и благородный образъ этого даровитаго, мужественнаго, образованнаго и чрезвычайно честнаго и добраго человѣка.

Изъ помѣщенныхъ здѣсь писемъ В. А. Перовскаго и изъ статьи моей «Дружба Жуковскаго съ Перовскимъ», появившейся недавно въ «Вѣстникѣ Европы» (здѣсь перепечатываемой), читатели увидятъ, какая была—если можно такъ выразиться—*веселая душа* у Перовскаго, какое нѣжное, любящее и благородное сердце скрывалось подъ суровою наружностью этого человѣка, какимъ выдающимся здравымъ смысломъ и умомъ обладалъ онъ, какимъ добродушнымъ юморомъ былъ надѣленъ и какимъ остроумнымъ слогомъ владѣлъ; какъ онъ ненавидѣлъ неправду—повсюду, гдѣ бы ни встрѣчался съ нею,—какая глубокая и чистая

вѣра въ Бога была въ его мужественной и закаленной въ бояхъ душѣ и какъ терпѣливо и кротко умѣлъ онъ переносить удары судьбы, а равно и свои тяжкія физическія страданія—отъ ранъ—и какъ гордо и пренебрежительно относился онъ къ нападеніямъ своихъ многочисленныхъ враговъ! Не даромъ, этотъ человѣкъ былъ самымъ близкимъ другомъ Жуковскаго, «пріятелемъ» Пушкина, Карамзина и Даля и, позднѣе, останавливалъ на себѣ проникновенный взоръ другого генія, Л. Н. Толстого, находившаго, что «фигура Перовскаго одна—можетъ наполнить картину изъ времени 20-хъ годовъ» и намѣчавшаго его однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ своего *предполагавшагося* романа «Декабристы». Слѣдуетъ, конечно, глубоко пожалѣть, что этотъ романъ не былъ написанъ... Правда, другой историческій романистъ, съ талантомъ несравненно меньшимъ, покойный Данилевскій, попытался вывести Перовскаго въ своемъ романѣ «Сожженная Москва»; но—подъ перомъ этого почтеннаго романиста гр. Перовскій вышелъ почти неузнаваемъ: разыгравшаяся фантазія автора создала *своего* Перовскаго—какого-то маленькаго, мелодраматическаго, ходульнаго героя, разукрашеннаго сусальнымъ золотомъ и прописными добродѣтелями, совсѣмъ не похожаго на подлинникъ.

Помѣщаемыми здѣсь свѣдѣніями о графѣ В. А. Перовскомъ я обязанъ нѣкоторымъ, близко стоявшимъ къ нему лицамъ, которыя и предоставили въ мое распоряженіе интересные—для исторіи и

читателей—матеріалы о немъ, появляющіеся въ настоящей книгѣ.

Затѣмъ, я позволю себѣ упомянуть о благосклонномъ отзывѣ о моемъ трудѣ бывшаго Начальника Главнаго Штаба, генералъ-адъютанта Н. Н. Обручева, по желанію коего статья «Зимній походъ въ Хиву», какъ «*представляющая особый интересъ*», предназначалась къ помѣщенію въ спеціальномъ военномъ журналѣ. Равно, я нахожу возможнымъ сказать, что книга моя *одобрена* Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія—для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также рекомендована и Главнымъ Штабомъ.

Отзывы же и рецензіи о книгѣ «Хива» были помѣщены въ слѣдующихъ журналахъ и газетахъ 1898 года: въ іюньской кн. «Историческаго Вѣстника», въ «Вѣстникѣ Европы» (августъ), «Русской Старинѣ» (іюль), «Русскомъ Вѣстникѣ» (августъ), «Военномъ Сборникѣ», «Живописн. Обозрѣніи»(№ 30), въ «Новомъ Времени» (2 іюня № 7995 и 8 іюня № 8031), «Русскомъ Инвалидѣ» (№ 113), «Москов. Вѣд.» (№ 155), «Развѣдчикѣ» (№ 408), «С.-Петерб. Вѣд.» (№№144 и 145), «Новь» (№ 12—98), «Биржев. Вѣд.» (№ 157) и въ очень многихъ провинціальныхъ журналахъ и газетахъ.

И. З.

Спб.
4 апрѣля 1901 г.

Біографія графа В. А. Перовскаго *).

„Графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій родился въ 1794 году. Воспитывался въ Московскомъ университетѣ. Вышелъ въ 1811 году кандидатомъ и поступилъ на службу колонновожатымъ. Отличился во время Отечественной войны подъ Лядами, Краснымъ, Смоленскомъ, Заболотью, Дорогобужемъ и Бородинымъ. Во время занятія Москвы, захваченъ былъ въ плѣнъ французами и оставался въ плѣну до взятія Парижа. Въ 1814 году переведенъ былъ въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ и назначенъ адъютантомъ къ генер.-ад. П. В. Голенищеву-Кутузову. Въ 1816 году переведенъ въ Измайловскій полкъ съ назначеніенъ въ адъютанты къ вел. кн. Николаю Павловичу. Въ1825 г. назначенъ флигель-адъютантомъ, а въ 1828 г. свиты генералъ-маіоромъ. Онъ отличился во время турецкой кампаніи, исправляя должность начальника штаба при отрядѣ войскъ, облегавшихъ Варну. Пожалованъ былъ въ 1829 г. въ генералъ-адъютанты, а въ 1833 г. генералъ-лейтенантомъ и исправляющимъ

*) Эта „біографія“ выписывается изъ сочиненія кн. А. А. Васильчикова „Семейство Разумовскихъ“ (Т. II-ой). Здѣсь лишь исправлены невѣрныя цифры рожденія (вм. 1795 на 1794-ый), назначенія къ великому князю Николаю Павловичу (вм. 1818—на 1816 годъ) и зимняго похода въ Хиву (вм. 1835 на 1839-ый). Нѣкоторые же другія цифры, разнящіяся съ свѣдѣніями историческихъ журналовъ—напр., годы зачисленія въ гвардію — оставлены безъ исправленія какъ спорныя.

должность Оренбургскаго военнаго губернатора и командира отдѣльнымъ Оренбургскимъ корпусомъ. Въ 1839 г., онъ предпринялъ хивинскій походъ, оказавшійся несчастнымъ, не смотря на всю энергію Перовскаго. Государь вознаградилъ труды В. А. орденомъ св. Александра-Невскаго. Въ 1842 г., В. А. Перовскій, по болѣзни, уволенъ былъ отъ занимаемыхъ должностей, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта. Въ 1843 году, онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, а въ 1846 г. назначенъ членомъ государственнаго совѣта, получилъ Владиміра 1-й степени и временно управлялъ морскимъ министерствомъ *). Въ 1851 году, онъ снова назначенъ былъ Оренбургскимъ и Самарскимъ генералъ-губернаторомъ и командиромъ Оренбургскаго корпуса. Въ 1852 г., получилъ онъ знаки св. Андрея, а въ 1853 г., взялъ приступомъ кокандскую крѣпость Акъ-Мечеть, наименованную, по высочайшему повелѣнію, фортомъ Перовскимъ. За этотъ подвигъ, онъ возведенъ былъ въ графское Россійской имперіи достоинство, а въ 1856 г. получилъ алмазные знаки св. Андрея. Въ 1857 г., уволенъ, по болѣзни, отъ должности Оренбургскаго генералъ-губернатора и получилъ портретъ Государя, украшенный брилліантами. Въ томъ же году онъ скончался".

Вотъ и все... Нѣсколько пространнѣе о службѣ покойнаго говоритъ формулярный его списокъ да указанія историческихъ журналовъ — „Русской Старины" и „Русскаго Архива". Но и эти свѣдѣнія очень отрывочны и представляютъ собою лишь сухой перечень геройскихъ подвиговъ и страданій графа В. А., да производствъ въ чины и наградъ...

Вотъ, эти свѣдѣнія:

Родился В. А. Перовскій къ Черниговской губерніи,

*) Это—невѣрно: В. А. Перовскій былъ лишь, очень короткое время, *правителемъ канцеляріи* этого министерства.

въ имѣніи Почепѣ *). Онъ былъ сыномъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, бывшаго впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія. Мать его называлась—*Анна Михайловна.* Она не была женою графа, женатаго, ранѣе, на гр. В. П. Шереметевой, съ которой онъ разошелся, не получивъ отъ нея формальнаго развода. До десяти лѣтъ, В. А. жилъ при матери, въ Почепѣ, и лишь въ 1804 году былъ отданъ въ Москву, въ пансіонъ. Въ 1804 году онъ и братья его были возведены, по ходатайству отца, въ дворянское достоинство. Въ 1809 году, В. А. поступаетъ уже въ московскій университетъ, а въ 1811-мъ, по окончаніи курса, опредѣляется въ военную службу, „колонно-вожатымъ“,—какъ въ то время назывались офицеры генеральнаго штаба. 18-ти лѣтъ отъ роду, онъ участвуетъ въ цѣломъ рядѣ сраженій съ войсками Наполеона и получаетъ рану подъ Бородинымъ: пуля отрываетъ ему палецъ на лѣвой рукѣ. На эту рану онъ не обращаетъ вниманія, продолжаетъ нести боевую службу, остается въ аріергардѣ нашихъ войскъ при выступленіи ихъ изъ Москвы—и французы захватываютъ его, измѣннническимъ образомъ, въ плѣнъ обираютъ съ головы и до ногъ, съ которыхъ снимаютъ даже сапоги, и отправляютъ, пѣшкомъ, вмѣстѣ съ другими плѣнными, подъ конвоемъ, во Францію, гдѣ онъ и томится въ неволѣ почти полтора года. Узнавъ о вступленіи союзныхъ войскъ во Францію, онъ бѣжитъ изъ Орлеана (гдѣ содержался) и, благодаря прекрасному знанію французскаго языка, добирается до русскаго отряда. Въ концѣ 1814 года, назначается адъютантомъ къ генералу П. В. Кутузову, а въ 1816 году переводится въ гвардію и поступаетъ въ адъютанты къ вел. князю Николаю Павловичу, коего и сопровождаетъ, въ 1816—

*) Имѣніе это отъ гр. Разумовскихъ перешло, по праву наслѣдства, къ поэту, гр. А. К. Толстому, а послѣ его смерти досталось Жемчужниковымъ, которымъ принадлежитъ и въ настоящее время.

1817 гг., въ его путешествіи по Россіи и въ чужихъ краяхъ, когда вел. кн. обручился съ прусскою принцессою Шарлотою (впослѣдствіи, Александра Ѳеодоровна). 17-го апрѣля 1818 года, находясь въ Москвѣ при Николаѣ Павловичѣ, былъ посланъ въ Петербургъ къ императору Александру I „для извѣщенія“ о рожденіи первенца, Александра Николаевича. При вступленіи на престолъ Николая Павловича, былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ нему, и былъ, 14-го декабря, контуженъ полѣномъ на Сенатской площади. Въ 1828 году, подъ Анапой, былъ тяжко раненъ пулею въ грудь.

Послѣ турецкой войны, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и зачисленъ въ свиту. Въ 1833 году, 39-ти лѣтъ отъ роду, былъ назначенъ оренбургскимъ губернаторомъ и командующимъ отдѣльнымъ оренбургскимъ корпусомъ—вмѣсто умершаго гр. Сухтелена. По прибытіи въ Оренбургъ, сталъ тотчасъ же устраивать въ степи укрѣпленія—Ново-Александровское и Ново-Петровское; по морскому же берегу (Каспійскаго моря) устраивались промежуточные пикеты. Затѣмъ, въ 1835 году, была устроена имъ такъ-называемая „новая линія“, начинавшаяся отъ Орской крѣпости по прямому направленію степью, къ сѣверо-востоку на рѣку Уй, и оканчивающаяся редутомъ Березовскимъ На этомъ пространствѣ, въ томъ же году, воздвигнуты были Перовскимъ слѣдующія укрѣпленія: Наслѣдницкое, Константиновское, Николаевское и Михайловское, *съ редутами* между ними, для помѣщенія въ нихъ кордонной стражи изъ оренбургскихъ казаковъ и башкировъ. Между редутами были устроены частые пикеты по 10 и по 15 казаковъ въ каждомъ, гдѣ, по примѣру „маяковъ“ у черноморскихъ казаковъ, устроены были особые помосты для караульнаго казака-часового—съ сигнальными шестами, обвитыми соломою. А такъ какъ киргизы (адаевцы) продолжали все-таки свои грабежи, то для наказанія грабителей, Перовскій сталъ снаряжать и посылать въ степь, для

преслѣдованія хищниковъ, отдѣльные небольшіе конные отряды, численностью отъ 500 до 1000 человѣкъ. Киргизовъ разбивали, захватывали въ плѣнъ вмѣстѣ со скотомъ, но это все-таки мало помогало дѣлу: главные виновники скрывались во враждебную намъ Хиву, а взамѣнъ разбитыхъ скопищъ появлялись новыя. Главная бѣда заключалась въ Хивѣ, куда сбывались киргизами всѣ захватываемые ими плѣнные.

Все *это*, вмѣстѣ взятое, дало Перовскому мысль — начать ходатайство о походѣ въ Хиву.

Въ 1834 году, Перовскій былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ генералъ-адъютантомъ. Въ 1837 году, онъ принималъ въ Оренбургѣ путешествующаго наслѣдника, котораго сопровождалъ В. А. Жуковскій, проживавшій, за все время пребыванія въ Оренбургѣ, въ квартирѣ своего друга, губернатора Перовскаго.

Въ 1839 году былъ предпринятъ злополучный зимній походъ въ Хиву.

Въ 1842 году, на мѣсто Перовскаго, назначеннаго членомъ государственнаго совѣта, прибылъ въ Оренбургъ генералъ В. А. Обручевъ.

Въ 1848 году, Перовскій былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, а въ мартѣ 1851 года былъ вновь назначенъ оренбургскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ. Лѣтомъ 1853 года, онъ предпринимаетъ Коканскій походъ—въ глубь степей, слѣдуя отъ Оренбурга по рѣкѣ Илеку на укрѣпленія: Карабутакъ, Уральское, Раимъ—и чрезъ пески Кара-Кумы, достигаетъ до береговъ Аральскаго моря, близъ устьевъ Сыръ-Дарьи. Затѣмъ Перовскій беретъ съ бою коканскія укрѣпленія Чимъ, Кошъ и Кумышъ-Курганъ, расположенныя по Сыръ-Дарьѣ.

28 іюля 1853 года, Перовскій взялъ штурмомъ коканскую крѣпость Акъ-Мечеть, защищаемую 20 тысячами коканскихъ войскъ, разбитыхъ и отступившихъ отъ

крѣпости, въ цитадели которой заперлось 300 человѣкъ отчаянныхъ „батырей“, которые, во время штурма, и были всѣ переколоты ожесточившимися солдатами. Осада этой крѣпости была начата и велась, лично, самимъ Перовскимъ, со 2 іюля. А немного ранѣе, всего за четыре дня, была взята, на другомъ концѣ театра войны въ степи, крѣпость Джулекъ, значительно слабѣйшая. взятіе которой, однако, очень способствовало паденію Акъ-Мечети, переименованной впослѣдствіи, по высочайшему повелѣнію, въ „Фортъ Перовскій“.

Послѣ разбитія коканскихъ войскъ и взятія Акъ-Мечети, Перовскій возвелъ въ степи нѣсколько новыхъ фортовъ, съ цѣлью парализовать разбойническія нападенія киргизовъ на русскихъ людей—купцовъ и рыбопромышленниковъ.

5 августа, закончивъ закладку фортовъ, Перовскій отбылъ отъ войскъ въ Оренбургъ.

За этотъ блестящій походъ, положившій начало завоеванію Коканда (нынѣшняя Ферганская область) и присоединившій къ владѣнію Россіи большую часть рѣки Сыръ-Дарьи, Перовскому было пожаловано впослѣдствіи графское достоинство.

26 августа 1856 года, В. А. Перовскій получилъ послѣднюю награду—алмазные знаки Андрея Первозваннаго — и въ слѣдующемъ году оставилъ службу въ Оренбургскомъ краѣ... И въ томъ же 1857 году, въ декабрѣ, скончался въ Крыму, въ Алупкѣ...

Вотъ, и всѣ оффиціальныя свѣдѣнія о гр. В. А. Перовскомъ, — и не только оффиціальныя, но, пожалуй, даже и книжныя, журнальныя: формулярный—т. е. *послужной*—списокъ, и ничего болѣе. Но мы имѣемъ возможность ознакомиться съ гр. В. А. Перовскимъ ближе, увидѣть его совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ—въ сферѣ его дѣлъ и дней,—для чего и помѣщаемъ здѣсь многіе ма-

теріалы и свѣдѣнія о немъ, какъ появлявшіеся въ печати ранѣе, такъ и совершенно неизвѣстные, печатающіеся впервые — каковы, напр., его письма къ поэту В. А. Жуковскому, къ архіепископу Евсевію, нѣкоторыя письма къ А. Я. Булгакову, и пр. Только прочитавъ *все это*, можно составить себѣ нѣкоторое представленіе о личности этого *необыкновеннаго* человѣка, мало понятаго при жизни и неоцѣненнаго по смерти. Къ нему болѣе, пожалуй, чѣмъ къ Чаадаеву, подходилъ извѣстный стихъ Пушкина, что „онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесъ"...

Даже и теперь, спустя почти полвѣка со времени смерти Перовскаго, едва только вы начинаете приближаться къ этой величавой и монументальной фигурѣ и вглядываться въ нее, какъ на васъ вѣетъ отъ нея чисто-героическимъ эпосомъ и, *въ то-же время*, такою мягкостью и душевною чистотою, такимъ идеальнымъ „*кодексомъ жизни*", что вы не сомнѣваетесь ни минуты, что предъ вами личность необыкновенная, исключительная—рыцарь въ лучшемъ и въ полномъ значеніи этого слова, съ умомъ обширнымъ, съ сердцемъ благороднымъ и любящимъ, чуждый страха, противорѣчій, лести и честолюбія...

Вы заглядываете въ его жизнь, — и на первыхъ же порахъ приходите къ убѣжденію, что жизнь лишь очень немногихъ людей можетъ быть исполнена тѣхъ выдающихся событій, страданій, подвиговъ и приключеній, а равно и высшихъ земныхъ отличій, какія мы встрѣчаемъ на удивительномъ жизненномъ пути этого замѣчательнаго человѣка!..

Рожденный отъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, сына знаменитаго гетмана Кирилла Григорьевича и родного племянника фельдмаршала графа Алексѣя Григорьевича, супруга императрицы Елизаветы Петровны, этотъ незаконнорожденный мальчикъ, безъ имени и, такъ сказать, безъ роду и племени, поступаетъ десяти

лѣтъ въ одинъ изъ московскихъ пансіоновъ и, затѣмъ, въ тамошній же университетъ, — и, благодаря своимъ выдающимся способностямъ, оканчиваетъ курсъ, имѣя отъ роду всего 17 лѣтъ. Прямо съ университетской скамьи, вступаетъ онъ въ ряды арміи, участвуетъ въ великой битвѣ народовъ подъ Бородиномъ, гдѣ его ранятъ; принимаетъ участіе въ распорядкахъ при выступленіи нашей арміи изъ Москвы, — при чемъ французы захватываютъ его, измѣнническимъ образомъ, въ плѣнъ — и едва-едва не разстрѣливаютъ, а затѣмъ обираютъ кругомъ, и отправляютъ во Францію, разутаго и ограбленнаго, въ одномъ обществѣ съ захваченными бродягами и пьяницами... Изъ плѣна онъ совершаетъ два раза побѣгъ — и является на аванпосты русскихъ войскъ, вступившихъ во Францію...

Затѣмъ, начинается уже какъ бы сказочная исторія его возвышенія по службѣ. Онъ, неожиданно и чисто случайно, попадаетъ въ адъютанты къ великому князю Николаю Павловичу, который—такъ-же, неожиданно—вступаетъ на императорскій престолъ и осыпаетъ своего любимца, съ которымъ не желаетъ разставаться даже въ путешествіяхъ, всевозможными милостями и наградами... Но любимый адъютантъ, оказывается, имѣетъ одну странную черту характера, весьма неудобную при дворѣ: въ немъ настолько отсутствуетъ честолюбіе, что онъ не благодаритъ даже за орденъ, ему пожалованный... Кромѣ того, онъ рѣшается, иногда, сообщать императору такія вещи, на которыя не рискуетъ никто *), — и, наконецъ,

*) Вотъ, напр., разсказъ, сообщенный мнѣ маститымъ директоромъ военной Измайловской богадѣльни въ Москвѣ, покойнымъ генераломъ-отъ-инфантеріи Н. Н Вельяминовымъ, въ февралѣ 1891 г., на вечерѣ у редактора „Русскаго Архива“ П. И. Бартенева. Въ 40-хъ годахъ, одно очень высокопоставленное лицо обыграло въ карты, болѣе чѣмъ на полмилліона рублей, извѣстнаго богача, золотопромышленника Я—ева. Исторія эта оказалась не совсѣмъ чистой и объ ней громко и много говорили по всему Петербургу,

дерзаетъ идти открыто противу всесильной нѣмецкой партіи, крѣпко сплотившейся въ то время при дворѣ, подъ главенствомъ фатальныхъ для Россіи графовъ Нессельроде, Бенкендорфа и Клейнмихеля, которымъ были чужды и непонятны національные интересы нашего отечества...

Но молодой императоръ все еще не отпускаетъ отъ себя своего любимаго адъютанта, который и сопровождаетъ его на театръ военныхъ дѣйствій съ Турціей, въ 1828 году, но находится, какъ видно, не въ свитѣ государя, а „въ сферѣ огня"—и получаетъ тяжкую рану въ грудь, пулею.

Въ 1833 году, нѣмецкой партіи удалось-таки, наконецъ, „сплавить" нежелательнаго для ея интересовъ человѣка и В. А. Перовскій получаетъ назначеніе на далекую окраину Россіи—въ Оренбургъ, служившій въ тѣ времена мѣстомъ ссылки для преступниковъ — уголовныхъ и политическихъ — и отличавшійся крайне суровымъ климатомъ по зимамъ и убійственными лихорад-

---

но императоръ ничего не зналъ и никто не рѣшался доложить ему объ этомъ. А между тѣмъ, доложить надо было—во что бы то ни стало, такъ какъ тѣнь отъ этой исторіи могла лечь, въ концѣ концовъ, и на государя. И вотъ, тогда обратились къ содѣйствію Перовскаго, „ничего не боявшагося".—и онъ принялъ на себя это непріятное порученіе доложить государю всю исторію—и нажилъ себѣ, такимъ образомъ, цѣлую массу всесильныхъ, вліятельнѣйшихъ и непримиримыхъ враговъ.

Враговъ себѣ Перовскій наживалъ иногда и иными путями—вступаясь за крѣпостныхъ крестьянъ, когда имъ приходилось очень тяжко отъ помѣщиковъ. Такъ, напр., во время своего губернаторства въ Оренбургѣ, онъ узналъ, что въ острогѣ содержится крѣпостная дѣвушка Агафья, дочь кузнеца изъ имѣнія генерала Тимашева, вся вина которой состояла лишь въ томъ, что, обладая замѣчательною красотою, она, несмотря на многократныя наказанія розгами, не согласилась быть барскою любовницей. Перовскій горячо вступился за несчастную дѣвушку, освободилъ ее изъ тюрьмы, выхлопоталъ ей вольную, а о дѣйствіяхъ богатаго барина довелъ, непосредственно, до свѣдѣнія государя.

ками лѣтомъ, когда начиналось гніеніе ила, наносимаго въ предмѣстья города весенними разливами Урала.

Но и въ этой, какъ бы почетной ссылкѣ, Перовскій съумѣлъ принести громаднѣйшую пользу своему отечеству, оградивъ, въ возможной степени, русскихъ людей отъ хищническихъ разбоевъ киргизовъ, прекративъ въ краѣ многочисленныя злоупотребленія и заставивъ инородцевъ уважать русскіе законы и суды. Но Перовскому не посчастливилось сломить главнаго и самаго яраго врага нашей восточной окраины—хивинскаго хана: онъ предпринимаетъ походъ въ Хиву въ такую лютую и многоснѣжную зиму, которой не могли запомнить и столѣтніе старики... Болѣе половины отряда замерзаетъ и умираетъ отъ цынги и скорбута, остальные возвращаются въ Оренбургъ—истощенные и измученные, съ здоровьемъ навѣки утраченнымъ, или расшатаннымъ. Даже и желѣзная натура Перовскаго была въ походѣ окончательно надломлена. Въ серединѣ книги, передъ описаніемъ похода въ Хиву, приложенъ его портретъ, снятый въ 1840 году, т. е. вскорѣ по возвращеніи изъ этого несчастнаго похода, по пріѣздѣ въ Петербургъ. Если читатели сравнятъ этотъ портретъ 1840 года съ портретомъ, помѣщеннымъ въ началѣ книги, снятымъ въ февралѣ 1839 года,—то замѣтятъ, конечно, то страшное измѣненіе, которое произошло съ Перовскимъ за одинъ годъ времени... Изъ писемъ его къ Булгакову, читатели увидятъ—что онъ перенесъ въ этомъ походѣ...

Но если этотъ человѣкъ былъ совсѣмъ нечестолюбивъ, то онъ былъ чрезвычайно самолюбивъ—въ лучшемъ значеніи этого слова. Онъ никакъ не могъ примириться ни съ своею неудачею похода въ Хиву, ни съ торжествомъ окраинныхъ враговъ Россіи—хивинцевъ, коканцевъ и киргизовъ-адаевцевъ. И вотъ, въ 1851 году, онъ получаетъ на этотъ разъ желанное имъ самимъ назначеніе, вновь въ Оренбургъ, въ званіи генералъ-

губернатора и начальника оренбургскаго отдѣльнаго корпуса. Черезъ два года, онъ уже предпринимаетъ походъ въ глубь азіатскихъ степей, разбиваетъ на-голову войска коканскаго хана, беретъ нѣсколько укрѣпленій и, наконецъ, беретъ штурмомъ крѣпость Акъ-Мечеть и заканчиваетъ свой блестящій походъ присоединеніемъ къ владѣніямъ Россіи рѣки Сыръ-Дарьи на значительномъ ея протяженіи *).

Но попасть В. А. Перовскому въ Хиву такъ и не удалось: всѣ его порывы въ этомъ направленіи и попытки были отклонены,—и прошло ровно двадцать лѣтъ со времени перваго разгрома, въ 1853 году, Коканскаго ханства, пока, наконецъ-таки, былъ предпринятъ, въ 1873 году, походъ въ Хиву, блистательно выполненный покойнымъ генераломъ К. П. Кауфманомъ, который, наученный горькимъ опытомъ зимняго похода 1839 г., выступилъ въ степь лишь по стаяніи снѣговъ, раннею весною.

Вернувшись изъ коканскаго похода въ Оренбургъ, Перовскій еще прослужилъ въ немъ почти четыре

*) Не лишне будетъ при этомъ замѣтить, какъ пишется иногда у насъ исторія. Такъ, напр., 19-го февраля сего года, исполнилось двадцатипятилѣтіе присоединенія къ Россіи Ферганской области (т. е. бывшаго Кокандскаго ханства). Почти всѣ газеты посвятили этому событію подходящія статьи и хвалебные дифирамбы живымъ участникамъ похода 1864—65 гг. и воспоминанія объ умершихъ; но никто не вспомнилъ В. А. Перовскаго, положившаго *начало* завоеванію Кокандскаго ханства въ 1853 году. Въ одной, самой распространенной и почтенной газетѣ, помѣстили даже портреты всѣхъ этихъ завоевателей Коканда—и на ряду съ теперешнимъ военнымъ министромъ А. Н. Куропаткинымъ и покойными Кауфманомъ и Скобелевымъ, воспроизведены генералы В. Н. Троцкій и умершіе Абрамовъ и Колпаковскій, но о В. А. Перовскомъ какъ-то забыли: не обмолвились ни единымъ словомъ и не помѣстили его портрета... Удивительно, какъ скоро „запамятываются“, иногда, у насъ заслуги,—если только онѣ не кричащія и не имѣютъ сверстниковъ, очень часто вспоминающихъ о другихъ—съ цѣлью напомнить о себѣ!..

года, за которые свершилось въ Россіи столько важныхъ историческихъ событій: крымская война, смерть императора Николая, восшествіе на престолъ новаго государя, того самаго, съ извѣстіемъ о появленіи котораго на свѣтъ летѣлъ изъ Москвы въ Петербургъ, въ 1818 году, на курьерскихъ лошадяхъ, молодой ротмистръ В. А. Перовскій...

Изъ писемъ Перовскаго къ Булгакову и епископу Евсевію, читатели увидятъ, какъ скорбѣлъ В. А. при полученіи извѣстій о нашихъ военныхъ неудачахъ въ Крыму, какъ онъ болѣлъ и страдалъ душою за унижаемую въ то время Россію,—и какъ возмущался!..

Не менѣе потрясена была его благородная душа, когда онъ узналъ о смерти своего благодѣтеля и *друга*, императора Николая. Только собственноручное письмо новаго государя могло нѣсколько уменьшить его горесть. Вотъ что писалъ ему императоръ Александръ Николаевичъ тотчасъ же по своемъ вступленіи на престолъ:

„Что во мнѣ происходитъ, любезнѣйшій Василій Алексѣевичъ, вы поймете!... Спасибо вамъ, отъ имени незабвеннаго благодѣтеля нашего, за вашу долговременную, вѣрную и усердную службу при немъ! Я васъ знаю—и вы меня знаете. Будьте тѣмъ, чѣмъ всегда были. Обнимаю васъ отъ души!“

Несмотря, однако, на столь милостивое и искреннее письмо, Перовскій, чувствуя, что здоровье его слабѣетъ и что прежнія силы его покидаютъ, не пожелалъ оставаться на своемъ сторожевомъ и, въ то же время, боевомъ посту долѣе. Просимъ читателей обратить вниманіе на его письмо къ Булгакову № 34, изъ коего видно, что этотъ мужественный и самоотверженный человѣкъ служилъ, буквально, до послѣдней капли крови, полагая, согласно присягѣ, животъ свой, т. е. жизнь свою, на пользу многолюбимой имъ Россіи. Вотъ, напр., что онъ писалъ въ упомянутомъ письмѣ:

...„Мое здоровье дошло до такого разстройства, которое не позволяетъ мнѣ больше занимать настоящее мое мѣсто,—почему я и просилъ о разрѣшеніи покинуть его. Уже давно, но особенно послѣдній годъ, моя жизнь—тягостная агонія и постоянная борьба силъ душевныхъ съ физическими. Я употребилъ свою энергію, къ которой былъ способенъ, и держался до послѣдней крайности, но „невозможное—невозможно“, особенно, когда совѣсть говоритъ, что дальнѣйшая борьба была бы вредна для службы, и особенно для блага страны, которой я управляю и которую больше всего люблю. Я могъ бы еще обманывать зрителей, но обманывать самого себя невозможно: пора уступить мѣсто другому...“ и т. д.

Вотъ какъ относился В. А. Перовскій къ своимъ служебнымъ обязанностямъ и какъ понималъ ихъ!.. Невольно приходится замѣтить, что такое благородное и добросовѣстное пониманіе обязанностей государственной службы встрѣчалось и встрѣчается столь рѣдко и у насъ такъ вошло въ привычку *помирать на службѣ*, что, за послѣднее время, потребовалось даже установить такъ называемый „предѣльный возрастъ“, напоминающій неспособнымъ или дряхлымъ лицамъ, что имъ „пора уступить мѣсто другимъ...“

И этотъ человѣкъ уступилъ самъ, добровольно, свое мѣсто другому—и отправился, въ слѣдующемъ 1857 г., по совѣту врачей, въ Крымъ, гдѣ и поселился въ имѣніи князя Воронцова—Алупкѣ; тамъ онъ и скончался, 8-го декабря 1857 года.

Позволимъ себѣ закончить эту краткую и далеко не полную біографію графа В. А. Перовскаго слѣдующими строками.

Вся бѣда этого необыкновенно даровитаго и замѣчательнаго человѣка заключалась въ томъ, что онъ родился, для Россіи, слишкомъ рано: иные мало его пони-

мали, другіе не могли переносить его умственнаго и нравственнаго превосходства надъ собою. Потому-то, у него и было такъ много враговъ и завистниковъ, которые или всячески вредили ему, или же довольно искусно *замалчивали* всѣ его труды и подвиги, о коихъ—надо еще замѣтить—онъ самъ не любилъ распространяться и которые онъ совершалъ отнюдь „не для того, чтобъ они были замѣтны въ Петербургѣ“ (какъ онъ выражался въ письмѣ къ Жуковскому изъ Екатеринодара, отъ 1-го января 1828 года)... Насколько этотъ человѣкъ былъ въ такихъ случаяхъ скроменъ, это доказывается, между прочимъ, тѣмъ удивительнымъ фактомъ, что обо всѣхъ его страданіяхъ, перенесенныхъ въ плѣну у французовъ, русская публика узнала лишь восемь лѣтъ спустя послѣ его смерти, и то благодаря чистой случайности—знакомству редактора московскаго историческаго журнала съ тѣмъ лицомъ, у котораго хранились эти записки въ рукописи. Поэтъ В. А. Жуковскій, исправившій ошибки переписчика „Плѣна“, такъ-таки и не могъ уговорить Перовскаго напечатать въ свое время это интересное описаніе—къ сожалѣнію, не оконченное. Единственное же „сочиненіе“ Перовскаго, напечатанное при его жизни—это были „Письма изъ Италіи“, да и тѣ, какъ извѣстно, появились въ печати не по желанію ихъ автора, а по распоряженію Жуковскаго, получавшаго эти письма и думавшаго сдѣлать своему другу пріятный сюрпризъ—увидѣть эти письма въ печати. По этимъ, въ высшей степени интереснѣйшимъ письмамъ, могущимъ служить, и понынѣ, образцомъ изящной прозы, читатели составятъ себѣ достаточное представленіе о высокомъ литературномъ достоинствѣ слога Перовскаго,—несмотря на то, что эти „Письма“ были написаны 78 лѣтъ тому назадъ!....

С.-Петербургъ.
5-го марта 1901 года.

Въ плѣну у французовъ *).

1812-й годъ, достопамятный всѣмъ русскимъ, памятенъ въ особенности мнѣ; мало изъ соотечественниковъ терпѣли то, что я, а тѣ, которые и были мнѣ товарищами въ мученіяхъ, не существуютъ больше.

Въ продолженіе всей кампаніи 12-го года до Москвы, будучи квартирмейстерскимъ офицеромъ, находился я при казацкихъ полкахъ, составлявшихъ аріергардъ 2-й арміи. Наканунѣ вступленія непріятеля въ столицу, отпросился я въ оную, дабы еще разъ побывать въ Москвѣ и дома; 1-го сентября, передъ вечеромъ, въѣхалъ я верхомъ въ городъ съ двумя казаками при мнѣ находившимися.—Не буду описывать то, что я чувствовалъ тогда; описать трудно,—и невозможно, а чувство это извѣстно всѣмъ русскимъ, бывшимъ тогда въ арміи или въ Москвѣ.—Переночевавъ дома, на другой день, 2-го сентября утромъ, ѣздилъ я по городу по служебнымъ дѣламъ и надобностямъ. Безпокойство примѣтно было по всѣмъ улицамъ, но многія лавки еще были открыты, и въ нихъ торговали по обыкновенію, что вселяло обманчивое спокойствіе во многихъ жителей, и было, потомъ, причиною ихъ гибели.—Возвратившись домой, отпра-

*) Это описаніе В. А. Перовскимъ своего плѣна у французовъ было напечатано, въ 60-хъ годахъ, въ „Русскомъ Архивѣ“. Здѣсь, „плѣнъ“ этотъ печатается съ рукописи, исправленной рукою В. А. Жуковскаго. Къ сожалѣнію, объ части этой интереснѣйшей рукописи не доведены до конца.

вился я верхомъ изъ города чрезъ ближнюю заставу (Лефортовскую); часъ былъ, я думаю, пятый. Отъѣхавъ съ версту отъ города вправо, увидѣли мы конницу, и хотя отъ насъ еще довольно далеко, но можно было различить, что тутъ была и наша, и непріятельская. Подъѣхавъ еще ближе, велѣлъ я казакамъ подождать меня, а самъ поскакалъ къ стоящимъ вмѣстѣ верхомъ офицерамъ. То былъ нашъ генералъ-маіоръ Па—евъ и французскій ген. Себастіани съ своими адъютантами;— у одного изъ послѣднихъ спросилъ я о предметѣ разговора обоихъ генераловъ, и узналъ, что уговариваются о томъ, чтобы пропустили наши полки.

— Наша бригада отрѣзана,—прибавилъ онъ,—но насъ пропустятъ, и на сегодняшній день заключено перемиріе.

Въ то же время, по командѣ, раздвинулась французская конница, и нашъ драгунскій и казацкій полки пошли въ интервалы. Начинало смеркаться... Я поскакалъ на то мѣсто, гдѣ оставилъ двухъ казаковъ своихъ.— Пріѣхавъ, искалъ и кликалъ ихъ, но, не находя, поѣхалъ весьма скоро обратно.—Не прошло пяти минутъ, какъ я говорилъ съ адъютантомъ генерала П., затѣмъ, несмотря на сумерки, видны были еще войска наши; но французы протянули уже ночную цѣпь свою, и когда я подъѣхалъ къ ней, меня окликнули. Зная, что существуетъ перемиріе, не имѣлъ я причины скрывать, кто я, да къ тому же и обмануть было бы трудно, не приготовившись. Итакъ, я отвѣчалъ часовому: „русскій“. Въ это время подъѣхалъ офицеръ, разставлявшій ночные посты, и сказалъ мнѣ, что не можетъ пропустить меня безъ позволенія генерала.

— Поѣдемъ къ нему,—отвѣчалъ я.

Генералъ былъ недалеко и сидѣлъ еще верхомъ, раздавая приказанія окружавшимъ его офицерамъ. Дабы избавится вопросовъ, я сказалъ ему, что я адъютантъ генерала П. и что немного отставши, прошу я его дать

приказаніе пропустить меня чрезъ аванпосты. Онъ тотчасъ приказалъ о томъ, и я поѣхалъ, радуясь, что такъ скоро отдѣлался. Но не отъѣхалъ я еще и ста шаговъ, какъ услышалъ за собою голосъ генерала, который кликалъ меня; я воротился.

— Здѣсь по близости находится король Неаполитанскій,—сказалъ онъ мнѣ:—вы говорите по-французски, и онъ вѣрно радъ будетъ поговорить съ вами; сдѣлайте одолженіе, подождите немного; я уже послалъ адъютанта сказать ему объ васъ.

Не имѣя ни малѣйшаго опасенія быть долго задержану, а еще болѣе взятому въ плѣнъ, я безотговорочно остался.

Генералъ С. слѣзъ съ лошади, вошелъ въ маленькій деревянный домъ, подлѣ коего мы стояли, и просилъ меня войти вмѣстѣ съ нимъ, приказавъ принять мою лошадь. Вошедши разспрашивалъ про Бородинское сраженіе, про Москву, и проч.; такимъ образомъ, прошло съ полчаса. Наконецъ, воротился посланный адъютантъ и донесъ, что король занятъ и никакъ меня видѣть не можетъ. Я тотчасъ всталъ, изъявляя генералу мое сожалѣніе, что не могъ исполнить его желанія, и опять просилъ его приказать проводить меня и пропустить чрезъ передовые посты.

— Король нынче васъ видѣть не можетъ,—отвѣчалъ онъ,—но завтра утромъ вѣрно захочетъ говорить съ вами останьтесь до утра; нѣсколько часовъ не сдѣлаютъ вамъ никакой разницы; теперь ночь, останьтесь; я даю вамъ честное слово, что завтра поутру будете вы между своими.

Я отвѣчалъ, что будутъ безпокоиться моимъ долгимъ отсутствіемъ,—и сталъ убѣдительно просить, чтобъ меня отпустили тотчасъ.—Онъ повторялъ свое, даже смѣялся моей озабоченности. Нечего было дѣлать, я остался ночевать съ нимъ, нехотя, но успокоенный даннымъ имъ словомъ. Въ эту ночь служила мнѣ шинель моя подушкой и голый полъ постелью.

Хотя и съ трудомъ, но могъ я, можетъ быть, спастись бѣгствомъ, но для этого надлежало мнѣ пробраться мимо нѣсколькихъ часовыхъ у генеральской квартиры, потомъ чрезъ многолюдные биваки, гдѣ въ ночь сію, слѣдовавшую за днемъ входа въ Москву, многіе не спали, а сидѣли около огней, пили и разговаривали; наконецъ, должно было пройти чрезъ цѣпь ихъ; я разчислилъ затрудненія такого препятствія и находилъ, что не имѣю достаточной причины покуситься на оное. Меня бы, можетъ быть, остановили, привели бы къ тому же генералу, и тогда я навелъ бы на себя справедливое подозрѣніе. Меня бы могли счесть за шпіона и поступить какъ съ таковымъ. Словомъ сказать, хотя впослѣдствіи и раскаивался я часто, что не бѣжалъ въ эту ночь, но тогда рѣшиться казалось мнѣ и не благоразумно, и не нужно. Поутру, на другой день, послалъ меня генералъ С. съ своимъ адъютантомъ въ Москву, къ королю Неаполитанскому, увѣряя, что тотъ же адъютантъ приведетъ меня и назадъ; сверхъ того, спросилъ: имѣютъ-ли родные мои въ Москвѣ домъ, и далъ нѣсколько гусаръ для охраненія его. Съ ними отправился я, въѣхалъ въ Серпуховскую заставу, повоpотилъ направо—и чрезъ Нѣмецкую слободу пріѣхалъ домой. Хотя непріятель занялъ столицу съ вечера, но еще въ этой части города не было ни одного изъ солдатъ непріятельскихъ, и первыми были пришедшіе со мною. Я не думалъ еще, что нахожусь въ плѣну, но не могу описать горестнаго чувства, овладѣвшаго мною, особенно сравнивая оное съ окружавшими меня французами, которые по праву войны располагали всѣмъ, какъ своею собственностью, пѣли, веселились, торжествовали; всякое слово ихъ было для меня мученіемъ. Въ продолженіе дня, пріѣхали отъ ген. С. повозки, которыя тотчасъ нагрузили всѣмъ, что нашли въ домѣ, и отправили. Нѣсколько разъ просилъ я генеральскаго адъютанта отвести меня скорѣе къ королю; онъ не спѣ-

шилъ удовлетворить просьбѣ моей, и пировалъ весь день съ нѣсколькими другими офицерами, къ нему пріѣхавшими. Я радовался приближенію ночи. Гости или хозяева мои улеглись, и я ходилъ по двору, съ нетерпѣніемъ ожидая утра, думая, что вмѣстѣ съ ночью, кончится пребываніе мое между французами. Во многихъ мѣстахъ города видны уже были сильные пожары. Гусары, которыхъ далъ генералъ для охраненія дома, не спали,—бродили по всему дому, грабили и пили...

Рано поутру 4 сентября, я разбудилъ адъютанта, и мы поѣхали къ королю Неаполитанскому; я на своей лошади и при саблѣ,—двѣ вещи, которыя доказывали что меня еще не почитали плѣннымъ.—Король жилъ, кажется, въ домѣ Баташова. Когда привели меня къ нему, онъ былъ занятъ, и я болѣе часа дожидался въ комнатѣ, наполненной адъютантами и другими офицерами, подъ его начальствомъ служащими. Меня окружили, и здѣсь я опять принужденъ былъ слушать то хвастовскіе разсказы, то обидные или смѣшные разсужденія ихъ на счетъ русскихъ.

— Мы думали вести войну съ просвѣщеннымъ народомъ,—говорили они,—а видимъ теперь, что это толпы разбойниковъ; зажгли собственную столицу...

Я замѣтилъ имъ, что какъ бы они о поступкѣ русскихъ ни думали, но сообщать мнѣ неблагопріятныя свои мысли было теперь не великодушно, потому что среди ихъ находился я одинъ русскій. Болѣе всѣхъ прочихъ говорилъ про насъ съ злобою и даже съ ожесточеніемъ одинъ офицеръ, сидѣвшій подлѣ меня на окнѣ; сколько могъ замѣтить я, онъ собою былъ очень хорошъ, часть лица и головы его была перевязана чернымъ платкомъ, правая нога выше колѣна также была перевязана.—Я дождался, чтобъ онъ немного успокоился, чтобы начать съ нимъ разговоръ.

— Въ какомъ дѣлѣ были вы ранены? — спросилъ я его.

*

— Я раненъ былъ не въ сраженіи, а въ Москвѣ.

— Какъ, въ Москвѣ?!.

Тутъ онъ опять вышелъ изъ себя, и я съ трудомъ изъ разсказовъ его могъ, наконецъ, понять, что въ день взятія Москвы онъ находился при королѣ Неаполитанскомъ изъ числа сопровождавшихъ его и вошедшихъ съ нимъ въ Кремль, торжественно и съ музыкой. При входѣ въ ворота, были они встрѣчены ружейными выстрѣлами. Это была толпа вооруженныхъ жителей; выстрѣлы ранили нѣсколько человѣкъ изъ свиты короля. Не успѣли еще французы опомниться, какъ эти отчаянные люди съ крикомъ „ура!“ бросились на французовъ,—тогда-то и пострадалъ новый мой знакомый. Одинъ большой, сильный мужикъ бросился на него, ударилъ штыкомъ въ ногу, потомъ за ту же ногу стащилъ съ лошади, легъ на него и началъ кусать въ лицо; его старались стащить съ офицера, но это было невозможно; на немъ его и изрубили. Искусанный французъ съ негодованіемъ увѣрялъ меня, что отъ мужика пахло водкой... Быть можетъ это была и правда, но не думаю, чтобы въ ту минуту сохранилъ онъ довольно хладнокровія, чтобы сдѣлать такое наблюденіе...

Въ злобѣ разсказа было что-то смѣшное даже для товарищей его. Французы тогда принуждены были выдвинуть два орудія и выстрѣлить нѣсколько разъ картечью; послѣдніе сіи защитники Кремля всѣ были побиты.

Наконецъ, меня позвали къ королю. Онъ былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ и готовился куда-то ѣхать. Съ полчаса говорилъ онъ со мною весьма учтиво и ласково, разспрашивалъ о Бородинскомъ дѣлѣ и о занимавшемъ ихъ тогда болѣе всего вопросѣ,—о причинѣ Московскаго пожара и выѣздѣ жителей. Когда я попросилъ его приказать отпустить меня въ русскую армію, онъ съ удивленіемъ спросилъ:

— Развѣ вы не плѣнный?.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.—Генералъ С. удержалъ меня только потому, чтобы представить вашему величеству.

Король приказалъ позвать адъютанта ген. С., но ему сказали, что онъ уже уѣхалъ.

— Я вѣрю вамъ,—сказалъ мнѣ Мюратъ:—вѣрю, что ген. С. обѣщалъ отпустить васъ; но не отъ меня теперь это зависитъ: вамъ непремѣнно надобно переговорить съ генераломъ Бертье; я прикажу васъ проводить къ нему.

Тутъ началъ я уже опасаться, что не удастся мнѣ освободиться. Адъютантъ ген. С., который одинъ могъ доказать, что я говорилъ правду, уѣхалъ. Съ пожаромъ увеличивалось въ городѣ ежеминутно смущеніе, безпорядокъ,—меня никто не хотѣлъ слушать. Но пока оставалась малѣйшая надежда, надлежало стараться получить свободу.

Въ сопровожденіи офицера, которому поручилъ меня Мюратъ, сошелъ я съ лѣстницы на дворъ; моей лошади уже не было, ею кто-то воспользовался, и я пѣшкомъ долженъ былъ слѣдовать за коннымъ адъютантомъ въ Кремль... Нельзя представить себѣ картину Москвы въ то время: улицы были покрыты выброшенными изъ домовъ вещами и мебелью; пѣсни пьяныхъ солдатъ, крикъ грабящихъ, дерущихся между собою; во многихъ мѣстахъ отъ забросанныхъ вещами улицъ, отъ дыма и огня невозможно было пройти... Пожаръ, грабежъ и безпорядокъ царствовали болѣе всего въ рядахъ, *въ городѣ*: тутъ множество солдатъ разныхъ полковъ таскали въ разныя стороны изъ горящихъ лавокъ платье, мѣха, съѣстные припасы и проч.; казалось, что это былъ разоренный муравейникъ, откуда каждый старался вынести, что ему тогда было драгоцѣннѣе.

Въ Кремль вошелъ я чрезъ Никольскія ворота. Сенатская площадь покрыта была бумагами; изъ арсенала выдвинуты были всѣ орудія; гренадеры наполеоновской гвардіи ходили по площади и сидѣли на большой пушкѣ,—они занимали внутренность арсенала. Далѣе,

у ступеней Краснаго крыльца, стояли часовые верхами—два конныхъ гренадера въ парадныхъ мундирахъ. Чрезъ Красное крыльцо провели меня къ золотой рѣшеткѣ; офицеръ, оставивъ меня на площадкѣ, пошелъ доложить обо мнѣ генералу Бертье.

Погода была довольно хорошая, но страшный вѣтеръ, усиленный, а можетъ быть и произведенный свирѣпствующимъ пожаромъ, едва позволялъ стоять на ногахъ. Внутри Кремля не было еще пожара, но съ площадки, за рѣку, видно было одно только пламя и ужасныя тучи дыма; изрѣдка, кой-гдѣ, можно было различить кровли незагорѣвшихъ еще строеній и колокольни; а вправо, за Грановитой палатой и за Кремлевской стѣной, подымалось до небесъ черное, густое, дымное облако, и слышенъ былъ трескъ обрушивающихся кровлей и стѣнъ.

Скоро сдѣлался я опять предметомъ любопытства мимопроходящихъ офицеровъ: меня окружили, разспрашивали и усмѣхались, когда я говорилъ, что я не плѣнный, а пришелъ требовать, чтобы отправили меня въ русскую армію. Неласковы были разговоры ихъ со мною,—они хладнокровно не могли смотрѣть на русскаго, такъ какъ были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ или намѣреніяхъ: желавшіе покоя, не имѣли и квартиры; многіе изъ нихъ были уже по нѣсколько разъ выгнаны пожаромъ изъ занимаемыхъ домовъ; другіе весьма серьезно пеняли, что не могутъ найти ни сапожника, ни портного, чтобы исправить обувь и одежду; всѣ какъ будто имѣли на то право, и жаловались на насъ.

Взглянувъ внизъ, увидѣлъ я нѣсколько солдатъ ведущихъ полицейскаго офицера въ мундирномъ сюртукѣ; взвели на площадку, и одинъ штабъ-офицеръ началъ его допрашивать чрезъ переводчика; Отчего горитъ Москва? Кто приказалъ зажечь городъ? Зачѣмъ увезены пожарныя трубы? Зачѣмъ онъ самъ остался въ

Москвѣ?—и другіе тому подобные вопросы, на которые полицейскій офицеръ отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ, что онъ ничего не знаетъ, а остался въ городѣ потому, что не успѣлъ выѣхать.

— Онъ ни въ чемъ не хочетъ признаваться,—сказалъ допрашивающій,—но видно, что онъ все знаетъ и остался здѣсь зажигать городъ. Отведите его и заприте вмѣстѣ съ другими.

Я старался, но тщетно, увѣрить, что квартальный офицеръ точно ни о какихъ мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ, знать не можетъ.

— Онъ служитъ въ полиціи и вѣрно все знаетъ,—отвѣчали мнѣ.

Несчастнаго повели и заперли въ подвалѣ подъ площадкой, на которой я находился.

— Что съ нимъ будетъ?—спросилъ я офицера, который его допрашивалъ.

— Онъ будетъ наказанъ, какъ заслуживаетъ: повѣшенъ, или разстрѣлянъ съ прочими, которые за ту же вину съ нимъ заперты.

Этотъ странный приговоръ заставилъ и меня немного призадуматься.

Пришли звать меня къ генералу Бертье. Я прошелъ чрезъ двѣ комнаты, наполненныя придворными и пажами въ парадныхъ мундирахъ и въ пудрѣ. Въ третьей комнатѣ встрѣтилъ меня генералъ Бертье. Не долго говорилъ онъ со мною, и объявилъ, что отпустить меня не можетъ, что два дня я пробылъ между ними, и что не взято никакихъ предосторожностей, чтобы скрыть отъ меня то, чего не надлежало мнѣ знать или видѣть.

— Я пробылъ два дня,—отвѣчалъ я,—не по своей охотѣ, а поневолѣ, а потому надѣюсь на справедливость вашу и на данное мнѣ генераломъ С. честное слово.

— Освобожденіе ваше не отъ меня зависитъ,—сказалъ

мнѣ ген. Бертье;—подите и подождите немного; быть можетъ захочетъ васъ видѣть императоръ; я доложу объ васъ.

Я вышелъ опять на площадку; въ Кремлѣ былъ я только одинъ русскій, кромѣ запертыхъ въ подвалѣ.— Чрезъ нѣсколько времени, ударили внизу тревогу. Началась бѣготня, крикъ; офицеры всѣ сбѣжали съ лѣстницы и побѣжали на мѣсто тревоги. Я остался нѣсколько минутъ одинъ,—смотрѣлъ за рѣку на пожаръ; сердце сильно билось во мнѣ, я не могъ отгадать причины тревоги, не зналъ чего мнѣ ожидать должно... Скоро отъ возвращающихся узналъ я, что загорѣлось въ арсеналѣ или Сенатѣ,— не помню,—но что саперы и другіе солдаты утушили пожаръ.

Одинъ изъ адъютантовъ ген. Бертье подошелъ ко мнѣ:

— Слѣдуйте за мною,—сказалъ онъ, и сошелъ съ лѣстницы. Я пошелъ за нимъ; онъ остановился у дверей церкви Спаса на Бору, и просилъ войти въ нее.

— Вы не долго будете здѣсь дожидаться; подождите немного, за вами тотчасъ придутъ.

— Да что рѣшилъ обо мнѣ ген. Бертье, отпустятъ ли меня?

Не давъ мнѣ на это никакого отвѣта, онъ вышелъ, заперъ за собой тяжелую желѣзную дверь, задвинулъ толстую задвижку, наложилъ замокъ, повернулъ ключъ,— и ушелъ...

Оставшись одинъ, я пришелъ въ отчаяніе; теряя надежду избѣгнуть плѣна, находился я въ мучительнѣйшемъ положеніи; однако-же, утѣшался тѣмъ, что по крайней мѣрѣ не заперли меня въ подвалѣ... Пробывъ нѣсколько часовъ въ церкви и видя, что за мною никто не приходитъ, пришло мнѣ въ голову, что обо мнѣ забыли. Я не ошибся: цѣлый день пробылъ я въ горестномъ ожиданіи,—никто не подходилъ и къ двери... Съ самаго утра былъ я на ногахъ, много ходилъ, ничего не ѣлъ, и хотя голода не чувствовалъ, но нрав-

ственная и тѣлесная слабость овладѣли мною,—я былъ въ какомъ-то томительномъ, тяжеломъ безпамятствѣ... Насталъ вечеръ, наступила и ночь; я лежалъ на каменномъ полу... Зарѣчный пожаръ чрезъ окно освѣщалъ внутренность церкви. Тѣнь старинныхъ желѣзныхъ рѣшетокъ падала на полъ; вокругъ меня все утихло; слышенъ былъ только глухой, дальній шумъ пожара и сигналы часовыхъ. Я не спалъ и не бодрствовалъ: отъ происшествій прошлаго дня, казалось, все существо мое находилось въ какомъ-то онѣмѣніи... Никогда еще не были такъ разстроены мои чувства, и мнѣ некому было сообщить своихъ впечатлѣній...

Настало утро, но не принесло никакой перемѣны въ моемъ положеніи. Начали около церкви бѣгать, шумѣть, и сквозь крикъ и шумъ могъ я догадаться, что дѣло идетъ опять о пожарѣ: вѣроятно, загорѣлись дрова, которыхъ складено было у церкви большое количество. Часу въ десятомъ (5-го сентября), услышалъ я стукъ скоро проѣзжающихъ повозокъ; послѣ узналъ я, что то были наполеоновы экипажи,—онъ уѣхалъ изъ Кремля въ Петровскій дворецъ.

Судя по времени, было за полночь, когда подошли къ церкви нѣсколько человѣкъ. Долго шевелили замкомъ, стараясь отворить; наконецъ, сняли замокъ; дверь отворилась; я тогда лежалъ на полу. Въ церковь вошло человѣкъ десять гвардейскихъ саперъ и унтеръ-офицеръ. Думая войти въ пустое зданіе, они очень удивились, увидя меня.

— Здорово, товарищъ,—сказалъ со смѣхомъ старый, усатый унтеръ-офицеръ;—вставай; ты, я думаю, довольно належался,—уступи-ка намъ мѣсто. Да какъ ты залѣзъ сюда и что здѣсь дѣлаешь?

— Мнѣ должно спросить,—отвѣчалъ я,—что хотите со мною сдѣлать? Вотъ вторыя сутки, какъ я здѣсь запертъ и видно намѣрены меня сжечь или уморить съ голоду...

Тутъ подошелъ офицеръ.

— Мы нашли въ церкви русскаго, г. капитанъ; что прикажете съ нимъ дѣлать? — спросилъ унт.-офицеръ.

Не входя въ дальнія толкованія, капитанъ отвѣтилъ:— Заприте его вмѣстѣ съ другими подъ крыльцомъ.

Предъ тѣмъ, думалъ я о смерти; можетъ быть, и желалъ ея; теперь же, когда увидѣлъ ее ближе, — поступилъ какъ въ баснѣ дровосѣкъ, ее призывавшій. Угрожающая опасность придала мнѣ силъ: я вскочилъ и выбѣжалъ къ офицеру.

— Куда приказываете вы вести меня?—сказалъ я ему съ жаромъ,—съ какими людьми хотите вы меня запереть? Я знаю, въ чемъ вы ихъ обвиняете, знаю, къ чему и присуждены они. По какому праву хотите и со мною то сдѣлать? Я остановленъ за городомъ, во время перемирія, и до сихъ поръ не почитаю себя въ плѣну. Вы видите,—прибавилъ я, указывая на саблю,—что мнѣ оставлено и оружіе.

— Извините, милостивый государь,—сказалъ капитанъ очень учтиво,—я ошибся (c'est un quiproquo).

— Однако же,—отвѣчалъ я,—ошибка эта стоила бы мнѣ жизни, если бы я не услыхалъ приказанія вашего, или не понялъ бы его.

— Тогда было бы несчастіе,—сказалъ онъ.—Теперь, пойду спросить, куда прикажутъ васъ отвести.

Я остался въ церкви съ солдатами старой Наполеоновой гвардіи. Если бы я былъ въ другомъ расположеніи, то, конечно, разговоръ ихъ между собою и со мною весьма бы меня занялъ. Нельзя придумать всѣхъ странныхъ вопросовъ, которые они мнѣ дѣлали на счетъ русскихъ, пожара и проч. Многіе не хотѣли вѣрить, что я русскій! Другіе, забывая, что городъ пустъ, увѣряли, что я оставленъ для возмущенія противъ нихъ народа. Толковали о политикѣ, дѣлали разныя предположенія объ окончаніи войны, изъ которыхъ, однако же, ни одно потомъ не исполнилось. Вообще, обходились они со мною ласково, и когда начали обѣ-

дать, то пригласили и меня. Обѣдъ состоялъ изъ густо сваренной перловой крупы, хлѣба и сыру; потомъ, принесли боченокъ краснаго вина.

Наконецъ, капитанъ возвратился въ церковь. Я и французы лежали на разостланныхъ плащахъ.

— Васъ приказано отвести къ принцу Экмюльскому; тамъ рѣшится судьба ваша. Вотъ проводникъ,—сказалъ капитанъ, указывая на коннаго гвардейскаго жандарма, стоявшаго верхомъ у дверей.

Тутъ сдалъ онъ меня жандарму, а я опять долженъ былъ скорыми шагами слѣдовать за жандармскою лошадью. Проводникъ мой не твердо еще зналъ московскія улицы, а я не зналъ, гдѣ живетъ Даву. Онъ повелъ меня изъ Боровицкихъ воротъ направо, и долго кружилъ по разнымъ улицамъ. Многихъ изъ нихъ не могъ я узнать,—такъ обезображены уже были онѣ пожаромъ: гдѣ были деревянные дома, остались только однѣ печныя трубы,—и въ курящихся остаткахъ искали добычи тѣ, которые не успѣли грабить дома прежде пожара. Я не встрѣтилъ ни одного русскаго: вездѣ попадались навьюченные французскіе солдаты; отъ смрада и дыма, съ трудомъ можно было дышать. Наконецъ, жандармъ, который какъ будто съ намѣреніемъ хотѣлъ показать мнѣ всю Москву, привелъ меня на Дѣвичье поле, среди коего бивакировалъ пѣхотный полкъ. Тутъ жилъ Даву; тутъ ожидала меня странная и непредвидѣнная сцена.

Даву занималъ домъ близъ монастыря; адъютантъ его принялъ меня отъ жандарма, и доложивъ обо мнѣ генералу, ввелъ въ большую комнату. У окошка, противъ двери, въ которую я вошелъ, сидѣлъ Даву ко мнѣ спиною и что-то писалъ. Я остановился посреди комнаты и стоялъ нѣсколько минутъ; онъ не оглядывался. Наконецъ, строгимъ, грубымъ голосомъ началъ разговоръ, все не смотря на меня:

— Кто вы?

— Русскій офицеръ.

— Парламентеръ?

— Нѣтъ.

— Такъ плѣнный?

— Нѣтъ! Меня остановили за городомъ въ день взятія Москвы, на аванпостахъ генер. Себастіани, во время перемирія, и генералъ обѣщалъ отпустить меня; но я былъ задержанъ,—и до сихъ поръ не могу добиться свободы, хотя былъ остановленъ противъ всякаго права войны.

Даву съ нетерпѣніемъ перебилъ рѣчь мою.

— Что вы толкуете мнѣ о перемиріи? Что за перемиріе, когда въ городѣ по насъ стрѣляли? Вы взяты въ плѣнъ по всей справедливости, и должны въ плѣну и остаться.

— Я не могу отвѣчать за поступки нѣсколькихъ жителей; если вы меня не отпустите, то поступите несправедливо.

— Молчите!—закричалъ онъ, и пристально взглянувъ на меня, сказалъ:—Ба! да я васъ знаю!

— Не думаю, генералъ; я впервые имѣю честь васъ видѣть.

— Не запирайтесь! Вамъ меня обмануть не удастся,—вы уже были разъ взяты въ плѣнъ подъ Смоленскомъ и бѣжали. Но вы увидите, какъ мы поступаемъ съ людьми, которые по нѣсколько разъ отдаются въ плѣнъ и уходятъ! Во второй разъ не уйдете!—и оборотясь къ адъютанту, прибавилъ весьма хладнокровно:—Прикажите призвать унтеръ-офицера и четырехъ рядовыхъ, чтобъ разстрѣлять этого офицера.

Адъютантъ вышелъ.

— Я увѣряю васъ честію, генералъ, что въ первый разъ нахожусь въ арміи вашей, и вижу, что и одного раза слишкомъ много. Надобно думать, что я имѣю съ кѣмъ нибудь другимъ несчастное для меня сходство.

— Не трудитесь увѣрять меня, трудъ напрасный!

Не переувѣрите! (Всѣ рѣчи генер. Даву приправлены были самыми выразительными словами солдатскаго словаря).

Онъ всталъ, повелъ меня въ другую комнату и началъ дѣлать множество вопросовъ, совершенно лишнихъ, потому что зналъ на нихъ отвѣты лучше меня; показалъ мнѣ подробную рисованную карту окрестностей Москвы, верстъ на 30 въ окружности. Имена написаны были по французски и карта, хотя наскоро начерченная, была хороша.—Думая о томъ, чѣмъ долженъ кончиться для меня этотъ разговоръ, я не принималъ въ немъ большого участія. Генералъ Даву, замѣтя мою разсѣянность, кончилъ вопросы свои слѣдующею рѣчью:

— Теперь люди, я думаю, уже готовы,—подите, и вы увидите, какой имѣютъ со мною успѣхъ такія хитрости, какія употреблены вами.

Я опять всѣми силами старался увѣрить, что не я былъ взятъ въ плѣнъ подъ Смоленскомъ. Но увѣренія не доказательства, а доказать мнѣ было невозможно. Досадуя на свое лицо, согласился бы я промѣнять его на самое уродливое, лишь бы не было оно сходно съ тѣмъ, которое имѣлъ попавшійся въ плѣнъ подъ Смоленскомъ русскій офицеръ,—и видя неудачу своихъ намѣреній, готовился я уже идти дать разстрѣлять себя, какъ вдругъ пришла въ голову генерала счастливая мысль, и онъ сказалъ:

— Постойте немного,—увѣренія ваши ни мало меня не убѣждаютъ. Я твердо знаю, что взяты были въ плѣнъ подъ Смоленскомъ вы, а никто другой, но хочу, предъ тѣмъ, какъ васъ разстрѣляютъ, изобличить васъ еще во лжи. Я велю позвать того адъютанта, который находился при мнѣ въ Смоленскѣ;—онъ вѣрно также узнаетъ васъ.

Генералъ Даву, казалось, боялся, чтобы я не приписалъ человѣколюбію пришедшую ему мысль.

Явился адъютантъ. Въ рукахъ, или лучше сказать

въ глазахъ его, была теперь моя участь. Жизнь моя зависѣла отъ расположенія его потакать своему генералу, который тотчасъ сказалъ ему:

— Посмотрите на этого человѣка: не тотъ ли это, который подъ Смоленскомъ былъ взятъ, и ночью бѣжалъ отъ насъ?

Мнѣ хотѣлось сдѣлать какую-нибудь гримасу, но я боялся тѣмъ еще болѣе придать лицу моему сходства. Адъютантъ пристально вглядывался въ меня со всѣхъ сторонъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, наконецъ, генералу,—не думаю, чтобы это былъ тотъ же; тотъ былъ немного выше и старѣе.

Гора свалилась съ плечъ моихъ.

— Вы обязаны адъютанту моему, сказалъ Даву; безъ него, право, не миновали бы вы пули; теперь, подите, васъ отведутъ къ товарищамъ.

Я вышелъ, видя, что протестовать противъ плѣна было бы уже тутъ совсѣмъ неумѣстно.

Унтеръ-офицеръ, коему поручено было отвести меня въ депо плѣнныхъ, пользуясь обычаемъ, принятымъ въ такихъ случаяхъ, взялъ у меня саблю и нѣсколько бывшихъ со мною червонцевъ. Депо было на Дѣвичьемъ полѣ, въ недостроенномъ деревянномъ домѣ, окруженномъ часовыми. Я съ нетерпѣніемъ желалъ видѣть плѣнныхъ товарищей, надѣясь найти въ нихъ нѣкоторое утѣшеніе. Но не вполнѣ исполнилась моя надежда, и были минуты, когда, находясь между ними, я жалѣлъ о томъ времени, какъ былъ я запертъ одинъ въ церкви Спаса на Бору.....

Въ небольшой комнатѣ того деревяннаго дома собрали французы человѣкъ тридцать разнаго званія людей; въ числѣ ихъ не было ни одного военнаго; большая часть были служащіе въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ столицы. Предполагая увидѣть русскихъ, угнетенныхъ положеніемъ своимъ, чувствующихъ оное

вполнѣ, какъ удивился я, когда, по приближеніи къ дому, безпорядочный шумъ и даже пѣсни увѣдомили меня о мѣстѣ пребыванія соотечественниковъ, съ которыми впередъ надлежало мнѣ дѣлить свою участь. Новыя горчайшія мысли присоединились къ тѣмъ, коими была наполнена душа моя, и несмотря на ту непреодолимую надобность, которая въ несчастіи заставляетъ всякаго человѣка искать кого-нибудь, кому бы повѣрить свои чувства, не нашелъ я ни одного изъ тѣхъ плѣнныхъ, который бы внушилъ мнѣ малѣйшую довѣренность; нѣкоторые, съумѣвъ сохранить свою деньгу и покупая водку у караульныхъ солдатъ, часто употребляли оную безъ умѣренности....

Въ семъ обществѣ пробылъ я десять дней, одинъ на другой совершенно схожихъ. Поутру раздавали намъ хлѣбъ, каждому около фунта; нѣсколько разъ случалось, однако же, что проходилъ день и безъ раздачи. Раза два въ это время давали намъ и говядину, за которой должно было ходить самимъ довольно далеко, въ сопровожденіи конвойныхъ солдатъ. Не имѣя никакой посуды для варенія пищи, мы пекли говядину на бивачныхъ огняхъ нашей стражи, и ѣли безъ соли,— иногда намъ удавалось промѣнивать у солдатъ сырое мясо на вареное. Когда бивакирующіе на Дѣвичьемъ полѣ солдаты доставали для себя скотъ, то я и нѣсколько человѣкъ другихъ русскихъ ходили къ нимъ чтобы его убивать, сдирать кожу, словомъ, исправлять мясничное ремесло... За трудъ этотъ отдавали намъ французы внутренности и другія части скота, которыя имъ не годились. Въ комнатѣ, гдѣ мы жили, не только не было ни стула, ни стола, но намъ не дали даже и соломы для постели. На мѣсто оной, наносили мы, каждый для себя, изъ сада, принадлежащаго дому, упавшій тогда листъ съ деревьевъ, а какъ въ комнатѣ было тѣсно, то поневолѣ служили мы одинъ другому изголовьемъ... Часто цѣлыя ночи проводилъ я у окна; смо-

трѣлъ на огненныя зарева отъ отдаленныхъ пожаровъ—и мысленно слѣдовалъ за арміей, о которой съ перваго дня моего плѣна я ничего не слыхалъ...

На одиннадцатый или двѣнадцатый день нашего заточенія, вошелъ къ намъ французскій пѣхотный офицеръ и объявилъ, что ему поручено на другой день вести насъ въ Смоленскъ, и чтобы мы рано поутру были готовы къ походу. Предупрежденіе почти лишнее,—такъ какъ намъ готовиться къ походу было нечего: платье, которое было на насъ, было единственнымъ нашимъ имуществомъ, но выступленію изъ Москвы почти всѣ мы были рады. Всякая перемѣна въ положеніи нашемъ казалась улучшеніемъ...

Въ тотъ же день, къ вечеру, пришелъ опять офицеръ для составленія намъ списка по чинамъ: всѣ штатскіе чиновники внесены были въ списокъ соотвѣтствующими военными чинами, а потому и сдѣлался я прапорщикъ, младшимъ изъ всего общества.

На другой день, 16-го или 17-го сентября, на разсвѣтѣ, пришелъ тотъ же офицеръ. Провожая насъ, сдѣлали перекличку и роздали хлѣба каждому фунта по три, сказавъ прежде въ предосторожность, что такъ какъ неизвѣстно, гдѣ и когда раздадутъ намъ опять хлѣбъ, то чтобы мы его берегли.

Не выходя еще изъ города, присоединился къ намъ плѣнный полковникъ Ф. М., счастливымъ случаемъ попавшійся въ руки французскаго офицера, который оставилъ ему не только всѣ вещи, но даже и экипажъ. Полковникъ Ф. М. ѣхалъ въ бричкѣ, запряженной парой. Здѣсь почитаю я обязанностью изъявить благодарность мою этому офицеру, удѣлявшему мнѣ иногда отъ имѣющихся у него съѣстныхъ припасовъ, и иногда сажавшаго меня съ собою въ бричку, безъ чего, вѣроятно, претерпѣлъ бы я участь многихъ товарищей... По-

стояннымъ спутникомъ ему въ бричкѣ былъ кн. Визакуръ, который велъ себя во все время несчастнаго похода нашего столь странно, что въ продолженіе всего моего повѣствованія я намѣренъ хранить о немъ глубочайшее молчаніе...

Улицы отъ Дѣвичьяго поля до заставы покрыты были обгорѣлыми бревнами, всякаго рода обломками, многія мѣста еще курились, кое-гдѣ видны были и мертвыя тѣла;—все вмѣстѣ представляло картину ужаснѣйшаго разоренія...

Тотчасъ по выходѣ изъ Москвы, которую покинулъ я съ чувствомъ прискорбія и сожалѣнія, хотя нѣкоторымъ образомъ и радъ былъ отъ нея удалиться,—за заставой дожидалась насъ колонна нашихъ же плѣнныхъ солдатъ съ сильнымъ конвоемъ. Утѣшительно и вмѣстѣ больно было встрѣтиться съ плѣнными нашими воинами... Вся колонна состояла слишкомъ изъ тысячи человѣкъ, но и тутъ, какъ и между офицерами, не всѣ были военные и многіе понапрасну дѣлили съ нами горькую участь... Въ солдатской колоннѣ много было купцовъ и крестьянъ,—французы, ссылаясь на ихъ бороды, увѣряли меня что это *казаки*... Тутъ были и дворовые люди, и даже лакеи въ ливреяхъ, которые, по мнѣнію провожающихъ насъ французовъ, были также переодѣтыми солдатами. Одинъ изъ конвойныхъ солдатъ требовалъ моихъ сапогъ, показывая мнѣ свои разодранные. Я, разумѣется, отдалъ ихъ ему добровольно, избѣжавъ тѣмъ грубости или насилія. Идучи босыми ногами по крѣпко замерзшей грязи, я скоро почувствовалъ сильную боль въ ногахъ, которая постоянно увеличивалась вмѣстѣ съ опухолью. Нѣсколько верстъ за Москвою встрѣтились намъ два мужика. Одинъ изъ нихъ несъ за спиной запасные лапти, и уступилъ ихъ мнѣ за кусокъ хлѣба. Счастливый пріобрѣтеніемъ симъ, догналъ я голову колонны и шелъ нѣкоторое время близъ французскаго офицера. Вдругъ, въ нѣсколькихъ

шагахъ позади насъ раздался ружейный выстрѣлъ, на который не обратилъ я сначала вниманія, думая, что причиною тому неосторожность какого-нибудь конвойнаго солдата. Вслѣдъ за выстрѣломъ, подошелъ къ офицеру унтеръ-офицеръ, донесъ, что пристрѣлилъ одного изъ плѣнныхъ—и возвратился въ свое мѣсто. Я не вѣрилъ ушамъ своимъ, и просилъ офицера объяснить мнѣ слышанное мною.

— Я имѣю письменное повелѣніе,—сказалъ онъ мнѣ съ вѣжливостію,—пристрѣливать плѣнныхъ, которые отъ усталости, или по другой причинѣ, отстанутъ отъ хвоста колонны болѣе пятидесяти шаговъ... На это дано конвойнымъ приказаніе однажды навсегда. Касательно же офицеровъ,—прибавилъ онъ,—такъ какъ число ихъ не слишкомъ значительно, то велѣно мнѣ ихъ, пристрѣливши, хоронить.

Сіи послѣднія слова были, кажется, сказаны имъ изъ какой-то странной учтивости, и нѣкоторымъ образомъ, мнѣ лично въ утѣшеніе. Я отвѣчалъ ему, что судя о товарищахъ своихъ по себѣ, не думаю я, чтобы кто-нибудь изъ насъ сталъ настаивать на исполненіи той части его обязанности, которая относилась до похоронъ, и объявилъ ему отъ имени всѣхъ, что мы избавляемъ его отъ лишняго сего труда... Признаюсь, что открытіе, имъ мнѣ сдѣланное, не совсѣмъ мнѣ нравилось, ибо боль въ ногахъ напоминала мнѣ о возможности быть разстрѣляну....

— Что могло быть причиною жестокаго повелѣнія, вами исполняемаго?—спросилъ я офицера. Не лучше-ли не брать въ плѣнъ, чѣмъ, взявши, разстрѣливать? И какъ хотите вы требовать отъ людей голодныхъ, чтобы они шли, не отставая одинъ отъ другого?

— Все это правда,—отвѣчалъ онъ,—но начальство приняло сію мѣру для избѣжанія того, чтобы отставшіе плѣнные, отдохнувши, не стали тревожить насъ. Впрочемъ, вы сами тому причиною: больныхъ оставлять

негдѣ, госпиталей нѣтъ, вы сожгли и города, и деревни.

Послѣ похода, продолжавшагося нѣсколько часовъ, былъ сдѣланъ привалъ, непохожій на привалы, дѣлаемые войсками: веселыхъ разговоровъ не было слышно, ни варить, ни ѣсть было намъ нечего; всякій берегъ свой хлѣбъ для послѣдней минуты,—а огня развести также не хотѣлъ никто: для этого надлежало бы идти за дровами, силы были для насъ еще дороже пищи, жизнь зависѣла отъ ногъ, и всякій шагъ могъ для будущаго времени пригодиться. Въ молчаніи полежали мы на голой, мерзлой землѣ, и когда встали, чтобы идти далѣе, то на мѣстѣ привала остались изъ солдатъ двое мертвыхъ, которыхъ, однако же, для вѣрности, все-таки велѣно было пристрѣлить...

Хотя мы шли цѣлый день, но переходъ сдѣлали небольшой, ибо тащились весьма тихо, и гдѣ застала насъ ночь, тамъ и остановились, своротивъ съ дороги на поле. Въ продолженіе дня, пристрѣлено было 6 или 7 человѣкъ, въ числѣ которыхъ одинъ изъ штатскихъ чиновниковъ. Собравши плѣнныхъ въ толпу или кучу, развели французы для себя огни и разставили вокругъ насъ довольное число часовыхъ, а мы должны были согрѣваться, ложась одинъ къ другому какъ можно ближе. Я боялся спать, чтобы во время сна не отморозить ногъ,—часто вставалъ и ходилъ, стараясь разогрѣться *).

Рано утромъ, пошли мы опять въ походъ. Не могу описывать странствованія нашего по днямъ; тогда не велъ я журнала, и помню только главныя изъ происшествій. Такъ какъ ночью удавалось намъ хотя немного отдыхать, то утромъ шли мы довольно хорошо, и обык-

*) Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти ужасы и страданія выпали на долю В. А. Перовскаго въ то время, когда онъ имѣлъ всего 18-ть лѣтъ!.. *И. З.*

новенно только по прошествіи нѣсколькихъ часовъ ходьбы начинали раздаваться ужасные выстрѣлы, лишавшіе насъ товарищей... Иногда слышали мы ихъ до пятнадцати въ день и болѣе. Конвой перемѣнялся почти черезъ день, но образъ обхожденія съ нами былъ всегда одинаковъ. Смѣняющійся офицеръ давалъ нужныя на-то наставленія своему преемнику, и мы не примѣчали даже перемѣны нашихъ спутниковъ. День ото дня становился походъ отъ холода и голода тяжелѣе и число умирающихъ и пристрѣливаемыхъ—значительнѣе. Несчастный плѣнный, чувствуя, что силы его покидаютъ, отставалъ понемногу, прощался съ товарищами,—всѣ проходили мимо его, конвойный солдатъ одинъ оставался при немъ,—пристрѣливалъ его, и догонялъ потомъ колонну, заряжая свое ружье. Мнѣ случилось разъ видѣть стараго солдата, упавшаго на дорогѣ отъ усталости. Французъ, оставшійся, чтобы пристрѣлить его, три раза прикладывалъ дуло своего ружья къ головѣ русскаго, три раза спускалъ курокъ,—ружье осѣкалось! Наконецъ, ушелъ онъ, и прислалъ другого, у котораго ружье было исправнѣе!..

Иногда плѣнные, предчувствуя свою участь, видя вдали на дорогѣ церковь, старались дотащиться до нея, становились по нѣсколько рядомъ у дверей на паперти, молились,—и ихъ застрѣливали...

Всякій день число плѣнныхъ уменьшалось... Когда колонна была еще многолюднѣе, то впечатлѣніе, при видѣ умирающаго товарища, не такъ сильно на меня дѣйствовало; но когда осталось насъ столько, что могъ каждый знать другъ друга въ лицо, то гораздо болѣе трогала меня потеря товарищей,—и моя очередь, казалось, приближалась ежеминутно. Не надо думать, однако-же, что опасеніе смерти было мучительно въ моемъ положеніи: къ счастію, привязанность къ жизни ослабѣваетъ вмѣстѣ съ физическими силами... Больной, страдавшій долго отъ тяжкой болѣзни, рѣдко видитъ

приближеніе смерти съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ смотритъ на нее въ состояніи здоровья. Я не жалѣлъ покинуть жизнь; мнѣ было только больно думать, что я умру, и не буду имѣть не только ни родного, ни друга, который бы принялъ послѣдній мой вздохъ, но что даже и тѣ, которые будутъ свидѣтелями моей смерти, забудутъ меня, какъ скоро отойдутъ довольно далеко, чтобы не видать моего тѣла...

Скоро хлѣбъ нашъ весь вышелъ. Тѣ, которые сохранили его еще немного, прятали его отъ другихъ. На походѣ искали мы пищи въ пеплѣ сгорѣвшихъ деревень и въ давно опустошенныхъ уже огородахъ. Все было хорошо, что могло хотя на время утолить голодъ. Никогда не забуду, съ какимъ удовольствіемъ съѣлъ я найденную мною въ кучѣ сора луковицу. Однажды нашли мы нѣсколько неубранной конопли, которую, собравши, сварили и употребили въ пищу. Мясо мертвыхъ, давно убитыхъ лошадей, сдѣлалось, наконецъ, единственною нашею пищею. Почернѣвшее отъ времени и морозовъ, оно было вредно для здоровья, особенно же потому, что ѣли мы его безъ соли и полусырое. Блѣдные, въ лоскутьяхъ, безъ обуви,—представляли плѣнные картину ужасную и отвратительную!..

Такимъ образомъ, дошли мы до поля Бородинскаго сраженія. Мертвыя тѣла людей и убитыя лошади были еще не прибраны... Отъ большой дороги влѣво, все пространство, какъ далеко могло простираться зрѣніе, покрыто было мертвыми тѣлами людей и лошадей... Большая часть труповъ были безъ одежды. Терпящіе нужду въ оной французскіе солдаты искали ее на мертвомъ товарищѣ или непріятелѣ. Я давно уже страдалъ ужасною болью въ ногахъ,—отъ Москвы шелъ я безъ сапогъ по крѣпко замерзшей грязи. Отъ колѣнъ и до подошвы были ноги мои въ ранахъ,—и я прибѣгнулъ къ слѣдующему способу: примѣривъ нѣсколько сапогъ, снятыхъ самимъ мною и не найдя ни одного по своей

ногѣ, я долженъ былъ довольствоваться *). . . . . .

...Уже около полутора года, какъ находился я въ плѣну. Въ первыхъ числахъ февраля 1814-го года, былъ я вмѣстѣ съ другими плѣнными въ Орлеанѣ. Два дня пробыли мы тамъ на мѣстѣ, на третій повели насъ далѣе, вдоль прекраснаго берега Луары. 9-го числа поутру, выступили мы изъ Орлеана, и передъ выходомъ нашимъ слышалъ я отъ жителей, что въ скоромъ времени ожидаютъ въ окрестностяхъ города непріятельскихъ, т. е. нашихъ войскъ.

На переходѣ въ городокъ Божанси, въ 6 французскихъ миляхъ (25 верстъ) отъ Орлеана и почти предъ вступленіемъ въ оный, узнали мы, что казаки появились у Орлеана. Тотчасъ же предложилъ я товарищу моему С. воротиться въ Орлеанъ и стараться пробраться въ нашу армію. Тогда не могли мы еще отгадать, долго-ли намъ быть въ плѣну и какой конецъ будутъ имѣть дѣйствія войскъ нашихъ во Франціи. С. охотно принялъ предложеніе мое; время было дорого. Пришли въ Божанси, открыли намѣреніе наше нѣкоторымъ изъ товарищей, и просили ихъ скрыть побѣгъ нашъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Простились, и пошли обратно въ Орлеанъ, не давъ себѣ времени и отдохнуть. Дни были короткіе, и когда пустились мы въ путь, то уже смерклось.—С. говорилъ по французски худо, но говорить любилъ;—я взялъ его съ тѣмъ, чтобы во всю дорогу онъ не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова. У меня въ карманѣ было 300 франковъ, на которые я надѣялся нанять проводника, который-бы провелъ насъ до Орлеана проселочными дорогами. Большая же дорога была уже намъ извѣстна,—шла все по крутому берегу рѣки среди виноградниковъ. По ней вышли мы изъ Божанси и

*) На этомъ мѣстѣ рукопись обрывается. Дальнѣйшій разсказъ описываетъ плѣнъ уже во Франціи.

вскорѣ повстрѣчались съ двумя конными жандармами. Однако же, послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, на которые отвѣчалъ я смѣло, пропустили они насъ. Послѣ этой встрѣчи, сталъ я опасаться вторичной, и почувствовалъ еще болѣе надобности имѣть проводника. Къ счастію, идя очень скоро, обогнали мы одного молодого крестьянина, съ которымъ вступилъ я тотчасъ въ разговоръ, и примѣтя, что онъ почитаетъ насъ за бѣглыхъ конскриптовъ, вывелъ я его изъ заблужденія, открылся ему и далъ 150 фр., съ тѣмъ, чтобы онъ показалъ намъ дорогу проселками до Орлеана, и обѣщалъ ему еще столько же, если доведетъ насъ счастливо до русскихъ. Уговорились—и пошли: крестьянинъ впереди, С., и я за нимъ. Мы не шли,—бѣжали. До разсвѣта должно было намъ достичь русскихъ, или быть пойманными.

Окрестности Орлеана весьма населены. Деревни одна подлѣ другой, и вездѣ національная гвардія содержала караулы, при въѣздахъ и на улицахъ. Нѣсколько разъ окликали насъ; вездѣ отвѣчалъ проводникъ—и насъ пропускали. Въ одной изъ деревень караульный унтеръ-офицеръ вышелъ съ фонаремъ на улицу, пристально осмотрѣлъ насъ, однако-же не задержалъ. Погода была дурная; выпало довольно много снѣгу и идти было очень трудно; мы оба устали, но нечего было дѣлать; отдохнуть негдѣ, да и нельзя было. С. такъ усталъ, что почти спалъ на ходу и часто падалъ,—наконецъ, совершенно отказался идти далѣе; до Орлеана оставалось еще верстъ восемь. Въ первой деревнѣ, которая попалась намъ на дорогѣ, мы рѣшились остановиться хотя на часъ и подкрѣпить силы. Въ намѣреніи семъ, стучались мы у нѣсколькихъ домовъ: въ иныхъ намъ не отвѣчали, хозяева другихъ изъ окошка отказывались впустить насъ, иные даже угрожали бросать въ насъ каменьями, если тотчасъ-же не отойдемъ. Нечего было дѣлать! Подосадовали, и пошли далѣе. Жители деревень близъ Орлеана боялись тогда своихъ мародеровъ

и нашихъ казаковъ, и страхъ этотъ былъ причиною ихъ негостепріимства. Признаюсь, что и мнѣ нуженъ былъ отдыхъ, но имѣя въ виду скорое освобожденіе, не трудно было рѣшиться на все! Долго тащились мы еще въ молчаніи, прерываемомъ только частыми вопросами проводнику:—далеко ли еще до Орлеана?...

Наконецъ, начало уже разсвѣтать, и мы взошли на возвышеніе, покрытое виноградникомъ. Здѣсь показалъ намъ проводникъ въ весьма близкомъ разстояніи Орлеанъ,—такъ близко, что мы могли различить догарающіе фонари на прекрасномъ мосту черезъ Луару въ самомъ городѣ. Въ сторонѣ, подалѣе, мелькали въ полѣ огни,—показывая на нихъ, нашъ проводникъ сказалъ:—„тамъ русскіе. Я болѣе вамъ не нуженъ; идите спокойно по этой тропинкѣ; скоро, конечно, вы встрѣтите вашихъ. Прощайте, желаю вамъ всякаго счастія!“

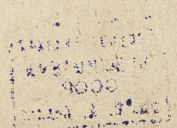
Я далъ ему остальные 150 франковъ, и мы разстались.

Надобно быть въ плѣну и вытерпѣть то, что я вытерпѣлъ, чтобы понять чувство надежды—быть, чрезъ нѣсколько минутъ, среди соотечественниковъ и на свободѣ!... С. и я торжествовали, весело обнялись, поздравили другъ друга, забыли усталость и пошли бодрѣе. Но недолго продолжалась радость наша! Шаговъ сто отъ того мѣста, гдѣ мы предавались такой пріятной надеждѣ, по той же тропинкѣ, которая должна была привести насъ на биваки русскихъ, наткнулись мы на французскій пикетъ!... Пять человѣкъ стояли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, опершись на ружья. Они насъ видѣли.

— Что дѣлать?—сказалъ С.

— Не останавливайся,—отвѣчалъ я,—пойдемъ впередъ, болѣе дѣлать нечего; можетъ быть, и удастся еще пройти.

Подходя къ пикету, я говорилъ сколько могъ хладнокровно, какъ будто продолжая съ С. разговоръ и не



примѣчая стоящихъ на дорогѣ солдатъ. Но когда я поравнялся съ ними, то одинъ остановилъ меня за платье.

— Куда идете?

— Въ Орлеанъ.

— У Орлеана русскіе.

— Такъ что-же, я иду къ себѣ; въ Орлеанѣ мой домъ.

— Покажите паспортъ, или пропускной билетъ.

— Я всегда ходилъ безъ паспорта и безъ билета; надѣюсь, что и теперь пройду,—и пошелъ далѣе.

— Останови ихъ,—закричалъ унтеръ-офицеръ.

Я самъ остановился.

— Отведите ихъ въ деревню къ офицеру.

Насъ повели.

— Теперь, братъ, нѣтъ надежды,—сказалъ я С.—Русскихъ намъ на этотъ разъ не видать; надо лишь стараться не быть признанными за *бѣглыхъ* плѣнныхъ,—и на это есть одинъ только способъ: плѣнные проведены по этой дорогѣ изъ Орлеана третьяго дня; скажемъ, что мы отстали, что ты оставался больнымъ въ деревнѣ (я назову такую, которая уже занята русскими, чтобы не пошли справляться), и что теперь догоняемъ плѣнныхъ своихъ товарищей. Теперь можемъ мы говорить по русски.

Насъ привели въ караульню къ спящему офицеру, и къ счастію, приведшій насъ солдатъ не остался при допросѣ. Караульный офицеръ сперва думалъ, что мы только что взяты въ плѣнъ на аванпостахъ, и не хотѣлъ вѣрить, когда я сказалъ ему, что я уже болѣе года въ плѣну, взятъ подъ Москвою, а С. подъ Лейпцигомъ. Я разсказалъ ему выдуманную нами басню, которой онъ, однако-же, не повѣрилъ; да и повѣрить, правда, было трудно... Въ углу той же комнаты было нѣсколько человѣкъ бѣжавшихъ и пойманныхъ въ ту-же ночь англичанъ и испанцевъ, а потому и былъ

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

я очень радъ, когда офицеръ далъ приказаніе вести насъ по дорогѣ въ Божанси и въ первомъ селеніи представить мэру.

Отдаляясь отъ мѣста, гдѣ мы были пойманы, мы сознавали, что легче дать правдоподобный оборотъ моему разсказу. Къ тому же, не только С., но и я сдѣлались въ самомъ дѣлѣ похожи на больныхъ. Я не помню, чтобъ я когда либо изнурился, какъ въ несчастную эту ночь. Когда мы проходили ту деревню, въ которой ночью выходилъ унтеръ-офицеръ съ фонаремъ насъ осматривать, то тотъ-же унтеръ-офицеръ стоялъ у дверей караульни—и узналъ насъ. Однако-же, я отперся, и увѣрялъ его, что я еще никогда не проходилъ по этой дорогѣ. Тутъ помогло мнѣ то, что замѣтливый, но не очень бойкій унт.-офицеръ находился въ нѣкоторомъ сомнѣніи: ночью видѣлъ онъ троихъ, а теперь было насъ только двое...

Наконецъ, привели насъ въ селеніе, коего имени теперь не упомню, и прямо къ мэру. На дворѣ стояла цѣпь скованныхъ арестантовъ, готовыхъ къ отправленію и С. тутъ увѣрялъ меня, что видитъ два сбереженныхъ для насъ мѣста, которыхъ, однако-же, мы не заняли. Какъ скоро я увидѣлъ мэра, то началъ жаловаться на худое съ нами обращеніе, показывалъ на больного С. и требовалъ настоятельно подводы, чтобы догнать скорѣе плѣнныхъ. Мэръ былъ пожилой человѣкъ, весьма привлекательной наружности, и я отдаю ему полную признательность: я увѣренъ, что онъ принялъ насъ за бѣглыхъ плѣнныхъ, но не хотѣлъ вредить намъ, и притворяясь, что намъ вѣритъ, велѣлъ дать намъ подводу и накормить насъ.

Открытая крестьянская телѣга, въ холодъ и снѣгъ, показалась намъ, послѣ прошлой ночи, роскошною повозкою. Мы спали до перваго мѣста, гдѣ надлежало перемѣнить подводу, которую дали безпрепятственно по

открытому листу добраго мэра,—и въ тотъ же день, поздно вечеромъ, догнали мы своихъ товарищей въ Турѣ, усталые, голодные и безъ денегъ. О побѣгѣ нашемъ не было еще извѣстно,—и тѣмъ кончилось неудачное мое и С. покушеніе *)...

(Неокончено).

*) Эта первая неудача побѣга изъ плѣна не обезкуражила, однако, В. А. Перовскаго и онъ, вскорѣ же, бѣжалъ, какъ извѣстно, во второй разъ,—и добрался-таки до русскаго отряда, стоявшаго въ Орлеанѣ. *И. З.*

Отрывки писемъ изъ Италіи *).

15-го сентября 1823 года.

Я былъ въ Венеціи, Веронѣ, еще въ нѣкоторыхъ городахъ Италіи, и наконецъ, теперь пишу тебѣ изъ Флоренціи. Въ Карльсбадѣ навязался на меня спутникъ французъ, да еще и парижанинъ, жившій долго въ Англіи и вывезшій оттуда родъ сплина; онъ страждетъ разлитіемъ желчи, которую самъ изливаетъ на все и на всѣхъ. Этотъ товарищъ, своей критикой или неумѣстнымъ энтузіазмомъ, испортилъ мнѣ почти весь Тироль. Прекраснѣйшія долины, водопады, ущелья, которыми столь богаты Тирольскія горы, не всѣ заслужили его одобреніе; вездѣ находилъ онъ какое-нибудь несовершенство; порочилъ восхожденіе солнца, свѣтъ луны, и только весьма изрѣдка восклицалъ: ah! tenez, cecі est vraiment beau, on en feroit une belle décoration au grand opera! Своимъ нравомъ и обхожденіемъ вселилъ онъ какой-то страхъ въ мою неробкую душу. Боясь упрековъ, не смѣлъ я съ нимъ разстаться; привлекательнѣйшія для меня

*) Письма сіи писаны не для публики, безъ всякаго старанія, плана и такимъ человѣкомъ, который не только никогда не думалъ быть русскимъ авторомъ, но болѣе привыкъ писать по-французски, нежели по-русски. Но онѣ написаны такъ умно и такимъ пріятнымъ слогомъ, что мы рѣшились напечатать нѣкоторые ихъ отрывки, и увѣрены, что читатели наши поблагодарятъ насъ за доставленное имъ удовольствіе. Примѣч. *В. А. Жуковскаго.*

мѣста проѣзжали мы вскачь; останавливались тамъ, гдѣ ему было угодно; я любовался только украдкою.—Такимъ образомъ довезъ онъ меня до Флоренціи, куда мнѣ и самому хотѣлось пріѣхать скорѣе для писемъ, которыхъ давно не получалъ изъ Россіи.—Теперь предлагаетъ онъ мнѣ ѣхать въ Миланъ и на Баромеевы острова; но я отговариваюсь, хочу спасти отъ его сплина хоть этотъ клочекъ Италіи, и отложилъ свою поѣздку до другого времени.

Венеція не столько удивила меня, какъ я ожидалъ; она совершенно омертвѣла. Еще нѣсколько лѣтъ, и этотъ городъ совершенно исчезнетъ; сосѣдство Тріэста, которому сохранены преимущества торговли, отнятыя у Венеціи, тому причиною. Скоро перейдетъ туда и масленица; Венеціи останутся площадь Св. Марка, Левъ, Св. Ѳеодоръ верхомъ на крокодилѣ и развалины великолѣпныхъ дворцовъ. Прочитай 4-й томъ Казановы; онъ, между прочимъ, съ большою точностью описываетъ темницы, les plombs du Palais Ducal, и свой оттуда побѣгъ. Теперь онѣ пусты и входъ въ нихъ свободенъ для всякаго любопытнаго; я ихъ видѣлъ: въ сравненіи съ ними, твой Шильонскій подвалъ est un salon riant. Я и гробъ желалъ-бы себѣ просторнѣе и свѣтлѣе. Когда французы, въ 1797 году, именемъ свободы ограбили венеціанскій арсеналъ и проч. и открыли тюрьмы, то въ одной изъ тѣхъ, которыя я осматривалъ, нашли старика, содержавшагося въ ней 23 года. Никто и самъ онъ не вѣдалъ причины заточенія; несмотря на то, старикъ и теперь еще жалѣетъ о прошедшемъ времени, le bon temps; охотно вѣрю ему!—Венеція такъ скучна, что несмотря на новизну, я выѣхалъ оттуда съ удовольствіемъ, пробывъ только 4 дня.

Верона замѣчательна (какъ ты уже и самъ знаешь), конгрессомъ, древнимъ амфитеатромъ, который сохраненъ въ совершенной цѣлости; я справлялся въ нѣсколькихъ книгахъ о времени построенія великолѣпнаго сего

зданія, и хотя на этотъ счетъ антикваріи имѣютъ различныя мнѣнія, но согласны въ томъ, что онъ построенъ не австрійцами.

Окрестности Флоренціи могутъ, во всей силѣ слова, называться садомъ; но садъ долженъ наскучить скоро: виноградъ, фиги и тому подобное плѣнительны только для тощаго желудка. Здѣсь природа дала одну почву, а рука человѣческая усадила ее деревьями разнаго рода; но съ самой высокой горы, изъ окружающихъ Флоренцію, не увидишь ни одного дерева, которое-бы было посажено только для тѣни: все имѣетъ цѣлью пользу, все покрыто фруктовыми, оливковыми и шелковичными деревьями. Такой видъ даетъ понятіе о богатствѣ земли, но слишкомъ однообразенъ. Отдохнувъ, хочу пуститься въ горы, искать дикой природы.

5-го февраля 1824 года.

Съ XIV-го столѣтія существуетъ во Флоренціи богоугодное, человѣчеству полезное сословіе, безъ клятвъ и безъ обѣтовъ, свято хранящее свои постановленія. Почетнѣйшіе граждане и сами герцоги Тосканскіе всегда поставляли себѣ за честь принадлежать къ сему обществу. Убогій, страждущій болѣзнію, никогда не прибѣгалъ вотще къ *братьямъ милосердія.* Сословіе ихъ не есть духовное, они не собираются ни днемъ, ни ночью въ условленные часы для молитвы; но—днемъ и ночью, какъ истинные братья, помогаютъ бѣдному и больному деньгами и лѣкарствами; умершему безъ призрѣнія, безъ ближнихъ, безъ родныхъ, отдаютъ послѣдній долгъ. Свѣтскій юноша и свѣтскій старецъ принадлежатъ къ обществу братьевъ милосердія, не пренебрегаютъ нести до кладбища тѣло нищаго на плечахъ своихъ. Широкое платье изъ грубаго, чернаго холста, шляпа съ висячими полями, черное на лицѣ покрывало, въ которомъ только для глазъ прорѣзаны отверстія, скрываютъ ихъ

совершенно отъ взора любопытныхъ. Они дѣлаютъ добро, не будучи извѣстны, и спасенный ими отъ смерти обязанъ всему обществу, а не одному члену въ особенности.

Среди ночи ударилъ дважды колоколъ на башнѣ древней, маленькой церкви, близъ соборной площади, и на звонъ колокола сбѣжались не медля нѣсколько жителей. Иные изъ нихъ оставили мягкую постель, другіе веселую бесѣду, и каждый, прибѣжавъ въ церковь, зажегъ по факелу, облекся въ черную одежду; четверо взяли носилки, и всѣ поспѣшно пошли вслѣдъ за проводникомъ, пришедшимъ искать помощи. Слезы не позволяли говорить ему, но никто не дѣлалъ ему пустыхъ вопросовъ. Бѣдный, несчастнымъ случаемъ раненый, умирающій, умершій—равное имѣютъ право на участіе братьевъ милосердія. Въ глубокомъ молчаніи, скорыми шагами вышли они за городъ, на большую дорогу, ведущую въ Римъ. Мнѣ случилось въ это время проходить по площади, и я изъ любопытства послѣдовалъ за ними.

При свѣтѣ факеловъ, увидѣлъ я на дорогѣ лежащаго безъ движенія человѣка; судя по платью, былъ онъ крестьянинъ; тяжелый возъ проѣхалъ по его тѣлу; искавшій помощи былъ его сынъ. Братья милосердія, осмотрѣвъ несчастнаго и удостовѣрясь, что въ немъ есть еще остатки жизни, положили его на носилки и понесли въ городскую богадѣльню, гдѣ всегда безотговорочно принимаютъ приносимыхъ ими больныхъ. Я слѣдовалъ опять за ними, слышалъ, какъ они поручали спасеннаго ими крестьянина начальнику больницы, какъ обѣщались пришедшему въ себя больному пещись о его совершенномъ выздоровленіи. Потомъ я проводилъ ихъ до дверей церкви, въ которой оставили они носилки, факелы и черную одежду, и изъ которой вышедши, разошлись спокойно по домамъ. Лица нѣкоторыхъ изъ нихъ были мнѣ извѣстны; я видалъ ихъ на балахъ, на шумныхъ вечерахъ; но щегольскіе фраки, пестрые жи-

леты не возбуждали во мнѣ никакого вниманія; черная, грубая, холстинная рубаха внушала во мнѣ къ нимъ особенное почтеніе.

Римъ, 19-го марта н. с.

Съ чего-бы ты началъ, пріѣхавъ въ Римъ въ мартѣ мѣсяцѣ, въ прекрасный день, въ три часа пополудни?— Имѣя подъ рукой всѣ памятники древняго Рима, церковь Петра и Павла подъ носомъ, Тибръ передъ глазами, пришелъ-ли-бы я тебѣ на умъ?—Нѣтъ.—Я въѣхалъ въ Римъ сегодня, 19-го марта, и имѣя всю возможность тотчасъ начать путешествіе свое по столицѣ міра, предпочелъ пожертвовать всѣмъ этимъ днемъ отдыху и тебѣ.—Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ Италіи, удалось мнѣ поселиться въ комнатѣ, въ которой двери и окна запираются довольно плотно, и вотъ еще одна изъ причинъ, по которой я не такъ спѣшилъ выбраться на чистый воздухъ, которымъ дорогой довольно насладился; сѣлъ за столикъ, взялъ бумаги и перо, и пишу къ тебѣ, съ тѣмъ, чтобы въ немногихъ словахъ, пока еще видѣнное не изглажено изъ памяти тѣмъ, что увижу, описать тебѣ путешествіе мое изъ Флоренціи въ Римъ.

Этотъ переѣздъ обыкновенно дѣлается въ два дня; я на него употребилъ пять сутокъ, и тутъ еще могу сказать, что сдѣлалъ его на-скоро. Достойнаго примѣчанія по дорогѣ много, много и достойнаго удивленія. Картины или, лучше сказать, образы требуютъ всего болѣе времени отъ путешественника; во всякой церкви находятся произведенія лучшихъ художниковъ; но признаюсь, что я небольшой охотникъ смотрѣть на прекрасную картину, мимоходомъ, по почтѣ. Выдумать и написать картину, цѣнить ее и восхищаться ею нельзя во всякое время: надобно для этого выждать приличное расположеніе духа. Я не могу привыкнуть смотрѣть то

на часы, то на живое изображеніе кисти Рафаэля, или Бароччи, и когда поутру обѣгу нѣсколько церквей и одну или двѣ галлереи, а потомъ сяду въ коляску, то въ слабой головѣ моей такъ перетрясутся и перемѣшаются всѣ колориты и рисунки, что ввечеру, отыскивая на память ту или другу картинную, вижу, что тѣло не отвѣчаетъ головѣ, одежда сшита не по тѣлу, и все это не по ошибкѣ художниковъ, а потому, что я по ошибкѣ перемѣшалъ ихъ.

Какъ-бы то ни было, я выѣхалъ изъ Флоренціи 15-го марта въ 7 часовъ утра. Изъ Флоренціи въ Римъ есть двѣ дороги: одна по взморью на Aquapendente короче, но мало занимательна; другая чрезъ Перуджіо длиннѣе, но примѣчательнѣе, и я поѣхалъ по этой. — Для каждой изъ обѣихъ дорогъ есть также два способа ѣзды: Ветуринами дешевле, но съ ними не тамъ останавливаешься, гдѣ хочешь; дневки ихъ разсчитаны не по отечественнымъ рѣдкостямъ, а по силѣ муловъ или лошадей; и такъ я рѣшился ѣхать по почтѣ: веселая дорога, усаженная шелковичными, оливковыми деревьями и виноградникомъ, довела меня въ тотъ же день, засвѣтло, по берегу Арно, въ Arezzo (прекрасный древній городокъ, отечество Петрарка). Arezzo выстроенъ у подошвы небольшой горы. Въ церкви аббатства Monte-Cassini видѣлъ я писанный куполъ на плоскомъ натянутомъ холстѣ; перспектива свода и освѣщеніе, когда смотришь съ настоящей точки, наблюдены съ такимъ искусствомъ, что покуда не сойдешь съ мѣста, не выйдешь изъ заблужденія. Я вспомнилъ о Гонзаго; не знаю, сдѣлалъ-ли-бы онъ такъ; но лучше: — вѣрно нѣтъ. Въ своемъ родѣ этотъ куполъ такъ же удивителенъ, какъ Рафаэлева Мадонна, которую ты цѣнить умѣешь. Въ Arezzo видѣлъ я еще домъ; надъ воротами, на большой мраморной бѣлой доскѣ, написано четкими черными литерами: Guido Monaco, потомъ пять нотныхъ линеекъ, на нихъ шесть нотъ и подъ каждой ut, re, mi, fa, sol, la. Этотъ Guido первый изобрѣлъ спо-

собъ выражать звуки знаками, и надпись, конечно, справедлива, но, кажется, потомкамъ итальянцамъ, которые столько обязаны сему монаху за его изобрѣтеніе, можно бы было въ свою очередь изобрѣсти ему надгробную поприличнѣе. Будь я близкій родственникъ монаху Guido, будь я тронутъ его смертью, то, кажется, не могъ-бы вслухъ безъ смѣха прочитать ut, re, mi, fa, sol, la.

16-го, рано поутру выѣхалъ я изъ Arezzo. День былъ совершенно весенній, солнце грѣло; снѣгъ, недавно выпавшій на ближнихъ горахъ, таялъ, и вода чистыми ручейками струилась по свѣжей зелени; многіе кусты распускались, другіе цвѣли. Въ полдень пріѣхалъ я въ *Camuccio,* послѣднюю станцію Тосканскихъ владѣній, и тотчасъ отправился пѣшкомъ на высокую гору, осматривать Кортону, одинъ изъ Этрурскихъ городовъ, основаніе коего теряется во тьмѣ вѣковъ. Туда заманилъ меня Reichard, который въ своемъ Guide des voyageurs обѣщается показать въ Кортонѣ развалины Бахусова храма. Слова: *развалины храма* — представляютъ самому непылкому воображенію хотя нѣсколько колоннъ, или остатки карниза, или кусокъ барельефа; и такъ, я лѣзъ на гору, мечтая скоро получить поверхностное понятіе о жилищѣ того бога, которому у насъ не строятъ храмовъ, но поклоняются усердно.—Наконецъ, Cicerone постучался въ калитку каменной ограды; наружность не обѣщала ничего особеннаго; мы вошли на дворикъ, и Cicerone, указывая мнѣ на стѣны гладкія и запачканныя, сказалъ: вотъ стѣны бывшаго храма. Потомъ отворилъ еще дверь, ввелъ меня подъ темный сырой сводъ, столько-же неудовлетворительный для глазъ ищущаго признаковъ старины; *вотъ храмъ*,—сказалъ мнѣ Cicerone. Я глядѣлъ во всѣ глаза: бочки съ свѣжимъ прошлогоднимъ виномъ, колбасныя гирлянды и сырные круги, вотъ все, что я увидѣлъ, и остался совершенно недоволенъ этою утомительною прогулкой. — Зачѣмъ не сказалъ ты мнѣ прежде (прикрикнулъ я на проводника), что тутъ нечего

смотрѣть? — Вы-бы не захотѣли идти сюда; къ тому-же англичане почти всѣ остаются довольны и даже уносятъ куски отъ стѣны.—Жаль, что не разнесли они всего твоего храма, прежде нежели я вздумалъ осматривать его.—Сходя съ горы, я немного примирился съ самимъ собой; прекрасный видъ представился глазамъ моимъ: пространная, обработанная долина, множество веселыхъ селеній, вдали на небосклонѣ высокія горы; по ихъ хребту извивается дорога, идущая изъ Сіэны въ Римъ, чрезъ Aquapendente. Вправо изъ-за горъ заливъ озера Тразимены. Я сѣлъ на скалу, и долго наслаждался чудесною картиной; прозрачность воздуха позволяла ясно видѣть отдаленнѣйшіе предметы. На вершинѣ горъ блисталъ снѣгъ и сливался съ бѣлыми облаками; въ дикомъ кустарникѣ, на неприступныхъ для человѣка камняхъ бродили стада овецъ; поселянинъ работалъ въ долинѣ. Я сошелъ съ горы, сѣлъ въ коляску и черезъ нѣсколько минутъ въѣхалъ въ папскія владѣнія; на границѣ ожидали меня нѣсколько нищихъ; ни одинъ не пройдетъ мимо, не попытаясь попросить у проѣзжающихъ una picola moneta, во имя нѣсколькихъ святыхъ. На берегу мелкаго ручья, чрезъ который дорога идетъ безъ моста, стояли два таковыхъ промышленника, и только что я подъѣхалъ, они бросились въ воду и побѣжали передъ коляской, какъ будто-бы безъ нихъ почтальонъ не могъ сыскать брода; потомъ оба протянули руки и жалкимъ хоромъ просили милостыни; я спросилъ у идущаго мнѣ навстрѣчу крестьянина: какъ зовутъ городокъ на горѣ въ сторонѣ отъ дороги? — онъ отвѣчалъ мнѣ и тотчасъ потребовалъ награжденія за оказанную услугу.

Начиная отъ Сатиссіо, почти все ѣдешь близъ озера Тразимены (Perugio); его украшаютъ два лѣсистые острова, дорога лежитъ чрезъ Pascimiano, маленькій городокъ на крутомъ берегу. Говорятъ, что здѣсь погибло нѣсколько тысячъ римлянъ, принужденныхъ послѣ по-

*

теряннаго сраженія, идти чрезъ сей узкій переходъ занятый уже карѳагенцами.

Ты былъ въ Швейцаріи, тебѣ случалось съ высоты горъ смотрѣть на спокойныя воды пространнаго озера; ты знаешь, какъ въ немъ ясно отражаются берега при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, какъ легкій, чуть примѣтный челнокъ рыбака, закидывающаго сѣть, колеблетъ поверхность водъ и оставляетъ по себѣ минутный слѣдъ; вотъ, чему я теперь любовался, забывъ мало извѣстныхъ мнѣ Ганнибала и Фламинія, карѳагенцевъ и римлянъ, обагрившихъ кровью своею Тразименскія воды и зеленые луга, его окружающіе.—Я думалъ: на томъ мѣстѣ, гдѣ я теперь спокойно наслаждаюсь красотой природы, раздавались нѣкогда крики побѣдителей; остатки трепещущихъ за отечество римлянъ сбирались подъ знамена; трупы воиновъ, слоновъ и лошадей покрывали волны теперь спокойнаго Тразименскаго озера.—Все исчезло, какъ исчезаетъ на водѣ слѣдъ рыбачьяго челнока!

Въ Перуджіо пріѣхалъ я вечеромъ, и осматривалъ городъ на другой день по утру. Онъ построенъ на нѣсколькихъ холмахъ; чище и красивѣе другихъ, видѣнныхъ мною въ Италіи городовъ; есть улицы прямыя и широкія. Родина живописца Петра Перуджино, учителя Рафаэля, который, по моему мнѣнію, весьма немного обязанъ своему учителю. Пусть превозносятъ Петра Перуджино, какъ основателя живописи: по мнѣ онъ только иконописецъ, а тѣ, которые такъ высоко цѣнятъ работу его, раскольники старовѣрцы. Какое единообразіе въ вымыслѣ, въ краскахъ и въ рисункѣ!—Къ тому-же большая часть картинъ его здѣсь: alfresco, сырость стѣнъ попортила ихъ во многихъ мѣстахъ, въ иныхъ совсѣмъ изгладила, и теперь необходимо дополнять ихъ воображеніемъ. Въ соборной церкви: Снятіе со креста, писанное Бароччіемъ; вотъ картина! жаль съ нею разстаться. Она была увезена въ парижскую галле-

рею французами, а они дурныхъ изъ Италіи не вывозили *).

Близъ Фолиньо, осматривалъ я опять, по милости Рейхарда, совершенно незначущую сталактитную пещеру, и ночевалъ въ Сполетто. 18-го, рано поутру отправился я въ Терни; хотѣлось застать солнце надъ водопадомъ.

За 5-ть итальянскихъ миль отъ Терни, по дорогѣ чрезъ Абруццо въ Неаполь, въ мѣстѣ гористомъ и дикомъ, стремится изъ озера Люко рѣчка Веллино, и, низвергаясь съ огромной скалы (въ 1,600 футовъ выш.), образуетъ водопадъ, называемый: cascade delle marmore; потомъ, соединяясь съ рѣкою Нерою, течетъ по обработанной веселой долинѣ до красиваго городка Терни.

Я не берусь описаніемъ познакомить тебя съ водопадомъ Терни; самое выраженіе: *водопадъ*—даетъ слишкомъ слабое понятіе объ этомъ свирѣпомъ стремленіи и низверженіи воды. Покатость, по которой катится Веллино, еще далеко отъ паденія придаетъ ему непонятную скорость, и вдругъ вся рѣка, лишенная дна, летитъ съ ужасной высоты, съ ревомъ ударяется о скалы, такъ сильно, что большая часть водъ превращается въ пары, и бѣлыми влажными облаками возносится выше самого паденія.—Солнечные лучи образуютъ надъ ними яркую радугу.—Первый скачекъ Веллино въ 600 фут. На него нельзя смотрѣть иначе, какъ съ нѣкотораго отдаленія, и никакая человѣческая нога не проложила еще смѣлой тропинки, по которой-бы можно было подойти ближе къ сему чуду природы. Но какъ выразить красу и ужасъ такого явленія! безпрерывное удареніе вѣчно возобновляющихся водъ и спокойное противободрствованіе мшистыхъ вѣковыхъ скалъ! Надъ самой пучиной, куда и взора не опускаешь безъ трепета, спокойно вьется мотылекъ, и малиновка порхаетъ по камнямъ, съ ве-

*) Картина эта находится нынѣ въ С.-Петербургѣ, во Владимірской церкви.

селой пѣснею садясь на гибкіе стебли висячихъ растеній.

Удивленіе, нераздѣльное съ такимъ зрѣлищемъ, еще усугубляется, когда подумаешь, что теченіе Веллино отъ озера Люко и самое паденіе сей рѣки не есть твореніе природы, а произведеніе рукъ человѣческихъ. Римляне, желавшіе избѣжать частыхъ наводненій озера оставили по себѣ сей безсмертный памятникъ, который вмѣстѣ со многими ихъ работами, смѣлостью вымысла и трудностью исполненія, далеко превосходитъ все то, что теперь дѣлается или предпринимается.

Переходы на скалы, съ которыхъ лучше можно видѣть каскадъ, всѣ заняты нищими, которые подѣлали тутъ заборы и калитки и налагаютъ подать на любопытство путешественника. Я долго смотрѣлъ на водопадъ и потомъ взглянулъ на быструю рѣчку Неру, шедшую по долинѣ; она показалась мнѣ почти стоячею водою. По берегу ея, подъ тѣнью высокихъ зеленыхъ дубовъ, шелъ я въ глубокомъ ущельи огромныхъ скалъ, обросшихъ плющемъ, до маленькой деревни, въ которой ожидала меня повозка моя. Здѣсь, съ пріѣзда моего въ Италію, въ первый разъ видѣлъ я крытую аллею изъ померанцевыхъ деревьевъ.

Отъ Терни до городка Civita Castellana, гдѣ я ночевалъ, прекрасная дорога и нѣсколько красивыхъ селеній; Civita Castellana за пять станцій отъ Рима. — Здѣсь виноградникъ, оливковыя и фруктовыя деревья исчезаютъ; передъ глазами однообразныя дикія или худо обработанныя поля; кажется, природа отказывается красою своею развлекать вниманіе ѣдущаго въ Римъ: ничто не препятствуетъ ему умственно готовить себя къ свиданію съ древнимъ обладателемъ вселенной и заранѣе готовиться съ нимъ воспоминаніями. За 22 мили отъ Рима, на возвышеніи, каждый почтальонъ и ветуринъ считаетъ обязанностью остановиться и показать вдали куполъ св. Петра, который ясно виденъ, тогда

какъ прочія зданія города еще непримѣтны. Не въѣзжая въ предмѣстье, надобно переѣхать чрезъ быстрый шумный Тибръ; близъ моста, на берегу, было множество народа; я остановился, дабы узнать причину сего сборища: прекрасная молодая англичанка, (я знавалъ ее во Флоренціи), гуляя верхомъ, хотѣла принудить лошадь свою пройти по узкой сыпучей тропинкѣ, гдѣ и пѣшіе ходятъ съ осторожностью; лошадь взвилась и вмѣстѣ съ милою Miss Butterst опрокинулась въ Тибръ; чрезъ полчаса лошадь выбралась на берегъ, а несчастная исчезла; не имѣютъ даже и печальной надежды отыскать ея тѣло, которое, конечно, увлечено въ море. Вообрази себѣ отчаяніе матери; она въ Туринѣ и ввѣрила единственную, любимую дочь свою попеченію дяди, который взялся показать ей Римъ! — Вотъ подъ какими несчастными предзнаменованіями увидѣлъ я сей городъ. Древній житель онаго, безъ сомнѣнія, отсрочилъ-бы свой въѣздъ до другого дня, или по крайней мѣрѣ посовѣтовался-бы съ жрецами ближняго храма.

Я прощаюсь съ тобою у Posta del popoli; передъ глазами моими три прямыя улицы и величественный Египетскій обелискъ, съ которыми познакомлю тебя, самъ съ ними познакомившись.

Неапольскій заливъ.—Соррентская долина, 20-го мая.

Тому три недѣли, какъ я изъ Неаполя переселился на житье въ Соррентскую долину, взялъ съ собою запасъ книгъ, и въ полной мѣрѣ наслаждаюсь сельскою жизнью, или просто жизнью. Поутру встрѣчаю солнце, ввечеру провожаю его, и самъ ложусь спать; днемъ гуляю, если не очень жарко, или читаю въ прохладной пещерѣ, на берегу моря. Заливъ отдѣляетъ меня отъ Неаполя; но при здѣшнемъ прозрачномъ воздухѣ, ясно виденъ и городъ, и виллы, и села у подошвы Везувія, и самъ Везувій яснѣе и величественнѣе, нежели изъ

Неаполя.—Часто, сидя на высокомъ и отвѣсномъ берегу моря, откуда мнѣ рыбачьи лодки кажутся плавающими по водѣ мошками, восхищаюсь безпрестанно новыми красотами природы, и думаю: зачѣмъ здѣсь нѣтъ тебя! Какими красками, какими картинами запасся-бы ты здѣсь на всю жизнь! Что-бы ты почувствовалъ, глядя на эти скалы, покрытыя пышными растеніями; на чудесные оттѣнки горъ, на отраженіе ихъ въ темно-голубомъ морѣ, на дымящійся Везувій! Сколько-бы новыхъ выраженій внушилъ тебѣ этотъ упоительный воздухъ цвѣтущихъ апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ!

Въ нашей сторонѣ, какъ ни вертись, а не отдѣлаешься отъ черныхъ сосенъ, развѣсистыхъ вязовъ, семьи березъ и дремлющей ивы; сырой болотный туманъ, для прикраски, поневолѣ назовешь чистымъ, благовоннымъ воздухомъ, да вдобавокъ посадишь и заставишь пѣть соловья, тамъ, гдѣ ему ни пѣть, ни сидѣть не хочется и куда вѣроятно онъ и залетаетъ только по нуждѣ или по ошибкѣ. А здѣшняя природа украшеній никакихъ не требуетъ: смотри и старайся писать точно то, что видишь. И потому, по моему мнѣнію, наши сѣверные поэты несравненно болѣе имѣютъ достоинства въ вымыслѣ, чѣмъ тѣ, кои родились и жили въ краяхъ, щедро украшенныхъ рукою Провидѣнія. Виргилій въ окрестностяхъ Неаполя списалъ съ натуры Елисейскія поля, Тартаръ, пещеру Сивиллы и Цербера; потомъ, высадивъ Энея на берегъ, заставилъ пройтись по тѣмъ самымъ мѣстамъ, по которымъ прошелъ самъ; но сдѣлай предположеніе, что Виргилій всю жизнь свою гулялъ по окрестностямъ Петербурга,—и если тогда умѣлъ бы онъ написать шестую книгу Энеиды, то былъ-бы вдвойнѣ поэтомъ. Теперь скажи мнѣ, отчего поэты такъ часто и охотно воспѣваютъ восхожденіе солнца, а о закатѣ его говорятъ рѣдко и только слегка? Я здѣсь и то и другое вижу ежедневно, и право не знаю, которой изъ двухъ картинъ дать преимущество: ce sont deux

superbes pendants du même maître. Море отъ хижины моей въ нѣсколькихъ шагахъ, и я каждый вечеръ хожу на берегъ, сажусь на высѣченную въ скалѣ скамью, и оттуда смотрю, какъ солнце яркимъ огненнымъ щитомъ тонетъ и гаснетъ въ волнахъ, оставляя по себѣ на морѣ длинную горячую полосу; какъ золотитъ оно парусы вдали на горизонтѣ плывущаго корабля, какъ лучи его тухнутъ постепенно на поверхности водъ, потомъ въ долинѣ, потомъ исчезаютъ на вершинѣ горъ, блеснувъ въ послѣдній разъ на бѣлыхъ стѣнахъ и на крестѣ монастыря; смотрю и сердцемъ жалѣю, что нѣтъ у меня кисти Вернета, или что я не поэтъ. Кстати о Вернетѣ скажу тебѣ, что не бывъ въ Неаполѣ, о произведеніяхъ его судишь только approximatiment. Какъ, не видавши ихъ въ натурѣ, понять и повѣрить на картинѣ этому небу, воздуху, водѣ! Мнѣ самому многія изъ картинъ его казались до сихъ поръ удачнымъ вымысломъ, напр., я помню одну изъ нихъ: на чистомъ небѣ свѣтитъ луна; вблизи, съ правой стороны, огромная арка, опершись однимъ концомъ о крутой берегъ, другимъ спустилась въ море; въ самомъ берегѣ, подъ темными сводами, переходы и излучистая лѣстница, по которой сходятъ нѣсколько человѣкъ; одинъ изъ нихъ несетъ зажженный факелъ, нѣсколько другихъ, въ рубахахъ, въ красныхъ колпакахъ, стоятъ въ низу по колѣно въ водѣ и причаливаютъ лодку, въ коей брошенъ неводъ, веревки, боченокъ и проч.; въ туманномъ отдаленіи гористый островъ. Признаюсь, что сію странную, но природой поставленную арку, соединеніе свѣта луны и факела, словомъ, всю картину почиталъ я идеальнымъ произведеніемъ или по крайней мѣрѣ соединеніемъ въ одно такихъ предметовъ, кои въ натурѣ разбросаны и отдѣльны. Вчера, вечеромъ, увѣрился я въ противномъ: весь этотъ берегъ видѣлъ я при свѣтѣ луны; видѣлъ рыбаковъ, спускающихся по лѣстницѣ съ зажженными факелами, идущихъ на ночной рыбный промыселъ. Картина Вер-

нета живо представилась моей памяти, и теперь я увѣренъ, что онъ не выдумалъ ее и написалъ не изъ головы, а съ натуры. — Вообще берега Сорренто, Массы, Амальфи, Салерно, представляютъ самыя разнообразныя, самыя удивительныя зрѣлища. Каменный, высокій и отвѣсный берегъ изрытъ въ нѣсколько ярусовъ гротами, галлереями, изъ коихъ брали прежде камни для строенія; множество лѣстницъ ведетъ прямо въ море; не по всякой, однако-же, можно спускаться безопасно: часто изъ одного грота въ другой проходятъ по узкой наружной панели. Въ иныхъ мѣстахъ, вода, ударяясь безпрестанно о скалы, такъ ихъ изрыла и выдолбила, что дала иной видъ работѣ человѣка, и пещера, начатая людьми, окончена природой.—Ты можешь себѣ представить, какой шумъ и громъ производитъ, во время бури, біеніе волнъ въ сію пустую гору; съ какимъ ревомъ валъ, плеснувъ въ ущелья межъ каменьевъ, обратно стекаетъ въ море! Я люблю это мѣсто; здѣсь всегда ожидаетъ меня твоя фантазія.

Сорренто, 3-го іюня.

Нынче хочу тебѣ писать о Помпеѣ и Геркуланѣ; но прежде скажу нѣсколько словъ о Везувіи.—Не ожидай, чтобы, по слѣдамъ геологовъ, сталъ я разбирать причины и дѣйствіе подземныхъ пожаровъ; я намѣренъ только немного познакомить тебя съ неапольскимъ вулканомъ и разсказать, что видѣлъ я на вершинѣ его, потомъ, пройдя по улицамъ Помпеи, спущусь на нѣсколько минутъ и въ Геркуланъ.

Гора, которую обыкновенно называютъ Везувіемъ, состоитъ собственно изъ двухъ горъ, у коихъ вершины отдѣльны, а основаніе общее. Одна изъ нихъ возвышается въ видѣ усѣченнаго конуса, на которомъ теперь находится жерло, или кратеръ; весь этотъ конусъ не что иное, какъ насыпь изъ золы и довольно мелкихъ

каменьевъ. Другая гора, Сомма, бывшая въ древнія времена огнедышащею, утихла совершенно, поросла травою и обработана почти до верха. Везувій, при каждомъ изверженіи, измѣняетъ видъ свой, иногда выростая отъ выбрасываемыхъ имъ камней и лавы, иногда дѣлаясь ниже, по причинѣ обрушающихся стѣнъ кратера. По цѣлымъ днямъ и недѣлямъ бываетъ онъ спокоенъ, вдругъ задымится, и дымъ то подымается, то тихо стелется по скату горы. Первое изверженіе, намъ извѣстное, случилось въ 79 году по Р. Х., въ началѣ царствованія императора Тита. Послѣ многихъ предвѣстниковъ страшнаго явленія, подземный огонь открылъ себѣ отверстіе на Соммѣ; лава потекла въ невѣроятномъ количествѣ, свѣтъ солнца былъ нѣсколько дней помраченъ дымомъ и золою. Въ самое короткое время, Геркуланъ залило лавою, а Стабія и Помпея, несмотря на разстояніе ихъ отъ горы, исчезли подъ пепломъ. Ужасное изверженіе сіе замѣчательно, сверхъ того, смертью несчастнаго Плинія, пріѣхавшаго съ противолежащаго Мизенскаго мыса, наблюдать вблизи явленіе, тогда мало еще извѣстное.

Послѣ бывали изверженія довольно значительныя; случившееся въ 1822 году, хотя и немного нанесло вреда, но было изъ числа самыхъ сильныхъ.

Колебаніе земли, волненіе моря, глухой, но ужасный подземный шумъ, обыкновенно предшествуютъ изверженію. Столбъ чернаго дыма выходитъ изъ жерла, поднимается отвѣсно на чрезмѣрную высоту и разстилается по всему небосклону. Итальянцы называютъ его Pino, потому что въ самомъ дѣлѣ въ большомъ видѣ походитъ онъ на сей родъ деревьевъ, украшающихъ сады Неаполя и Рима. Трескъ и удары, подобные сильнѣйшему грому, слѣдуютъ одинъ за другимъ безпрерывно; молнія сверкаетъ непрестанно и раздираетъ густую тучу, пробѣгая по столбу; лава начинаетъ течь: днемъ, подобно черной дымящейся рѣкѣ, тихо подвигается она по наклоненію

горы, но медленность не уменьшаетъ ни ея силы, ни ужаснаго дѣйствія. Она влечетъ съ собою цѣлыя скалы, величайшія деревья сжигаетъ прежде, нежели ихъ коснется; ничто не можетъ остановить ея хода или измѣнить направленія; каменными волнами клубитъ она чрезъ стѣны, сноситъ ихъ, и они плывутъ вмѣстѣ съ нею. Но самое удивительное, красивое и вмѣстѣ ужасное зрѣлище представляетъ вулканъ ночью: багряное зарево покрываетъ все небо и отражается въ морѣ; раскаленные камни летятъ и съ трескомъ разрываются въ воздухѣ; лава огненной струей спускается съ горы и освѣщаетъ всю окрестность; земледѣлецъ издали можетъ слѣдовать за нею глазомъ и видѣть, какъ исчезаютъ постепенно и садъ его, и нива, и домъ и какъ страшный черный камень заступаетъ мѣсто обработанной, плодоносной земли.

По преданію, св. Яннуарій, покровитель неаполитанцевъ, одинъ имѣетъ власть прекращать ужасныя опустошенія Везувія; на дорогѣ изъ Неаполя въ Портичи есть мостъ, на немъ изображенъ этотъ святой, изъ мрамора, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ остановилъ лаву за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, когда въ Неаполѣ начинали уже страшиться ея. Нельзя не пожалѣть о бѣдныхъ жителяхъ Помпеи и Геркулана! Въ числѣ ихъ боговъ не нашлось ни одного, которой-бы, подобно св. Яннуарію, умѣлъ отстоять ихъ отъ погибели.

Желающіе подняться на Везувій, обыкновенно изъ Портичи ѣдутъ верхами, на лошакахъ или ослахъ; мѣстами хорошая, усаженная фруктовыми деревьями дорога, приводитъ къ такъ называемому эрмитажу. Отсюда, по излучистой тропинкѣ, чрезъ застывшую неровную лаву, доѣзжаютъ до подошвы огромнаго конуса, гдѣ надобно непремѣнно спѣшиться. Крутая пепельная насыпь представляетъ видъ самый печальный и однообразный; она усѣяна обгорѣлыми камнями; на ней нѣтъ ни одной травки. Здѣсь можно различать всѣ лавы,

вышедшія въ разное время изъ горы; иныя частью обратились уже въ землю и покрыты растеніями, другія черными полосами простираются до самаго моря и сохранили ужасную наружность.

Тутъ начинается самая трудная, самая утомительная часть сего путешествія: не имѣя твердой опоры, нога безпрестанно скользитъ и погружается въ зыбкую золу, сдѣлавъ съ величайшимъ усиліемъ нѣсколько шаговъ въ гору, сползаешь назадъ вмѣстѣ съ камнями, за которые хочешь удержаться и находишься опять на прежнемъ мѣстѣ; горячая зола жжетъ подошвы и препятствуетъ останавливаться для отдохновенія... Признаюсь, что я не разъ чувствовалъ въ себѣ болѣе охоты къ обратному пути, нежели къ продолженію его. Наконецъ, выбившись совершенно изъ силъ, добрался я до кратера, и легъ на краю его.—Представь себѣ яму въ нѣсколько сотъ футовъ глубины, болѣе версты въ поперечникѣ, съ неровными, то отвѣсными, то менѣе крутыми берегами,—вотъ теперешній кратеръ; дна его не видно, изъ него выходитъ жаркій паръ, а по краямъ зола такъ горяча, что, лежа, чувствуешь мгновенно теплую сырость, проникающую сквозь одежду. Несмотря на это, я и товарищи рѣшились тутъ провести ночь; хотѣли видѣть восходящее солнце и надѣялись, что удастся намъ быть свидѣтелями какого-нибудь вулканическаго феномена; и такъ. мы отправили проводниковъ обратно къ эрмитажу за дровами, факелами, хлѣбомъ и виномъ.—Солнце закатилось въ облакахъ и туманѣ, и тѣмъ лишило насъ прекраснаго зрѣлища.—Наступила совершенная темнота; въ Неаполѣ и Портичи свѣтлѣлись отдаленные огоньки, а передъ нами въ безднѣ Везувія—въ нѣсколькихъ мѣстахъ зажглось синеватое пламя: это былъ газъ, безпрестанно поднимающійся изъ кратера. Вдругъ, раздался сильный подземный шумъ; подобно катящемуся по тучамъ грому, пробѣгалъ онъ пустоту горы, то удаляясь, то приближаясь

съ трескомъ, а иногда съ звонкими ударами, происходящими какъ будто отъ молота, ударяющагося о металлъ. Потомъ глубокое молчаніе—и опять сильные въ безднѣ удары, за ними ужасное клокотаніе. Я прислушивался, смотрѣлъ въ черную пропасть и ждалъ новаго явленія; но все утихло, слышанный мною шумъ былъ точно неземной.—Настала полночь, мы почувствовали свѣжую сырость и съ нетерпѣніемъ желали возвращенія проводниковъ; они медлили и дали намъ время одуматься, а наблюдательному нашему расположенію простыть. Наконецъ, вдали по направленію отъ эрмитажа, показался свѣтъ; онъ тихо приближался къ намъ, — то были проводники; прошло еще полчаса, и мы на вершинѣ Везувія разложили большой огонь, обогрѣлись, поужинали и, несмотря на темноту, рѣшились сойти съ горы, чтобы остальное время ночи провести у пустынника. Съ трудомъ начали спускаться и наконецъ, спотыкаясь и падая, добрели до эрмитажа. Я расположился ночевать на дворѣ; жилище отшельника не блистало со стороны чистоты, и съ перваго взгляда догадался я, что онъ живетъ тутъ не одинъ, а имѣетъ тысячи вѣрныхъ товарищей, насѣкомыхъ, которые бы мнѣ спать не дали, да и на другой день не захотѣли-бы со мной разстаться... но я спалъ недолго; прогуливаясь одинъ подъ развѣсистыми дубами, встрѣтилъ первые лучи солнца, которое мало-по-малу начало освѣщать богатую Campagna felice, Неапольскій заливъ, Неаполь и синія горы римскихъ владѣній. Утро незабвенное! Здѣсь впервые окинулъ я глазомъ благословенный сей край, гдѣ и горячій пепелъ и всесожигающая лава обращаются въ пользу поселянина и вскорѣ щедро награждаютъ его за нанесенный ему уронъ. Густой виноградникъ, тучныя поля, весь годъ зеленые огороды—свидѣтельствуютъ о плодовитости огненной сей почвы.

Мои спутники, заспанные, но не выспавшіеся, выходя одинъ за другимъ изъ кельи пустынника, необычайными

тѣлодвиженіями подтвердили, въ глазахъ моихъ, справедливость моей догадки, и я не раскаялся въ проведенной мною безъ крыши ночи.

Мы сѣли опять на ословъ, а въ Портичи въ коляски, и возвратились въ Неаполь, гдѣ всѣ распрашивали насъ о бывшемъ въ прошлую ночь на Везувіи маленькомъ изверженіи. Часовые и гуляющіе по неапольской набережной увѣрены были, что огонь, видѣнный ими на вершинѣ горы, выходилъ изъ кратера...

Поѣздка изъ Неаполя въ Помпею и возвращеніе чрезъ Геркуланъ.

Еще не прошло двухъ часовъ, какъ оставилъ я Неаполь, гдѣ шумными толпами кипитъ по улицамъ народъ, и теперь хожу по безлюднымъ домамъ, храмамъ, театрамъ и площадямъ Помпеи. И она имѣла, подобно Неаполю, своихъ жителей, свои увеселенія, свои богатства и гавань съ кораблями, и войско. Одинъ часъ, быть можетъ, обратилъ обширный городъ въ пространную гробницу и, чрезъ семнадцать столѣтій, путешественникъ читаетъ на каждомъ домѣ четкими литерами имя давно истлѣвшаго хозяина; вездѣ видишь слѣды бывшаго населенія, порядка, роскоши, признаки вѣры, обычаевъ и даже внутренняго устройства жилищъ.

Здѣсь всякій уголокъ занимателенъ; чувство какого-то самолюбія овладѣло мною, когда я примѣтилъ, что могу, безъ помощи ученыхъ и учености, читать въ протекшихъ столѣтіяхъ и, вопрошая самъ видимые мною предметы, узнавать безъ догадокъ, какъ жили древніе, какъ проводили время, какія почести отдавали умершимъ, какъ жрецы приносили жертвы богамъ и какъ обманывали народъ...

Дома помпейскіе болѣе или менѣе между собою сходны, почти всѣ имѣютъ одинаковое расположеніе, потому что древніе почти всѣ жили одинаково.—Если-

бы я сталъ вводить тебя съ собою въ каждый домъ, въ которомъ былъ самъ, то ты вѣрно, не обойдя еще и половины города, наскучилъ-бы моимъ описаніемъ. И потому буду говорить объ одномъ только изъ виднѣйшихъ, о которомъ, для большей ясности, войду въ подробности внутренняго его расположенія.

При самомъ входѣ въ предмѣстье Помпеи, со стороны Геркулана, по правую руку находится загородный домъ Марка-Арія-Діомеда; по невысокой лѣстницѣ входятъ на четыреугольный, продолговатый дворъ, вымощенный довольно красивой мозаикой; кругомъ двора былъ крытый навѣсъ, поддерживаемый выштукатуренными колоннами; онъ служилъ убѣжищемъ отъ дождя, а дождевая вода стекала съ крыши въ два каменныхъ колодца; на краяхъ ихъ видны еще слѣды тренія веревокъ. Таковой крытый ходъ, для того-же предмета, существуетъ здѣсь почти во всѣхъ домахъ; изъ него входы въ отдѣльныя комнаты, имѣющія каждая свое назначеніе; онѣ большею частью безъ оконъ, а свѣтъ получаютъ черезъ дверь. Со двора Діомедова всходятъ на маленькую площадку или террасу, съ коей видъ на море; тутъ древніе проводили почти весь день лѣтомъ, тутъ была ихъ пріемная и спальня. Терраса маленькимъ садикомъ соединена съ небольшою ванною, украшенною мозаикой; близъ нея комната съ длиннымъ очагомъ, надъ которымъ, въ трехъ чанахъ, расположенныхъ одинъ надъ другимъ, нагрѣвалась вода и получала различную степень теплоты; надъ сею комнатою видна другая, въ которую изъ нижней собирались водяные пары: она служила банею; подлѣ видна еще другая, гдѣ послѣ бани натирали тѣло эссенціями, и еще одна, въ которой раздѣвались и одѣвались. Древніе были въ разсужденіи бань и ваннъ весьма прихотливы; купались по нѣсколько разъ въ день,—и потому, кромѣ великолѣпныхъ бань для народа, многіе имѣли въ домахъ еще и свои собственныя. Другая дверь изъ крытой галлереи отворяется

въ спальню, которая окошками въ садъ; за нею рядъ комнатъ, гдѣ жили женщины; столовая и еще много другихъ жилыхъ покоевъ. Нѣсколько ступеней ведутъ въ подвалъ; онъ состоитъ изъ трехъ корридоровъ, соотвѣтствующихъ тремъ сторонамъ крытаго хода на дворѣ; подвалъ сей служилъ погребомъ, и теперь еще видны въ немъ большіе глиняные, остроконечные сосуды, въ коихъ сохраняли вино.—Здѣсь нашли кости 17-ти человѣкъ, вѣроятно, скрывшихся тутъ во время пепельнаго дождя; вѣроятно также, что въ числѣ ихъ находилась хозяйка дома; на ней найдены серьги и другія золотыя украшенія; въ королевскомъ музеѣ показываютъ слѣпокъ груди и части одежды сей женщины, отпечатавшіеся въ отвердѣвшей золѣ, которая ее удушила. У дверей, ведущихъ изъ сада въ поле, найдены также два скелета: одинъ изъ нихъ (быть можетъ хозяинъ) держалъ въ одной рукѣ связку ключей, въ другой золотыя и серебряныя монеты; шедшій за нимъ несъ нѣсколько бронзовыхъ и серебряныхъ сосудовъ.

Разсматривая домъ сей, всего болѣе дивился я прочности строенія, а особенно штукатуркѣ, имѣющей глянецъ мрамора, и живописи красокъ въ сохранившейся по стѣнамъ живописи. Тѣ, однако-жъ, кои равняютъ съ произведеніями Рафаэля и Сальватора Розы картины, найденныя въ Помпеѣ и даже Геркуланѣ, ослѣплены, мнѣ кажется, пристрастіемъ къ древнимъ. То, что открыто въ обоихъ городахъ, доказываетъ, по моему мнѣнію, что скульптура была тамъ гораздо совершеннѣе живописи. Въ числѣ статуй, вырытыхъ въ храмахъ, иныя превосходны во всѣхъ отношеніяхъ, а стѣны тѣхъ-же храмовъ расписаны весьма посредственно. Если-же принять въ соображеніе, что на стѣнахъ писали не лучшіе художники, то тогда и я признаюсь, что древніе маляры были гораздо искуснѣе нашихъ, потому что дѣйствительно въ иныхъ картинахъ замѣтна кисть хорошаго художника. Впрочемъ, пристрастное въ семъ случаѣ сужденіе нѣ-

сколько извинительно; мнѣ самому не шла на умъ критика, когда я былъ въ присутствіи сихъ зданій; они внушаютъ почтеніе и даже нѣкоторую признательность: безъ нихъ, могли-ли бы мы такъ живо перенести себя въ прошедшее, за тысячу семьсотъ лѣтъ?—Дома тѣхъ жителей Помпеи, которые были бѣднѣе, совершенно сходны съ бѣдными домами жителей Портичи и другихъ мѣстъ по сосѣдству Неаполя: одна довольно тѣсная комната достаточна здѣсь и теперь для цѣлаго семейства; вѣроятно, что и тогда, какъ нынче, ремесленники и работали, и стряпали, и обѣдали на улицѣ. Климатъ былъ тотъ-же, слѣдовательно и обычаи тѣхъ временъ имѣли сходство съ теперешними обычаями. Но тогда каждый членъ общества принадлежалъ болѣе обществу, нежели самому себѣ; а потому и зданія общественныя были великолѣпны, а частныя жилища скромны; и изъ надписей, найденныхъ въ Помпеѣ подъ нѣкоторыми храмами, видно, что послѣ землетрясенія, предшествовавшаго нѣсколькими годами разоренію сего города, иные жители на своемъ иждивеніи исправили и выстроили упавшія стѣны сихъ храмовъ, прежде нежели приступили къ исправленію собственныхъ домовъ своихъ.

Вышедъ изъ описаннаго мною дома, пошелъ я къ городскимъ воротамъ; по обѣимъ сторонамъ улицы видны гробницы, иныя мраморныя, украшены барельефами, другія изъ простого везувійскаго камня, и каждая съ хорошо сохранившеюся надписью. Внутренность ихъ мало занимательна, потому что замѣчательнѣйшія вещи вынуты и находятся въ музеѣ. По нѣкоторымъ примѣтамъ, когда откапывали сіи гробницы, можно было догадаться, что уже прежде (быть можетъ самими жителями) были онѣ отрыты и обобраны.—Подлѣ одной изъ гробницъ находится то мѣсто, гдѣ родственники и друзья собирались вокругъ каменнаго стола, и, лежа на каменныхъ скамьяхъ, ѣли и пили въ честь умершаго. Неподалеку отъ воротъ, виденъ домъ, который, по мнѣ-

нію нѣкоторыхъ, долженъ былъ принадлежать Цицерону.

Я вошелъ въ городъ: на каждомъ домѣ кистью и красными чернилами означено имя хозяина. Сверхъ того, во многихъ мѣстахъ на стѣнахъ такимъ-же образомъ написаны различныя объявленія: продажа имѣній, лавки, отдающіяся въ наемъ, объявленія отъ театровъ и амфитеатра, день представленія пьесы и имя автора, сраженіе людей съ звѣрями и гладіаторовъ между собою; славнѣйшіе изъ сихъ послѣднихъ названы поименно. Почти во всякой афишѣ увѣдомляютъ публику, что представленіе будетъ съ веларіями (velari), т. е. надъ театромъ будетъ наметъ или зонтикъ, защищающій зрителей отъ солнца и дождя. Видишь, что изъ сохранившихся памятниковъ можемъ мы знать навѣрное, какія увеселенія занимали несчастныхъ помпеянъ за нѣсколько дней предъ уничтоженіемъ ихъ города.

Слѣдуя по главной улицѣ, проходишь мимо многихъ лавокъ, гдѣ продавали вино, масло, теплые и прохладительные напитки, хлѣбъ; мимо аптеки, скульптора, хирургическаго заведенія, музыкальной школы, мыльной фабрики, кузнеца и проч., и проч. Все это не догадки; изъ предметовъ, найденныхъ въ домахъ, безошибочно можно было заключить о ихъ назначеніи.—Въ музеѣ хранятся сосуды, инструменты, мука, печеный хлѣбъ, крупа, миндаль, изюмъ и множество другихъ вещей.

Помпейскій форумъ.—Продолговатая четыреугольная площадь, шаговъ въ 300 длины; съ двухъ сторонъ ея было по три ряда колоннъ, которыя поддерживали кровлю и служили вѣроятно для прогулки во время дурной погоды: на одномъ концѣ площади нѣсколько пьедесталовъ, но на нихъ не нашли ни одной статуи, что служитъ еще доказательствомъ, что здѣсь уже и прежде отрывали нѣкоторыя мѣста.—Многія изъ колоннъ треснули, другія повалились, не отъ времени, а отъ земле-

трясенія, повредившаго нѣкоторыя зданія Помпеи за тринадцать лѣтъ до ея совершеннаго уничтоженія. Изъ близъ лежащихъ матеріаловъ и нѣсколькихъ исправленныхъ колоннъ видно, что жители занимались починкою сего портика, когда Везувій воспрепятствовалъ имъ привесть оную къ окончанію.

Храмъ Изиды.—Умалчивая о храмахъ Венеры, Эскулапа, Юпитера, я говорю о храмѣ Изиды, потому что онъ сохраненъ гораздо лучше прочихъ: во многихъ мѣстахъ неаполитанскаго королевства видны остатки храмовъ, посвященныхъ египетскимъ божествамъ. Жители морского берега, имѣя торговое сообщеніе съ Александріею, ввели и у себя поклоненіе Ибису, Анубису и пр. Изображенія всѣхъ сихъ боговъ съ собачьими головами, съ журавлиными носами, найдены здѣсь въ храмѣ Изиды. Онъ не великъ, не имѣлъ крыши, но рядъ колоннъ, параллельно тремъ стѣнамъ его, поддерживалъ, какъ и въ другихъ храмахъ, неширокую кровлю, подъ коей укрывались отъ дождя. На одномъ концѣ храма нѣсколько ступеней ведутъ на возвышеніе, гдѣ въ стѣнѣ видны три впадины, въ коихъ стояли идолы. Возвышеніе это сзади имѣетъ потайную лѣстницу, и довольно правдоподобно, что тутъ скрывался жрецъ, игравшій роль божества и отвѣчавшій за него вопрошающимъ. Предъ возвышеніемъ стоятъ два жертвенника; на одномъ изъ нихъ закалывали, на другомъ сжигали жертву; другіе жертвенники близъ колоннъ служили для куренія. Въ задней части зданія: кухня и двѣ комнаты, гдѣ жили жрецы. Здѣсь нашли всю утварь языческаго храма, но любопытнѣе всего два скелета жрецовъ: одинъ изъ нихъ, стараясь избѣгнуть смерти, пробилъ топоромъ стѣну; товарищъ его изъ пренебреженія къ жизни, или изъ привязанности къ наслажденіямъ ея—умеръ за столомъ, подлѣ коего лежали остатки куренка и яичная скорлупа.

Театры: комическій и трагическій.—Они стоятъ одинъ

подлѣ другого; первый замѣчателенъ тѣмъ, что, противъ обыкновенія древнихъ театровъ, былъ крытый; оба невелики, но трагическій отличается размѣромъ и мраморными украшеніями; въ обоихъ видны мѣста для весталокъ; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, сцена весьма мала, она оканчивается стѣною и тремя дверями, откуда выходили актеры. Хотя и найдены признаки машинъ, хотя антикваріи и увѣряютъ, что древніе умѣли вводить въ театральныя представленія всѣ извѣстныя намъ волшебства, полеты и проч., но глядя на малое пространство сцены, на близкое ея отъ зрителей разстояніе, я антикваріямъ не вѣрю. Разборчивый вкусъ помпеянъ не оставилъ-бы ихъ ни на минуту въ заблужденіи, и они скоро замѣтили-бы въ легкихъ облакахъ грубую ткань дымки, въ восходящихъ солнцѣ и лунѣ намасленные бумажные круги, а въ летающемъ по воздуху героѣ, поддерживающую его проволоку и веревку. При томъ-же, извѣстно, что у древнихъ не было вечернихъ представленій, а при дневномъ свѣтѣ нѣтъ возможности обмануть глазъ и самаго незрячаго жителя.

Амфитеатръ.—Величественное, весьма хорошо сохранившееся зданіе. Оно мало чѣмъ меньше римскаго Колизея, а назначеніе его было то-же: звѣриная травля, сраженіе звѣрей съ людьми и людей между собою, привлекали сюда весь городъ и всѣхъ окрестныхъ жителей. Невольникъ и гладіаторъ, назначенные бороться со львомъ и тигромъ, не только жертвовали жизнью, но должны еще были идти на смерть съ равнодушіемъ, съ рѣшительностью и умирать по извѣстнымъ правиламъ. Тотъ изъ нихъ, который показывалъ робость и малодушіе, былъ зрителями обруганъ и издыхалъ со стыдомъ. Мертвыя тѣла выносили съ арены чрезъ особую дверь. Страбонъ, упоминая о нравахъ жителей Кампаньи, говоритъ, что даже на пирахъ, на которые сзывали они друзей, нѣсколько паръ гладіаторовъ сражались и проливали кровь, между тѣмъ какъ варвары сіи насыща-

лись яствами и упивались виномъ. — Тацитъ, въ XIV книгѣ своихъ лѣтописей, упоминаетъ о кровопролитной распрѣ, случившейся въ помпейскомъ амфитеатрѣ между жителями Помпеи и римскими поселенцами близъ лежащаго городка Ночеры, пришедшими сюда на праздникъ: начало ссоры было незначущее, но скоро отъ брани перешли помпейцы къ дракѣ, къ каменьямъ и къ оружію; множество римлянъ осталось мертвыми и изувѣченными. Сенатъ, узнавъ о такомъ безпорядкѣ, лишилъ помпеянъ на десять лѣтъ права давать зрѣлища въ амфитеатрѣ.

Покидая Помпею, я искренно жалѣлъ, что правительство назначило только 8 человѣкъ и 4 вола для продолженія очищенія города отъ золы. При французахъ работа эта производилась съ большею дѣятельностью; они отрыли, между прочимъ, городскія стѣны, и такъ какъ пространство Помпеи теперь уже извѣстно, то, прибавивъ работниковъ, можно-бы въ самое короткое время возвратить ее всю любителямъ древности.

Дорога отъ Помпеи до Геркулана идетъ по берегу моря. Послѣднее изверженіе Везувія засыпало мостовую на нѣсколько вершковъ золою, которая весьма непріятна и даже вредна глазамъ, когда ее поднимаетъ вѣтеръ. Вся дорога эта усѣяна слѣпыми нищими, они бѣгутъ за проѣзжими и неотступно требуютъ милостыни. Не знаю, чему приписать большое число сихъ слѣпыхъ; не знаю, отъ тонкой-ли везувіянской пыли теряютъ они зрѣніе, или, ослѣпнувъ по другой причинѣ, приходятъ сюда потому, что уже пыль не можетъ имъ вредить.

Геркуланъ.—Точное положеніе Геркулана долго оставалось въ неизвѣстности, а неизвѣстность сія служила поводомъ ко многимъ догадкамъ и спорамъ ученыхъ. Въ 1738 году крестьянинъ деревни Резаны, выкопавъ колодезь въ 80 футовъ глубины, долженъ былъ прекратить свою работу, нашедъ, вмѣсто воды, древнее строеніе: это былъ театръ Геркулана.

По сему первому признаку о существованіи города, правительство начало отрывать далѣе; но такъ какъ надъ симъ мѣстомъ поверхность земли покрыта домами Портичи и Резаны, то предстояла опасность, подкапываясь подъ нихъ, повредить оные, а потому и принуждены были рыть почти наудачу, слѣдуя горизонтальному направленію и засыпая снова открытыя мѣста, по мѣрѣ того, какъ вынимали найденные предметы.—Теперь изъ всѣхъ найденныхъ въ Геркуланѣ домовъ и улицъ, оставлена для любопытныхъ только малая часть театра.— Подъ землею, при факельномъ освѣщеніи, трудно и почти невозможно получить ясное понятіе о строеніи, коего видны только отдѣльныя части; но судя о величинѣ театра по длинѣ сцены, можно увѣриться, что онъ былъ гораздо обширнѣе помпейскаго, а разсматривая въ музеѣ найденные въ Геркуланѣ мраморы, бронзу и живописи, утвердительно можно сказать, что городъ этотъ былъ великолѣпнѣе Помпеи и что жители онаго были и богаче, и роскошнѣе своихъ сосѣдей. Но путешественникъ, коему не удалось-бы спуститься въ подземный геркуланскій театръ, не долженъ жалѣть о томъ: онъ гораздо занимательнѣе для литолога, чѣмъ для любителя древности. Сей послѣдній, кромѣ мраморныхъ ступеней и малаго числа попорченныхъ колоннъ, не найдетъ ничего примѣчательнаго; — но природоиспытатель имѣетъ случай сдѣлать здѣсь много наблюденій. Пусть рѣшитъ онъ, точно-ли Геркуланъ залило лавою, или засыпало большимъ количествомъ горячей золы, которая потомъ, бывъ смочена морскими волнами, отвердѣла и обратилась въ торфъ? Мнѣнія на этотъ счетъ могутъ быть свободны, съ тѣхъ поръ, какъ два искусныхъ минералога, занимаясь изслѣдованіемъ лавъ, покрывшихъ Геркуланъ со времени его уничтоженія, доказали, что ученые и невѣжды на землѣ равны между собою. Гамильтонъ нашелъ только семь лавъ, а Венути насчиталъ ихъ до двадцати шести...

Въ Неаполѣ нѣтъ ни одного артиста, заслуживающаго вниманія, но они здѣсь и не нужны; произведенія греческихъ и римскихъ художниковъ обогащаютъ ежедневно пространныя залы здѣшняго музея. Земля Неаполя, такъ какъ и Рима, заключаетъ въ себѣ неизчерпаемое богатство превосходныхъ мраморныхъ и бронзовыхъ статуй.

Въ Геркуланѣ найдено множество прекрасныхъ колоннъ: алебастровыхъ, африканскаго и египетскаго мраморовъ Rosso и Gialo antico, мозаичные полы; бронзовые сосуды всѣхъ возможныхъ видовъ, канделябры, лампады, стулья, всякая мелочь, какъ-то: чернильницы, навощеныя дощечки, на которыхъ писали, кости для игры, рюмки, стаканы, бутылки; весь туалетъ римской дамы, и проч., и проч.

Въ числѣ статуй замѣчательны мраморныя: Аполлонъ, три Музы, Августъ, Клавдій, Цицеронъ, Гомеръ; бронзовые: два фавна, одинъ спящій, другой пьяный, Меркурій и еще другіе.

Но, въ глазахъ моихъ, удовлетворительнѣе всего мраморное во весь ростъ изображеніе Аристиппа; онъ стоитъ въ задумчивости, на лицѣ его видно глубокомысліе. Вокругъ тѣла окинутъ плотно и взброшенъ на плечо тонкій плащъ; подъ нимъ скрыта лѣвая рука, правая держитъ свитокъ, который кажется предметомъ его размышленія. Драпировка, благородность осанки, совершенно согласны съ выраженіемъ лица. Предъ Аристиппомъ можно долго простоять въ задумчивости.— Въ похвалу статуѣ или картинѣ, представляющей человѣка, на всѣхъ языкахъ употребляютъ слова: *она говоритъ*, elle est parlante, и я чуть-было не выразился такимъ образомъ объ Аристиппѣ. Скажи, какъ похвалить живое изображеніе молчанія?

Самое любопытное открытіе сдѣлано въ одномъ изъ домовъ Геркуланума.—Оно до сихъ поръ держитъ ученыхъ въ надеждѣ и ожиданіи: болѣе 800 папирусовъ

или рукописей найдены въ одномъ мѣстѣ. Сіи свитки, имѣющіе нѣсколько вершковъ ширины и около трехъ аршинъ длины, обвернуты вокругъ деревяннаго или костяного валика. Жаръ обратилъ ихъ совершенно въ уголь. На нихъ хотя съ величайшимъ трудомъ, но можно читать писанныя литеры, которыя кажутся чернѣе неписанныхъ мѣстъ. Свитки болѣе истлѣвшіе гораздо легче развертывать, нежели тѣ, которые менѣе подвержены были огню.

До сихъ поръ, изъ прочитанныхъ папирусовъ вышли въ свѣтъ только два перевода съ греческаго: Θиломеда— о музыкѣ; да одинъ съ латинскаго: отрывокъ изъ поэмы о походѣ Цезаря въ Египетъ.

Если-бы позволено было не греку и не латинисту объявить свое мнѣніе о рукописяхъ, написанныхъ на сихъ двухъ языкахъ, то вотъ что бы сказалъ я геркуланскому ученому обществу: „Милостивые государи!— Вамъ поручено возвратить ученому свѣту произведенія древнихъ мудрецовъ; вы сами надѣетесь дополнить изъ сихъ папирусовъ дошедшія до насъ неполныя сочиненія. Милост. гос., и я принимаю живѣйшее участіе въ вашемъ занятіи и въ вашихъ открытіяхъ, и я надѣюсь читать ихъ въ переводѣ; но позвольте доложить, что если вы будете продолжать развертывать такъ, какъ начали, то и вамъ и мнѣ врядъ-ли удастся прочитать что-нибудь истинно занимательное. Я былъ въ той комнатѣ, гдѣ шесть человѣкъ читаютъ папирусы, и не удивляюсь болѣе, что лѣтъ въ 70 вы успѣли напечатать только одинъ незанимательный томъ. Изъ шести человѣкъ двое сидѣли надъ работой, и зѣвали; двое зѣвали и прогуливались, и двое зѣвая, изъясняли пришедшимъ иностранцамъ способъ развертыванья сихъ свитковъ. Этотъ способъ совершенно механическій, онъ не требуетъ никакой учености; терпѣніе и хорошіе глаза для него достаточны; но зачѣмъ, мм. гг., трудиться надъ такими рукописями, изъ которыхъ вы по первымъ стро-

камъ можете видѣть, что они не заключаютъ ничего любопытнаго; откладывайте ихъ въ сторону, берите другія: такимъ образомъ, можетъ быть, наконецъ, и доберетесь до потерянныхъ для насъ книгъ Тацита, сочиненій Светонія и Цицерона. Все это, смѣю васъ увѣрить, было-бы гораздо полезнѣе музыки вашего Ѳиломеда. Притомъ, можете умножить число работниковъ и прибавить имъ плату; они будутъ зѣвать менѣе и работать охотнѣе".

Симъ заключаю повѣствованіе о видѣнномъ мною на Везувіи, въ Помпеѣ и въ Геркуланѣ.

Сорренто, 19-го августа.

Я былъ въ Искіи и въ Капри. Извѣстно, что эти два острова, лежащіе при входѣ въ Неапольскій заливъ, славятся: первый своею красотою, второй тѣмъ, что императоръ Тиверій жилъ на немъ довольно долго. Удалившись изъ Рима, для наслажденія сельской жизнью, выстроилъ онъ на островѣ Капри двѣнадцать дворцовъ, иные на самомъ берегу моря, другіе на высотѣ дикихъ скалъ. Говорятъ, будто-бы онъ переходилъ изъ дворца во дворецъ, смотря по погодѣ, по времени года; если это справедливо, то я подозрѣваю его нѣсколько въ прихотливости. Капри имѣетъ всего верстъ десять въ окружности; суди самъ, можетъ-ли на такомъ маломъ пространствѣ разность въ климатѣ оправдать ужасныя издержки, сдѣланныя при построеніи великолѣпныхъ, украшенныхъ рѣдкими мраморами зданій? Къ каждому изъ нихъ былъ проведенъ каменный на сводахъ каналъ, по которому протекала прѣсная вода.

На восточной сторонѣ острова есть высокая, отовсюду крутая гора; отъ моря она поднимается прямо стѣною; на вершинѣ стоялъ одинъ изъ дворцовъ; теперь построена тамъ часовня, въ которой живетъ *пустынникъ;* можетъ быть, вообразишь ты себѣ, при семъ словѣ,

Анахорета, жителя пустыни, въ дичи глухой, непроходимой, которому *обѣдъ даютъ древа, а питіе—ручей*, у котораго въ хижинѣ *кружится рѣзвый котъ, въ углу кричитъ сверчокъ!* Ты ошибешься: здѣшніе пустынники завладѣли самыми красивыми, самыми людными мѣстами; иностранцы-путешественники являются къ нимъ обыкновенно прежде, нежели къ своимъ посланникамъ; они видятъ и принимаютъ болѣе гостей, чѣмъ здѣшніе министры; приходящимъ ни пить, ни ѣсть не даютъ, а просятъ у нихъ денегъ; сами-же пьютъ вино, ѣдятъ мясо; вмѣсто кошекъ и сверчковъ, держатъ мышей и блохъ, словомъ, ничѣмъ не схожи съ идеальными пустынниками, развѣ нечистотою и разодраннымъ платьемъ. Но возвратимся къ горѣ. Римскій императоръ Тиверій любилъ это мѣсто; однажды, гуляя тутъ (такъ разсказываетъ историкъ Светоній), онъ весьма удивился дерзкой смѣлости одного рыбака, который, завидѣвъ Тиверія, взобрался къ нему по скалѣ, почитавшейся дотолѣ неприступною и, поднесши ему необыкновенной величины рыбу, ждалъ награды за такую услугу. Тиверію непріятна была смѣлость рыбака: онъ изъ шутки приказалъ натереть ему лицо рыбьею чешуею, а когда въ кровь истертый бѣднякъ началъ радоваться вслухъ, что не вздумалось ему поднести Тиверію пойманнаго имъ морского рака, послѣдній услышалъ слова сіи и велѣлъ тотчасъ тереть его лицо шкурою рака. Свободные отъ дѣлъ часы, Тиверій часто проводилъ подобнымъ образомъ. Иногда за преступленія, иногда по подозрѣнію, а часто и просто для увеселенія, приказывалъ прогнѣвавшихъ его сбрасывать съ высоты утеса: тѣ изъ несчастныхъ, которые долетали до моря, не разбившись вдребезги, были убиваемы людьми, ожидавшими ихъ въ лодкахъ...

Здѣсь видны развалины маячной башни; за нѣсколько дней предъ смертью Тиверія, она разрушилась отъ землетрясенія. На островѣ Капри есть два городка: нижній и

верхній Капри; въ нихъ болѣе двухъ тысячъ жителей; изъ перваго въ послѣдній всходятъ по лѣстницѣ, которая вьется надъ стремниной въ 250 саженъ вышины. Народъ дѣятеленъ, женщины прекрасны. Всѣ тяжести переносятся, вся работа исправляется людьми: гористое положеніе не позволяетъ употреблять и муловъ. На Капри есть много примѣчательнаго, кромѣ историческихъ памятниковъ: любопытный гротъ, служившій вѣроятно ванною, быть можетъ, Тиверію; зубчатыя живописныя скалы; но вообще видъ острова дикъ, деревьевъ, и слѣдовательно тѣни, мало.

Не знаю, ѣзжалъ-ли ты по волнистому морю въ маленькой лодкѣ, съ плохими снастями и парусами, съ неискусными матросами?—Я изъ Капри въ Сорренто воротился въ такой лодкѣ; распустивши паруса и отплывъ отъ берега, кормчій снялъ шляпу, и, протянувъ руки, попросилъ меня дать что-нибудь для бѣдныхъ душъ чистилища; такая просьба не внушаетъ довѣрія, особенно въ сильно качающейся лодкѣ, управляемой неловкими гребцами. И такъ, хотя я и не обязанъ вѣрить чистилищу, но на всякій случай далъ монету въ пользу тамошнихъ жителей.—Меня увѣряли послѣ, что здѣшніе мореходцы собираемыя ими такимъ образомъ деньги никогда не употребляютъ на другой предметъ, а относятъ къ пастырямъ...

Дружба Жуковскаго съ Перовскимъ *).

Идеальная, трогательная дружба существовала, въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ, между поэтомъ—Василіемъ Андреевичемъ Жуковскимъ, и съ виду суровымъ, но столь-же добрымъ и нѣжнымъ въ душѣ воиномъ — Василіемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ. Много было звеньевъ, которыя могли связывать этихъ двухъ замѣчательныхъ русскихъ людей первой половины недавно минувшаго столѣтія. Главнымъ звеномъ была ихъ взаимная любовь и глубокое уваженіе другъ къ другу. Между ними было то „родство души", въ существованіи котораго сомнѣвался поэтъ Лермонтовъ. Чистая, какъ горный хрусталь, душа поэта, его нѣжное, любящее сердце, выдающійся умъ и крупный поэтическій талантъ встрѣтились съ душою столь-же благородною и свѣтлою, съ сердцемъ столь-же искреннимъ и любящимъ, но болѣе мужественнымъ и закаленнымъ въ житейскихъ буряхъ—и, въ добавокъ, съ умомъ, столь-же обширнымъ и яснымъ, къ коему присоединялся, какъ-бы взамѣнъ поэтическаго таланта, весьма большой здра-

*) Матеріалами для настоящей статьи, отчасти неизданными, послужили, преимущественно, письма графа В. А. Перовскаго къ В. А. Жуковскому, числомъ болѣе пятидесяти, переданныя сыномъ поэта, Павломъ Васильевичемъ, послѣ смерти отца, по его желанію, гр. А. А. Толстой, отъ которой эти матеріалы и поступили недавно ко мнѣ — при любезномъ разрѣшеніи пользоваться ими для печати.

вый смыслъ. Затѣмъ, оба они были очень образованными людьми — и оба-же были чрезвычайно близки къ семьѣ великаго князя Николая Павловича и къ нему самому, — и впослѣдствіи, когда великій князь сталъ императоромъ, оба они были осыпаны милостями царя и на обоихъ были возлагаемы царскія порученія величайшей важности. Такъ, на Жуковскаго было возложено воспитаніе юнаго наслѣдника престола, цесаревича Александра Николаевича; на Перовскаго, ставшаго впослѣдствіи графомъ, возлагались не разъ чрезвычайныя военныя порученія—и, между прочимъ, онъ былъ назначенъ, въ 1839 году, главнымъ начальникомъ военной экспедиціи въ Хиву, а затѣмъ, позднѣе, въ 1851 году, оренбургскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ и командиромъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, войска коего, подъ его начальствомъ, взявъ крѣпость Акъ-Мечеть, положили начало завоеванію кокандскаго ханства *).

Было и еще нѣчто одинаковое въ судьбѣ этихъ людей: оба они были, какъ извѣстно, незаконнорожденные. Одинъ былъ сыномъ помѣщика Бунина и плѣнной турчанки, другой — побочнымъ-же сыномъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго **). Надъ этимъ нелегаль-

*) Изъ времени перваго губернаторства Перовскаго въ Оренбургѣ, въ 30-хъ годахъ, слѣдуетъ отмѣтить, между прочимъ, два интереснѣхъ событія: первое — это пріѣздъ въ Оренбургъ Пушкина, ради составлявшейся имъ въ то время „Исторіи Пугачевскаго бунта“, и Жуковскаго, сопровождавшаго (въ 1837 году) наслѣдника цесаревича Александра Николаевича въ его путешествіи по Россіи. Оба—и Пушкинъ, и Жуковскій — жили, за время своего пребыванія въ Оренбургѣ, у Перовскаго, въ его квартирѣ въ караванъ-сараѣ, — въ губернаторскомъ домѣ.

**) Графъ А. К. Разумовскій, бывшій министромъ народнаго просвѣщенія (сынъ гетмана Кирилла Григорьевича Разумовскаго) былъ женатъ на графинѣ В. П. Шереметевой, вскорѣ послѣ брака разошелся съ женою и не имѣлъ возможности получить формальный разводъ; потому и не могъ усыновить Перовскаго и его братьевъ.

нымъ происхожденіемъ, очень мало, повидимому, безпокоившемъ этихъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей, одинъ изъ нихъ, Перовскій, впослѣдствіи мѣтко и зло посмѣялся въ одномъ изъ писемъ къ своему другу Жуковскому, которое помѣщается ниже.

Впрочемъ, и въ этой дружбѣ, какъ и всегда, одинъ изъ нихъ отчасти главенствовалъ надъ другимъ: Жуковскому принадлежала первенствующая роль; по крайней мѣрѣ, Перовскій, будучи человѣкомъ въ высшей степени скромнымъ и застѣнчивымъ, самъ находилъ, что онъ „стоитъ ниже“ своего уже знаменитаго въ то время друга, который невольно, быть можетъ, подавлялъ его своею ученостью и поэтическимъ талантомъ.

Этихъ двухъ замѣчательныхъ людей связывало между собою еще и то обстоятельство, что оба они были всѣмъ обязаны лишь самимъ себѣ. Протекціи Жуковскій не имѣлъ совсѣмъ, а Перовскій хотя и имѣлъ ее *), но она была для него излишня: такъ велики

*) Вотъ письмо (1821 года) великаго князя Николая Павловича къ графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому (отцу Перовскаго). Изъ него мы узнаемъ, что Николай Павловичъ взялъ на себя трудъ напомнить отцу Перовскаго о сынѣ, о судьбѣ и благосостояніи котораго гр. Разумовскій, очевидно, не слишкомъ-то много заботился. Это письмо очень важно еще и по слѣдующимъ двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, мы видимъ, какимъ близкимъ человѣкомъ къ вел. кн. былъ Перовскій; а во-вторыхъ, изъ этого письма можно предполагать, что Николай Павловичъ, когда писалъ его и просилъ о Перовскомъ, *не зналъ*, что онъ будетъ въ скоромъ времени императоромъ и легко сможетъ, помимо равнодушнаго отца, сдѣлать счастливымъ близкаго къ нему человѣка. Письмо это мы приводимъ съ подлинника; оно появляется въ печати впервые. Вотъ оно:

„Vous serez peut-être étonné de la demande que je fais près de vous, mais vous connaissant trop pour douter de votre générosité je ne crains pas de m'adresser à vous, pour plaider une cause qui doit vous être tout aussi chère qu'à moi. Il s'agit du bien-être de mon cher Peroffs. et de toute sa famille. Vous êtes sûrement au fait de l'amitié sincère que je lui porte, il est donc bien naturel que tout ce-

были его личныя способности и такъ исключительны были его самые первые шаги, несчастія и отличія на государственной службѣ. Извѣстно, что, получивъ воспитаніе въ московскомъ университетѣ, онъ поступилъ въ военную службу колонновожатымъ (тогдашній генеральный штабъ) и вскорѣ-же попалъ въ плѣнъ къ французамъ. Это случилось такъ. Перовскій, оставшійся на нѣсколько часовъ въ Москвѣ, во время вступленія въ нее арміи Наполеона I, былъ измѣнническимъ образомъ схваченъ, сочтенъ за шпіона и приговоренъ къ разстрѣлянію. Случайность спасла его отъ смерти, но не спасла все-таки отъ плѣна,—и онъ, обобранный французскими солдатами, прошелъ пѣшкомъ изъ Москвы во Францію,

---

qui le regarde m'interesse vivement. Le savoir heureux et tranquille pour tous les siens et pour lui-même m'est un besoin véritable. Il m'est donc plus qu'affreux de savoir le contraire. Cependant je dois le craindre, Monsieur le Comte, s'il n'obtient rien de votre générosité; son bonheur et celui de sa famille entière ne dépend que de vous seul et j'espère vous connaître assez pour être sûr que vous ne voudrez pas abandonner un être qui vous doit son existence et qui par tous les titres possibles mérite la première place dans votre coeur. Si mes prières peuvent être de quelque poids à vos yeux, permettez que je les adresse à vous pour cet objet, qui me tient trop à coeur pour vous le cacher et faites que je n'aie jamais besoin de douter de votre bonté et de votre justice. J'ajouterai encore qu'il est impossible d'unir plus de qualités estimables à plus d'amabilité que ne possède Basile. Il m'est vraiment bien cher et je lui ai voué une amitié bien sincère, persuadé qu'elle ne peut être mieux placée. Vous voyez donc que je suis bien à excuser dans *mes prétentions* si j'avais besoin d'excuse dans tout ce que je viens de vous exposer. — Aussi je suis bien persuadé que je ne reverrai Peroffs., que bien tranquillisé sur son bonheur, etc.

„Veuillez croire, Monsieur le Comte, à ma parfaite estime et à la haute considération avec lesquelles j'ai l'honneur d'être

„Votre très-affectionné Nicolas".

Къ этому письму слѣдуетъ пояснить еще вотъ что. Великій князь написалъ и отправилъ свое письмо безъ вѣдома самого Перовскаго, который не разъ говорилъ впослѣдствіи, что если-бы зналъ, то никогда не допустилъ-бы этого ходатайства за себя.

безъ денегъ, теплаго платья и даже безъ сапогъ, отнятыхъ конвойными. Затѣмъ, спустя почти два года, узнавъ, что союзныя арміи вступили во Францію, онъ бѣжалъ изъ Орлеана, гдѣ подъ карауломъ содержались плѣнные (русскіе, англичане и испанцы) — и добрался-таки до русскаго отряда, благодаря главнымъ образомъ, прекрасному знанію французскаго языка.

Испытанныя Перовскимъ въ плѣну лишенія и страданія обратили на него, по возвращеніи въ Россію, особое вниманіе вел. кн. Николая Павловича, который, узнавъ его ближе, ввелъ потомъ, какъ и Жуковскаго, въ свою семью. Впослѣдствіи, однако, Перовскій, сравнительно, не сдѣлалъ такой блестящей карьеры, на которую могъ разсчитывать и которую могъ ожидать—какую сдѣлали, напр., графы Адлерберги, Орловъ, Бенкендорфъ и даже Клейнмихель и Нессельроде: его замѣчательно прямой и нетщеславный характеръ, острый, хотя и не злой языкъ и глубокое отвращеніе отъ лжи, низкопоклонничества и лести *), сдѣлали то, что онъ не оставался въ Петербургѣ, вблизи двора, постоянно,—и лучшіе годы своей службы, въ царствованіе Николая Павловича, провелъ на окраинахъ Россіи—въ Оренбургѣ и частію на Кавказѣ. Эти же его качества, столь цѣнимыя въ немъ Жуковскимъ, создавали ему массу враговъ, бросавшихъ ему, при всякомъ удобномъ случаѣ, палки въ колеса... Графы Чернышевъ и Нессельроде и даже кн. Меньшиковъ не мало вредили Перовскому на всѣхъ путяхъ его, въ особенности за время неудачнаго зимняго похода въ Хиву. Одинъ Жуковскій оставался преданъ и вѣренъ ему до конца своей жизни, — и, уже будучи почти слѣпымъ, написалъ ему, ощупью, по подкладываемой подъ руку линейкѣ, письмо изъ Бадена,

*) Въ дневникѣ великаго князя Николая Павловича, 1824 года имѣются, напр., слѣдующія строки: ...„Сегодня я далъ В. Перовскому крестъ, а онъ, встрѣтясь, даже не поблагодарилъ меня“.

полное любви и заботы о своемъ далекомъ другѣ. Письмо это было писано въ іюлѣ 1851 года — и было послѣднимъ письмомъ Жуковскаго.

Лишь одинъ разъ, въ 1824 году, то-есть, за двадцать-семь лѣтъ до написанія этого письма, крѣпкую и неразрывную дружбу этихъ двухъ людей омрачила небольшая, набѣжавшая тучка... Правда, размолвка ихъ продолжалась всего нѣсколько дней — и закончилась полнѣйшимъ примиреніемъ; но, тѣмъ не менѣе, она произошла,—и о ней мы разскажемъ здѣсь нѣсколько подробнѣе, такъ какъ она представляетъ нѣкоторый интересъ.

Къ этой маленькой размолвкѣ, оказывается, было примѣнимо извѣстное французское изреченіе—„cherchez la femme“. Произошла она въ Аничковомъ дворцѣ. Жуковскій и Перовскій, будучи холостыми людьми, стали вздыхать по одной и той же фрейлинѣ, графинѣ Самойловой, остававшейся къ нимъ — увы! — совершенно равнодушной. Въ своей любви къ этой строгой красавицѣ Перовскій, будучи отъ природы болѣе откровеннымъ признался впервые своему другу, Жуковскому, который поступилъ при этомъ случаѣ вполнѣ дружески и даже съ нѣкоторымъ самопожертвованіемъ: онъ не только подавилъ въ себѣ личное чувство зарождающейся любви, но еще и написалъ своему другу слѣдующее посланіе — не особенно важное, какъ увидимъ, по своимъ стихотворнымъ достоинствамъ, но дышащее любовью къ „товарищу“ и искреннимъ желаніемъ ему успѣха и счастія. Вотъ это стихотвореніе:

„Товарищъ! вотъ тебѣ рука!
Ты другу во-время сознался:—
Къ любви была душа близка,
Въ ней также пламень загорался,
Животворитель бытія,—
И жизнь отцвѣтшая *моя*
Надеждой снова зацвѣтала:
Опять о счастьи мнѣ шептала

Мечта—знакомецъ старины!,.
Дорогой странникъ утомленный,
Узрѣвъ съ холма неотдаленный
Предѣлъ родимой стороны,
Трепещетъ, сердцемъ оживаетъ,
И жаднымъ взоромъ различаетъ
За горизонтомъ отчій кровъ
И слышитъ снова шумъ дубовъ,
Тѣхъ самыхъ, что давно шумѣли
Надъ нимъ, игравшимъ въ колыбели,
Въ виду родительскихъ гробовъ;—
Онъ небо узнаетъ родное,
Подъ коимъ счастье молодое
Ему сказалося впервой
Неизъяснимымъ упованьемъ,
Прискорбно-сладкимъ ожиданьемъ,
Невыразимою тоской!..
Живымъ—утраченное мнится;
Онъ снова гость минувшихъ дней:—
И снова жизнь къ нему тѣснится
Всей милой прелестью своей...
Таковъ былъ я одно мгновенье!—
Прелестно-быстрое видѣнье
— Давно не посѣщавшій другъ—
Меня внезапно навѣстило,
Меня внезапно уманило
На первобытный жизни лугъ!
Любовь мелькнула предо мною...
Съ возобновленною душою
Я къ лирѣ бросился моей,—
И подъ рукой нетерпѣливой
Бывалый звукъ раздался въ ней,—
И мертвое—мнѣ стало живо,
И снова на бездушный свѣтъ
Я оглянулся, какъ поэтъ...
Но—удались, мой посѣтитель!
Не у меня тебѣ гостить—
Не мнѣ о жизни возвѣстить
Тебѣ, святой благовѣститель!..
Товарищъ! мной ты не забытъ;
Любовь друзей не раздружитъ
Симъ несозрѣвшимъ *упованьемъ*,
Едва отвѣданнымъ душой,

Подорожу ль передъ тобой,
Сравню ль его *съ твоимъ* страданьемъ?!..
Я вижу, молодость твоя
Въ прекрасномъ цвѣтѣ умираетъ—
И страсть, убійца бытія,
Тебя безмолвно убиваетъ...
Давно веселости ужъ нѣтъ!
Гдѣ остроты пріятной живость,
Съ которой ты являлся въ свѣтъ?
Товарищъ грустный! молчаливость
Повсюду слѣдомъ за тобой:
Ты, молча, радостей дичишься—
И къ жизни холоденъ, дружишься
Съ одной убійственной тоской,
Владѣльцемъ сердца одинокимъ...
Мой другъ! съ участіемъ глубокимъ
Я часто на лицѣ твоемъ
Ловлю души твоей движенья—
Болѣзнь любви безъ утоленья
Изображается на немъ:
Склоненность робкая *предъ ней,*
Несвязность смутная рѣчей
Въ желанномъ сердцу разговорѣ...
Перерывающійся гласъ...
Къ тому, что окружаетъ насъ
Задумчивое невниманье;
Присутствіе (ея)—очарованье
И неприсутствіе—тоска,
И трепетъ, признакъ страсти тайной,
Когда послышится случайно
Любимый гласъ издалека...
И это *все,* что сердцу ясно,
А выраженью не подвластно.—
Сіи примѣты знаю я!
На то мой жребій далъ мнѣ право...
Но то, въ чемъ сладость бытія,
Должно ли быть его отравой?
Нѣтъ, милый, ободрись: *она*
Столь восхитительна не даромъ.
Души глубокой чистымъ жаромъ
Сія краса оживлена!
Сей ясный взоръ—онъ не обманчивъ:
Подъ сей веселостью живой

Задумчивое что-то скрыто;
Уныло-сладостное слито
Съ сей оживленной красотой...
Въ ней что-то искреннее дышитъ,—
И въ миломъ голосѣ ея
Довѣрчиво душа твоя
Какой-то звукъ знакомый слышитъ...
О, ввѣрься жъ, другъ, душѣ прекрасной!
Ужель природою напрасно
Ей столько милаго дано?..
Люби! любовь и жизнь—одно!
Предайся ей, забывъ сомнѣнье,
И жребій жизни соверши:
Она пойметъ твое мученье,
Она пойметъ языкъ души!..." *)

Будучи годами старше своего „товарища" и друга и уступивъ ему дорогу, Жуковскій разсчитывалъ, вѣроятно, что Перовскій преуспѣетъ въ своемъ ухаживаньѣ и „жребій жизни совершитъ", т. е. женится на гордой и неприступной графинѣ С—овой. Между тѣмъ, на дѣлѣ оказалось совсѣмъ не то: романъ Перовскаго подвигался впередъ очень медленно... Около этого времени, между друзьями и произошла, совершенно случайно, слѣдующая небольшая размолвка.

Въ Аничковомъ дворцѣ, въ аппартаментахъ проживавшаго тамъ великаго князя Николая Павловича былъ домашній танцовальный вечеръ. Маленькія дѣти великаго князя, ихъ воспитательницы и нѣсколько фрейлинъ, въ числѣ коихъ была и графиня С—ова, танцовали подъ рояль. Перовскій и Жуковскій присутствовали также на этомъ вечерѣ; Перовскій былъ особенно оживленъ,—много танцовалъ—съ дѣтьми и съ графиней С—овой—и до того увлекся въ танцахъ, что слегка „карячился", т. е. кривлялся... Великая княгиня Александра Ѳеодоровна не присутствовала на вечерѣ, такъ какъ ея

*) Это стихотвореніе, а равно и одно изъ писемъ покойнаго Жуковскаго, были когда-то напечатаны въ одномъ изъ московскихъ журналовъ.

не было дома. На другой день, Жуковскій явился къ ней для урока русскаго языка, которые онъ ей въ то время давалъ; а затѣмъ, на вопросъ великой княгини— какъ былъ проведенъ вечеръ наканунѣ, поэтъ разсказалъ, что всѣ очень веселились, что были танцы, въ которыхъ онъ, Жуковскій, не принималъ участія, но что Перовскій былъ особенно въ духѣ, много танцовалъ и „карячился“ съ дѣтьми... Великая княгиня, еще мало въ то время знакомая съ русскимъ языкомъ, не поняла, по всей вѣроятности, этого слова какъ бы слѣдовало— и въ разговорѣ своемъ въ тотъ же день съ Перовскимъ, сообщила ему, что ей извѣстно, какъ онъ веселился наканунѣ съ ея дѣтьми и какъ онъ „карячился“... Вотъ изъ-за этого-то слова и загорѣлся весь сыръ-боръ...

Перовскій, тотчасъ же послѣ разговора съ великой княгиней, отправился къ Жуковскому объясняться. Между ними произошелъ крупный разговоръ, въ концѣ котораго Перовскій такъ вспылилъ, что сказалъ Жуковскому: — Дуракъ!

Кроткій и любвеобильный поэтъ ограничился лишь тѣмъ, что сказалъ Перовскому: — Пошелъ вонъ!

Перовскій ушелъ. А затѣмъ... затѣмъ, начались взаимныя терзанія и мученія двухъ добрѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей, горячо любившихъ другъ друга... На другой же день размолвки, Жуковскій не вытерпѣлъ— и написалъ своему вспыльчивому другу слѣдующее письмо, дышащее юморомъ и любовью и въ которомъ вылилась отчасти нѣжная и благородная душа поэта. Вотъ это письмо, гдѣ Жуковскій обращается къ другу уже *на вы:*

„Василій Алексѣевичъ!

„Думалъ ли я, что первый листъ изъ новокупленной мною бумаги у г-на Ольхина употреблю на то, чтобы своими письменными убѣжденіями стараться укротить гнѣвъ вашъ, произведенный нашими *обоюдными* грубыми непристойностями?!.. Боже мой, какъ невѣрна жизнь

человѣческая!—Два друга, дышавшіе, кажется, до сихъ поръ единогласно, въ совокупности и, такъ сказать, въ единственномъ числѣ,—хотя они сами и во множественномъ,—два Пилада, два Ореста, можно сказать даже два Данона и Пидіаса—вдругъ, въ одну минуту, безъ всякаго предварительнаго приготовленія, свирѣпѣютъ: одинъ, въ какомъ-то бѣснотворномъ неистовствѣ, говоритъ другому: „Дуракъ!“, а тотъ, въ помѣшательствѣ остервенѣнія, отвѣтствуетъ: „Пошелъ вонъ!.“

„И что же? Раздраженный, негодующій другъ *идетъ вонъ*—идетъ и не возвращается!.. И за что все сіе?—за бѣсовское навожденіе! за танцовальное искусство, въ которомъ и тотъ и другой не искусны... Господи, Боже мой! Что же такое Твоя жизнь, данная намъ для блага и на то, чтобы мы, посредствомъ добродѣтели, удостоивались Твоего рая?!.. Давно говоритъ пословица: „ляжешь живой, а встанешь мертвый“!..

„Василій Алексѣевичъ! Я не для того сказалъ вамъ „пошелъ вонъ“, чтобы и въ самомъ дѣлѣ вы пошли вонъ, а для того, чтобы вы пошли вонъ *изъ гнѣва* и возвратились-бы въ милость. Вѣдь вы назвали меня „дуракомъ“... Ну, какой-же я „дуракъ“?.. Развѣ не читали вы моихъ стихотвореній? *Такъ* дураки не пишутъ. Прочитайте-ка одно, которое начинается такъ: „Товарищъ, вотъ тебѣ рука!“—и увидите, что я знаю то, что говорю. А если я и сказалъ ея императорскому высочеству государынѣ великой княгинѣ о томъ, что вы карячились, танцуя съ дѣтьми, то я этимъ еще не оскорбилъ ни чести вашей, ни дружбы — и могу безъ угрызенія совѣсти повторить вышеупомянутое стихотвореніе. Его-же теперь надобно повторить съ большимъ колыханіемъ сердца, ибо врагъ близко и нуженъ *союзъ*, чтобы его побѣдить.

„Василій Алексѣевичъ! „Подивонъ“—значитъ *поди сюда!*

Пребываю Вашъ покорнѣйшій слуга-дуракъ

Василій Жуковскій“.

Перовскій не замедлилъ отвѣчать своему другу. Въ письмѣ его, въ началѣ писанномъ *на вы*, все еще проскальзываетъ неуспокоившееся неудовольствіе,—и только въ концѣ письма онъ переходитъ на прежнее сердечное *ты* и заключаетъ его первою строкою вышеприведеннаго стихотворенія Жуковскаго. Вотъ его письмо:

„Василій Андреевичъ!

„Когда, по вашему приглашенію, я „вышелъ вонъ", то это потому только, что уже прежде *вышелъ изъ себя*,— и когда сошелъ съ „лѣственницы", то самъ примѣтилъ, какъ я противъ васъ стою низко, но проклятое самолюбіе увѣрило меня, что если поднимусь опять къ вамъ, то унижусь...

„Впрочемъ, „дуракъ" не значитъ, что я почитаю васъ глупымъ: мнѣ-бы приличнѣе было назвать васъ *болтуномъ*, а сіи послѣдніе бываютъ и *не дураки;* такимъ-то и я васъ почитаю душевно. Мнѣ было досадно видѣть, что нельзя просто ни чихнуть, ни кашлянуть, чтобы вы тотчасъ-же не перенесли-бы то и другое къ ея высочеству; а между тѣмъ, это не принадлежитъ, по моему мнѣнію, къ урокамъ, вами преподаваемымъ.

„Поговоримъ о дѣлѣ. Что значитъ — „врагъ близко"?... Пожалуйста, напиши мнѣ поскорѣе; самому придти къ тебѣ никакъ теперь нельзя.

„Товарищъ, вотъ тебѣ рука!"

В. Перовскій".

Въ pendant къ этому письму, Перовскій, переходя уже на шуточный тонъ, но все еще предполагая, что другъ интересуется „извѣстною дѣвой", отправилъ ему слѣдующее посланіе съ препровожденіемъ *ея* перчатки и проч.

„Василій Андреевичъ!

„При семъ посылаю вамъ перчатку и уголокъ платка извѣстной вамъ дѣвы. Душевно желаю, Василій Андреевичъ, чтобы вы смотрѣли на сіи принадлежности, какъ и я на нихъ смотрѣлъ—какъ на простую тряпку и на простую лайку, и чтобы весна, а особенно горячее лѣто, нашли-бы васъ совершенно прохлажденнымъ. Горе вамъ, Василій Андреевичъ, если будетъ тому противное! Въ случаѣ (чего, однако-же, еще не предвижу), когда почувствуете себя довольно образумившимся, чтобы рѣшительно открыть глаза и уши и очистить голову и сердце, прошу васъ убѣдительнѣйше, Василій Андреевичъ, дайте мнѣ знать чрезъ кого-нибудь о сей счастливой перемѣнѣ, дабы мы вмѣстѣ и торжественно предали-бы землѣ, водѣ, или огню, всѣ эти перчатки, платки, ленточки и фруктовыя косточки... Ахъ, Царь Небесный! что это за праздникъ будетъ!... Повѣрьте, что минута, въ которую я увѣрюсь, что вы сдѣлались порядочнымъ человѣкомъ, будетъ пріятнѣйшею въ моей жизни! Но—*не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой!*..

В. Перовскій“.

Изъ этого письма очевидно, что Перовскій рѣшилъ порвать свое ухаживанье за гордой красавицей и сталъ склонять къ тому же и Жуковскаго.

На этомъ тогда и закончилась маленькая размолвка, происшедшая между близкими друзьями. Затѣмъ, дружба ихъ никогда уже и ничѣмъ не нарушалась—до самой смерти одного изъ нихъ, Жуковскаго, умершаго ранѣе (въ 1852 году). Иногда только подозрительный по характеру Перовскій, котораго Жуковскій все-таки продолжалъ импонировать своею ученостью, начиналъ упрекать своего друга за лѣность въ перепискѣ. Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, отправленномъ изъ Спа, гдѣ Перов-

скій лечился и гдѣ пребывала, въ это же время, и семья великаго князя Николая Павловича, онъ писалъ своему другу, оставшемуся въ Петербургѣ, слѣдующее:

...„Не стану упрекать тебя въ твоемъ молчаніи: лѣнью назвать его и мало, и нельзя, знавши, что ты писалъ великой княгинѣ уже *четыре раза*,—и не по письму, а всякій разъ по цѣлой тетради. Не хочу также входить въ сравненіе твоихъ отношеній къ ея высочеству съ моими отношеніями къ тебѣ,—не хочу взыскивать, въ правѣ ли ты, писавши такъ часто и много ей, совсѣмъ не писать мнѣ?.. Мнѣ извѣстенъ твой, весьма справедливый на счетъ ея, образъ мыслей; а потому, усматривая, какъ легко тебѣ и пріятно превозмочь лѣнь, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы писать ея высочеству, я вижу также, что ты не находишь никакого удовольствія писать *мнѣ*, или получать отъ меня письма,—и еще не довольный тѣмъ, что не пишешь, взялъ еще какое-то странное (a prétention) обѣщаніе съ великой княгини не показывать получаемыхъ ею отъ тебя писемъ. Изъ всего этого вотъ что для меня ясно: ты чувствуешь меня слишкомъ ниже себя и не находишь достойнымъ своей дружбы, особенно въ отдаленіи. Живя въ обществѣ вмѣстѣ, ты, конечно, можешь быть со мною въ нѣкоторой связи, разговаривать, иногда смѣяться (cela ne tire pas à conséquence)... но если бы, будучи разлучены, я сказалъ, что получаю отъ тебя письма, или даже, что получилъ хотя одно письмо отъ тебя, то въ глазахъ всякаго это было бы для меня слишкомъ лестно, а тебѣ не дало бы никакой выпуклости (relief). Однако-жъ, всякая тварь имѣетъ о себѣ выгодное понятіе; а потому, если-бы великая княгиня (которую люблю не изъ подражанія тебѣ, и которая не одобритъ скромнаго твоего молчанія) не изъявила желанія, чтобы я писалъ къ тебѣ, то я рѣшился уже не брать пера въ твою пользу.

„Ахенскія воды такъ мало, пока, помогли мнѣ, что я остаюсь еще на мѣсяцъ въ Ахенѣ—и, вѣроятно, до-

гоню его высочество *) только въ Петербургѣ. Прощайте, Василій Андреевичъ".

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, на томъ-же самомъ листѣ почтовой бумаги большого формата, Перовскій изливаетъ свою скорбь на лѣность и молчаніе нѣжно любимаго имъ друга въ слѣдующей, чрезвычайно интересной „аллегоріи", которую онъ и посылаетъ Жуковскому подъ видомъ „перевода" съ китайскаго:

„Одна изъ провинцій китайскаго государства въ особенности извѣстна страннымъ обычаемъ родителей, которые почти всегда оставляютъ дѣтей своихъ, съ нѣкотораго возраста, совершенно на произволъ судьбы, даютъ имъ какое-либо выдуманное имя и находятъ удовольствіе въ томъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ сами узнать ихъ не могутъ... Въ Китаѣ общее имя симъ несчастнымъ: *Василій*. Два такихъ Василія, оставленные родными, встрѣтившись, почувствовали, по сходству участи, одинъ къ другому нѣкоторую дружбу... По крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ думалъ, что дружба эта— искренна, и долго обманывалъ себя... Но время, которое всѣмъ обманчивымъ чувствамъ возвращаетъ настоящій видъ, отдало и сей мнимой дружбѣ должную справедливость. Случилось это вотъ какъ. Оба Василія попали ко двору и были приняты въ службу одного изъ принцевъ высокой крови китайскихъ императоровъ,—и одинъ Василій, который былъ немного чернѣе и умнѣе своего товарища, воспользовался малыми сими преимуществами ему поручили обучать молодую принцессу (которая была монгольскаго поколѣнія) китайскому языку. Нѣсколько лѣтъ исполнялъ онъ порученіе сіе, а товарищъ его, не примѣчая гордости чернаго Василія и не зная даже, чѣмъ могъ бы онъ противу него гордиться, старался поддерживать, по прежнему, старинную связь ихъ

*) Рѣчь идетъ о великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ, пріѣзжавшемъ къ своей семьѣ, находившейся за границей.

и дружбу. Но черный Василій, мало-по-малу отдаляясь отъ него, воспользовался первою разлукою, забылъ его, не писалъ ему, а писалъ только принцессѣ, увѣряя ее на китайскомъ діалектѣ въ искренной приверженности и привязанности. Принцесса, которая начинала уже говорить и понимать по-китайски и не зная, какъ зовутъ Василія чернаго по отцу, отвѣчала ему:

— „Сукинъ сынъ Василій! не вѣрю я твоимъ увѣреніямъ! Кто измѣнилъ дружбѣ, тотъ не заслуживаетъ вѣры ни въ какомъ другомъ чувствѣ. Товарищъ твой, хотя бѣлѣе и глупѣе тебя, но добрѣе... А потому, какъ скоро воротишься ты ко двору моему, повелѣно будетъ гофъ-мужику наказать тебя воловьими жилами по голымъ пяткамъ“.

„Прощай, сукинъ сынъ Василій!“

Это и есть то самое письмо, въ которомъ остроумный Перовскій зло вышучиваетъ своего „чернаго“ (т.-е. смуглаго) друга за его манкированіе въ перепискѣ, подтруниваетъ надъ своимъ и Жуковскаго нелегальнымъ рожденіемъ и родителями, оставившими ихъ „на произволъ судьбы“ и говоритъ, въ то же время, объ обязанностяхъ Жуковскаго при особѣ великой княгини Александры Ѳеодоровны... Письмо это, повидимому, подѣйствовало на Жуковскаго и отчасти достигло цѣли: по крайней мѣрѣ, въ имѣющихся у насъ письмахъ Перовскаго, писанныхъ какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующемъ году, не встрѣчаются уже горькія сѣтованія на молчаніе Жуковскаго, — хотя легкіе упреки въ этомъ смыслѣ все еще иногда проскальзываютъ въ письмахъ. Такъ, напр., въ письмѣ изъ Екатеринодара, Перовскій благодаритъ своего друга за „присланныя вѣсти“ (вырѣзки изъ газетъ)—и затѣмъ пишетъ:

...„Тебя не смѣю просить писать мнѣ; а не худо бы: съ твоей стороны это была бы черта благородная, даже

человѣколюбивая, а ты вѣдь къ этому способенъ. Здѣсь, сравнительно съ Петербургомъ, эти свѣдѣнія гораздо важнѣе: тутъ узнать не отъ кого. Изъ всѣхъ даровъ Екатерины—Екатеринодаръ, конечно, самый пакостный; его описать трудно: это не городъ и не село; домовъ мало, улицъ много, но теперь по нимъ никто не ходитъ, потому что ни ходить, ни даже ѣздить нельзя — грязь лошадямъ по-брюхо. Нынѣче утромъ я, на довольно росломъ конѣ, хотѣлъ-было проѣхаться, но принужденъ былъ воротиться вспять, такъ какъ конь мой погрязъ, едва я выѣхалъ за ворота.

„Прощай, любезный Василій! напиши хоть нѣсколько словъ твоему вѣрному товарищу—В. Перовскому".

Очевидно, Перовскій находилъ неотразимую для себя потребность въ письмахъ Жуковскаго. Что отвѣчалъ на эти сѣтованія своему другу поэтъ Жуковскій и чѣмъ онъ объяснялъ и оправдывалъ свое иногда продолжительное молчаніе, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, такъ какъ всѣ его письма были Перовскимъ, передъ смертью, сожжены—за исключеніемъ двухъ, помѣщаемыхъ въ настоящей статьѣ. Это сожженіе писемъ Жуковскаго и др. представляется актомъ нѣсколько поспѣшнымъ — и произошло такъ. Пріѣхавъ въ Крымъ, въ имѣніе Алупку, позднею осенью 1857 года, тяжко больнымъ и чувствуя приближеніе смерти, Перовскій рѣшилъ сжечь *всѣ* письма, имѣвшіяся при немъ, такъ какъ въ виду отсутствія при себѣ кого-либо изъ близкихъ лицъ и не зная навѣрное, пріѣдутъ-ли они и когда (телеграфа въ Крымъ въ то время еще не было); онъ не хотѣлъ, чтобы эти письма попали въ постороннія руки. И вотъ, когда онъ уже привелъ это въ исполненіе, то къ нему въ Крымъ, за десять дней до его кончины, пріѣхали братъ графъ Б. А. Перовскій и графиня А. А. Толстая. На ихъ рукахъ онъ и скончался.

Тѣ два письма Жуковскаго, которыя приводятся въ этой статьѣ, уцѣлѣли отъ ауто-да-фе случайно — какъ

хранившіяся, въ качествѣ особо важныхъ и интересныхъ писемъ, въ отдѣльномъ портфелѣ Перовскаго.

Затѣмъ, изъ одного письма Перовскаго, писаннаго къ Жуковскому изъ Италіи, эта потребность переписки признается и объясняется всего лучше самимъ же Перовскимъ. Письмо это замѣчательно еще и въ другихъ отношеніяхъ. Оно, во-первыхъ, очень характерное по стилю Перовскаго, всегда остроумному, сжатому и, въ то же время, очень сердечному и благородному; во-вторыхъ, это письмо, писанное холостымъ и блестящимъ свитскимъ офицеромъ, преподаетъ скромному Жуковскому нѣкій *кодексъ любви* вообще и отношеній къ любимой женщинѣ въ частности; а въ-третьихъ, Перовскій говоритъ въ своемъ письмѣ о великой борьбѣ грековъ за освобожденіе. Этимъ письмомъ начиналась цѣлая серія интересныхъ писемъ Перовскаго къ Жуковскому изъ Италіи, которыя, годъ спустя, Жуковскій напечаталъ, подъ заглавіемъ: „Отрывки писемъ изъ Италіи“, въ альманахѣ Дельвига на 1825 годъ „Сѣверные цвѣты“,—и напечаталъ безъ предваренія Перовскаго, желая сдѣлать ему пріятный сюрпризъ. Вотъ это письмо изъ Флоренціи, отъ 15 августа 1823 года.

„Ты отгадалъ, Жуковскій, я на тебя гнѣвался и хотѣлъ было болѣе къ тебѣ не писать, но твое дружеское и лестное письмо обезоружило меня. Я согласенъ на условіе; только держи его свято: три письма моихъ за одно твое; торгъ для меня выгоденъ, и если бы я былъ самолюбивъ, то могъ-бы, пожалуй, возгордиться такою оцѣнкою моихъ писемъ, особенно, когда ты требуешь ихъ „какъ любитель литературы“... Но — я самъ умѣю цѣнить свой товаръ: раздаю его безплатно и знаю, что онъ годенъ только для *немногихъ*; твои-же письма для меня истинно необходимы: во-первыхъ, потому, что въ каждомъ изъ нихъ ты пересылаешь мнѣ нѣсколько искръ чистаго огня, которымъ могу зажигать мои *фонари*; а во-вторыхъ, и потому, что—мнѣ кажется— нельзя аукать

въ лѣсу, зная впередъ, что никто не откликнется... Ты на одинъ фрейлинскій взглядъ, на одну улыбку отвѣчаешь мадригаломъ, а я требую отъ тебя не отвѣтовъ (на мои письма отвѣчать нечего), а отвѣчай лишь на дружбу.

„Я молчалъ тоже и оттого, что писать было не о чемъ. Давно уже я сижу во Флоренціи, а въ ней, кромѣ картинныхъ галлерей, которыя давно описаны, нечего болѣе описывать.

„Относительно-же твоего желанія узнать мои мысли на извѣстную тему, скажу слѣдующее. По-моему, послѣ несчастія быть несчастнымъ въ любви, самое ужасное, это—*казаться, безъ любви, влюбленнымъ*... И это еще, пожалуй, хуже перваго. Увѣрять женщину въ чувствѣ, котораго не чувствуешь, — грѣшно; но еще грѣшнѣе, увѣривъ ее въ этомъ, вывести затѣмъ изъ заблужденія. Ничто, кажется, не можетъ дать право нанести ей вдругъ ударъ—и ея любви, и самолюбію!.. Вотъ *мой кодексъ*. Человѣкъ, въ такихъ случаяхъ, долженъ быть самъ себѣ и обвинитель, и судья—и судья строгій.

„Обманъ въ любви принято свѣтскими законодателями не считать обманомъ; оставить женщину не считается у нихъ проступкомъ... А по-моему, это—истинное преступленіе и противъ чести, и противъ сердца. Я думаю, что и твое убѣжденіе будетъ, въ этомъ случаѣ, согласно съ моимъ.

„Теперь о другомъ. Греки съ турками воюютъ. „Святые союзники“ глядятъ на нихъ и говорятъ: „Намъ некстати вмѣшиваться въ чужія дѣла... Къ тому-же, грекамъ стоитъ только привыкнуть, — они тогда и сами одолѣютъ турокъ“. А между тѣмъ, турки ихъ рѣжутъ и мучаютъ... Мнѣніе „святыхъ союзниковъ“ для грековъ, конечно, очень лестно; но я опасаюсь, что пока греки „привыкнутъ“—турки могутъ всѣхъ ихъ вырѣзать... — Твой В. Перовскій“.

Наступилъ, затѣмъ, 1825-й годъ. Великій князь Николай Павловичъ сталъ императоромъ. Жуковскій сдѣлался лицомъ очень близкимъ—уже не къ великокняжескому, а къ императорскому двору; на него возложено было дѣло чрезвычайной важности — воспитаніе малолѣтняго наслѣдника престола, Александра Николаевича. Перовскій же попалъ совсѣмъ не туда, куда могъ разсчитывать попасть человѣкъ съ выдающимися, имѣвшимися въ немъ, талантами администратора и военачальника; онъ былъ назначенъ „правителемъ канцеляріи“ морского министерства. Послуживъ на этой должности очень короткое время, Перовскій послалъ изъ Вѣны гдѣ онъ находился въ отпуску, для свиданія съ отцомъ гр. Разумовскимъ), на имя великаго князя Михаила Павловича, письмо, содержаніе котораго становится отчасти извѣстнымъ изъ слѣдующаго, очень характернаго письма его, отправленнаго одновременно и къ Жуковскому, стоявшему въ то время на высотѣ своего служебнаго положенія при дворѣ императора Николая:

„Жуковскій!

„Твое письмо я получилъ въ Вѣнѣ. Ты угадалъ, что буду на тебя сердиться, но угадалъ также, что и прощу тебя. Признайся, однако, что сердился я не напрасно?.. И простивши, не могу еще извинить тебя. Обо всемъ поговоримъ подробнѣе, когда увидимся; увидимся мы скоро—но надолго-ли? Не знаю. Моя будущность не въ моихъ рукахъ...

„Прежде, нежели направлю свои шаги въ Петербургъ, хочу знать—на какой ногѣ придется мнѣ тамъ стоять? Когда я уѣзжалъ изъ Россіи, великій князь *) думалъ, что будетъ весьма трудно замѣнить меня въ должности правителя канцеляріи; я зналъ, что онъ ошибается, и что скоро перемѣнитъ мнѣніе. Поэтому, если

*) Рѣчь идетъ о великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ.

я теперь, возвратясь, сяду на свое мѣсто, не говоря ни слова и не объяснившись, великій князь можетъ подумать, что я нахожусь на свой счетъ въ томъ заблужденіи, изъ котораго онъ уже вышелъ и въ которомъ я никогда не былъ. Итакъ, я написалъ ему; вотъ *текстъ* моего письма (которое, если хочешь, можешь видѣть у Адлерберга); я подозрѣваю, что не гожусь болѣе въ „правители канцеляріи“—и знаю навѣрное, что въ такомъ случаѣ не годенъ ни на что другое. Къ сему „тексту“ прибавилъ я нѣсколько варіацій.

„Мое настоящее расположеніе и всегдашняя наклонность влекутъ меня изъ службы; а нѣкоторыя обстоятельства и нѣкоторые люди понуждаютъ и совѣтуютъ еще въ ней остаться; но быть лишнимъ, безполезнымъ я не соглашусь: я прошусь въ отставку—и прошусь убѣдительно; откажутъ—это будетъ мнѣ лестно, но не весьма пріятно; согласятся—будетъ пріятно, но не такъ лестно. Но я предпочитаю пріятность безъ лести—лести безъ пріятности. Притомъ же, *дворъ* я никогда не считалъ для себя надежною пристанью; всегда былъ готовъ поднять якорь и распустить паруса—прежде чѣмъ морской вѣтеръ разобьетъ меня о берегъ, или же береговой выгонитъ насильно въ море...

„Два слова о тебѣ. Занятія твои меня пугаютъ: мнѣ кажется, что ты—какъ *Жуковскій*—потерянъ теперь для друзей, какъ давно уже для нихъ потерянъ, *какъ поэтъ*. Гдѣ найдешь ты время бесѣдовать съ нами?... Но объ этомъ переговоримъ, когда увидимся.—Прощай, до свиданья! Что бы ни было со мною, товарищъ, вотъ тебѣ рука, вотъ тебѣ двѣ; одну дай Александрѣ Андреевнѣ *) и будь здоровъ“.

Желаніе Перовскаго исполнилось: въ должности „правителя канцеляріи“ его замѣстило другое лицо,—

*) Александра Андреевна Воейкова—родная племянница Жуковскаго, которую Перовскій очень уважалъ.

и онъ продолжалъ жить и въ Вѣнѣ, и въ Петербургѣ дружественныя отношенія между нимъ и Жуковскимъ оставались такъ-же любовны и искренни, и все такъ же Перовскій продолжалъ иногда роптать на „гнусную лѣнь“ своего друга въ перепискѣ. Для болѣе полной характеристики ихъ тогдашнихъ—въ началѣ царствованія Николая Павловича—отношеній, а также и нѣкоторыхъ событій того времени—при дворѣ и въ литературѣ—приведемъ здѣсь два письма Перовскаго *изъ Петербурга* къ Жуковскому, находившемуся за границей. Годъ на этихъ письмахъ не выставленъ, но можно предполагать, что они писаны въ зиму съ 1826-го на 1827-й годъ.

---

29 ноября (1826 г.).

„Любезный Василька!

„Я весьма обрадовался, получивъ милое письмо твое; это—уже второе съ отъѣзда твоего, и я столь часто не ожидалъ отъ тебя грамотъ, хотя и имѣю на нихъ нѣкоторое право. Но ты вѣдь баловать не любишь: теперь обѣщаешь не писать болѣе до апрѣля, а я, желая походить на тебя какъ можно ближе, произношу таковой же обѣтъ!.. Будучи совершеннымъ господиномъ своихъ занятій, все-таки неучтиво съ твоей стороны объявлять, что почти шесть мѣсяцевъ не будешь болѣе писать мнѣ. Если бы этотъ отдыхъ нуженъ былъ для твоего здоровья, или даже если бы бумага, на которой ты пишешь ко мнѣ, была нужна для какой-нибудь другой твоей нужды, я не сказалъ бы ни слова и даже часто посылалъ бы тебѣ письма для наружнаго употребленія; но этого нѣтъ; слѣдовательно, твое заранѣе обдуманное молчаніе будетъ не что иное, какъ гнусная лѣнь.

„Я просилъ твоимъ именемъ Блудова писать тебѣ, онъ обѣщалъ „подумать“... Знаешь-ли ты, что онъ, Блу-

довъ, сдѣланъ товарищемъ мужа Шишкова? *) Вообще, этотъ выборъ одобренъ гласомъ народа, который теперь вправѣ ожидать нѣкотораго просвѣщенія. Блудовъ сказалъ Шишкову:—*„Товарищъ!* вотъ тебѣ рука!..“ А Шишковъ отвѣчалъ Блудову: „И жизнь отцвѣтшая моя надеждой новой возгорится“...

„Говорятъ также (но это еще не вѣрно), что Дашковъ будетъ товарищемъ Ланского,—и это было бы не дурно. Вас. Павл. Барыкова родила сына... Не знаю отчего, вслѣдъ за Ланскимъ, пришли мнѣ на умъ родины? Можетъ быть, оттого, что сей мужъ нѣкоторымъ образомъ похожъ на бабу.

„Зная, что для тебя письмо не въ письмо, если не говорить въ немъ о твоей квартирѣ, скажу, что я непремѣнно займусь всѣми улучшеніями, которыя внушитъ мнѣ вкусъ и дружба касательно твоего ложемента: *вы* желали—исполняю; улыбнетесь—награжденъ; трудъ бездѣлкой почитаю, когда вамъ онъ посвященъ,—Василій Андреевичъ!..

„Одно мѣсто твоего письма перенесло меня въ давно прошедшее. Ты говоришь объ осткахъ примадонны *Сандрени*—и удивляешься, не находя въ ней ничего, что бы могло плѣнять... Другъ мой! тому уже двѣнадцать лѣтъ, какъ она меня плѣняла, и не меня одного, а начиная отъ толстаго Репнина jusqu'au plus mince officier de son état major, всѣ были ею очарованы: тогда ни голосъ ея, ни сама она не дрожала. Сними теперь съ ея костей двѣнадцать лѣтъ—и увидишь, что ей было тогда двадцать восемь. Прощай!“

Укоры Перовскаго своему другу за намѣреніе не писать въ теченіе шести мѣсяцевъ подѣйствовали на него, и онъ отвѣчалъ ему въ скорости,—что мы узнаемъ изъ слѣдующаго письма (на которомъ тоже нѣтъ года).

---

*) Шишковъ состоялъ въ то время министромъ народнаго просвѣщенія.

*

„Всегда любезный мнѣ, въ особенности же, всегда любимый мною Жуковскій!

„По предыдущему твоему письму, я ожидалъ отъ тебя слѣдующее письмо только въ апрѣлѣ. Вообрази же, какъ я обрадовался и еще больше удивился, получивъ еще письмо и увидавъ въ календарѣ, что у насъ только январь... Если не ошибаюсь, то, кажется, только моя неисправность послужила причиною исправнаго твоего писанья: именно, тебѣ бы хотѣлось имѣть болѣе подробностей о твоей квартирѣ, а особливо—планъ ея. Нѣтъ, братъ, не обманешь!—пришлю, такъ перестанешь писать!.. Подожди,—но не безпокойся.

„Вяземскій прислалъ мнѣ, для отправленія къ тебѣ, цѣлый пучокъ журналовъ; я распоролъ его и вытащилъ оттуда письмо, которое, не читая, посылаю тебѣ; журналы же получишь немного погодя, черезъ курьера.

„Въ послѣднемъ письмѣ я говорилъ тебѣ о дѣлахъ „Инвалида“: ты знаешь, что на 27-ой годъ онъ оставленъ за В. *) на прежнемъ основаніи; теперь есть надежда что и послѣ не совсѣмъ онъ отойдетъ отъ В.—Государь былъ столько добръ, что велѣлъ переговорить съ В. и придумать какой-либо способъ, чтобы, увеличивъ доходы инвалидовъ, не совсѣмъ лишать дохода и В.—Объ этомъ императора никто не просилъ, и это сдѣлано собственно имъ самимъ. Дай Богъ, чтобы дѣло это устроилось!

„Блудовъ ést tres scandalisè, что ты ему ни разу не писалъ; ему же теперь истинно нѣтъ времени и на записку: все занято его новою должностью и разными комитетами.

„На сей разъ объ Александрѣ Николаевичѣ скажу только два слова; послѣ буду писать подробнѣе: онъ продолжаетъ успѣвать во всемъ; премилый, предобрый

*) Тутъ рѣчь идетъ о Воейковѣ—редакторѣ „Русскаго Инвалида“, часть доходовъ съ котораго рѣшено было отчислять въ инвалидный капиталъ.

и дающій большія надежды ребенокъ; нельзя не любить его всѣмъ сердцемъ; про тебя вспоминаетъ всегда съ тою же привязанностью. Великія княжны также съ каждымъ днемъ становятся прелестнѣе. Весело хвалить когда можно хвалить безъ лести, а тутъ къ счастью, можно распространить таковую безпристрастную хвалу и на самого императора. На его счетъ теперь одинъ голосъ: все, что въ продолженіе года можно было сдѣлать безъ крутыхъ переворотовъ—сдѣлано и дѣлается, злоупотребленія выводятся и наказываются, коль скоро ихъ открываютъ,—и тѣ, коимъ должно бояться, сдѣлались уже гораздо осторожнѣе не только въ столицѣ, но и внутри государства. Надобно надѣяться, что современемъ осторожность эта обратится въ настоящую добродѣтель; притомъ же, покуда мы наживемъ безкорыстныхъ судей и безпристрастныхъ начальниковъ, можно будетъ довольствоваться и плутами, если они, хотя отъ страха, будутъ исправно играть роль честныхъ. Всѣ дивятся неутомимой дѣятельности императора. Быть можетъ, дѣятельность эта происходитъ отъ порочнаго образованія учрежденій, но несомнѣнно, что во всемъ государствѣ онъ болѣе всѣхъ трудится,—и этотъ примѣръ прекрасенъ, если не будетъ забытъ тѣми, кои должны ему подражать.

„Прощай, любезный Жуковскій! цѣлую тебя въ морду. 25-го января. В. Перовскій“.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, писанномъ 1-го января 1828 года изъ Екатеринодара, куда Перовскій былъ посланъ государемъ для разслѣдованія злоупотребленій, онъ уже оставляетъ миролюбивый тонъ относительно „пристрастныхъ начальниковъ“ и „плутовъ“, сильно возмущается своею честною душой и тотчасъ же спѣшитъ подѣлиться своими ощущеніями съ другомъ. Вотъ это интересное письмо:

„Января 1-го, 1828 года. Екатеринодаръ.

„Ты хочешь, чтобы я писалъ тебѣ, любезный мой Василій, но, право, не пишется—и не отъ лѣни, а отъ какого-то душевнаго engourdissement... Дѣлъ пропасть; почти каждый день сижу надъ ними часовъ до двухъ ночи; но—дѣла все мерзкія, отвратительныя: грабительства, притѣсненія бѣдныхъ, и тому подобное. Я хотѣлъ избѣжать въ жизни производства слѣдственныхъ дѣлъ—и попалъ сюда какъ куръ во щи... Теперь у меня *четыре* дѣла, каждое листовъ по 600 и болѣе, а это только начало дѣлъ, и каждое изъ нихъ я непремѣнно долженъ прочитать отъ листа до листа, сдѣлать выписки, запросы и всякую дьявольщину, и при томъ еще читать бумаги, писанныя на малороссійскомъ діалектѣ, гдѣ, напримѣръ, Ѳома зовется Хомою, а хуторъ—футоромъ, и т. под. Скука смертельная!.. Одно только и утѣшаетъ меня, что пребываніе мое здѣсь непремѣнно должно принести пользу,—если не такую, которая бы была замѣтна въ Петербургѣ, то ужъ навѣрное чувствительную для угнетеннаго здѣшняго края. *Ты не повѣришь, до какой степени черноморскіе аристократы притѣсняли народъ!* Турецкіе паши никогда не налагали такихъ тяжестей на бѣдныхъ грековъ,—и греки, къ тому же, всегда находили себѣ защитниковъ, а черноморскій казакъ – безгласенъ: его бьютъ, сосутъ, а жаловаться запрещаютъ! За то, въ нихъ такъ мало осталось удальства и молодечества ихъ предковъ—запорожцевъ; это настоящія мухи въ лапахъ у пауковъ... Въ любой русской губерніи, даже въ самой глухой и темной, можно все-таки найти съ кѣмъ поговорить,—если не съ мѣстнымъ уроженцемъ и обывателемъ, то съ заѣзжимъ или отставнымъ; а здѣсь—повѣришь-ли?—въ цѣлой губерніи не съ кѣмъ слова вымолвить; и сущая бѣда, если набредешь на черноморскаго ученаго: точно попалъ на заднюю скамейку низшаго класса уѣзднаго

училища!.. Ни къ селу, ни къ городу, начнетъ разсказывать анекдоты про царя Македонскаго и тому подобныя новости: вретъ—и божится, и увѣряетъ, что онъ читалъ все это въ какой-то хорошей исторіи.

„Теперь здѣсь смѣняется черезъ день или грязь непролазная и непроходимая, или глубокій снѣгъ, изъ котораго на слѣдующій день опять грязь... Говорятъ что это la belle saison du pays!.. а весны и лѣта даже и старожилы боятся,—тогда отъ лихорадокъ нѣтъ спасенья и ничѣмъ нельзя отъ нихъ защититься и избавиться.

„Надѣюсь окончить порученіе прежде, чѣмъ получу лихорадку; а если къ тому времени не кончу, то поминай какъ звали!.. A propos de *какъ звали*: нынче, любезный мой Василій, твои и мои именины... Позволь мнѣ поздравить и тебя, и себя, и пожелать тебѣ счастья болѣе, чѣмъ себѣ желаю; а я себѣ его желаю довольно, да что-то не идетъ... Все равно, авось *къ тебѣ* придетъ,—тогда половину уступишь мнѣ; разумѣется, половину не такую, какъ пріобрѣтаетъ себѣ Кавелинъ: на этакія „половины“ я не имѣю претензіи... А каковъ, въ самомъ дѣлѣ, нашъ Кавелинъ! сколько счастья вдругъ привалило: и женихъ, и генералъ,—начиная съ плечъ и нисходя до.....! Прощай! не забывай твоего Перовскаго“.

Въ томъ же 1828 году, наступила турецкая война, на которую императоръ Николай Павловичъ отправился лично. Мы знаемъ, кто изъ приближенныхъ любимцевъ императора пожелалъ раздѣлить съ нимъ труды походной жизни—графы Адлербергъ, Бенкендорфъ, Орловъ, и др.,—но преданный государю полковникъ Василій Перовскій не только провожалъ государя на войну, но даже принялъ и въ сраженіяхъ личное участіе. И среди боевыхъ трудовъ и ужасовъ войны онъ имѣлъ время

писать коротенькія, летучія письма къ своему далекому другу, Жуковскому, который тоже не забывалъ писать и ему. Такъ, напримѣръ, изъ лагеря подъ Анапой, отъ 13-го мая 1828 года, Перовскій пишетъ:

„Между ядрами турокъ съ одной стороны и пулями черкесъ съ другой, на дождѣ, получилъ я и прочелъ письмо твое, любезный другъ Василій, о петербургскихъ новостяхъ. Что сказать тебѣ! Я могу теперь писать тебѣ лишь очень рѣдко и мало: ни день, ни ночь покою нѣтъ. *До сихъ поръ я здоровъ*. Пиши чаще и знай, что сообщенія такъ трудны, что мое молчаніе не должно никого безпокоить. Прощай, любезный другъ! Цѣлую и обнимаю тебя.—В. Перовскій“.

Точно почувствовалъ Перовскій, отправляя это письмо, что вотъ-вотъ должно случиться съ нимъ что-нибудь недоброе: не даромъ онъ написалъ: „*до сихъ поръ* я здоровъ“... и сообщалъ, что онъ будетъ писать „лишь очень рѣдко и мало“ и просилъ писать *ему* „чаще“... Слѣдующее за этимъ письмо Перовскій могъ написать лишь пять мѣсяцевъ спустя—8-го октября 1829 года; онъ былъ тяжко раненъ пулею въ грудь, которую тогдашніе полевые хирурги долго не могли вырѣзать. Вотъ письмо этого крѣпкаго и мужественнаго человѣка.

8-го октября.

„Я получилъ письмо твое, милый другъ, отъ неизвѣстнаго числа и мѣсяца. Твоя радость знать меня живымъ не удивила меня; но я хочу теперь еще болѣе обрадовать тебя: я *почти здоровъ*;—спереди рана закрылась, сзади тоже *скоро закроется*; остается боль въ груди, но которая меня не мучитъ и не безпокоитъ. Вотъ, видишь, Васька, какъ я скоро оправился!.. Что-то будетъ на будущій годъ? Кажется, придется опять грудь подставлять; да пройдетъ ли опять по нынѣшнему?!. Какъ досадно, что Варна взята безъ меня! Ну, что бы стоило тому же туркѣ попасть въ меня мѣсяцемъ позже!..

„Я надѣюсь скоро выѣхать отсюда—то-есть, дней черезъ десять. Въ дорогѣ останусь около двадцати дней; значитъ, въ концѣ этого мѣсяца или въ началѣ будущаго обниму тебя.

„Новостей тебѣ не пишу никакихъ; все вѣрно знаешь самъ, а чего не знаешь,—скажутъ пріѣзжающіе отъ насъ, съ войны.

„Пожалуйста, уйми Воейкова: онъ завелъ преглупую брань съ Булгаринымъ; я вижу это изъ „Пчелы“ и изъ „Инвалида“, и вижу, что это можетъ кончиться очень дурно для Воейкова,—то-есть, онъ легко можетъ лишиться редакціи. Булгаринъ не безъ умысла напечаталъ въ одномъ и томъ же номерѣ „Пчелы“ отвѣтъ Воейкову и панегирикъ брату Бенкендорфа... Воейковъ сто разъ обѣщалъ мнѣ не печатать въ „Инвалидѣ“ никакихъ литературныхъ браней,—у него есть на то особый н.... къ „Славянинъ“, и Булгаринъ подѣломъ appuie sur ce que «l'Invalide» est une gazette officielle, où on ne peut se permettre de mauvaises plaisanteries.

„Прощай, другъ души! обнимаю тебя. В. Перовскій“.

Вышеприведенное письмо дорисовываетъ прекрасными штрихами личность друга Жуковскаго—его выносливую, желѣзную натуру, его преданную любовь къ своему другу, котораго онъ, человѣкъ, лежащій на одрѣ болѣзни, съ незакрывшеюся еще раною, причиненной, послѣ турецкой пули, ножомъ хирурга, спѣшитъ увѣрить, что „почти здоровъ“... Въ то же время, этотъ тяжко раненый и изрѣзанный человѣкъ интересуется „преглупою бранью“, которую завелъ редакторъ „Инвалида“ съ недобросовѣстнымъ Булгаринымъ, опирающимся на Бенкендорфа: онъ отлично понимаетъ предательскій ударъ Булгарина и боится за Воейкова—и старается его предупредить и предостеречь... Да, Жуковскій едва ли могъ найти и выбрать себѣ лучшаго друга, какъ Перовскій!

Когда одного изъ друзей, Перовскаго, постигло тяжкое горе—смерть отца, графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, котораго онъ, въ глубинѣ и въ тайнѣ своей доброй и нѣжной души, сильно любилъ, несмотря на то, что не получилъ отъ этого отца ни имени, ни состоянія, то горе свое онъ тотчасъ же повѣдалъ другу, въ слѣдующемъ письмѣ:

Почепъ. 10-го апрѣля.

„Все кончено, любезный другъ!.. Какъ ни спѣшилъ я, пріѣхалъ все-таки поздно: графъ скончался на другой день моего выѣзда изъ Петербурга. Скорая ѣзда доставила мнѣ, однако-же, послѣднее утѣшеніе—еще разъ взглянуть и проститься съ покойникомъ, для чего пришлось изъ телѣги попасть прямо въ церковь. Думаю, мнѣ не нужно описывать тебѣ мое душевное состояніе... Послѣ трехлѣтней разлуки, нашелъ я отца въ гробѣ!.. Несмотря на всѣ старанія мои, я могъ лишь съ трудомъ узнать нѣкоторыя только черты обезображеннаго уже смертью лица его... Утѣшительно знать, какъ оставилъ онъ жизнь эту: кто и зналъ его, удивился твердости, христіанской покорности въ мученіяхъ и спокойствію, съ каковыми ожидалъ онъ приближенія смерти!.. Въ продолженіе десяти сутокъ, ожидалъ онъ каждую минуту послѣдняго издыханія, дѣлалъ распоряженія, самыя подробныя, молился или заставлялъ читать молитвы, во время которыхъ забывалъ, обыкновенно, свои страданія, самъ считалъ пульсъ свой и расчислялъ, сколько остается еще жить ему... Братъ *) не отходилъ

*) Рѣчь идетъ о старшемъ братѣ, Алексѣѣ, авторѣ „Монастырки“, писавшемъ подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго. Всѣхъ Перовскихъ было четверо: такъ, кромѣ Алексѣя, былъ Левъ Перовскій, впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ, и Василій и Борисъ, умершіе въ званіи генералъ-адъютантовъ. Всѣ братья, кромѣ Алексѣя, получили впослѣдствіи, за службу, графское достоинство (см. сочиненіе кн. А. А. Васильчикова: „Семейство Разумовскихъ“).—*И. З.*

отъ постели его съ начала болѣзни до послѣдней минуты; ему продиктовалъ онъ два завѣщанія; по его напоминанію, примирился съ сыномъ *) и велѣлъ ему написать *статьи* для сестеръ и для него самого, для брата, сказавши: „Пиши, что хочешь, я на все согласенъ“. Братъ, однако, отъ всего отказался. Сестрамъ дадутъ наслѣдники то, что приказывалъ графъ, если захотятъ, а мы довольны тѣмъ, что дано намъ прежде. Братъ завѣщаніемъ симъ сдѣланъ главнымъ исполнителемъ воли графа, и къ нему во многомъ должны будутъ относиться сами наслѣдники,—и тогда они увидятъ, какъ и для кого воспользовался онъ послѣднею довѣренностью отца. Изъ насъ же, къ счастію, не найдется ни одного, который бы въ полной мѣрѣ не былъ благодаренъ Алексѣю за его поступокъ безкорыстный.

„Въ послѣдніе три дня была при графѣ и княгиня Репнина **).

„Вотъ, милый другъ Василій, краткое описаніе страшныхъ минутъ, утѣшительныхъ развѣ лишь тѣмъ, что онѣ заглаживаютъ вполнѣ все, что въ жизни могло быть не совсѣмъ похвально. Никто, однако, не въ правѣ роптать на него: всѣхъ онъ вспомнилъ.

„Прощай! Въ другой разъ буду писать тебѣ болѣе. Кланяйся Тургеневу и не забывай вѣрнаго твоего—В. Перовскаго“.

Затѣмъ, въ слѣдующемъ письмѣ къ Жуковскому, писанномъ изъ того же Почепа—имѣнія скончавшагося

---

*) Съ графомъ Петромъ Алексѣевичемъ Разумовскимъ, который былъ *старшимъ* изъ законныхъ сыновей графа А. К.; младшій же братъ, гр. Кириллъ Алексѣевичъ, страдавшій неизлечимою душевною болѣзнію, содержался въ это время, подъ строгимъ присмотромъ въ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ.—*И. З.*

**) Княгиня Варвара Алексѣевна, законная дочь графа отъ супружества съ гр. В. П. Шереметевой („Семейство Разумовскихъ“, т. II). Она одна изъ всѣхъ четырехъ *законныхъ* дѣтей графа А. К. присутствовала при его смерти.

графа,—Перовскій говоритъ о многихъ тяжелыхъ непріятностяхъ, происшедшихъ тотчасъ же послѣ похоронъ, въ домѣ Разумовскаго: различная челядь, желая подслужиться *законнымъ* наслѣдникамъ, стала увѣрять ихъ, что братья Алексѣй и Василій Перовскіе „расхищали, предъ смертью графа, имущество его“... Идеально честная и безкорыстная душа Василія Алексѣевича Перовскаго была глубоко оскорблена и возмущена этими клеветами. Вотъ часть этого письма:

...„Непріятностямъ разнаго рода нѣтъ счету... Мы—я и братъ—сносили все терпѣливо, *ко всему* приготовившись заранѣе; но теперь задѣваютъ и оспариваютъ наше самое законное наслѣдство—*честь*. Подлые люди, не знавшіе, что имѣется завѣщаніе покойнаго графа, думая, что оно совершено въ нашу пользу и желая прислужиться законнымъ наслѣдникамъ, подали во всѣ присутственныя мѣста „протестъ“ и, сверхъ того, массу доносовъ... Несмотря на то, что братъ, стоя на колѣняхъ у смертнаго одра графа, думалъ только объ успокоеніи умирающаго отца, примирилъ его съ законными дѣтьми, отказался, при духовникѣ и свидѣтеляхъ, отъ всѣхъ личныхъ въ завѣщаніи выгодъ,—несмотря на все это, доносы, наполненные гнуснѣйшими клеветами, возыимѣли свой ходъ и дошли до министра внутреннихъ дѣлъ. Я пишу о томъ нынѣ къ великому князю, прошу довести все до свѣдѣнія государя—и не хочу никакой другой награды за прошлую и будущую мою службу.

...„Братъ объявилъ законнымъ наслѣдникамъ, что пусть все, данное раньше, возьмутъ отъ насъ, что мы—выше разсчетовъ и интересовъ, и что онъ счастливъ тѣмъ, что графъ умеръ на рукахъ его и что въ послѣднія минуты онъ своею сыновнею любовью доказалъ, что *предъ Богомъ нѣтъ разницы между дѣтьми законными и незаконными*... Алексѣй не требуетъ другой награды, кромѣ одной—чтобы память графа не была помрачена подлыми и злыми людьми.

„Прощай, другъ мой! Будьте всѣ здоровы.—В. Перовскій“.

Вотъ въ какихъ прекрасныхъ, благородныхъ выраженіяхъ вылилась истинная сыновняя любовь и почитаніе къ памяти отца со стороны друга Жуковскаго—и какое глубокое негодованіе проявилось въ его честной и прямой душѣ, оскорбленной въ ея самыхъ чистыхъ и лучшихъ проявленіяхъ!.. Все это—и свою скорбь, и негодованіе—Перовскій спѣшитъ повѣдать, прежде всего, своему „другу души“, поэту Жуковскому, умѣвшему, несомнѣнно, вполнѣ его понять и откликнуться ему...

Къ крайнему сожалѣнію, для болѣе полной характеристики взаимныхъ отношеній этихъ двухъ замѣчательныхъ людей, недостаетъ писемъ Жуковскаго къ Перовскому, уничтоженныхъ, какъ мы упоминали выше, самимъ Перовскимъ, передъ смертью. Изъ сохранившихся же писемъ мы приведемъ здѣсь и второе письмо, написанное терявшимъ уже зрѣніе Жуковскимъ къ своему другу—по полученіи извѣстій о томъ, что Перовскій, бывшій совсѣмъ уже при смерти, выздоровѣлъ и что съ нимъ, при этомъ, произошелъ нѣкоторый душевный переворотъ, „перемѣнившій направленіе его жизни“. На этомъ письмѣ, найденномъ послѣ смерти Перовскаго въ его „особо важныхъ“ бумагахъ, сдѣлана была его рукою слѣдующая надпись: „Передать, послѣ моей смерти, графинѣ Александрѣ Андреевнѣ Толстой“, которой—онъ зналъ—будетъ очень пріятно имѣть это письмо Жуковскаго, особымъ уваженіемъ котораго и любовью она пользовалась. О графинѣ А. А. и упоминается въ началѣ этого интереснѣйшаго письма:

„Мой милый Перовскій!

„Все, что графиня Толстая разсказывала мнѣ о послѣднемъ времени твоей жизни, наполнило благоговѣніемъ мое сердце. Оказывается, нѣсколько мгновеній перемѣнили направленіе твоей жизни... Понимаю вполнѣ,

что съ тобою было,—и если-бы можно было въ подобныхъ случаяхъ завидовать, я сказалъ бы, что завидую тебѣ. Кто провелъ нѣсколько ночей, какъ ты, въ чтеніи Евангелія въ виду приступающей уже смерти, въ переборѣ всего своего прошедшаго, и кто сдружился такъ, какъ ты, въ эти минуты со смертью, тотъ получилъ самое желанное—то, чего мы никакими усиліями воли своей получить не можеуъ—получилъ *опытъ сердца*. Вѣра есть не иное что, какъ опытъ надъ нашимъ собственнымъ сердцемъ. Съ тобою случилось то *великое*, которое дается немногимъ—и, судя по словамъ Александрины, я нахожу, что ты своимъ здравымъ умомъ выбралъ именно тотъ путь, по которому ты наилучшимъ, наиболѣе свойственнымъ тебѣ образомъ дойдешь къ той цѣли, которая такъ чудно была тебѣ указана самою смертью, бывшей въ этомъ случаѣ лишь временнымъ посланникомъ—изъяснителемъ Божіей воли. Это возвращеніе въ Оренбургъ, на прежній театръ дѣйствій *), съ новымъ чувствомъ, съ новымъ взглядомъ свыше на землю, съ новыми понятіями о жизни, взятыми въ изустномъ наставленіи *смерти*, это смиреніе христіанина и стремленіе исполнять волю Спасителя, тамъ, гдѣ прежде дѣйствовало одно житейское честолюбіе — лучшей дороги ты выбрать не могъ для произведенія въ дѣйствіе того, что тебѣ сказали тѣ святыя ночи ожиданія смерти, въ которыя изъ своего Евангелія говорилъ тебѣ твой Спаситель.

„Ты—человѣкъ практическій; для размышленія тебѣ довольно одного Евангелія и, можетъ быть, еще немногихъ книгъ. Возьми съ собой своего Спасителя въ земную дѣятельность, посади Его съ собою на оренбургское губернаторство—пусть Онъ будетъ вездѣ и во

*) Тотчасъ же по выздоровленіи, въ томъ же 1851 году, Перовскій отправился вновь въ Оренбургъ, назначенный на постъ оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора и командира оренбургскаго отдѣльнаго корпуса.

всемъ съ тобою,—и изъ этого выйдетъ, наконецъ, миръ сердца, и въ свое время возобновятся для тебя тѣ *святыя ночи*, которыя были такъ благостно, самимъ Богомъ, тебѣ ниспосланы, но въ которыя уже смерть тебя не обманетъ, а возьметъ на свои руки—къ утѣшенію всѣхъ, кто пойметъ подобное таинство.

„Я ѣду скоро, то-есть черезъ недѣлю, въ Россію. Пишу къ тебѣ съ закрытыми глазами, которые у меня разболѣлись. Въ отечествѣ, можетъ быть, увидимся *),—хотя мнѣ трудно вообразить, чтобы ты могъ оставить то мѣсто, которое теперь самъ себѣ выбралъ— и нельзя желать, чтобы ты его оставилъ. Наша жизнь давно развела насъ. Теперь, на старости, разными путями, попали мы на одну дорогу. Заведемъ въ Россіи переписку—разъ въ мѣсяцъ, страницу или двѣ; кажется, дѣло сбыточное. Правда?—а увидишь, что не сбудется... Ну, прощай!—Жуковскій“

„ P. S. Прибавлю еще нѣсколько словъ въ дополненіе къ сказанному. Ты не созданъ для созерцательной жизни, хотя все подобное весьма доступно твоему уму. Если ты, вслѣдствіе того, что съ тобою произошло, захочешь *насильственно* предаться внутренней жизни, ты только *надорвешь душу*—и ничего не достигнешь. Твоя душа созрѣла на боевомъ полѣ жизни,—туда перенеси и внутреннюю ея жизнь. Какъ возвысится теперь все то, что прежде дѣлалось въ смыслѣ одного только долга и что *теперь* будетъ дѣлаться въ смыслѣ того же долга, но уже не сухого, земного, а превращеннаго въ жизни въ смиренную покорность Спасителю! Къ этому можно присоединить правило St.-François d'Assises: „Sentez, mais ne consentez pas“. Мало ли что осаждаетъ нашу душу! Мы не можемъ не чувствовать то, что само собою входитъ въ наше сердце; но мы всегда можемъ

*) Этой надеждѣ Жуковскаго не суждено было осуществиться: въ ночь съ 12-го апрѣля на 13-е, 1852 года, онъ въ Баденѣ же и скончался. *П. З.*

съ нимъ не соглашаться. Въ такомъ случаѣ, всякое дурное чувство становится намъ чуждымъ, становится только испытаніемъ души, полезнымъ ей, какъ гимнастика тѣлу.

„Не подумай, чтобы я принималъ роль твоего наставника. Нѣтъ! а говорить о такомъ предметѣ именно *съ тобой*—будетъ мнѣ къ добру: самого себя лучше узнаешь. А знать самого себя—значитъ бить себя по щекамъ ежеминутно".

„Баденъ, Іюль, 1851".

Это было *послѣднее* письмо Жуковскаго къ Перовскому. Въ слѣдующемъ году, въ апрѣлѣ, онъ скончался, окруженный своими родными—по женѣ—и напутствуемый священникомъ Базаровымъ, состоявшимъ при православной церкви въ Штутгардтѣ. Послѣдніе дни и часы Жуковскаго подробно описаны о. Базаровымъ въ его довольно пространномъ и интересномъ письмѣ „О кончинѣ Жуковскаго", напечатанномъ въ „Русскомъ Архивѣ".

Ко всему вышесказанному о дружбѣ этихъ двухъ замѣчательныхъ людей я нахожу не безъинтереснымъ добавить еще слѣдующее. Когда, три года тому назадъ, гр. А. А. Толстая передала мнѣ пачку писемъ графа В. Перовскаго къ разнымъ лицамъ, я замѣтилъ, что на большинствѣ изъ нихъ сдѣланы кѣмъ-то отмѣтки синимъ карандашомъ—и на поляхъ, и въ текстѣ—въ формѣ скобокъ, крестиковъ и вопросительныхъ знаковъ,—какъ будто бы кто-то собирался сдѣлать изъ нихъ выписки. Я обратилъ на это обстоятельство вниманіе графини А. А.—и узналъ очень любопытную вещь, а именно, что эти отмѣтки сдѣланы рукою Л. Н. Толстого, которому, по его просьбѣ, всѣ эти письма были высланы графинею же—въ 1878 году, когда Л. Н., задумавъ писать романъ „Декабристы", изучалъ „то время" и, между прочимъ,

остановился на крупной фигурѣ двадцатыхъ годовъ—на В. А. Перовскомъ. Затѣмъ, въ письмахъ разныхъ лицъ, хранимыхъ графинею А. А., я встрѣтилъ и самое письмо Л. Н. Толстого, относящееся къ этому дѣлу. Я позволю себѣ привести здѣсь это въ высшей степени интереснѣйшее письмо, часть котораго мнѣ довелось уже цитировать въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, за минувшій годъ.

Вотъ это письмо Л. Н. Толстого, въ которомъ, между прочимъ, онъ говоритъ *объ обоихъ* этихъ людяхъ—Перовскомъ и Жуковскомъ вмѣстѣ:

„Ваше сомнѣніе, дорогой другъ, насчетъ моего выздоровленія было, къ сожалѣнію, слишкомъ справедливо: я продолжаю хворать и лишь недавно—дня четыре—всталъ съ постели.

„Очень-очень вамъ благодаренъ за ваше обѣщаніе дать мнѣ свѣдѣнія о Перовскомъ. Ваше обѣщаніе было бы для меня большой заманкой для петербургской поѣздки, если-бы, кромѣ этого, у меня не было сильнѣйшаго желанія побывать въ Петербургѣ; желаніе это уже дошло до maximum; теперь нуженъ толчокъ... А толчка этого нѣтъ; даже, скорѣе, случился толчокъ обратный, въ видѣ моего нездоровья... Буду ждать. Личность Перовскаго вы совершенно вѣрно опредѣляете à grands traits;—такимъ и я представляю его себѣ; и такая фигура—одна, напоминающая картину; біографія его—была бы груба *); но съ другими, противоположными ему, тонкими, мелкой работы, нѣжными характерами, какъ, напр., Жуковскій, котораго вы, кажется, хорошо знали, а главное съ *декабристами*,—эта крупная фигура, составляющая тѣнь (оттѣнокъ) къ Николаю Павловичу, самой крупной и à grands traits фигуры,—выражаетъ вполнѣ *то время*.

*) Надо обратить вниманіе, что Л. Н. Толстой писалъ эти строки еще *до* полученія имъ отъ графини А. А. Толстой просимыхъ „свѣдѣній“, т.-е. писемъ Перовскаго къ Жуковскому и другимъ лицамъ, по прочтеніи которыхъ едва-ли можно уже было бы найти „біографію“ Перовскаго—„грубой“. *И. З.*

„Я теперь весь погруженъ въ чтеніе изъ времени двадцатыхъ годовъ,—и не могу вамъ выразить то наслажденіе, которое я испытываю, воображая себѣ это время. Странно и пріятно думать, что то время, которое я помню—тридцатые года—уже исторія!.. Такъ и видишь, что колебаніе фигуръ на этой картинѣ прекращается—и все останавливается въ торжественномъ покоѣ истины и красоты... Я испытываю чувство повара (плохого), который пришелъ на богатый рынокъ и, оглядывая всѣ эти, къ его услугамъ предлагаемыя овощи, мяса, рыбы, мечтаетъ о томъ, какой бы онъ сдѣлалъ обѣдъ... Такъ и я мечтаю,—хотя и знаю, какъ часто приходилось прекрасно мечтать, а потомъ портить обѣды, или ничего не дѣлать... Ужъ какъ пережаришь рябчиковъ, потомъ ничѣмъ не поправишь! И готовить трудно—и страшно. А обмывать провизію, раскладывать—ужасно весело!..

„Молюсь Богу, чтобы онъ позволилъ мнѣ сдѣлать хоть приблизительно то, что я хочу. Дѣло это для меня такъ важно, что, какъ вы ни способны понимать все, вы не можете представить—до какой степени это важно: такъ важно, какъ важна для васъ ваша вѣра; и еще важнѣе,—мнѣ бы хотѣлось сказать; но важнѣе ничего не можетъ быть. И оно то самое и есть.

„Цѣлую руки у вашей матушки и дружески жму вашу руку.

Вашъ Л. Толстой“.

Просимые Львомъ Николаевичемъ матеріалы и „свѣдѣнія“ были ему даны, но задуманное имъ произведеніе, даже и „приблизительно“, не исполнилось: все ограничилось лишь извѣстными, очень небольшими *отрывками изъ романа* „Декабристы“. Такимъ образомъ, личность самаго близкаго къ Жуковскому друга—Перовскаго— осталась невыясненной.

Кончина В. А. Перовскаго.

Покойный В. А. Перовскій былъ, вообще, человѣкомъ вѣрующимъ и очень религіознымъ. Въ 1851 году, случилась съ нимъ тяжкая болѣзнь, когда онъ, по мнѣнію врачей, ему объявленному, „долженъ былъ умереть"; и онъ—какъ мы видѣли изъ письма Жуковскаго, приведеннаго въ предыдущей статьѣ—вполнѣ готовился къ смерти... Въ это-то время, въ его возвышенной душѣ и совершился тотъ переломъ, который, по выраженію Жуковскаго, „перемѣнилъ направленіе его жизни", давъ ему „опытъ сердца" и ту *созерцательную* жизнь, которая была такъ доступна его сильному уму и великой душѣ. Съ того времени, всѣ остальныя шесть лѣтъ вплоть до своей кончины, покойный Перовскій проявлялъ ту особенную религіозность, что замѣчается, иногда, у выдающихся по уму людей—когда ихъ пытливый, мятущійся духъ ищетъ общенія съ Богомъ,—и они становятся религіознѣе,—и тѣснѣе сближаются съ Церковью, гдѣ имѣется земной, видимый престолъ Царя вселенной...

То же стало, послѣ 1851 года, и съ В. А. Перовскимъ. Около того же времени, онъ и сошелся близко съ епископомъ Самарскимъ Евсевіемъ, однимъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ архипастырей того времени, бывшимъ ранѣе ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи, а впослѣдствіи, въ шестидесятыхъ го-

дахъ, занимавшимъ архіепископскую каѳедру въ Могилевѣ-на-Днѣпрѣ *).

Къ сожалѣнію, въ бумагахъ покойнаго преосвященнаго Евсевія сохранилось всего лишь *два* письма В. А. Перовскаго, которыя и были возвращены его роднымъ, послѣ смерти архіепископа, послѣдовавшей, въ концѣ 70-хъ годовъ, въ томъ же Могилевѣ: одно изъ писемъ написано въ апрѣлѣ 1853 года, когда Перовскій только что избавился, вторично, отъ тяжкой болѣзни—вслѣдствіе открывшейся въ груди раны—и собирался выступить въ Кокандскій походъ, такъ блистательно имъ исполненный. Письмо это—настоящая *молитва*: такъ прекрасенъ, возвышенъ и сжатъ его слогъ, полный смиренія, мольбы и силы...

Второе письмо писано позже—въ тяжелую годину Крымской войны, о которой Перовскій и упоминаетъ. Въ этомъ второмъ письмѣ, изумительно вѣщій, пророческій голосъ Перовскаго прямо говоритъ о томъ, что

---

*) Пишущій эти строки служилъ, въ 60-хъ годахъ, въ Могилевской губерніи мировымъ посредникомъ и зналъ лично этого замѣчательнаго, по уму, архипастыря. [Въ изданной, въ 1885 году, А. С. Суворинымъ, моей книгѣ „Тѣни прошлаго“, въ статьѣ „Арестъ и ссылка молоканина, поручика Богданова“, имѣется между прочимъ, слѣдующій разсказъ архіепископа Евсевія, очень характеризующій его умъ и находчивость.

„Однажды,—говорилъ покойный,—во время моего служенія въ Восточной Сибири, проѣзжая по дорогѣ, проложенной берегомъ рѣки Иркута, мнѣ довелось остановиться на ночлегъ въ бурятской юртѣ. Въ самомъ верху юрты имѣлось небольшое отверстіе для свободнаго выхода дыма отъ очага, устроеннаго, по обыкновенію, въ юртѣ же, посрединѣ. Отходя ко сну и желая сотворить молитву, я подошелъ къ отверстію юрты и, по неимѣнію съ собою иконъ, сталъ молиться вверхъ, на ясное небо, усѣянное звѣздами. Когда я окончилъ молитву и взглянулъ на бурятъ, бывшихъ въ юртѣ, то замѣтилъ, что всѣ они глядятъ на меня съ чрезвычайнымъ удивленіемъ. Вслѣдъ затѣмъ, ко мнѣ подошелъ одинъ старикъ-бурятъ и, положивъ руку на мое плечо, спросилъ меня:

— Кому ты молился?

Крымская война должна будетъ *„возродить къ новой жизни“* нашу Россію...

Вотъ эти письма:

Письмо первое.

Ваше Преосвященство
Милостивый Архипастырь!

Теплый привѣтъ вашъ съ наступленіемъ всерадостнѣйшаго для каждаго христіанина дня, въ который православная церковь торжествуетъ Воскресеніе Господа Искупителя нашего, получилъ я съ чувствомъ искреннѣйшей признательности къ доброй и всегдашней памяти вашей обо мнѣ.

Такой привѣтъ былъ для меня тѣмъ дороже, что никогда, быть можетъ, въ жизни моей не радовался я такъ, какъ въ настоящее время, что Господь Спаситель сподобилъ меня еще увидѣть свѣтлое празднество Воскресенія Его, спасши отъ смерти, которой нѣсколько дней передъ тѣмъ ждалъ я ежечасно,—и воскресивши къ жизни, которая нужна мнѣ еще, чтобы, при помощи благодати Его, очистить душу покаяніемъ и приготовить ее къ переходу въ вѣчность, какъ слѣдуетъ грѣшнику, уповающему на неистощимое милосердіе Отца своего небеснаго.

— Богу,—отвѣчалъ я.

— Да, это такъ,—сказалъ онъ:—но ты молился *нашему* Богу. Когда мы уходимъ съ нашихъ зимовокъ, то въ кочевья не беремъ съ собою нашихъ боговъ (идоловъ)—и молимся очень часто, особенно вдали отъ юртъ, на охотѣ, тому же Богу, которому сейчасъ молился и ты.

— Богъ *единъ*,—отвѣчалъ я имъ:—и *мой* Богъ есть и *вашъ* Богъ; оттого, вы и я молимся единому Богу, который живетъ на небесахъ“.

Послѣ этого, буряты пожелали узнать подробности (догматы) религіи своего высокаго гостя—и, внимательно выслушавъ краснорѣчиваго миссіонера-преосвященнаго, тотчасъ же, въ составѣ всего улуса, изъявили желаніе присоединиться къ нашей православной церкви.

Въ эти дни тяжкой болѣзни, я не разъ вспоминалъ о васъ, Преосвященный, сожалѣя, что лишенъ вашего присутствія именно въ то время, когда пастырскія утѣшенія и напутствованія ваши были бы всего нужнѣе для смущавшагося предъ часомъ смертнымъ духа моего.— Часъ этотъ, повидимому, отсроченъ еще для меня по благодати Господней, но, при слабости силъ моихъ, при предстоящихъ мнѣ трудахъ, я не могу думать, чтобы отсрочка эта дана была мнѣ надолго. Потому прошу васъ усерднѣйше молитесь обо мнѣ.—молитесь, чтобы Господь далъ мнѣ силъ довершить начатое по волѣ Государевой на пользу ввѣреннаго мнѣ края, а тамъ даровалъ въ мирѣ и покаяніи заключить грѣшную жизнь мою христіанской кончиною.

Испрашивая архипастырскаго благословенія вашего, съ истиннымъ уваженіемъ и искренней преданностію честь имѣю быть

Вашего Преосвященства
покорнѣйшій слуга
Василій Перовскій.

Оренбургъ. 25 апрѣля 1853 года.
Преосвящ. Евсевію, Епископу Самарскому и Ставропольскому.

Письмо второе.

Ваше Преосвященство
Милостивый Архипастырь!

Съ удовольствіемъ получилъ я привѣтъ вашъ по поводу великаго дня воплощенія Спасителя, ибо письма ваши, полныя душевной теплоты и назидательности, всегда производятъ на меня самое благодѣтельное дѣйствіе.

Каждый день приноситъ человѣку новыя испытанія,— и потому во всякое время нуждается онъ въ словѣ утѣшенія и одобренія; въ обстоятельствахъ же, каковы настоящія, когда мрачная туча, нашедшая на отечество съ запада, темнѣетъ и сгущается все болѣе и болѣе,

смущеніемъ и опасеніями волнуя даже самыя преданныя родинѣ и Царю сердца, ободреніе и утѣшеніе это всякому русскому становится потребностью необходимою.—Въ былые годы, когда, по изволенію Господа, испытывающаго вѣрныхъ рабовъ своихъ, приходилось Россіи стенать подъ напоромъ враговъ, напрягая всѣ силы для защиты своей самостоятельности, единственной опорой и утѣшительницей являлась церковь православная, никогда не измѣнявшая высокому призванію своему—питать духъ русскій вѣрою и надеждою не на собственную крѣпость и могущество, а на помощь свыше правому и святому дѣлу: и, сильная этимъ утѣшеніемъ церкви, Русь одолѣвала враговъ, и побѣдоносною выходила изъ борьбы. Радуюсь надеждою, видя изъ словъ вашихъ, Преосвященный, по поводу событій въ Крыму, что не измѣнилась Россія, что и нынѣ служители православія остаются вѣрными великимъ примѣрамъ, завѣщаннымъ Сергіями и Гермогенами.—Будь это вездѣ такъ, какъ въ Самарѣ, Россія со славою отразитъ враговъ своихъ, и какъ нынѣ, въ день Рождества Спасителя міра, празднуемъ мы освобожденіе отечества отъ нашествія враговъ, сорокъ лѣтъ тому грозившихъ ей порабощеніемъ, такъ, дастъ Богъ, въ этотъ радостный для каждаго христіанина день искупленія, будемъ мы торжествовать современемъ не только собственное свое освобожденіе отъ новой опасности, но и *возрожденіе къ новой жизни* собратій нашихъ, на защиту которыхъ отъ враговъ креста Господня обнаженъ Царемъ мечъ Россіи.

Въ утѣшительной надеждѣ этой, испрашивая архипастырскаго благословенія вашего на служеніе отечеству, достойное настоящаго времени, съ истиннымъ почтеніемъ и сердечной преданностью честь имѣю быть

Вашего Преосвященства

покорнѣйшій слуга

Василій Перовскій.

27 декабря 1854 г. Оренбургъ.

Кончина гр. Василія Алексѣевича была христіанская—„въ мирѣ и покаяніи“... Онъ зналъ и чувствовалъ, что *навѣрное* скончается и очень скоро—и самъ жаждалъ смерти. Онъ даже неохотно пригласилъ врача. Жилъ онъ въ то время на южномъ берегу Крыма, въ Алупкѣ, куда пріѣхалъ прямо изъ Оренбурга, будучи уже тяжко больнымъ. Вскорѣ по его пріѣздѣ, къ нему, проѣздомъ на Кавказъ, въ полкъ, заѣхалъ *повидаться* одинъ изъ священниковъ, служившій ранѣе въ Оренбургскомъ отдѣльномъ корпусѣ—отецъ Кондратій Ивановичъ Когановскій, котораго Перовскій близко зналъ и любилъ, и сталъ, поэтому, упрашивать — „побыть съ нимъ *до конца*, который очень близокъ“ (какъ говорилъ В. А. о. Когановскому). Полковой батюшка, боясь опоздать явкою къ мѣсту своего новаго служенія, колебался исполнить просьбу своего бывшаго любимаго начальника... Тогда Перовскій написалъ, черезъ силу, письмо протопресвитеру Бажанову и сообщилъ, что онъ задержалъ о. Когановскаго при себѣ, желая принять отъ него напутствіе предъ кончиной, которую ожидаетъ со дня на день... Этому священнику и довелось причастить графа Василія Алексѣевича передъ смертью, наступившею, дѣйствительно, нѣсколько дней спустя...

Но и тутъ, при самой уже кончинѣ В. А. Перовскаго произошелъ одинъ эпизодъ, въ которомъ обозначилась, еще разъ, крайняя деликатность души покойнаго съ ея религіозной стороны. Когда, наканунѣ кончины, онъ пожелалъ причаститься еще разъ, и священникъ Когановскій отправился изъ виллы Алупка въ близъ лежащее селеніе, гдѣ была церковь,—чтобы взять у мѣстнаго священника св. Дары, то окружающія Перовскаго лица, видя, что онъ чѣмъ-то волнуется и тревожится, подумали, что его все-таки смущаетъ ожидаемое таинство, какъ предвѣстникъ смерти... Но они ошибались: оказалось, что умирающій безпокоился совсѣмъ не потому:

— Вѣдь отецъ Кондратій понесетъ чашу съ св. Дарами въ рукахъ,—а тутъ, вокругъ, живутъ и ходятъ татары... Они могутъ глумиться, когда увидятъ русскаго священника, идущаго съ чашей,—сказалъ онъ брату, графу Борису Алексѣевичу, замѣтившему его безпокойство...

Вотъ что думалъ въ то время уже умирающій Перовскій—и вотъ что волновало и смущало его душу!..

Никто изъ окружающихъ его лицъ не замѣтилъ въ немъ, за эти послѣдніе дни его жизни, ни страха смерти, ни явныхъ страданій; страхъ не былъ знакомъ этому героическому, мужественному человѣку, а страданія онъ скрывалъ...

Всего за одиннадцать дней до смерти, онъ, не видя никого вблизи себя, но ожидая пріѣзда брата Бориса Алексѣевича и другихъ близкихъ ему лицъ, послалъ въ Петербургъ, въ семью брата, слѣдующую депешу (изъ ближайшаго города Ялты):

„27-го ноября, 8 часовъ вечера. Алупка.

„Будьте на мой счетъ спокойны. Болѣзнь идетъ своимъ порядкомъ: въ правомъ легкомъ вода возвышается, но не быстро, въ лѣвомъ не прибавилась. Слабъ. Ожидаю пріѣзда ихъ—и жду смерти. Кого Господь пошлетъ прежде, того и приму радостно.

Перовскій".

Это—были послѣднія строки, написанныя имъ въ жизни.

Самая кончина В. А. Перовскаго была, повидимому, безболѣзненна и тиха. Вотъ прекрасное и очень прочувствованное описаніе ея, сдѣланное гр. Т. въ письмѣ къ тому же епископу Евсевію.

9-е февр. 1858 г. С.-Петербургъ.

Ваше Преосвященство
Всемилостивѣйшій Архипастырь!

Вѣроятно, до васъ уже давно дошла вѣсть о кончинѣ общаго друга нашего графа Василія Алексѣевича Перовскаго. Вызванные имъ изъ Петербурга, братъ его и я, мы имѣли несказанное счастье пробыть съ нимъ десять послѣднихъ дней его жизни и присутствовать при его смерти, которая воспослѣдовала въ Алупкѣ, 8-го декабря.

Пріѣздъ нашъ обновилъ и поднялъ его душевныя силы, и даже болѣзнь его, какъ будто, пріостановилась; но страданія физическія, вообще, отъ него не отступали почти ни на минуту, хотя онъ и старался всячески скрывать ихъ. Къ счастію, духъ его не ослабѣвалъ, а напротивъ того, казалось, все болѣе и болѣе возвышался: это проявлялось, особенно, въ совершенномъ сознаніи своего недостоинства и во времена глубокой скорби о прошедшей—по его словамъ—худо проведенной жизни. Ему мнилось, что Богъ слишкомъ мало каралъ его за грѣхи и, въ сравненіи съ ними, болѣзнь свою онъ находилъ лишь ничтожнымъ наказаніемъ... Разговоръ его все больше обращался на предметы духовные, хотя живость его ума сохранилась до конца.

Къ счастію, ему попался въ Крыму, совсѣмъ случайно, прекрасный, хотя и очень молодой священникъ—безъ большихъ теологическихъ познаній, но съ теплою и твердою вѣрою.

— „Я радуюсь,—говорилъ мнѣ графъ,—что встрѣтилъ въ немъ человѣка столь же неученаго, какъ я самъ;—съ ученымъ я невольно сталъ-бы входить въ пренія; а тутъ, мы прямо идемъ къ цѣли“...

Часто днемъ, а большею частью по ночамъ, когда рѣдко удавалось ему заснуть, графъ читалъ Евангеліе—въ послѣдніе дни только отъ Іоанна, находя, что онъ

убѣдительнѣе другихъ Евангелистовъ; молился много, но, говоря человѣческимъ языкомъ, ему, къ сожалѣнію, не была дана *сладость* молитвы. Все доставалось ему съ трудомъ и усиліемъ,—и будучи, можно сказать, ребенкомъ на пути духовномъ, онъ упрекалъ себя въ этой невольной и столь тяжкой сухости сердца.

— „Ахъ, какъ я радъ,—говаривалъ онъ,—когда могу пролить нѣсколько слезъ,—тогда только мнѣ кажется, что душа моя не пропала“...

Незадолго до нашего пріѣзда, онъ говѣлъ и соборовался, а въ эти послѣдніе десять дней, еще два раза пріобщался Св. Таинъ; послѣдній разъ за часъ передъ смертію — съ полнымъ сознаніемъ и съ присутствіемъ ума, не покидавшаго его до самаго конца. Отрадно было чувствовать и слышать, какъ глубоко онъ вѣрилъ въ нашего Спасителя и въ Его Искупленіе!..

Всѣ распоряженія къ смерти были уже давно имъ самимъ сдѣланы. Онъ ждалъ ее съ невыразимымъ нетерпѣніемъ, и мнѣ часто доводилось даже укорять его за то, что онъ какъ будто требовалъ ее отъ Господа—самъ безпрестанно предназначая минуту своей кончины,—въ чемъ я видѣла недостатокъ смиренія и покорности. Онъ соглашался со мною, старался удерживать себя, но мысль, что жизнь его можетъ продлиться, была для него невыносима. И Господь исполнилъ его желаніе,—и въ милосердіи своемъ послалъ ему конецъ тихій, котораго, при болѣзни его, невозможно было и ожидать.

Такой удивительный покой окружилъ нашего умирающаго друга, что мы, потерявъ въ немъ *самое дорогое*, не смѣли предаваться своей скорби. Отчаянію не было мѣста, — и мы, хотя со слезами, но и съ упованіемъ, что для покойнаго наступила лучшая жизнь, отвезли бренные его останки въ Георгіевскій монастырь, близъ Севастополя. Онъ самъ указалъ намъ на него.

Въ послѣдніе дни своей жизни, онъ, въ присутствіи моемъ и своего брата, Бориса Алексѣевича, громко пе-

ребиралъ свое прошедшее, не щадя себя и не прощая себѣ ничего. Всегда правдивый, онъ въ эти минуты упиралъ какъ-то особенно на свою виновность передъ Богомъ,—и рѣдко можно встрѣтить такое полное сознаніе своей грѣховности, имъ проявленное. Эта гласная исповѣдь совершенно опровергла въ нашихъ глазахъ тѣ безсмысленныя обвиненія въ жестокости, которыя еще при его жизни, враги его старались распространить на его счетъ и которымъ, къ несчастію, многіе повѣрили. Впрочемъ, Вашему Преосвященству извѣстна лучше еще чѣмъ мнѣ его внутренняя жизнь, и мои слова могутъ служить только дополненіемъ. Всѣ послѣднія его письма ко мнѣ выражали смиреніе, иногда страхъ, и затѣмъ опять надежду на неистощимое милосердіе Божіе. Доброта и глубокое сочувствіе къ страждущимъ были отличительной чертой его характера, и сколько слезъ было осушено его щедростью! Хотя его лѣвая рука никогда не знала, что дѣлала правая, но онъ серьезно увѣрялъ меня, что за это никакой похвалы не заслуживаетъ.

Теперь, остается мнѣ передать Вашему Преосвященству послѣднія слова графа относительно васъ.

Мы прибыли въ Алупку 28-го ноября,—и въ тотъ же день, графъ передалъ мнѣ послѣднее письмо ваше, полученное имъ наканунѣ, и на которомъ были написаны имъ слѣдующія строки, адресованныя ко мнѣ: „Передаю и завѣщаю твоей любви друга моего Епископа Евсевія. Напиши ему, почему я самъ не писалъ ему послѣднее время и не пишу теперь; напиши ему, что мои съ нимъ бесѣды оказались очень полезны мнѣ въ послѣдніе дни моей жизни, помогая приготовляться къ смерти, дабы не совсѣмъ недостойному предстать предъ Господомъ Богомъ Іисусомъ Христомъ. А чтобы вполнѣ и разомъ познакомить тебя съ преосвященнымъ Евсевіемъ, напиши ему, что мы совершенно не имѣемъ ничего другъ отъ друга тайнаго“...

Что могу я прибавить къ этимъ строкамъ, столь исполненнымъ къ вамъ любви и благодарности!“ . . .

. . . . . .

Такимъ образомъ, сошелъ съ жизненной сцены, безъ шума, этотъ несомнѣнно великій человѣкъ—внукъ простого малоросса, крестьянина Кирилы Розума, ставшаго потомъ, благодаря „случаю“ съ братомъ, графомъ и гетманомъ...

В. А. Перовскому не имѣется въ Россіи памятника видимаго... Нѣтъ ни полковъ его имени, ни кораблей... Въ Оренбургѣ нѣтъ даже улицы его имени. Но памятникъ *нерукотворный* воздвигнутъ ему въ томъ далекомъ краѣ, которымъ онъ управлялъ—и гдѣ установилъ порядокъ, уваженіе къ закону, гдѣ уничтожилъ произволъ и жестокости богатыхъ и сильныхъ, и гдѣ заставилъ уважать русское имя *). Я попалъ въ Оренбургъ

*) Въ журналѣ „Русская Старина“ приведенъ слѣдующій приказъ замѣстителя В. А. Перовскаго генералъ-адъютанта Александра Андреевича Катенина, рыцарски честно признавшаго заслуги своего предшественника: „По волѣ Государя Императора, замѣщая генералъ-адъютанта графа Перовскаго, *многолѣтніе труды коего останутся навсегда памятны краю*, имъ такъ горячо любимому, я вполнѣ постигаю всю важность и отвѣтственность возложенныхъ на меня обязанностей; но не сомнѣваюсь также, что въ сослуживцахъ моихъ найду ревностныхъ и добрыхъ помощниковъ, а потому надѣюсь, что, съ благословеніемъ Божіимъ, оправдавъ высокое довѣріе Государя Императора, заслужу то милостивое одобреніе, котораго постоянно удостоивался мой почтенный предмѣстникъ“.

И генералъ Катенинъ сказалъ только правду: Перовскій остался *навсегда* въ памяти народной того края—и живетъ не только въ воспоминаніяхъ, но въ чувствахъ и сердцахъ. Разсказы о немъ, какъ преданія, передаются изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ отца къ сыну, отъ дѣдовъ — внукамъ. Разсказы эти заставляютъ потомковъ проникаться тѣмъ же особеннымъ чувствомъ, какое питали къ Перовскому сослуживцы и подчиненные, солдаты и простой народъ, видя въ немъ строгаго начальника, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, честнаго человѣка, справедливаго карателя и милователя, для котораго были *всѣ равны*—начиная отъ знатнаго барина и кончая сѣрымъ мужичкомъ. („Русская Старина“ 1896 г., кн. 5-я).

въ 1888 году, т. е. спустя слишкомъ тридцать лѣтъ послѣ кончины Перовскаго; а между тѣмъ, я вездѣ еще слышалъ его имя. На другой же день по пріѣздѣ, отправившись представляться губернатору и ожидая въ залѣ своей очереди, я засмотрѣлся на красивый портретъ генерала, во весь ростъ, висѣвшій на стѣнѣ.

— Это Перовскій,—объяснилъ подошедшій ко мнѣ дежурный чиновникъ...

И затѣмъ, вездѣ доводилось слышать это имя:

— „Вотъ, въ этомъ домѣ жилъ Перовскій“... „Этотъ, самый красивый домъ въ Оренбургѣ—построенъ башкирами при Перовскомъ“... „Водопроводъ у насъ устроенъ при Перовскомъ“... „Этотъ караванъ-сарай и мечеть выстроилъ Перовскій“... „Этотъ садъ развелъ Перовскій“... „Генералъ Т. только и боялся Перовскаго“... „Это было еще при Перовскомъ, когда мы ходили въ Хивинскій походъ“, — говорили сѣдые, какъ лунь, старцы, вспоминая давно минувшіе годы... „Это было больше тридцати лѣтъ назадъ, когда мы съ Перовскимъ разбили кокандцевъ“, — говорили казаки, еще не столь состарившіеся... А многоводная Сыръ-Дарья, видѣвшая на своихъ берегахъ славныя русскія войска, предводимыя Перовскимъ, присоединившимъ эту рѣку къ владѣніямъ Россіи!.. А эта, одиноко стоящая, крѣпость въ нынѣшней Ферганской области, называвшаяся Акъ-Мечеть, взятая штурмомъ тѣмъ-же Перовскимъ, разбившимъ кокандцевъ и впервые разсѣявшимъ въ азіятахъ нашей восточной окраины увѣренность въ ихъ непобѣдимости!.. Даже мѣстные кумысники-башкиры, когда мнѣ доводилось вызывать ихъ на разговоръ о Перовскомъ, говорили: „Добра душа былъ Пировскій. Такой нѣтъ бульша!..“ Словомъ, повсюду и *вездѣ*, гдѣ только жилъ и трудился этотъ человѣкъ—живетъ въ памяти народной его славное и честное доброе имя.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЗИМНІЙ ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ

ВЪ 1839 ГОДУ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По дѣламъ службы, мнѣ два года (1889 и 1890) довелось прожить въ Оренбургѣ, гдѣ я встрѣтился и познакомился съ нѣсколькими, еще находящимися въ живыхъ свидѣтелями и участниками несчастнаго похода нашихъ войскъ въ Хиву въ 1839 году, и слышалъ отъ нихъ живые разсказы и многія интересныя подробности объ этомъ походѣ. Между этими лицами первое мѣсто занималъ бывшій военный топографъ, отставной подполковникъ Георгій Николаевичъ Зеленинъ, который не только разсказывалъ мнѣ о походѣ устно, но и передалъ имѣвшіяся у него записки (ими я отчасти и пользовался при составленіи настоящей статьи).

Какъ въ Хивинскій походъ 1839 года, такъ и потомъ, спустя 34 года, во время похода въ Хиву генерала К. П. Кауфмана, были приняты

всѣ мѣры, чтобы донесенія о походѣ доходили въ Петербургъ лишь оффиціальнымъ путемъ и чтобы при отрядахъ не было корреспондентовъ. Но судьба—по крайней мѣрѣ во второй походъ—распорядилась иначе: въ отрядъ генерала Кауфмана, когда онъ достигъ уже рѣки Аму-Дарьи, прибылъ, преодолѣвъ всѣ дѣлаемыя ему препятствія, безстрашный и неутомимый англійскій путешественникъ-корреспондентъ Макъ-Гаханъ, который и описалъ затѣмъ Хивинскій походъ 1873 г. въ особо изданной имъ книгѣ: «Company on the Oxus and the Fall of Khiva» By J. A. MacGahan. London, 1874. Сочиненіе это было переведено въ 1875 г. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и имѣло огромный успѣхъ среди читающей публики, какъ талантливое и, главное, единственное описаніе столь рѣдкаго и замѣчательнаго, въ лѣтописяхъ военной исторіи, похода. Намъ, русскимъ людямъ, довелось, слѣдовательно, узнать всѣ подробности этого героическаго похода нашихъ войскъ въ глубь Азіи отъ иноземнаго корреспондента...

Къ сожалѣнію, походъ 1839 г. не имѣлъ столь даровитаго участника и лѣтописца: онъ былъ совершенъ въ такой тайнѣ, что первое извѣстіе о немъ въ русской печати появилось лишь 20 лѣтъ спустя, въ видѣ оффиціальнаго изложенія подробностей похода въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ», издаваемыхъ при Московскомъ университетѣ. Между тѣмъ, въ походѣ принимали участіе извѣстный писатель В. И. Даль (казакъ Луганскій), состоявшій въ то время чи-

новникомъ особыхъ порученій при Оренбургскомъ военномъ губернаторѣ Перовскомъ, и знаменитый впослѣдствіи географъ и путешественникъ по Средней Азіи Н. В. Ханыковъ *). Послѣдній, насколько извѣстно, ничего не написалъ о походѣ, въ которомъ онъ участвовалъ; Даль же ограничился нѣсколькими частными письмами къ разнымъ своимъ знакомымъ, писанными съ пути, во время похода, и напечатанными 28 лѣтъ спустя въ «Русскомъ Архивѣ». Болѣе подробныя статьи объ этомъ походѣ, написанныя, впрочемъ, по оффиціальнымъ же источникамъ, были помѣщены въ «Русскомъ Словѣ» и «Военномъ Сборникѣ». Затѣмъ имѣются письма о Хивинскомъ походѣ 1839 г. самого графа В. А. Перовскаго, главнаго начальника экспедиціоннаго отряда, писанныя имъ, съ похода, къ Московскому почтъ-директору А. Я. Булгакову, напечатанныя въ томъ же «Русскомъ Архивѣ» и въ этой книгѣ перепечатываемыя. Есть, наконецъ, и отдѣльная книжка объ этомъ же походѣ, изданная однимъ изъ участниковъ экспедиціи, полковникомъ Иванинымъ. Очень возможно, что о зимнемъ походѣ въ Хиву имѣются и еще какія-нибудь напечатанныя статьи, мнѣ неизвѣстныя.

Но все это—матеріалы, такъ сказать, оффиціальные, далеко не полные и не всегда согласные съ истиной. А потому, теперь, при подробномъ

*) Кромѣ названныхъ лицъ, въ экспедиціи въ Хиву участвовали также: П. Чихачевъ, извѣстный своимъ путешествіемъ по Индіи и Китаю, и Э. Эверсманъ.

описаніи этого достопамятнаго, по своему несчастью и героизму солдатъ и офицеровъ, похода, мнѣ приходится основываться, главнымъ образомъ, на частныхъ запискахъ и письмахъ лицъ, участвовавшихъ въ походѣ, и на устныхъ «разсказахъ очевидцевъ», являющихъ собою, вообще, русское традиціонное хранилище свѣдѣній о новѣйшихъ событіяхъ отечественной исторіи.

Затѣмъ, существуетъ, какъ извѣстно, подробное «Дѣло» объ этомъ «Военномъ предпріятіи противу Хивы»; но оно находится въ Петербургѣ, въ Архивѣ Главнаго Штаба, высланное туда изъ Оренбурга по особому распоряженію.

И. З.

I.

Наши отношенія къ Хивѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.—Заботы Императора Александра I о мирномъ сближеніи съ Хивой.—Рескрипты Государя военному Оренбургскому губернатору Эссену.—Оскорбленія, чинимыя хивинцами нашимъ посланцамъ.—Отправленіе въ Хиву караванъ-баши Ніязмухаметева и штабсъ-капитана Н. Н. Муравьева.

Послѣ перваго похода въ Хиву русскаго отряда въ 1717 году, въ царствованіе Петра Великаго, подъ начальствомъ князя Бековича-Черкасскаго, похода, окончившагося, какъ извѣстно, столь трагически, благодаря обману и вѣроломству хивинцевъ, а главное, излишней довѣрчивости Бековича, наши сношенія съ Хивою порвались сами собою, и Хивинцы, гордые своею вѣроломною побѣдой, стали къ намъ, открыто, во враждебныя отношенія: они грабили наши торговые караваны, направлявшіеся въ Бухару, подстрекали туркменъ и киргизовъ похищать русскихъ людей и покупали ихъ, обращая въ неволю, укрывали нашихъ дезертировъ и бѣглыхъ, и пр. Такъ прошло цѣлое столѣтіе. Никто изъ государственныхъ русскихъ людей того времени не помышлялъ еще, повидимому, о той серьезной роли, какая должна была выпасть на долю Россіи въ Средней Азіи, въ силу ея инертнаго движенія на Востокъ...

Лишь послѣ окончанія Наполеоновскихъ войнъ, Императоръ Александръ I обратилъ впервые свое высокое вниманіе на упорядоченіе нашей торговли въ Средней Азіи: тогдашнему Оренбургскому военному губернатору

генералу Эссену было предложено избрать изъ служащихъ въ Оренбургѣ чиновниковъ или военныхъ вполнѣ способнаго и надежнаго человѣка, въ небольшомъ чинѣ, котораго и отправить къ Хивинскому хану, но отнюдь не въ качествѣ дипломатическаго лица, а какъ бы обыкновеннаго чиновника, для установленія правильныхъ пограничныхъ сношеній. Къ рескрипту на имя губернатора Эссена была приложена особая записка, гдѣ излагались тѣ дружественныя предложенія, которыя долженъ былъ сдѣлать избранный чиновникъ Хивинскому хану. Вотъ содержаніе этой записки*):

1. „Россійскій Императоръ искренно желаетъ благосостоянія своихъ сосѣдей и, въ то-же время, готовъ имъ изъявлять всякую пріязнь, не желая другого съ ихъ стороны, какъ взаимнаго дружелюбія.

2. „Если взаимное дружелюбіе будетъ единожды прочно установлено, то очевидно, что польза обоихъ народовъ требуетъ всѣми возможными мѣрами споспѣшествовать свободнымъ торговымъ сообщеніямъ, тщательно отстраняя отъ оныхъ все то, что можетъ служить имъ во вредъ и изыскивая искренно средства сдѣлать сіи торговыя сообщенія часъ-отъ-часу выгоднѣе для обоихъ народовъ.

3. „Подобное взаимное положеніе, кажется, будетъ полезнѣе, нежели нынѣ существующее, столь часто подверженное непріятнымъ происшествіямъ, ко вреду обоюдныхъ подданныхъ обращающимся. Всѣ сіи непріятности весьма легко отвращены быть могутъ, когда искреннее желаніе поселится укоренить дружбу на прочныхъ началахъ.

„Если сіи мысли будутъ приняты, то посылаемый чиновникъ долженъ будетъ взойти (предъ ханомъ) въ подробное изъясненіе препятствій и притѣсненій, встрѣ-

*) Изъ дѣла Оренбургскаго генералъ-губернаторскаго архива, № 452.

чаемыхъ торгующими, особливо бухарцами, отъ хивинцевъ. Во взаимность отвращенія сихъ неудобствъ и притѣсненій, россійское правительство готово принять предложенія, кои ханъ Хивинскій найдетъ нужнымъ сдѣлать для пользы своего народа, если они будутъ безвредны пользамъ Россіи или другимъ сопредѣльнымъ народамъ.

„Надобно желать, чтобъ чиновникъ, таковое порученіе получающій, былъ не только по наставленію полонъ яснаго понятія о предстоящемъ ему дѣлѣ, но и самъ внутренно и чистосердечно убѣжденъ въ истинѣ, справедливости и пользѣ онаго. Онъ тогда будетъ дѣйствовать съ тою теплотою и непритворностію чувствъ, которыя въ его положеніи одни могутъ заслужить довѣренность и усыпить Азіатскую мнительность и подозрѣніе и, наконецъ, оставить благопріятное впечатлѣніе въ умѣ и расположеніяхъ Хивинскаго хана“.

Вотъ какими миролюбивыми намѣреніями исполнено было русское правительство относительно Хивы въ 1819 году, несмотря на самое разбойничье и хищническое поведеніе нашихъ сосѣдей, называемое въ запискѣ „непріятными происшествіями“. Оно, вѣрное своей тогдашней иностранной политикѣ на Западѣ, мечтало „укоренить дружбу на прочныхъ началахъ“ и на Востокѣ съ Хивою. Но мѣстныя Оренбургскія власти отлично понимали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и не увлеклись фантастической перспективой „дружбы“ съ закоренѣлыми разбойниками и исконными врагами Россіи. Вотъ что писалъ генералъ Эссенъ въ Петербургъ, въ отвѣтномъ рапортѣ своемъ на Высочайшій рескриптъ:

„По вступленіи моемъ въ управленіе Оренбургскимъ краемъ, относился я къ Хивинскому хану Мухамметъ-Рахиму, чрезъ торгующихъ здѣсь его подданныхъ, дружественнымъ письмомъ о взаимной пріязни, но на оное не получилъ отъ него никакого отвѣта.

„Получивъ отъ статсъ-секретаря Кикина, по Высо-

чайшему повелѣнію Вашего Величества, всеподданнѣйшую просьбу купцовъ Лазарева и Енушева объ удовлетвореніи ихъ за разграбленные хивинцами товары, отправлялъ я въ прошедшемъ году къ Хивинскому хану съ письмомъ нарочнаго, 4-го Башкирскаго кантона поручика Абдулъ-Насыра-Субкангулова; но нарочный сей угрожаемъ въ Хивѣ былъ казнію за прибытіе туда, которой избѣжалъ единственно убѣжденіемъ хивинцевъ въ единовѣріи съ ними, въ доказательство коего вынужденъ былъ обрить голову и съ симъ знакомъ униженія выпровожденъ былъ изъ Хивы при отзывѣ ко мнѣ отъ имени ханскаго министра Аталыка-Бегудара, явно обнаруживающемъ строптивость и недостатокъ уваженія къ нашему правительству, и при объявленіи, чтобы впредь не возвращался, а въ Россіи повѣстилъ-бы, что всякій свободный чужестранецъ, по Хивинскимъ законамъ, подвергается у нихъ смерти или рабству, о чемъ и сообщено было отъ меня въ подробности, тогда-же, управляющему Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, статсъ-секретарю графу Нессельроде.

„Послѣ таковыхъ безуспѣшныхъ сношеній съ Хивинскимъ правительствомъ, я въ необходимости нахожусь заключить, что во исполненіе Высочайшей Вашего Императорскаго Величества воли, въ новые переговоры и объясненія съ онымъ войти удобно не иначе, какъ въ видахъ силы и справедливой твердости, поддержать достоинство Имперіи, внушивъ уваженіе къ предмету тѣхъ объясненій и обезпечивъ безопасность получающаго сіе порученіе“.

Затѣмъ, генералъ Эссенъ называетъ въ рапортѣ своемъ и лицо, имъ намѣченное для посольства въ Хиву: личнаго своего адъютанта, поручика Германа, управлявшаго въ продолженіе двухъ лѣтъ „дипломатическимъ отдѣленіемъ“ канцеляріи Оренбургскаго губернатора; но прибавляетъ при этомъ, что его возможно будетъ отправить лишь „подъ прикрытіемъ эскорта“.

Кромѣ всеподданнѣйшаго рапорта, генералъ Эссенъ счелъ не излишнимъ сдѣлать надлежащее представленіе о нашихъ сношеніяхъ съ Хивою и всесильному тогда временщику графу Аракчееву. Мы приведемъ изъ этого представленія тѣ мѣста, гдѣ всего рѣзче обрисовывается наше тогдашнее отношеніе къ Хивѣ.

„Правительство хивинское,—пишетъ генералъ Эссенъ,—хотя постоянно производитъ съ Россіей торговлю, но отъ самаго начала сношеній нашихъ съ нимъ не переставало дѣйствовать коварнымъ и хищнымъ образомъ. Не обращаясь къ временамъ давно протекшимъ, кои ознаменованы несчастною экспедиціей полковника князя Бековича-Черкасскаго, довольно упомянуть, что отъ тѣхъ временъ донынѣ непрерывно подстрекаетъ оно киргизъ-кайсаковъ *) къ уводу людей нашихъ, покупаетъ и содержитъ ихъ въ тяжкой неволѣ, грабитъ преимущественно тѣ караваны, въ коихъ находятся товары нашихъ киргизовъ, и въ подданной намъ ордѣ киргизъ-кайсацкой производитъ истребленіе, хищничества и насилія всякаго рода. Такъ, напримѣръ, въ 1793 году, посланный въ Хиву, по Высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе собственнаго прошенія Хивинскаго хана, маіоръ Бланкеннагель былъ тамъ содержанъ подъ стражею, ограбленъ и угрожаемъ опасностію жизни, которой избѣжалъ единственно успѣхомъ, съ какимъ вылѣчилъ онъ до 300 больныхъ хивинцевъ. Понятія сего правительства о народномъ правѣ и безразсудная жестокость таковы, что посла Персидскаго шаха со свитою, изъ тридцати человѣкъ состоявшею, велѣно было безчеловѣчно умертвить при самомъ приближеніи его къ Хивинской области. Хотя сіе событіе предшествовало Бланкеннагелю за 50 лѣтъ, но *время не изгладило*

*) То-есть, сосѣднихъ съ Оренбургомъ *Киргизовъ*, кочевья которыхъ въ то время, какъ и теперь, начинались за р. Ураломъ. Въ настоящее время киргизы стали совсѣми мирнымъ племенемъ и занимаются лишь изрѣдка конокрадствомъ.

оныхъ понятій и не обуздало варварскихъ его расположеній, подтверждаемыхъ послѣднимъ происшествіемъ съ прошлогоднимъ моимъ посланцемъ, который допрашиванъ былъ подъ кинжаломъ палача и угрожаемъ насильствами". „Всѣ таковыя воспоминанія, вмѣстѣ съ безуспѣшными покушеніями войти съ Хивинскимъ владѣльцемъ въ сношенія", убѣждаютъ его, губернатора, въ томъ, что „ежели всемилостивѣйшему Государю Императору благоугодно будетъ повелѣть вновь испытать средство переговора съ Хивинскимъ владѣльцемъ, то сіе не иначе можетъ быть совершено, какъ подъ вооруженнымъ прикрытіемъ", дабы, говорится въ концѣ, „въ случаѣ крайней неудачи, обезпечено было возвращеніе хотя нѣкоторой части сего отряда"...

Эти благоразумныя предостереженія генерала Эссена разсѣяли, повидимому, маниловскія иллюзіи графа Нессельроде, и посольство Германа въ Хиву не состоялось. Тѣмъ не менѣе, въ новомъ рескриптѣ Оренбургскому военному губернатору отъ 24 мая 1819-го же года, Императоръ Александръ, соглашаясь, что посольство въ Хиву будетъ безполезно и рискованно, выразилъ все-таки желаніе „употребить всевозможныя мѣры" къ установленію правильныхъ торговыхъ сношеній Россіи съ Хивой. Для этого, въ особой запискѣ, приложенной къ Высочайшему рескрипту, указывался и способъ къ достиженію этой цѣли. Впрочемъ, „способъ" этотъ оказался и на сей разъ обычнымъ продуктомъ петербургскихъ кабинетныхъ измышленій и, какъ увидимъ ниже, не имѣлъ никакого успѣха.

„За сдѣланными уже (говорится въ запискѣ) тщетными покушеніями имѣть дружественныя сношенія съ ханомъ Хивинскимъ, признается небезполезнымъ испытать еще слѣдующее средство: между хивинцами, живущими въ Оренбургской губерніи, есть, безъ сомнѣнія, люди, извѣстные по наклонности къ нашему правительству и, въ то-же время, пользующіеся довѣренностью

своихъ соотечественниковъ въ Хивѣ... Надобно найти одного изъ такихъ хивинцевъ, человѣка добрыхъ свойствъ, смышленнаго и предпріимчиваго. Не давая ему замѣтить, что сіе дѣло связано съ видами правительства, надобно заинтересовать его въ немъ собственною его пользою. Сіе весьма легко сдѣлать, возродивъ въ немъ опасеніе лишиться выгодъ торговли по непріязненному расположенію хана Хивинскаго и заставя его, такимъ образомъ, самого желать и искать возможности къ отклоненію препонъ торговлѣ съ Хивой"... Далѣе излагается весьма наивный планъ дѣйствій для этого, „извѣстнаго по наклонности къ нашему правительству человѣка": какъ онъ долженъ былъ отправиться въ Хиву „въ видѣ частнаго человѣка", что онъ долженъ былъ тамъ дѣлать и говорить, какъ онъ долженъ былъ ознакомить Хивинское правительство съ правилами международныхъ сношеній, сообщивъ ему, между прочимъ, что „Австрійская и Россійская имперіи утвердили уже свои торговыя сношенія съ Оттоманскою Портою, а Россія—даже съ Персіей и Китаемъ"... При этомъ предполагалось дать этому посланцу нѣкоторое денежное вспоможеніе...

Подходящаго человѣка для такой курьезной миссіи нелегко, конечно, было найти... Но, тѣмъ не менѣе, генералъ Эссенъ разыскалъ-таки такого, въ лицѣ одного изъ хивинскихъ караванъ-башей *), Атаніаза Ніязмухаметева, отправлявшаго свои обязанности при Хивинскихъ караванахъ въ теченіе 30 лѣтъ. Но спустя годъ по возложеніи на него миссіи къ Хивинскому хану, генералъ Эссенъ, въ рапортѣ Государю Императору, доносилъ слѣдующее:

„Хивинецъ Атаніазъ Ніязмухаметевъ вернулся въ Оренбургъ съ караваномъ и объяснилъ мнѣ, что владѣлецъ Хивинскій никакими его представленіями не убѣ-

*) Караванъ-баша—т. е. караванный голова, проводникъ каравана въ степи.

дился и не только посланства на упомянутый предметъ не отправилъ, но и въ объясненіе по оному войти не хотѣлъ, не поставляя на то никакой причины. Вмѣстѣ съ симъ хивинцемъ возвратился изъ Хивы и посланный мною, по другому Высочайшему Вашего Величества повелѣнію, объявленному мнѣ черезъ управляющаго министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, коллежскій совѣтникъ Мендіяръ Бекчуринъ, имѣвшій порученіе доставить къ Хивинскому хану письмо гр. Нессельроде и ходатайствовать объ удовлетвореніи нашихъ купцовъ за ограбленные у нихъ товары. Къ исполненію сего порученія избралъ я Бекчурина потому, что онъ одного съ хивинцами магометанскаго исповѣданія и имѣетъ отъ роду слишкомъ 70 лѣтъ. Я надѣялся, что, изъ уваженія къ единовѣрцу и старости, оказанъ ему будетъ благосклонный пріемъ; но вмѣсто того, чиновникъ сей принятъ былъ тамъ съ сугубымъ раздраженіемъ, четыре мѣсяца содержанъ подъ крѣпкою стражею *въ унизительномъ мѣстѣ* и, наконецъ, не бывъ выслушанъ, отправленъ въ Россію безъ всякаго отвѣта".

Почти одновременно съ порученіями, данными изъ Оренбурга Ніязмухаметеву и Бекчурину, былъ посланъ въ Хиву же, совсѣмъ съ другой стороны, именно съ Кавказа, генераломъ Ермоловымъ, штабсъ-капитанъ Н. Н. Муравьевъ, которому было поручено „склонить туркменъ или трухменцовъ, обитающихъ на восточныхъ берегахъ Каспійскаго моря, и хивинцевъ къ пріязненнымъ сношеніямъ съ Россіею". Миссія Муравьева была такъ же неудачна, какъ и Ніязмухаметева: его долго держали въ Хивѣ, какъ бы въ плѣну, едва допустили до аудіенціи у хана, обобрали всѣ привезенные имъ подарки, и въ концѣ едва выпустили обратно; а отпустивъ и узнавъ потомъ, что это былъ не таможенный чиновникъ (за котораго выдавалъ себя Н. Н. Муравьевъ), а военный офицеръ, очень сожалѣли, что не отрубили ему голову...

Вотъ какъ отвѣчали Хивинскіе ханы на всѣ „покушенія имѣть дружественныя сношенія съ ними“... Оскорбляя неслыханнымъ дотолѣ образомъ нашихъ пословъ, арестуя ихъ, брѣя имъ головы и содержа „подъ крѣпкою стражею въ унизительныхъ мѣстахъ“, хивинцы продолжали, въ то же самое время, грабить караваны нашихъ торговыхъ людей, имѣвшихъ сношенія съ сосѣдственной съ Хивою Бухарой... Такую безнаказанность и русское долготерпѣніе можно, повидимому, объяснить лишь двумя обстоятельствами: во-первыхъ, извѣстнымъ личнымъ миролюбіемъ Императора Александра I, получившаго, какъ извѣстно, послѣ Наполеоновскихъ войнъ, глубокое отвращеніе къ войнѣ вообще, и во-вторыхъ, тѣмъ, что во главѣ иностранной политики Россіи стояли въ то время иноземцы, съ графомъ Нессельроде во главѣ, которымъ были чужды и непонятны не только торговые интересы нашего отечества на какомъ-то тамъ дальнемъ Востокѣ, но даже его слава и государственная честь, такъ дерзко оскорбляемыя и принижаемыя, въ данномъ случаѣ, Хивинскимъ ханомъ и его соправителями. Дерзость хивинцевъ происходила, конечно, отъ ложнаго представленія ихъ о своей силѣ, которая вся заключалась лишь въ большой трудности похода въ Хиву для отряда европейскихъ войскъ. Но разъ, при Петрѣ I, такой походъ былъ сдѣланъ, онъ могъ и долженъ былъ, рано или поздно, повториться: это былъ лишь вопросъ времени...

II.

Пріѣздъ въ Оренбургъ В. А. Перовскаго и первое впечатлѣніе, имъ произведенное.—Его столкновенія съ генералами Жемчужниковымъ и Стерлихомъ.—Любезный пріемъ, оказанный Перовскому Оренбургскими татарами съ Тимашевымъ во главѣ.—Первыя мысли о походѣ на Хиву.—Похищеніе киргизами вдовы-офицерши.—Хлопоты Перовскаго въ Петербургѣ о разрѣшеніи похода.—Бесѣда съ императоромъ Николаемъ.—Первоначальные планы и разсчеты.—Сформированіе экспедиціоннаго отряда. — Штабъ генерала Перовскаго.

Въ 1833 году прибылъ въ Оренбургъ назначенный военнымъ губернаторомъ и командующимъ отдѣльнымъ Оренбургскимъ корпусомъ свиты Е. В. генералъ-маіоръ Василій Алексѣевичъ Перовскій *).

Оренбургъ ранѣе никогда не имѣлъ такого молодого губернатора и, вдобавокъ, корпуснаго командира... Перовскому въ то время было лишь 39 лѣтъ. Молодой губернаторъ былъ очень красивъ собою, „взглядъ имѣлъ строгій и суровый“, ростомъ былъ выше средняго, имѣлъ изящныя великосвѣтскія манеры и обладалъ необыкновенною физической силой, такъ что свободно разгибалъ подковы. До пріѣзда своего въ Оренбургъ, генералъ Перовскій прошелъ хорошую боевую школу, не совсѣмъ-то обыкновенную и полную интерес-

*) Генералъ В. А. Перовскій въ то время не былъ еще графомъ, титулъ этотъ онъ получилъ 17 апрѣля 1855 года, т. е. въ день рожденія покойнаго Государя Александра Николаевича, всего черезъ два мѣсяца по восшествіи его на престолъ; графское достоинство было пожаловано В. А. собственно за Коканскій походъ 1853 г. и взятіе крѣпости Акъ-Мечеть, переименованной затѣмъ въ „Фортъ-Перовскій“. Это было во время вторичной уже службы Перовскаго въ Оренбургскомъ краѣ; онъ былъ тогда „Самарскимъ и Уфимскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ, генераломъ-отъ-кавалеріи и всѣхъ Россійскихъ орденовъ кавалеромъ“. Въ Оренбургѣ, въ зданіи караванъ-сарая, въ домѣ губернатора, въ одной изъ залъ, находится прекрасный портретъ графа В. А. Перовскаго, въ натуральную величину, вставленный въ роскошную золотую раму.

ныхъ событій: 18-лѣтнимъ юношей онъ участвовалъ въ Бородинскомъ бою, гдѣ ему оторвало пулею часть средняго пальца на рукѣ (вслѣдствіе этого онъ носилъ, потомъ, на этомъ пальцѣ золотой, длинный наперстокъ); при выступленіи французовъ изъ Москвы, попалъ къ нимъ въ плѣнъ; *пѣшкомъ*, при обозѣ маршала Даву, прошелъ отъ Москвы во Францію, гдѣ и жилъ, вмѣстѣ съ другими плѣнными, въ Орлеанѣ, до февраля 1814 года, когда ему удалось бѣжать и присоединиться къ руской арміи, бывшей въ то время за границей. Затѣмъ, по возвращеніи въ Россію, онъ былъ зачисленъ въ генеральный штабъ, состоялъ адъютантомъ графа П. В. Кутузова и сопровождалъ великаго князя Николая Павловича въ его путешествіи по Россіи. Въ Турецкую войну 1828 г., подъ Анапой, Перовскій былъ тяжело раненъ пулею въ правую сторону груди, такъ что ему *вырѣзывали* эту пулю. Въ то же время, это былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей въ Россіи, дружный съ Жуковскимъ, знакомый съ Пушкинымъ, Карамзинымъ и всѣми интеллигентными членами ихъ кружка (Пушкинъ, во время пріѣзда своего въ Оренбургъ, остановился прямо у Перовскаго). Все это, вмѣстѣ съ легендою о таинственномъ происхожденіи молодого генерала, производило на окружающихъ большое обаяніе. Но нѣкоторыхъ лицъ изъ мѣстной служебной аристократіи сильно смущалъ некрупный чинъ новаго корпуснаго командира, и изъ-за этого чина вышелъ даже, на первыхъ же порахъ, слѣдующій инцидентъ, еще болѣе поднявшій престижъ новаго губернатора.

Начальникомъ расположенной тогда въ Оренбургѣ 26-й пѣхотной дивизіи былъ генералъ-лейтенантъ Жемчужниковъ, а начальникомъ бригады—старый генералъ Стерлихъ. Будучи чинами старше Перовскаго, дивизіонный генералъ, а по его примѣру и бригадный, не поѣхали представиться, а ожидали, что Перовскій, какъ вновь пріѣзжій, сдѣлаетъ имъ визитъ первый, чего

этотъ, однако, не сдѣлалъ. Тогда генералъ Жемчужниковъ обратился въ Петербургъ съ конфиденціальнымъ письмомъ къ военному министру, испрашивая указаній, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ?.. Изъ Петербурга не замедлилъ, однако, придти весьма печальный для генерала Жемчужникова отвѣтъ: ему предлагалось отправиться немедленно къ своему начальнику, корпусному командиру, свиты Е. В. генералъ-маіору Перовскому, и доложить ему, что онъ, генералъ-лейтенантъ Жемчужниковъ, за нарушеніе правилъ обычной военной подчиненности, получилъ предложеніе подать въ отставку... Къ чести престарѣлаго и заслуженнаго генерала Жемчужникова, слѣдуетъ прибавить, что онъ не исполнилъ этого предложенія, а просто отправилъ прошеніе объ отставкѣ, въ которую тотчасъ же и былъ уволенъ, съ выслуженною имъ ранѣе пенсіею. Перовскій же вскорѣ послѣ этой исторіи былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ.

Оренбургскіе татары, составлявшіе въ то время большинство населенія края и самаго города Оренбурга, встрѣтили новаго губернатора съ большимъ почетомъ и уваженіемъ; а ихъ бывшій мурза Тимашевъ предложилъ даже къ услугамъ генерала Перовскаго свой домъ, лучшій въ городѣ, на Николаевской улицѣ.

Въ первые же годы своей службы въ Оренбургѣ, молодой губернаторъ съумѣлъ достаточно оріентироваться въ новомъ для него краѣ и ко многому присмотрѣться. При этомъ, его всего болѣе поразилъ и сталъ мучить слѣдующій, крайне оскорбительный для самолюбія каждаго русскаго человѣка фактъ: онъ узналъ, что кочующіе сейчасъ же за Ураломъ, вблизи города, киргизы, числящіеся въ нашемъ подданствѣ, забираютъ, при малѣйшей оплошности, русскихъ людей въ плѣнъ и тотчасъ же продаютъ ихъ въ Хиву, въ вѣчную неволю, что промыселъ этотъ составляетъ любимое,

удалое занятіе киргизовъ и что они ведутъ это дѣло совершенно свободно; во время же рекогносцировокъ за Уралъ казачьихъ конныхъ отрядовъ и при погоняхъ изъ укрѣпленій, хищники эти, на своихъ быстрыхъ и неутомимыхъ коняхъ, безнаказанно уходятъ въ степь; что всѣхъ такихъ „плѣнныхъ“ находится въ Хивѣ, по свѣдѣніямъ отъ караванъ-башей, болѣе 500 человѣкъ... На генерала Перовскаго особенно, говорятъ, повліялъ разсказъ о происшествіи, случившемся въ Оренбургѣ въ 1824 году, какъ разъ наканунѣ пріѣзда въ городъ Императора Александра I.

Вдова одного казачьяго офицера, узнавъ о предстоящемъ прибытіи въ городъ Государя, рѣшилась нарочно пріѣхать въ Оренбургъ, чтобы повидать царя, котораго ранѣе никогда не видала; она при этомъ взяла съ собою и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, чтобы кстати и имъ взглянуть на царя. Пріѣхавъ въ городъ наканунѣ прибытія въ него Государя, любопытная офицерша не нашла на постоялыхъ дворахъ и въ гостиницахъ ни одной уже свободной комнаты, и вслѣдствіе этого рѣшилась остановиться, съ дѣтьми, прислугою и своими лошадьми, бивуакомъ и ночевать въ тарантасѣ, на которомъ пріѣхала; она расположилась на этомъ берегу Урала, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находится, въ настоящее время, архіерейскій садъ и гдѣ въ то время росли еще нѣкоторыя деревья, остатки бывшаго лѣса. Вдругъ, ночью, бивуакъ вдовы окружила конная шайка тихо подкравшихся киргизовъ, схватили офицершу въ одной сорочкѣ, связали ее по рукамъ и ногамъ, кинули поперекъ лошади на сѣдло, поскакали къ Уралу и бросились черезъ него вплавь... Ни дѣтей ея, ни бывшую съ нею крѣпостную прислугу, кучера и горничную дѣвушку, киргизы не взяли. Пока оторопѣлые и испуганные люди подняли тревогу, пока дали знать властямъ, а власти подняли на ноги казаковъ, совсѣмъ разсвѣло, а хищниковъ и слѣдъ простылъ: они были

уже далеко въ степи по дорогѣ на Эмбу, направляясь къ Хивѣ... Когда доложили объ этомъ происшествіи прибывшему на другой день въ Оренбургъ Государю, то Императоръ Александръ Павловичъ былъ, говорятъ, глубоко огорченъ этимъ несчастнымъ событіемъ, приказалъ взять дѣтей „на особое попеченіе“, а вдову, во что бы ни стало, выкупить отъ хивинцевъ, за его, государевъ, счетъ, что и было впослѣдствіи исполнено.

Фактъ этотъ, понятно, сильно поразилъ Перовскаго, какъ онъ могъ поразить и всякаго иного свѣжаго человѣка, пріѣхавшаго въ Оренбургъ... Въ самомъ дѣлѣ: Русскій царь долженъ былъ выкупать вдову своего офицера, взятую въ плѣнъ въ мирномъ, повидимому, городѣ, наканунѣ пріѣзда въ него самаго Государя, взятую, главное, его же подданными, кочующими за Ураломъ „мирными“ киргизами!..

Вотъ какой порядокъ вещей созданъ былъ различными неумѣлыми правителями въ Оренбургскомъ краѣ ко времени пріѣзда въ него В. А. Перовскаго. Какъ человѣкъ, имѣвшій въ Петербургѣ, въ высшихъ сферахъ, большія связи, Перовскій рѣшился возбудить ходатайство о необходимости новаго военнаго похода на Хиву...

Въ Петербургѣ, на первыхъ порахъ, ходатайство генерала Перовскаго не встрѣтило сочувствія ни въ военныхъ сферахъ, ни въ придворныхъ: указывали на трудности похода по безводнымъ пескамъ и пустынямъ; вспоминали трагическую судьбу отряда кн. Бековича-Черкасскаго, хотя и преодолѣвшаго походъ и дошедшаго до самой Хивы, но затѣмъ все-таки погибшаго; выставляли на видъ и большія денежныя затраты, необходимыя на снаряженіе экспедиціи, затраты, которыя не окупятся малыми, сравнительно, выгодами, въ случаѣ даже успѣха... Тогда генералъ Перовскій отправился въ Петербургъ лично; тамъ, благодаря своимъ придворнымъ связямъ, онъ сильно подвинулъ впередъ задуманное имъ дѣло. Одинъ только военный министръ

графъ Чернышовъ продолжалъ оппонировать Перовскому. Наконецъ, на одномъ изъ придворныхъ баловъ, когда Императоръ Николай Павловичъ подошелъ къ гр. Чернышову и о чемъ-то заговорилъ съ нимъ, генералъ Перовскій, проходившій въ это время вблизи (вѣроятно, умышленно) былъ тоже подозванъ Государемъ. Разговоръ начался о Хивинскомъ походѣ... Военный министръ возражалъ противъ похода, Перовскій сталъ горячо доказывать необходимость освободить русскихъ плѣнныхъ, томившихся въ неволѣ у хивинцевъ... Николай Павловичъ внимательно слушалъ обоихъ спорящихъ, давая имъ полную свободу высказаться...

— Государь, я принимаю эту экспедицію на свой страхъ и на свою личную отвѣтственность,—заявилъ, наконецъ, рѣшительнымъ тономъ Перовскій, и эта его рѣшимость повліяла на Государя настолько, что онъ тутъ же сказалъ Перовскому:—Когда такъ, то съ Богомъ!—и отошелъ отъ графа Чернышова и Перовскаго къ другимъ лицамъ *)...

Спустя нѣсколько дней послѣ этого разговора, составленъ былъ, по приказанію Государя, особый комитетъ изъ вице-канцлера, военнаго министра и генерала Перовскаго. Въ засѣданіи комитета 12 марта 1839 г. и рѣшенъ былъ походъ на Хиву; но при этомъ положено было „содержать истинную цѣль предпріятія въ тайнѣ, дѣйствуя подъ предлогомъ посылки одной только ученой экспедиціи къ Аральскому морю“. Въ случаѣ удачи похода и взятія Хивы, предположено было „смѣстить хана Хивы и замѣнить его надежнымъ султаномъ Кайсацкимъ, упрочить по возможности порядокъ (нашихъ

*) Эта сцена записана здѣсь со словъ Г. Н. Зеленина, слышавшаго о ней отъ капитана генеральнаго штаба Никифорова, лица, какъ увидимъ ниже, очень близко стоявшаго въ то время къ генералу Перовскому. Объ этомъ своемъ разговорѣ съ императоромъ Николаемъ Перовскій передалъ, впослѣдствіи, уже по пріѣздѣ въ Оренбургъ, и другимъ лицамъ, въ той же редакціи.

сношеній съ Хивою), освободить всѣхъ плѣнныхъ и дать полную свободу торговлѣ нашей". Затѣмъ, въ томъ же засѣданіи комитета, опредѣлено было „на предпріятіе это" 1.698,000 руб. асс. и 12 т. черв., снабдить отрядъ орудіями и снарядами изъ мѣстныхъ артиллерійскихъ и инженерныхъ складовъ и присвоить начальнику экспедиціи генералу Перовскому, на время похода, власть командира отдѣльнаго корпуса въ военное время (т. е. главнокомандующаго).

Добившись подписанія этого журнала графомъ Чернышовымъ и утвержденія его Государемъ, генералъ-адъютантъ Перовскій, 17 марта 1839 года, въ сопровожденіи штабсъ-капитана Никифорова, своей, такъ сказать, правой руки, выѣхалъ изъ Петербурга въ Оренбургъ и, тотчасъ же по пріѣздѣ, сталъ готовиться къ походу на Хиву.

Но главный вопросъ, отъ удачнаго рѣшенія котораго зависѣлъ успѣхъ или гибель дѣла, былъ еще не рѣшенъ: надо было опредѣлить время похода, т. е. зимою или лѣтомъ выступить изъ Оренбурга...

За выступленіе зимою было большинство генераловъ и командировъ отдѣльныхъ частей, находившихся тогда въ Оренбургѣ; энергичнѣе всѣхъ стоялъ за зимній походъ начальникъ Башкирскаго войска генералъ-маіоръ Станиславъ Ціолковскій, имѣвшій на молодого губернатора большое вліяніе. Во-первыхъ, по словамъ Ціолковскаго, экспедиціонный отрядъ избавлялся отъ страшной жары, доходящей въ пескахъ, предъ Усть-Уртомъ, до 58° по Реомюру; во-вторыхъ, отрядъ, который предположено было сформировать изъ 5 слишкомъ тысячъ человѣкъ, болѣе чѣмъ при десяти тысячахъ верблюдовъ, могъ бы, идя зимою, по безводнымъ пустынямъ и сыпучимъ пескамъ, имѣть вездѣ воду, которую легко было бы добывать, собирая и оттаивая снѣгъ. Меньшинство было за выступленіе раннею весною; главнымъ противникомъ зимняго похода былъ начальникъ штаба

Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса баронъ Рокасовскій (бывшій впослѣдствіи Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ) и генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Никифоровъ: они доказывали генералу Ціолковскому, что если только зима будетъ снѣжная и суровая, то весь отрядъ неминуемо погибнетъ, такъ какъ въ степи нельзя будетъ достать топлива для варки горячей пищи; а главное, всѣ верблюды падутъ отъ безкормицы, не будучи въ силахъ добывать кормъ изъ-подъ глубокаго снѣга. Брать же съ собою, навьючивая на спины тѣхъ же верблюдовъ, топливо и кормъ, на всѣ 1,500 верстъ до Хивы было немыслимо...

Въ то время Киргизская степь, а главное, возвышенная плоскость Усть-Урта и самый путь въ Хиву были совершенно неизслѣдованы и почти неизвѣстны для русскихъ военныхъ людей, а самая Хива была для насъ, въ полномъ смыслѣ слова, terra incognita; знали только, что Киргизская степь до Эмбы была маловодна, а дорога далѣе по Усть-Урту, вплоть до Аму-Дарьи, была совсѣмъ безводна. Но и эти скудныя свѣдѣнія имѣлись, главнымъ образомъ, отъ тѣхъ русскихъ людей, которые, проживая въ Хивѣ плѣнниками, уловчались бѣжать оттуда и благополучно добраться до Оренбурга; но свѣдѣнія, добытыя отъ этихъ несчастныхъ, были до того сбивчивы и разнорѣчивы, что на нихъ, очевидно, нельзя было серьезно положиться и основываться. Имѣлись, правда, нѣкоторыя свѣдѣнія на этотъ счетъ, составленныя полковникомъ генеральнаго штаба Ѳ. Ѳ. фонъ-Бергомъ (впослѣдствіи графъ и генералъ-фельдмаршалъ), бывшимъ начальникомъ маленькой экспедиціи, снаряженной въ зиму 1825—1826 гг. для изслѣдованія пути изъ Оренбурга къ Аральскому морю. По этимъ свѣдѣніямъ, на Хиву было *два* пути: первый путь былъ по восточную сторону Аральскаго моря, а второй на Куня-Ургенчъ, по западную; первымъ путемъ до Хивы было 1,400 верстъ, а вторымъ 1,320 верстъ.

Этотъ послѣдній путь рекомендовался изслѣдователемъ какъ лучшій и болѣе удобный, и на немъ, въ случаѣ похода на Хиву, были намѣчены, тѣмъ же Бергомъ, два пункта для постройки укрѣпленій: первый при впаденіи въ р. Эмбу рѣчки Аты-Джаксы (или Аты-Якши) и второй у Акъ-Булака—оба, какъ оказалось впослѣдствіи, крайне неудобные: первый по отсутствію вблизи корма, а второй по своей нездоровой водѣ. И вотъ эти-то роковыя свѣдѣнія, составленныя, какъ бы нарочно, фонъ-Бергомъ, и заставили генерала Перовскаго предпочесть именно второй путь и позаботиться объ устройствѣ на немъ, въ намѣченныхъ мѣстахъ, двухъ укрѣпленій. Для этого были отправлены въ степь, до Усть-Урта, весною 1839 г., два съемочные отряда, снабженные людьми, верблюдами, деньгами, инструментами и проч., подъ командою полковника генеральнаго штаба Геке *). На эти отряды, кромѣ обязанности топографической съемки, было возложено порученіе устроить по пути на Усть-Уртъ, въ пунктахъ, рекомендованныхъ Бергомъ, два укрѣпленія, въ которыхъ и заготовить для отряда двѣ главныя вещи зимняго похода въ степи—топливо (изъ камышей степного бурьяна) и кормъ верблюдамъ. Такія два укрѣпленія, дѣйствительно, и были полковникомъ Геке устроены: одно было возведено на рѣкѣ Эмбѣ, при впаденіи въ нее рѣчки Аты-Якши, въ 500, примѣрно, верстахъ отъ Оренбурга, а другое за 170 верстъ отъ перваго, въ 12 верстахъ отъ подъема на Усть-Уртъ; оно называлось *Акъ-Булакъ*—Бѣлый Ключь—по цвѣту имѣвшейся здѣсь въ изобиліи холодной, частію бѣловатаго цвѣта, воды. Укрѣпленіе это имѣло и другое, тоже мѣстное названіе—*Чушка-Куль*, т. е. Свиное Озеро, по множеству водившихся здѣсь, въ камышахъ, дикихъ кабановъ.

*) Полковникъ Геке, впослѣдствіи наказный атаманъ Уральскаго казачьяго войска, состоялъ въ то время чиновникомъ особыхъ порученій при Перовскомъ.

Полковникъ Геке, воротясь изъ командировки, доложилъ генералу Перовскому, что хотя онъ и исполнилъ съ буквальною точностью возложенное на него порученіе, но, тѣмъ не менѣе, считаетъ избранный путь въ Хиву крайне неудобнымъ, такъ какъ вся мѣстность отъ Эмбы до Чушка-Куля (или Акъ-Булака) „состояла изъ солончаковой низменности и изъ самой бѣдной, нагой, илистой почвы, почти безводной". Но было уже поздно выбирать иной путь; съ походомъ въ Хиву торопились, полагаясь, болѣе всего, на русское „авось" и волю Божью... Въ укрѣпленія были тотчасъ же отправлены изъ Оренбурга нѣсколько каравановъ съ овсомъ, сухарями и всякими иными продовольственными припасами, при сильныхъ и вооруженныхъ отрядахъ, которые, затѣмъ, и остались въ названныхъ двухъ укрѣпленіяхъ, въ видѣ гарнизоновъ, занимаясь заготовкою для отряда сѣна; а съемочные отряды вернулись въ Оренбургъ. Такимъ образомъ, было предположено, что экспедиціонный отрядъ, раздѣленный на нѣсколько колоннъ, выступитъ изъ Оренбурга въ половинѣ ноября; на Эмбинское укрѣпленіе прибудетъ въ первыхъ числахъ декабря, а въ Чушка-Кульское—въ половинѣ декабря. Оттуда было предположено послать легкій рекогносцировочный отрядъ для выбора болѣе удобнаго подъема на Усть-Уртъ и для изслѣдованія, есть-ли снѣгъ на плоскости Усть-Урта; въ случаѣ, если бы не оказалось снѣга, рѣшено было ждать его въ Чушка-Кульскомъ укрѣпленіи; а тѣмъ временемъ, къ ближайшему береговому пункту Каспійскаго моря, находящемуся въ 100 верстахъ отъ Чушка-Куля, должны были подойти десять большихъ парусныхъ судовъ съ различными запасами и новымъ продовольствіемъ для отряда, которыя имѣли выйти изъ Астрахани осенью же, нѣсколько ранѣе выступленія отряда изъ Оренбурга. Затѣмъ, какъ только снѣгъ на Усть-Уртѣ выпадетъ, и явится такимъ образомъ возможность добыванія воды, немедленно двинуться въ даль-

нѣйшій походъ, подняться на Усть-Уртъ и пройти форсированнымъ маршемъ все безводное пространство до Аральскаго моря; а тамъ уже, слѣдуя берегомъ моря, по плоскости Усть-Урта, легко было, по показаніямъ бывшихъ въ Хивѣ плѣнныхъ, найти воду вездѣ. Тѣ же бывшіе плѣнники дали и еще одно весьма важное показаніе, именно, что снѣгъ на Усть-Уртѣ выпадаетъ не ранѣе конца декабря или даже въ январѣ, и что случаются зимы, когда снѣгъ не выпадаетъ вовсе.

Вотъ всѣ тѣ предварительныя приготовленія, что были сдѣланы, и тѣ свѣдѣнія, которыя были добыты предъ началомъ несчастнаго похода русскихъ войскъ въ Хиву въ 1839 году. Затѣмъ, было приступлено къ сформированію экспедиціоннаго отряда и къ изготовленію для него вьючныхъ и перевозочныхъ средствъ, транспортовъ, парка, къ покупкѣ лошадей и найму нѣсколькихъ тысячъ верблюдовъ и пр.

Рѣшено было сформировать всего четыре отдѣльныя колонны, въ составъ коихъ должны были войти: 4 линейныхъ баталіона, одинъ полкъ Оренбургскихъ и одинъ Уральскихъ казаковъ, конно-казачья артиллерійская батарея съ 6-ти фунтовыми орудіями, 8 горныхъ 10-ти фунтовыхъ единороговъ и два батарейныхъ орудія, взятыя изъ мѣстной крѣпостной артиллеріи, такъ какъ не знали, собственно, что такое городъ Хива? Крѣпость ли это, или только городъ, обнесенный стѣною, съ цитаделью внутри, и придется ли штурмовать его прямо пѣхотными колоннами, или же, при осадѣ, потребуются тяжелыя осадныя орудія—для бомбардированія и пробитія затѣмъ бреши. При отрядѣ былъ, также, большой артиллерійскій паркъ, 250 ракетъ Шильдера, 500 ракетъ сигнальныхъ и 500 фальшфейеровъ; были гальваническіе и минные снаряды, понтонная рота съ четырьмя разборными лодками*) по 35 футовъ длины въ каждой,

*) Лодки эти были разобраны по частямъ и навьючены на верблюдовъ; ими не пришлось воспользоваться, такъ какъ отрядъ

6 холщевыхъ понтоновъ, холщевыя лодки, 300 бурдюковъ и уральскіе рыболовные челны, поставленные на колеса. Эти морскія снасти брались для предполагаемаго на обратномъ пути изъ Хивы обозрѣнія Аральскаго моря. Затѣмъ, въ отрядъ назначенъ былъ еще одинъ сводный дивизіонъ Уфимскаго конно-регулярнаго полка, составлявшаго, такъ сказать, личную гвардію генерала Перовскаго въ Оренбургѣ **). Всего въ отрядѣ было болѣе пяти тысячъ человѣкъ, и командованіе четырьмя колоннами возложено генераломъ Перовскимъ на слѣдующихъ лицъ. Начальникомъ 1-й колонны былъ назначенъ командиръ Башкирскаго войска генералъ-маіоръ Ціолковскій. „Войско“ это, въ дѣйствительности Башкирское племя, какъ расположенное въ районѣ тогдашней Оренбургской губерніи (заключавшей въ себѣ и нынѣшнюю Уфимскую), было подчинено, какъ и Оренбургское же казачье войско, власти Оренбургскаго военнаго губернатора. Ціолковскій, полякъ по происхожденію, былъ человѣкъ злой, мстительный и крайне жестокосердый; офицеры его ненавидѣли, солдаты боялись и тряслись при одномъ его приближеніи. Командиромъ 2-й колонны былъ назначенъ командующій конно-казачьею артил-

---

не дошелъ до Аральскаго моря. При отступленіи, Перовскій разрѣшилъ пользоваться этими лодками, какъ топливомъ, для варки пищи.

*) Уфимскій конно-регулярный полкъ былъ сформированъ по особому ходатайству генерала Перовскаго изъ рослыхъ и красивыхъ нижнихъ чиновъ различныхъ кавалерійскихъ полковъ и изъ офицеровъ, лично извѣстныхъ генералу Перовскому. Это было нѣчто въ родѣ его личной гвардіи. Содержаніе этого полка обходилось казнѣ довольно дорого. Ту же декоративную затѣю, 40 лѣтъ спустя, устроилъ въ Оренбургѣ покойный генералъ-губернаторъ Крыжановскій, настоявшій на сформированіи особаго регулярнаго Башкирскаго полка, командованіе коимъ было поручено сыну Крыжановскаго, совсѣмъ еще молодому человѣку, въ чинѣ подполковника. Полкъ этотъ, стоившій казнѣ тоже очень недешево, былъ послѣ крушенія, постигнувшаго г-ла Крыжановскаго (по обнаруженіи извѣстнаго хищенія Башкирскихъ земель), распущенъ и упраздненъ.

лерійскою бригадою полковникъ Кузьминскій. Командиромъ 3-й колонны былъ назначенъ начальникъ 26-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Толмачевъ, и, наконецъ, 4-ю колонною командовалъ бывшій впослѣдствіи наказнымъ атаманомъ Оренбургскаго казачьяго войска генералъ-маіоръ Молоствовъ. Эта послѣдняя колонна считалась главною и въ ней находился начальствующій всѣмъ экспедиціоннымъ отрядомъ генералъ-адъютантъ Перовскій съ своимъ штабомъ, во главѣ котораго стоялъ невидимый его начальникъ и правая рука генерала, штабсъ-капитанъ Прокофій Андреевичъ Никифоровъ; видимымъ же начальникомъ „походнаго штаба“ Перовскаго былъ подполковникъ Иванинъ; дежурнымъ штабъ-офицеромъ—гвардіи капитанъ Дебу. Кромѣ того, при Перовскомъ была масса различныхъ лицъ: чиновниковъ особыхъ порученій, штабъ-офицеровъ, адъютантовъ, гвардейскихъ оберъ-офицеровъ и проч., словомъ, былъ весь тотъ хвостъ военныхъ „павлиновъ“ и трутней, отъ которыхъ несвободенъ былъ на Руси ни одинъ военачальникъ, начиная съ фельдмаршала Суворова и кончая генераломъ Черняевымъ въ Сербіи... При штабѣ Перовскаго было также нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба для предполагавшихся геодезическихъ и этнографическихъ работъ въ Хивѣ и дорогою; затѣмъ были офицеры корпуса топографовъ и 12-ть топографовъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи. Какъ великъ былъ обозъ этой главной колонны, можно судить по одному тому, что подъ кухонными лишь припасами, винами и консервами, предназначенными собственно для стола генералъ-адъютанта Перовскаго, было 140 вьючныхъ верблюдовъ. Всѣхъ же верблюдовъ было въ отрядѣ 12,450, такъ что приходилось, въ общемъ, по два слишкомъ верблюда на каждаго человѣка.

III.

Выступленіе отряда изъ Оренбурга.—Штабсъ-капитанъ Никифоровъ.—Его роль въ отрядѣ и близость къ ген. Перовскому.—Первыя неурядицы въ отрядѣ съ навьючкою верблюдовъ.—Наступленіе страшныхъ морозовъ и недостатокъ топлива.—6-е декабря.

Экспедиціонный отрядъ, раздѣленный, какъ сказано, на четыре колонны, началъ свое выступленіе изъ Оренбурга 14-го ноября 1839 года. Выступали въ походъ по одной колоннѣ въ день, такъ что послѣдняя колонна съ генераломъ Перовскимъ выступила 17-го числа. Погода при выступленіи была хорошая; но на первой же дневкѣ, въ Илецкѣ, было 22° стужи. Нѣсколькими недѣлями ранѣе, именно 21 октября, выступилъ изъ Оренбурга передовой отрядъ (авангардъ), состоявшій изъ 5 офицеровъ и 357 нижнихъ чиновъ при 4-хъ орудіяхъ и 1,128 верблюдахъ, подъ начальствомъ подполковника Данилевскаго (впослѣдствіи, въ 1842 г., начальника посольства въ Хиву). Этотъ-то, вотъ, отрядъ и дошелъ до Эмбы „вполнѣ благополучно“, такъ какъ снѣгу и морозовъ не было, а потому вездѣ былъ еще подножный кормъ для верблюдовъ и лошадей, а въ водѣ не было недостатка.

На первыхъ же, такъ сказать, шагахъ похода сказалась въ отрядѣ та первенствующая роль, которую игралъ штабсъ-капитанъ Никифоровъ. Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ объ этомъ не совсѣмъ-то обыкновенномъ человѣкѣ, игравшемъ такую видную роль въ несчастномъ походѣ 1839 года на Хиву и въ дальнѣйшей, затѣмъ, годъ спустя, попыткѣ къ сближенію съ нею. Въ Оренбургѣ и теперь, спустя болѣе полувѣка, еще живы нѣсколько лицъ, хорошо помнящія Никифорова и „его огненные глаза, которые такъ и сыпали искрами“, по картинному выраженію подполковника Г. Н. Зеленина въ его запискахъ.. Наружность Никифорова была столь же характерна: небольшого

роста, широкоплечій, чрезвычайно подвижной, онъ, при этомъ, такъ скоро говорилъ, что на первыхъ порахъ весьма лишь немногіе могли понимать его рѣчь. Онъ вначалѣ появился на Оренбургскомъ горизонтѣ при обстоятельствахъ не совсѣмъ-то обыкновенныхъ и пріятныхъ, по крайней мѣрѣ для него самого: онъ былъ переведенъ изъ поручиковъ гвардейскихъ саперъ въ одинъ изъ Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ тѣмъ же чиномъ... Затѣмъ узнали, что у Никифорова въ Петербургѣ была, изъ-за женщины, „исторія“: его тяжко оскорбили въ военной компаніи гвардейской молодежи; онъ не вызвалъ оскорбителя на дуэль и не дрался; затѣмъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи какой-то еще неловкій шагъ, и его, въ концѣ концовъ, перевели изъ гвардіи въ линейный батальонъ. Здѣсь принялъ въ немъ горячее участіе начальникъ корпуснаго штаба баронъ Рокасовскій, знавшій Никифорова еще въ Петербургѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ генерала Перовскаго, начальникъ штаба рекомендовалъ Никифорова, какъ очень образованнаго офицера, и главное какъ очень полезнаго и хорошо ознакомившагося съ краемъ. Не прошло и года со времени перваго представленія опальнаго поручика Никифорова генералу Перовскому, какъ онъ уже пользовался неограниченнымъ довѣріемъ генерала и имѣлъ на него нѣкоторое вліяніе. Еще годъ, и поручикъ Никифоровъ былъ, по представленію генерала Перовскаго, прикомандированъ къ генеральному штабу, а вскорѣ и совсѣмъ зачисленъ въ него, не будучи никогда въ военной Академіи. Въ 1839 году онъ былъ уже штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба, имѣлъ нѣсколько отличій и состоялъ при Перовскомъ „для особыхъ порученій“, не имѣя при этомъ никакой опредѣленной должности, но распоряжаясь рѣшительно всѣмъ, хотя и отъ имени своего патрона и начальника. Главное, чѣмъ дорожилъ Перовскій въ Никифоровѣ, это былъ его слогъ: онъ такъ хорошо владѣлъ перомъ,

что никто, кромѣ его, не могъ въ этомъ отношеніи угодить молодому и капризному губернатору; перу же Никифорова принадлежали и всѣ представленія въ Петербургъ о необходимости похода на Хиву.

Распоряженія штабсъ-капитана Никифорова породили, на первыхъ же порахъ похода, различныя недоразумѣнія въ колоннахъ и даже неудовольствія среди начальствующихъ ими лицъ: оказывалось, что начальники колоннъ лишались собственной иниціативы, и всѣ распоряженія и дѣйствія направлялись изъ штаба генерала Перовскаго рукою Никифорова. Главное, что особенно не понравилось въ тѣ времена командирамъ колоннъ, это замѣчательное безкорыстіе Никифорова и его зоркій надзоръ за тѣмъ, чтобы до солдатъ доходило рѣшительно все, что имъ отпускалось и полагалось.

Съ перваго же дня выступленія въ походъ, Перовскій поставилъ себя къ начальникамъ колоннъ въ отношенія довольно ненормальныя: онъ держался очень изолированно и недоступно. На остановкахъ и дневкахъ, въ кибитку его рѣшительно никто, даже начальникъ походнаго штаба, не имѣлъ права войти безъ особаго доклада; исключеніемъ былъ одинъ штабсъ-капитанъ Никифоровъ, входившій къ генералу Перовскому во всякое время. Это предпочтеніе особенно не нравилось „штабу“ Перовскаго и начальникамъ колоннъ, изъ коихъ трое были генералами.

Вслѣдствіе неумѣлости главныхъ распорядителей, неурядица въ отрядѣ началась еще въ Оренбургѣ—съ навьючкою верблюдовъ. Въ каждой колоннѣ было около 3 тысячъ верблюдовъ; въ главной, 4-й колоннѣ, ихъ было почти 4 тысячи. Передъ выступленіемъ колоннъ и при остановкахъ на ночь, всѣ эти $12^1/_2$ тысячъ верблюдовъ приходилось навьючивать и развьючивать. При каждыхъ десяти верблюдахъ былъ нанятъ всего одинъ киргизъ, для котораго требовалось нѣсколько часовъ времени

всякій разъ; тогда, въ помощь киргизу-поводарю стали назначать по пяти линейныхъ солдатъ, взявшихся за дѣло очень охотно, но неумѣло. Въ результатѣ явилась масса заболѣвшихъ верблюдовъ, у которыхъ спины были протерты вплоть до костей; ихъ стали развьючивать и раздѣлять вьюки на остальныхъ, здоровыхъ, обременяя такимъ образомъ этихъ послѣднихъ непосильною ношей...

Походное движеніе колоннъ было направлено изъ Оренбурга такимъ образомъ: первыя двѣ колонны были направлены на Куралинскую линію *), а третья и четвертая—на крѣпость Илецкую-Защиту. За послѣднимъ, Григорьевскимъ форпостомъ, въ степи, есть такъ называемое Караванное озеро; тутъ и предназначено было сойтись всѣмъ четыремъ колоннамъ и затѣмъ слѣдовать до Эмбы въ недалекомъ разстояніи одна отъ другой, останавливаясь на ночлегъ не далѣе тоже одной или двухъ верстъ другъ отъ друга, съ такимъ разсчетомъ, чтобы каждая колонна видѣла сосѣднюю, такъ что, въ случаѣ тревоги, всѣ колонны могли бы быстро сосредоточиться въ пунктѣ нападенія и оказать взаимную другъ другу помощь. На ночлегъ предписано было ставить колонны въ каре, и на этотъ предметъ выданы даже были каждому начальнику колонны особые планы и инструкціи, отъ которыхъ предписано было не отступать ни въ какомъ случаѣ. Послѣдствія показали, что это предрѣшеніе дѣйствій отдѣльныхъ начальниковъ колоннъ и, въ то-же время, отнятіе у нихъ собственной иниціативы дало весьма печальные результаты.

Самое движеніе въ степи экспедиціоннаго отряда шло черепашьимъ шагомъ. Главною причиною этой медленности была неумѣлость солдатъ при навьючиваніи верблюдовъ; чтобы перевьючить, приходилось останавливать цѣлую колонну; иначе, отсталые верблюды растягивались бы въ хвостѣ колонъ, и аріергарду пришлось бы оста-

*) Куралинская линія проходитъ немного лѣвѣе Илецкой-Защиты, но, въ концѣ, выходитъ тоже на рѣку Илекъ.

ваться далеко позади отряда, въ степи... Такимъ образомъ, въ началѣ похода, колонны дѣлали не болѣе 10 верстъ въ день; и только тогда, когда солдаты достаточно навыкли вьючить верблюдовъ, колонны стали подвигаться быстрѣе. Но тутъ случилась новая бѣда: 24 ноября выпалъ глубокій, выше колѣна, снѣгъ, а 27-го числа поднялся ужаснѣйшій степной буранъ при 26 градусахъ мороза... Озябшія отъ сильной стужи и вѣтра лошади, въ ночь на 28-е ноября, сорвались съ коновязей и бѣжали въ степь — ради спасенія жизни, по инстинкту, чувствуя потребность бѣжать... Всѣ часовые отморозили въ эту ночь носы, руки или ноги; начались въ отрядѣ болѣзни; отмороженныя части пришлось ампутировать въ холодныхъ, войлочныхъ кибиткахъ, на морозѣ, продолжавшемъ держаться около 25 градусовъ... Бѣжавшихъ лошадей надо было разыскивать... Сдѣлали лишнюю дневку, и часть пропавшихъ лошадей нашли въ другихъ колоннахъ; большая же часть ихъ исчезла въ степи безслѣдно, съѣденная волками.

Съ первыхъ чиселъ декабря вновь начались бураны: всю степь завалило снѣгомъ болѣе чѣмъ на аршинъ, и его поверхность отъ морозовъ покрылась твердою ледяною корой; морозы перешли за 30 градусовъ и стали доходить, по утрамъ, до 40, при убійственномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ... Люди, измученные непривычною ходьбою по глубокому снѣгу, да еще съ ружьями, ранцами и патронташами на спинѣ, скоро изнемогали и, въ сильной испаринѣ, садились на верблюдовъ, остывали и даже отмораживали себѣ тутъ же, сидя на верблюдахъ, руки и ноги... Всѣ поняли, что наступаетъ гибель; но никто еще не имѣлъ малодушія высказать это вслухъ... Прежде всего, бѣдствіе постигло несчастныхъ верблюдовъ *). Сту-

*) Большая часть верблюдовъ отряда была не куплена, а лишь нанята у киргизовъ, равно какъ и ихъ хозяева поводари. Впослѣдствіи за погибшихъ верблюдовъ казна уплатила киргизамъ все, что слѣдовало.

пая по снѣгу въ аршинъ глубиною и пробивая при этомъ ледяную кору, они рѣзали въ кровь ноги до колѣнъ и выше и, въ концѣ концовъ, падали и уже не могли подняться... Такихъ верблюдовъ бросали на мѣстѣ, на произволъ судьбы, умирать въ степи; а вьюкомъ съ упавшаго верблюда распоряжались уже аріергардные казаки: если это былъ овесъ или сухари, то казаки дѣлили добычу по торбамъ; если это былъ спиртъ, то казаки разливали его въ манерки, а боченокъ разбирали на топливо; если это была мука, то ее разсыпали по снѣгу, а куль отъ муки припрятывали на топливо же, въ которомъ, въ это тяжелое время, былъ такой страшный недостатокъ, что иногда на ночлегахъ, чтобы развести хоть маленькій огонь для вскипяченія чайника воды, приходилось жечь веревки отъ верблюжьихъ тюковъ...

Наступило 6 декабря 1839 года. Наканунѣ, войска дошли до урочища Бишь-Тамакъ (Пять Устьевъ), въ 250—270 верстахъ отъ Оренбурга. Здѣсь, по случаю тезоименитства императора Николая Павловича, назначена была дневка, поставлена была съ вечера походная церковь и предположено было, на другой день, отслужить литургію и молебенъ; но когда наступило утро 6 декабря и въ церковь стало собираться начальство и духовенство, то рѣшили, въ виду $32^1/_2{}^0$ мороза при страшномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, ограничиться лишь краткимъ молебномъ о здравіи Государя. Холодъ, благодаря вѣтру, достигалъ до того, что внѣ большой походной кибитки, гдѣ была церковь, невозможно было вздохнуть полною грудью: у самыхъ крѣпкихъ людей захватывало духъ... Топлива не было и достать его было негдѣ: кругомъ была голая бѣлая пустыня, покрытая снѣгомъ на $1^1/_2$ аршина глубины... Тогда начальники колоннъ, собравшіеся было въ церковь для предполагавшейся литургіи, рѣшили идти къ главноначальствующему и раскрыть предъ нимъ гибельное положеніе отряда. Перовскій принялъ ихъ, внимательно выслушалъ и далъ разрѣшеніе употребить,

для варки пищи, лодки, взятыя изъ Оренбурга для предполагавшагося плаванія по Аральскому морю, а также разломать и выдать на топливо же солдатамъ дроги, на которыхъ возились эти лодки, выдать всѣ факелы и канаты, приготовленные для флотиліи, разрубить на части и выдать людямъ запасные кули, а также и всѣ опорожненные, рубить и выдавать всѣ запасныя веревки обоза; словомъ, выдать все, что можетъ горѣть и что возможно считать излишнимъ въ отрядѣ. Но увы!—всего этого хватило лишь на нѣсколько дней для пятитысячнаго отряда... Когда было все сожжено и доложено было объ этомъ вновь Перовскому, онъ приказалъ объявить войскамъ, что они сами должны отыскивать для себя топливо, что выдавать больше нечего...

IV.

Героическое мужество солдатъ. Во что была одѣта пѣхота.—Картинка ночлега отряда.—Смертность и походные лазареты.—Казачье „стараніе“.—Гибель дивизіона Уфимскаго коннаго полка.—Положеніе офицеровъ отряда.

Для военнаго историка и лѣтописца походовъ русскихъ войскъ слѣдуетъ отмѣтить характерную особенность нашего солдата въ это гибельное для экспедиціи время. Пока были дрова и хоть какое-нибудь топливо, чтобы можно было развесть огонь и сварить горячую пищу—хоть простую на водѣ гречневую кашицу, до тѣхъ поръ солдаты отряда были бодры и веселы: никакой морозъ не имѣлъ вліянія на нравственное состояніе ихъ духа. Падали цѣлыми сотнями верблюды, обмораживались и затѣмъ умирали отъ антонова огня часовые, разбѣгались въ степь и поѣдались степными волками лошади, приходилось все время спать на мерзлой землѣ, прикрытой простыми кошмами, въ снѣжныхъ ямахъ, отраждаясь отъ сѣвернаго вѣтра лишь джуламейками,—

все это солдаты переносили съ терпѣніемъ и христіанскою кротостію; но разъ прекратился огонь и горячая пища, —весь отрядъ упалъ духомъ, и всѣ заговорили уже вслухъ о совершенной неудачѣ похода.

Бѣдствія солдата увеличивались еще и отъ его обмундированія. Вмѣсто обыкновенныхъ русскихъ полушубковъ, въ которые необходимо слѣдовало бы одѣть весь отрядъ, онъ одѣтъ былъ Богъ вѣсть какъ — не только скаредно, но просто каррикатурно: людямъ, передъ самымъ выступленіемъ изъ Оренбурга, дали полушубки, сшитые изъ *чебаги*, сшитые самымъ примитивнымъ способомъ, практиковавшимся здѣшними номадами, въ отдаленныя времена, и сохранившимся лишь въ аулахъ, у самыхъ бѣдныхъ киргизовъ. Полушубки эти шились такъ: снимали весною съ барана шерсть, нашивали и наклеивали ее на толстый холстъ и затѣмъ кроили и шили изъ этой „чебаги“ для солдатъ полушубки; овечья шерсть грѣла, конечно, но скоро сваливалась въ неровный войлокъ, а верхняя холщевая часть такихъ полушубковъ холодѣла отъ мороза; солдатскія же шинели, сшитыя въ натяжку по мундирамъ, не влѣзали на полушубки. Сверхъ черныхъ суконныхъ шароваръ, солдатамъ приказано было надѣвать для чего-то холщевыя (надо полагать, въ предохраненіе отъ износа, въ видахъ экономіи), но холстъ тоже страшно накалялся на тридцатиградусномъ морозѣ; вдобавокъ шаровары эти надо было запихивать въ узкія голенища сапогъ, такъ что не только ступня, но и щиколотка ноги у солдата была ничѣмъ не защищена отъ холода. Однѣ лишь солдатскія шапки были примѣнены къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ. Онѣ были подбиты телячьимъ мѣхомъ, и къ нимъ были придѣланы особые назатыльники изъ такого же мѣха; но такъ какъ шапки эти были единственною теплой одеждой, практически сшитою, то и выходило вотъ что: голова у солдата была постоянно въ теплѣ, а ноги и вся нижняя часть тѣла въ холодѣ,

т. е. какъ разъ наоборотъ какъ бы слѣдовало... Не распорядились даже измѣнить обувь солдатъ — сапоги на валенки. И вотъ въ такой-то одеждѣ и обуви, сшитыхъ „наперекоръ стихіямъ“, пройдетъ солдатъ въ день, по колѣно въ снѣгу, верстъ 15, а иногда и болѣе, неся на своей спинѣ ранецъ съ вещами, ружье и 40 боевыхъ патроновъ въ патронташѣ и приходитъ, наконецъ, на ночлегъ. Отъ усталости и изнеможенія, солдаты тотчасъ же полягутъ на снѣгъ, какъ попало, подложивъ лишь подъ себя войлочныя кошмы, и только тѣ изъ нихъ, которые посильнѣе, начинаютъ разставлять войлочныя джуламейки *), а другіе идутъ рыть коренья степныхъ травъ для варки пищи; а чтобы добыть эти коренья, нужно сначала разгрести твердый снѣгъ, лежавшій на землѣ слоемъ $1^1/_2$ аршина, а затѣмъ рубить землю мотыгами **), комья разбивать обухами топоровъ, — и изъ мелкой земли, разбитой такимъ тяжкимъ трудомъ, выбирать окоченѣвшими пальцами мелкіе коренья травъ— для разведенія огня... А пока все это совершается, то-есть пока одна часть еще не свалившихся солдатъ ставитъ и налаживаетъ джуламейку, а другая часть добываетъ коренья, слабые солдаты лежатъ на снѣгу и простуживаются... На другой день они идутъ въ лазаретъ, а оттуда дня черезъ три „на выписку“, въ могилу... На бѣду, походные лазареты помѣщались въ длинныхъ, сквозныхъ фургонахъ, на колесахъ, устроенныхъ такъ въ предпо-

*) *Джуламейка* въ переводѣ на русскій языкъ *-дорожный домъ.* Это небольшая войлочная палатка, имѣющая форму стога, устраивается изъ тонкихъ палокъ, связанныхъ веревками и обтянутыхъ затѣмъ кошмами, т. е. войлоками. Ставятъ ее прямо на снѣгъ, въ ней стелятъ кошмы же, и такимъ образомъ получается защита если не отъ холода, то, по крайней мѣрѣ, отъ вѣтра. Въ сущности, джуламейка—это киргизская кибитка въ миніатюрѣ, такъ какъ настоящая кибитка едва умѣщается на спины двухъ верблюдовъ.

**) Мотыги—это особаго рода желѣзный инструментъ, замѣняющій отчасти топоръ, желѣзную лопату и пешню. Инструментъ этотъ мѣстный, употребляемый обыкновенно въ степи киргизами.

ложеніи, что всю дорогу до Эмбы отрядъ совершитъ по безснѣжной степи. Фургоны эти были до того холодны и съ такими сквозняками, что губили совсѣмъ даже здоровыхъ солдатъ, посылаемыхъ въ лазаретъ вслѣдствіе одной лишь усталости ногъ, „для отдыха“: черезъ два-три дня такіе солдаты простуживались, схватывали тифозную горячку и отправлялись на вѣчный отдыхъ... Затѣмъ, когда всѣ фургоны были уже переполнены, больныхъ клали на особо-устроенныя койки и подвѣшивали на верблюдовъ, по одному человѣку съ каждой стороны; непривычныхъ къ такому передвиженію несчастныхъ больныхъ сильно било и заколачивало, иногда, до безчувствія. Хоронили покойниковъ обыкновенно тутъ же въ степи, въ неглубокихъ ямахъ, вырубаемыхъ мотыгами въ мерзлой землѣ.

Немало людей начало умирать отъ скорбута, цынги, антонова огня (вслѣдствіе обмороженія конечностей), а главное отъ изнеможенія и истощенія силъ, вслѣдствіе отсутствія горячей пищи. Эта смертность и почти ежедневно происходившія въ отрядѣ похороны имѣли неизбѣжное деморализующее вліяніе не только на слабыхъ и молодыхъ солдатъ, но на старыхъ и здоровыхъ, даже на унтеръ-офицеровъ. Ропота, конечно, не было и быть не могло: не таковъ русскій человѣкъ, чтобы роптать на волю Божью, ниспославшую такую снѣжную и жестокую зиму, какую не могли запомнить 70-ти-лѣтніе старики! Но у всего отряда, въ виду его ежедневнаго таянія, явилось опасеніе, что погибнетъ неминуемо вся пѣхота, до послѣдняго человѣка...

Положеніе кавалеріи было во многомъ лучше; казаки были одѣты гораздо теплѣе и практичнѣе, чѣмъ пѣхотинцы: подъ шинелями у нихъ были настоящіе мѣховые полушубки, а это было самое главное. Въ началѣ похода, правда, наблюдалась извѣстная форма въ одеждѣ; но затѣмъ, когда наступили страшные морозы и поднялись бураны, то казаки сверхъ шинелей стали надѣвать взя-

тые ими въ походъ, про всякій случай, собственные, саксачьи, длинно-руныхъ черныхъ овецъ, тулупы, а на ноги валенки—и имъ было тепло. На ночлегахъ, когда отрядъ, обыкновенно, устраивался въ каре, солдаты-пѣхотинцы занимали передній и задній фасы, а по бокамъ каре клались тюки съ продовольствіемъ и прочими запасами, а за этими уже тюками, подъ ихъ защитою отъ вѣтра, ставились джуламейки казаковъ.

Относительно продовольствія, казаки и ихъ лошади поставлены были тоже въ болѣе благопріятныя условія. Мы уже говорили выше, какъ ловко пользовались казаки въ аріергардѣ всевозможными вьюками, которые они снимали съ падавшихъ отъ изнеможенія верблюдовъ. Впрочемъ, казаки (особливо Уральскіе) не брезгали даже и обыкновеннымъ воровствомъ, при добываніи разнаго рода продовольствія, такъ что, напримѣръ, у пѣхотныхъ офицеровъ отряда были похищены казаками всѣ тюки съ консервами, чаемъ и сахаромъ, даже чемоданы съ бѣльемъ и мундирами. Не менѣе ловко поступали казаки и тогда, когда имъ надо было добыть лишняго корму для своихъ коней: несмотря на голую, снѣжную пустыню, окружавшую отрядъ, они и тутъ ухитрялись достать то, что имъ было нужно. Дѣло въ томъ, что въ началѣ похода на каждую лошадь выдавалось овса лишь по $2^1/_2$ гарнца, сѣна же не выдавалось вовсе, такъ какъ снѣгъ былъ не глубокъ, и лошадей, часа на два въ день, выгоняли *на тебеневку* (т. е. на пастьбу), гдѣ онѣ и добывали себѣ, роя копытами, подножный кормъ; но потомъ, когда снѣгъ сталъ глубокимъ, такая тебеневка стала, конечно, невозможною; а между тѣмъ, казаки очень любили и берегли своихъ лошадей, которыя, какъ извѣстно, были ихъ собственностью. И вотъ, вольные сыны Урала начали „стараться“ и пустились на слѣдующую хитрость. Такъ какъ ночью казачьи джуламейки устраивались вблизи вьюковъ и всевозможныхъ мѣшковъ съ провіантомъ и продовольствіемъ, то, какъ только наступала глу-

хая пора ночи, изъ казачьей джуламейки осторожно выползалъ какой-нибудь ловкій парень и выслѣживалъ часового. Едва тотъ прятался отъ холода гдѣ-нибудь за тюками, какъ казакъ всаживалъ въ одинъ изъ тюковъ съ овсомъ особаго рода крючекъ на крѣпкой бичевѣ, конецъ которой былъ протянутъ въ самую джуламейку; исполнивъ это, казакъ тихонько уползалъ вновь въ джуламейку, а спустя нѣсколько минутъ куль съ овсомъ начиналъ медленно подвигаться по снѣгу и въѣзжалъ въ ту же джуламейку, къ ожидавшимъ его казакамъ, которые тотчасъ же и разсыпали овесъ по саквамъ, а куль сжигали. Такимъ образомъ, казачьи лошади были всю дорогу сыты, а у самихъ казаковъ не переводились ни сухари, ни водка, ни мясо; оттого и смертность между ними была значительно меньше, и лошади ихъ падали весьма рѣдко. Случалось, конечно, что часовой замѣчалъ самодвижущійся куль съ овсомъ; но въ такихъ случаяхъ увеличивались лишь ночныя мученія несчастнаго часового: къ страданіямъ отъ стужи и вѣтра присоединялось еще и мученіе отъ страха и ужаса—въ виду несомнѣнной чертовщины, происходящей предъ его глазами... Уже много позже, когда отрядъ добрался до Эмбы, эти казачьи продѣлки стали извѣстны всему отряду.

Но далеко не вся кавалерія отряда благоденствовала такъ, какъ казачьи полки: взятый генераломъ Перовскимъ сводный дивизіонъ Уфимскаго конно-регулярнаго полка бѣдствовалъ едва ли не болѣе, чѣмъ пѣхота. Люди этого дивизіона, набранные, какъ и весь полкъ, изъ другихъ полковъ регулярной кавалеріи, расположенной въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, были непривычны къ суровому Оренбургскому климату; ихъ щегольская форма, пригодная для блестящихъ парадовъ, была совсѣмъ неудобна для похода въ тридцатиградусный морозъ, въ снѣговой пустынѣ. То же было и съ ихъ лошадьми: красивыя, рослыя и грузныя за-

водскія лошади этого дивизіона едва ступали по глубокому снѣгу и, какъ и верблюды же, сильно рѣзали себѣ ноги о ледяную кору, покрывавшую снѣгъ, а главное, ничего не могли подѣлать на тебеневкѣ, т. е. не умѣли добывать себѣ подножный кормъ, такъ что всю дорогу, отъ самаго Оренбурга, не ѣли сѣна и травы; выдаваемый же въ скромной порціи $2^1/_2$ гарнцевъ на день овесъ не могъ, конечно, накормить лошадь досыта, и онѣ начали падать... Въ концѣ похода въ этомъ дивизіонѣ не осталось ни одной лошади; послѣднею пала подъ Эмбою уже, красавица „Пѣна", бѣлая лошадь у трубача, сильно имъ любимая. Очевидецъ, Г. Н. Зеленинъ, такъ передавалъ мнѣ этотъ случай. Лошадь шла по тропѣ, протоптанной ранѣе оставшимися верблюдами; на ней гордо сидѣлъ молодчина-трубачъ, окруженный всего человѣками 20—25, нижними чинами, оставшимися въ живыхъ изъ всего дивизіона, идущими теперь пѣшкомъ вблизи своего трубача... Вдругъ Пѣна споткнулась обо что-то, сильно вздрогнула—и упала; трубачъ быстро соскочилъ съ нея и сталъ было помогать ей подняться; но лошадь затрясла головой и медленно перевалилась на бокъ... Солдатики стали хлопотать около своей любимицы, отпустили ей подпруги; но это ей не помогло: лошадь стала медленно и тяжело дышать и слегка биться... Солдатики рѣшили, что она „изведется"... Тогда трубачъ сбѣгалъ къ идущимъ въ аріергардѣ казакамъ, добылъ тамъ нѣсколько гарнцевъ овса, принесъ лошади и насыпалъ его на чистое полотенце, вблизи ея головы; потомъ разсѣдлалъ лошадь и разнуздалъ; затѣмъ сталъ передъ ней, поклонился ей въ землю, зарыдалъ какъ ребенокъ—и медленно пошелъ, снѣговою тропою, догонять „землячковъ-товарищей"... Въ Оренбургъ вернулось изъ этой гвардіи генерала Перовскаго около 20 человѣкъ; трубачъ, оплакавшій красавицу Пѣну, тоже умеръ въ походѣ, на обратномъ уже пути изъ Чушка-Куля. Когда окончился этотъ несчастный

*

походъ и Перовскій уѣхалъ за границу, весь Уфимскій конно-регулярный полкъ, въ цѣломъ своемъ составѣ, былъ отправленъ (въ 1841 году) на контониръ-квартиры, въ одну изъ сѣверо-западныхъ губерній, для поправленія здоровья солдатъ, сильно страдавшихъ въ Оренбургѣ обычною болѣзнью для всѣхъ немѣстныхъ уроженцевъ—изнурительною, перемежающеюся лихорадкою. Страданія и лишенія офицеровъ въ этотъ тяжкій походъ мало чѣмъ разнились отъ нижнихъ чиновъ. Правда, каждому изъ нихъ былъ предоставленъ въ распоряженіе отдѣльный верблюдъ, а нѣкоторымъ два, три и болѣе; у многихъ были собственныя лошади и экипажи — мѣстные тарантасы, съ полозьями въ запасѣ, для зимняго пути; были и разныя другія исключительныя удобства и приспособленія. Но все это было лишь въ началѣ похода... Затѣмъ для всѣхъ почти офицеровъ отряда наступили тѣ же лишенія: верблюды ихъ пали, равно какъ и лошади, экипажи брошены или сожжены; вскипятить мѣдный чайникъ съ водою было тоже не всегда возможно, какъ и солдатамъ не всегда удавалось похлебать горячей кашицы. Исключенія въ удобствахъ имѣлись лишь у начальниковъ отдѣльныхъ частей: начальники колоннъ, баталіонные и полковые командиры и батарейные находились, конечно, въ иныхъ условіяхъ, лучшихъ, изъ коихъ главныя были два: теплая одежда и горячая пища. Все это, понятно, было у командировъ; но самаго-то главнаго—теплаго угла, гдѣ бы можно было обогрѣться и, порою, обсушиться и уснуть раздѣвшись, этого ни у кого не было. У самого Перовскаго ставилась въ кибиткѣ переносная, желѣзная печь; но, тѣмъ не менѣе, температура была тамъ (6-го, напримѣръ, декабря) слѣдующая: на полу кибитки было 15° холоду; а на столѣ, гдѣ писалъ Перовскій, 4° морозу же, по Реомюру.

V.

Облегченіе караульной службы.—Случай съ часовымъ.—Смертная казнь надъ нимъ.—Начало ропота противъ генерала Ціолковскаго.—Ненависть Ціолковскаго къ русскимъ солдатамъ и его жестокость.—Истязаніе фельдфебеля Есырева.—Усиленіе въ отрядѣ ропота противъ Ціолковскаго. — Смѣщеніе его съ должности начальника колонны.

Еще въ началѣ декабря, когда отрядъ только что подходилъ къ урочищу Бишъ-Тамакъ, главноначальствующій, въ виду наступившихъ тридцати-градусныхъ морозовъ и частыхъ бурановъ, отъ которыхъ гибли по ночамъ часовые, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ночные часовые на постахъ смѣнялись черезъ каждый часъ, а не черезъ два, какъ было обыкновенно установлено. Къ сожалѣнію, это гуманное распоряженіе генерала Перовскаго не всегда исполнялось въ точности, по той простой причинѣ, что на гауптвахтахъ, гдѣ былъ главный караулъ, не всегда и не у всѣхъ начальниковъ караула были часы, составлявшіе въ то время нѣкоторую роскошь у армейскихъ офицеровъ. Такимъ образомъ, часовымъ приходилось иногда выстаивать на своихъ постахъ долѣе даже двухъ часовъ; если въ это время былъ сильный морозъ, да еще съ метелью, часовой, по чувству простого самосохраненія и самозащиты, прятался отъ бурана и вьюги за тюки. И вотъ, произошелъ однажды въ колоннѣ генерала Ціолковскаго слѣдующій печальный случай. Около тюковъ съ провіантомъ стоялъ ночью часовой, еще молодой солдатъ, зырянинъ Архангельской губерніи. Поднялся страшный буранъ... проходитъ часъ, проходитъ другой... совсѣмъ закоченѣли у часового руки, а смѣны нѣтъ какъ нѣтъ... Поставилъ несчастный солдатикъ ружье къ тюку, а самъ присѣлъ у ружья на корточки, спряталъ замерзшія руки подъ полушубокъ, да и прикурнулъ немножко... Въ это время проходилъ патруль; вмѣсто того, чтобы разбудить прозябшаго солдата, или

поскорѣе смѣнить его, унтеръ-офицеръ полякъ взялъ тихонько ружье часового и ушелъ съ нимъ; когда, спустя всего нѣсколько минутъ, солдатикъ проснулся и увидалъ, что ружья нѣтъ, онъ страшно перепугался—зная, что отъ неумолимаго и безжалостнаго генерала Ціолковскаго его постигнетъ жестокое наказаніе. И вотъ, опасаясь, что съ минуты на минуту придетъ смѣна и его найдутъ безъ ружья, часовой рѣшается на слѣдующій необдуманный поступокъ: оглядывая безконечную бѣлую степь, онъ увидѣлъ, что невдалекѣ стоитъ на ночлегѣ другая колонна; не долго думая, часовой бросается туда, тихо подходитъ къ плацформѣ, гдѣ въ козлахъ стояли ружья, и видитъ, что часовой отъ стужи спрятался за тюками и дремлетъ... солдатикъ взялъ одно ружье и быстро возвратился къ своему посту. Когда пришелъ къ нему тотъ же патрульный и съ нимъ смѣна, то увидѣли, что солдатъ стоитъ съ ружьемъ..

— Чье у тебя ружье?—спросилъ патрульный.

— Мое, сударь,—отвѣчалъ часовой.

Тогда у солдатика спросили нумеръ его ружья и при этомъ показали ему собственное ружье... Отпираться стало невозможно, и виновный повинился во всемъ.

Генералъ Ціолковскій сильно сталъ раздувать это дѣло—просто по жестокосердію своему... О проступкѣ часового доложено было главноначальствующему отрядомъ, и генералъ Перовскій приказалъ наказать солдатика и тѣмъ покончить дѣло. Но генералъ-маіоръ Ціолковскій, въ качествѣ колоннаго начальника, сталъ настаивать, чтобы часовой за свой проступокъ былъ подвергнутъ, въ примѣръ прочимъ, разстрѣлянію, что его преступленіе-де очень важное: сонъ на посту, утрата ружья, самовольная, безъ разводящаго ефрейтора, отлучка съ часовъ и, наконецъ, кража оружія въ сосѣдней колоннѣ... Начальникъ колонны такъ энергично настаивалъ на своемъ безсердечномъ желаніи и сослался на такой сильный аргументъ (что онъ, генералъ Ціолковскій, въ

случаѣ помилованія виноватаго, не отвѣчаетъ за сохраненіе дисциплины въ своей колоннѣ, въ такое смутное и тяжелое для отряда время), что генералъ Перовскій вынужденъ былъ, наконецъ, уступить и отдалъ приказъ судить часового полевымъ военнымъ судомъ, въ 24 часа. Часовой былъ приговоренъ къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе, и приговоръ этотъ былъ, на другой же день, надъ нимъ исполненъ, въ присутствіи всей 1-й колонны и при нѣсколькихъ стахъ людей изъ другихъ колоннъ, нарочито командированныхъ для присутствованія при смертной казни.

Случай этотъ вызвалъ сильный говоръ во всѣхъ колоніяхъ... Всѣ обвиняли генерала Ціолковскаго въ безчеловѣчности и ненужной жестокости. Указывали на то, что нужно снисходить къ нижнимъ чинамъ, безропотно, зачастую, замерзающимъ на часахъ; что, скорѣе слѣдовало бы генералу Ціолковскому установить болѣе правильную смѣну часовыхъ въ своей колоннѣ, чѣмъ внушать патрульнымъ унтеръ-офицерамъ, изъ ссыльныхъ поляковъ, похищать у измученныхъ и задремавшихъ часовыхъ ружья... что отрядъ далеко еще не дошелъ до Эмбы; а пока дойдетъ до Хивы, то этакъ, пожалуй, придется разстрѣлять всѣхъ тѣхъ, кто не замерзнетъ... и т. д.

Въ силу военной дисциплины, ропотъ этотъ или скорѣе, „говоръ“, какъ называютъ его находящіеся и теперь въ живыхъ военные люди, участники похода, былъ, конечно, тихій, сдержанный, и лишь теперь, спустя полвѣка, сѣдые ветераны похода, припоминая смертную казнь зырянина, разстрѣляннаго при 30-ти-градусномъ морозѣ, въ бѣлой непроглядной вьюгѣ, передавали мнѣ понижая голосъ, что послѣ этой казни „въ отрядѣ былъ сильный говоръ“... И если-бы въ отрядѣ не знали, кто истинный виновникъ ненужной жестокости, то „говоръ“ могъ-бы разростись... И хотя Ціолковскій старался потомъ всячески выгородить себя изъ этого дѣла, сва-

ливая назначеніе военно-полеваго суда на главноначальствующаго, но эта политика плохо удалась ему въ степи: шт.-капитанъ Никифоровъ, не стѣсняясь, говорилъ съ офицерами въ слухъ о закулисной сторонѣ всего этого несчастнаго дѣла...

Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о личности начальника 1-й колонны генералъ-маіора Станислава Ціолковскаго. Онъ, по разсказамъ, попалъ въ Оренбургъ вскорѣ послѣ польскаго мятежа 1831 г., въ качествѣ ссыльнаго полковника польскихъ войскъ, сильно скомпрометированный. Вскорѣ-же по пріѣздѣ генерала Перовскаго въ Оренбургъ, полковникъ Ціолковскій съумѣлъ вкрасться къ новому военному губернатору въ такое довѣріе, такъ заискать передъ нимъ и расположить его къ себѣ, что походъ 1839 г. засталъ его командиромъ Башкирскаго войска, въ чинѣ уже генералъ-маіора. Существуетъ весьма основательное свѣдѣніе, что государь Николай Павловичъ, прощаясь съ Перовскимъ въ началѣ 1839 г. въ Петербургѣ и хорошо, повидимому, зная о томъ недобромъ вліяніи, какое имѣлъ Ціолковскій на молодого Оренбургскаго губернатора, настоятельно совѣтовалъ ему не допускать къ себѣ этого ссыльнаго поляка *). Тѣмъ не менѣе, Ціолковскій попалъ все-таки въ экспедицію и сталъ, затѣмъ, злымъ геніемъ отряда и всего похода.

При самомъ выступленіи своемъ изъ Оренбурга, генералъ Ціолковскій отдалъ приказъ по своей колоннѣ, чтобы навьючка верблюдовъ начиналась съ двухъ часовъ ночи, а въ походъ выступать не позже 6 или 7 часовъ утра; солдатамъ, слѣдовательно, приходилось спать ночью не болѣе $3^1/_2$ часовъ, а большую часть ночи заниматься навьючкой верблюдовъ; затѣмъ, выступать

*) Подтвержденіе этого довелось слышать П. И. Бартеневу отъ покойнаго Даля и отъ А. М. Жемчужникова, передававшаго это со словъ своего дяди, В. А. Перовскаго.

въ походъ въ совершенной темнотѣ (такъ какъ въ 6 и даже въ 7 часовъ утра въ ноябрѣ и декабрѣ, какъ извѣстно, совсѣмъ темно) и, вдобавокъ, усталыми уже и измученными, и идти въ потьмахъ, до наступленія разсвѣта, болѣе часу... Вслѣдствіе этихъ порядковъ, въ колоннѣ генерала Ціолковскаго начались сильныя заболѣванія нижнихъ чиновъ, а затѣмъ появилась и смертность, такъ что въ одной его колоннѣ умирало въ день почти столько-же, сколько во всѣхъ остальныхъ трехъ колоннахъ. У него-же въ колоннѣ, у перваго, начали падать верблюды... Усиленный падежъ верблюдовъ совпалъ какъ разъ съ смертною казнью зырянина, и все это, взятое вмѣстѣ, съ присоединеніемъ ежедневныхъ разсказовъ о звѣрствѣ и жестокостяхъ генерала Ціолковскаго, породило усиленный „говоръ“ въ отрядѣ, что „этотъ полякъ отравливаетъ верблюдовъ“... что онъ, будто бы, посылаетъ, по ночамъ, своего деньщика, поляка-же Евтихія Сувчинскаго (вышедшаго впослѣдствіи въ люди), разбрасывать около лежащихъ верблюдовъ отравленныя хлѣбныя пилюли... Это тяжкое обвиненіе, по нашему глубокому убѣжденію, едва-ли справедливо. Генерала Ціолковскаго можно было обвинять въ другихъ преступленіяхъ, не менѣе, пожалуй, серьезныхъ, но только не въ отравленіи верблюдовъ: управляя, напримѣръ, Башкирами, онъ сильно притѣснялъ ихъ и наживался на ихъ счетъ, вызывая противу себя постоянный ропотъ и жалобы этихъ полудикихъ и довольно терпѣливыхъ людей; незадолго до похода, онъ пріобрѣлъ, за безцѣнокъ, у тѣхъ-же Башкиръ прекрасный участокъ земли, гдѣ и устроился помѣщикомъ; теперь, во время похода, онъ умышленно изнурялъ людей своего отряда, доводя ихъ, прямо, до повальной смертности; при тѣлесныхъ наказаніяхъ, онъ часто наказывалъ солдатъ такъ жестоко, что они обыкновенно долго хворали въ походномъ лазаретѣ послѣ наказанія; онъ особенно мучилъ и истязалъ заслуженныхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ, имѣв-

шихъ извѣстный серебряный крестъ за взятіе Варшавы; когда началась гибель отряда, то генералъ Ціолковскій былъ единственнымъ человѣкомъ, не умѣвшимъ или не желавшимъ скрыть своего злорадства... Но обвинять этого ужаснаго человѣка въ отравленіи верблюдовъ, это, пожалуй, возможно было тогда, 60 лѣтъ назадъ, при той всеобщей ненависти, какую питали къ Ціолковскому въ отрядѣ, но не теперь, когда забытъ и этотъ несчастный походъ, и когда почти всѣ его участники спятъ непробуднымъ сномъ въ могилахъ.

Генералъ Ціолковскій отлично, повидимому, зналъ о той ненависти, какую питаютъ къ нему солдаты всего отряда вообще, а его колонны въ особенности. Съ наступленіемъ сумерекъ, онъ почти никогда не выходилъ изъ своей кибитки, а если и случалось, то въ сопровожденіи ординарца и вѣстового: онъ, видимо, боялся нападенія; кибитку его всю ночь сторожили двое часовыхъ, изъ числа лично ему извѣстныхъ и имъ избираемыхъ солдатъ. Онъ особенно сталъ остороженъ послѣ одной безчеловѣчной расправы, учиненной имъ подъ самою уже Эмбою, надъ заслуженнымъ фельдфебелемъ Есыревымъ. Дѣло это (какъ изложено оно въ имѣющихся у меня отрывочныхъ запискахъ Г. Н. Зеленина) происходило такъ. Однажды, въ половинѣ декабря, когда отрядъ былъ уже подъ Эмбою, въ 6 часовъ утра, въ полной еще темнотѣ, генералъ-маіоръ Ціолковскій обходилъ свою колонну въ сопровожденіи своего адъютанта и ординарца. Вьючка верблюдовъ, начинавшаяся, какъ и всегда, съ двухъ часовъ, почти уже кончилась, и всѣ кибитки и джуламейки были затючены (упакованы въ тюки); лишь одна чья-то незатюченная джуламейка стояла въ сторонѣ... Едва увидѣлъ ее генералъ Ціолковскій, какъ громко закричалъ:

— Чья это джуламейка? Какого быдла (скота)?!.

Оказалось, что неубранная джуламейка принадлежала фельдфебелю Есыреву, который самъ находился при

навьючкѣ верблюдовъ, въ аріергардѣ, чтобы присматривать тамъ за порядкомъ и торопить дѣло навьючиванія съ такимъ разсчетомъ, дабы, по заведенному начальникомъ колонны порядку, выступить съ ночлега въ 6 часовъ. Но Есырева задержало въ аріергардѣ что-то неожиданное, а находящійся при немъ вѣстовой не распорядился почему-то убирать джуламейку безъ хозяина; и вотъ, желая успѣть въ одномъ мѣстѣ и избавиться отъ наказанія за опозданіе при выступленіи, Есыревъ проштрафился въ другомъ... Ціолковскій приказалъ немедленно найти виновнаго и привести его предъ свои очи.

— Какъ ты смѣлъ оставить свою джуламейку не навьюченною, когда, давнымъ-давно, навьючена даже моя?! — накинулся начальникъ колонны на несчастнаго фельдфебеля, едва тотъ появился предъ нимъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство! Я не виноватъ: я находился въ аріергардѣ, при навьючкѣ тюковъ... сегодня въ ночь пало шесть верблюдовъ; надо было разобрать тюки и...

— Ты еще смѣешь разсуждать, каналья! Не исполнять моихъ приказаній и оправдываться!.. Нагаекъ!! — съ пѣной у рта, тряся нижнею челюстью, закричалъ Ціолковскій.

Тотчасъ явились казаки, раздѣли заслуженнаго, отбывшаго нѣсколько кампаній фельдфебеля Есырева почти до-нага, несмотря на 35-ти-градусный морозъ, оставивъ его буквально въ одной рубашкѣ, положили на шинель, взяли за руки и за ноги, и началось истязаніе... Генералъ Ціолковскій закурилъ сигару и сталъ ходить взадъ и впередъ... Когда два рослыхъ Оренбургскихъ казака, хлеставшіе несчастнаго съ обѣихъ сторонъ толстыми, лошадиными нагайками, видимо измучились, то „человѣкъ-звѣрь“ приказалъ смѣнить ихъ новыми палачами поневолѣ... Вся рубашка Есырева была исполосована въ клочья, взмокла и побагровѣла отъ крови, а его все еще хлестали... Стала отлетать на снѣгъ, мелкими кусками,

кожа несчастнаго мученика, а его продолжали истязать... Наконецъ, несмотря на свое крѣпкое, почти атлетическое тѣлосложеніе, Есыревъ совсѣмъ пересталъ даже вздрагивать тѣломъ и кричать, а сталъ лишь медленно зѣвать, какъ зѣваютъ иногда умирающіе... Взглядъ его большихъ голубыхъ глазъ совсѣмъ потухъ, и они какъ-бы выкатились изъ орбитъ... Прогуливаясь вблизи казни, чтобы, стоя на мѣстѣ, не озябнуть, Ціолковскій случайно взглянулъ въ это время на Есырева — и приказалъ прекратить наказаніе. Несчастнаго, едва дышащаго фельдфебеля прикрыли снятою съ него ранѣе одеждой и отнесли замертво въ походный лазаретъ, на той шинели, на которой онъ лежалъ во время истязанія... По запискамъ подполковника Зеленина, Есыреву было дано болѣе 250 нагаекъ; между тѣмъ, какъ за самыя тяжкія уголовныя преступленія (напр., за отцеубійство) суровые законы того времени присуждали виновныхъ лишь къ 101 удару кнутомъ. Фельдфебель Степанъ Есыревъ поступилъ на службу изъ мѣщанъ города Углича, служилъ затѣмъ въ войскахъ, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, участвовалъ въ штурмѣ Варшавы и былъ произведенъ за это въ унтеръ-офицеры; при укомплектованіи, передъ Хивинскимъ походомъ, Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ, Есыревъ, въ числѣ лучшихъ унтеръ-офицеровъ, былъ переведенъ въ 5-й линейный баталіонъ, расположенный въ г. Верхнеуральскѣ и тамъ назначенъ фельдфебелемъ; „ростомъ былъ очень высокій, бравый и дородный мужъ“ (по запискамъ Г. Н. Зеленина).

Ко всеобщему изумленію, фельдфебель Есыревъ остался живъ; онъ пролежалъ лишь болѣе шести недѣль въ лазаретѣ. На его счастье, отрядъ былъ, въ это время, въ нѣсколькихъ всего переходахъ отъ Эмбенскаго укрѣпленія; по прибытіи туда, несчастнаго положили въ настоящій уже лазаретъ, въ теплыя комнаты, и тамъ, благодаря хорошему уходу и всеобщей забот-

ливости о немъ, а главное, благодаря своему атлетическому тѣлосложенію, Есыревъ избѣжалъ смерти, отдѣлавшись лишь утратою навсегда своего богатырскаго здоровья.

Послѣ страшнаго наказанія Есырева, ропотъ въ отрядѣ вообще, а въ колоннѣ Ціолковскаго въ особенности, настолько усилился, что сталъ громкимъ и почти открытымъ; солдаты, не скрываясь, говорили: „первая пуля ему“, т. е. въ первомъ дѣлѣ съ непріятелемъ Ціолковскій долженъ быть застрѣленъ какъ-бы во время сраженія... Когда узналъ обо всемъ этомъ генералъ Перовскій, то рѣшилъ, наконецъ, смѣстить этого варвара, и начальникомъ 1-й колонны былъ назначенъ полковникъ Гекке, состоявшій чиновникомъ особыхъ порученій въ походномъ штабѣ Перовскаго.

VI.

Положеніе въ отрядѣ военныхъ топографовъ. — Ночныя страданія отъ морозовъ. — Практическій совѣтъ Киргиза. — Появленіе скорбута.—Въ солдатской джуламейкѣ.—Какъ раздавали нижнимъ чинамъ спиртъ и топливо. — Прибытіе отряда на Эмбу. — Устройство понтонныхъ мостовъ на сухомъ пути.

Для предполагавшихся военно-топографическихъ съемокъ мѣстности по дорогѣ въ Хиву и самой Хивы, въ отрядѣ, въ каждой изъ четырехъ колоннъ, находились топографы, подъ командою особо назначенныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, подъ общимъ начальствомъ капитана генеральнаго же штаба Рейхенберга. На каждаго офицера и двухъ топографовъ унтеръ-офицерскаго званія полагалась особая джуламейка, денщикъ, 2 верблюда съ особымъ при нихъ Киргизомъ и 2 лошади; а такъ какъ Киргизъ ничего, кромѣ верблюдовъ, не хотѣлъ знать, а денщикъ зналъ лишь своего барина, то на долю молодыхъ людей, поступившихъ въ топографы по большей части изъ дворянскихъ дѣтей

Оренбургской губерніи (чтобы избѣжать службы въ линейныхъ баталіонахъ), выпадали не только обычные труды по ихъ спеціальному дѣлу, но и тяжелые физическіе—по уборкѣ джуламейки, разведенію огня, и проч.; а чтобы убрать джуламейку или поставить ее, необходимо снять или поднять вверхъ главную кошму, а эта работа была подъ силу лишь четыремъ взрослымъ человѣкамъ, а не тѣмъ юнкерамъ, почти дѣтямъ, на которыхъ выпадало это занятіе. Спеціальные же труды топографовъ, во все время этого неудачнаго похода, ограничились выборомъ мѣстъ для ночлеговъ, затѣмъ разстановкою жолонеровъ и указаніемъ каждой отдѣльной части ея мѣста въ каре. Офицеры, обыкновенно, выбирали лишь мѣсто для ночлега колонны; разстановка же жалонеровъ и распредѣленіе отдѣльныхъ частей по ихъ мѣстамъ — все это лежало на обязанностяхъ молодыхъ людей, такъ что по приходѣ колонны на мѣсто, имъ надо было работать еще болѣе часа, пока, наконецъ, всѣ части и верблюды, перепутавшіеся походомъ, займутъ свои мѣста. При этомъ, всѣ недовольные своими мѣстами, т. е. попавшіе подъ вѣтеръ, вымещали, обыкновенно, свое зло на молодыхъ топографахъ, ругая ихъ, прямо въ глаза, неприличными словами; особенною грубостью въ этихъ случаяхъ выдавались казачьи офицеры, мало отличавшіеся, по своему образованію, отъ простыхъ казаковъ.

Этими трудами и ограничились всѣ занятія ученыхъ топографовъ въ экспедиціонномъ отрядѣ, такъ какъ съемокъ дѣлать имъ не пришлось: мѣстность до Эмбы и до Акъ-Булака была, какъ сказано выше, изслѣдована еще лѣтомъ, полковникомъ Гекке, а дальше Акъ-Булака или Чушка-Куля, отряду не суждено было двинуться...

Въ находящихся у меня запискахъ Г. Н. Зеленина, имѣвшаго въ то время всего 19 лѣтъ, страданія молодыхъ топографовъ изложены такъ правдиво и есте-

ственно, что я позволю себѣ здѣсь нѣсколько остановиться.

Разставивъ колонну на ночлегъ, измучившись и наслушавшись вдоволь ругательствъ и оскорбленій, молодые люди приходили, наконецъ, къ своей джуламейкѣ и принимались за устройство для себя ночлега, такъ какъ ихъ начальникъ и компаніонъ по джуламейкѣ, офицеръ, уходилъ обыкновенно на вечеръ ночевать къ кому-нибудь изъ знакомыхъ офицеровъ, у которыхъ давно уже раскинута была кибитка. Топографы разгребали прежде всего снѣгъ и кое-какъ ставили джуламейку. Складныхъ желѣзныхъ кроватей, заведенныхъ для похода, по настоянію генерала Перовскаго, рѣшительно всѣми офицерами *), у молодыхъ людей не было, и имъ приходилось спать прямо на снѣгу, подостлавъ лишь подъ себя кошмы, спать не раздѣваясь, во всей той одеждѣ и обуви, въ которыхъ они шли походомъ, днемъ; у нихъ даже „силъ не хватало, чтобы очистить снѣгъ до земли, потому что изнемогали отъ усталости, а снѣгу было нанесено много“. Кое-какъ кипятили воду и устраивали чай; затѣмъ, спѣшили улечься на отдыхъ, накрываясь сверху саксачьимъ тулупомъ. Но морозъ бралъ свое, и ноги, обутыя въ теплые чулки, кошемныя (войлочныя) валенки и, затѣмъ, въ кожаные сапоги для удобства ходьбы дорогою, все-таки зябли ночью такъ сильно, особенно въ морозы болѣе 30°, что приходилось вскакивать съ постели и бѣгать вокругъ джуламейки, чтобы разогрѣть ихъ; это нужно было продѣлывать въ продолженіе ночи нѣсколько разъ. То же самое дѣлали и остальные топографы и всѣ офицеры, такъ что ко многимъ другимъ лишеніямъ и страданіямъ похода прибавлялась еще и безсонница. Иногда въ джу-

*) Предполагалось, конечно, быть въ Хивѣ и возвращаться изъ нея лѣтомъ, когда въ степи имѣются скорпіоны и тарантулы, гораздо легче могущіе укусить людей, спящихъ на полу, чѣмъ на кроватяхъ.

ламейку молодыхъ топографовъ приходилъ ночевать денщикъ начальствовавшаго надъ ними офицера и Киргизъ, приставленный къ ихъ верблюдамъ. Молодыхъ людей сильно удивляло то обстоятельство, что Киргизъ спитъ мертвымъ сномъ всю ночь и ни разу не вскочитъ погрѣться, хотя спитъ въ однихъ суконныхъ онучахъ и одѣтъ, вообще, менѣе тепло, чѣмъ они. Рѣшили спросить объ этомъ Киргиза. Тотъ разсмѣялся, да и говоритъ:

— У васъ всегда будутъ ноги зябнуть...

— Да почему же это?—сталъ спрашивать Георгій Николаевичъ.

— Вотъ почему,—отвѣчалъ киргизъ.—Если вы не будете снимать съ ногъ, на ночь, кожаные сапоги, то вамъ не будетъ тепло: сапоги ваши днемъ, во время похода, промерзаютъ насквозь, отъ нихъ и ногамъ холодно; а вы оставайтесь на ночь въ однихъ войлочныхъ сапогахъ, будете спать крѣпко и спокойно.

Въ слѣдующую же ночь топографы исполнили совѣтъ киргиза, сняли кожаные сапоги, а ноги, обутыя въ кошемные, мягкіе сапоги окутали шубой и крѣпко проспали всю ночь, и ноги у нихъ не озябли. О своемъ открытіе молодые люди сообщили Рейхенбергу, и тотъ сталъ дѣлать то же самое.

Болѣе всѣхъ страдали ночью отъ кожаной обуви солдаты, которымъ воспрещалось разуваться въ предположеніи тревоги: намучившись отъ ходьбы по снѣговой пустынѣ, солдаты засыпали крѣпкимъ сномъ, а на утро оказывалось, что у нихъ были озноблены ноги... Начинался скорбутъ, появлялись на ногахъ раны, а затѣмъ ноги сводило, и въ концѣ-концовъ отъ изнуренія, постояннаго холода и нахожденія въ лазаретномъ сквозномъ фургонѣ, больные умирали... Большая часть солдатъ сводnаго дивизіона Уфимскаго полка погибли именно такимъ образомъ. „Только Всевышній Создатель, располагающій жизнью человѣка, не допустилъ

насъ до погибели! Вѣроятно, отцы и матери наши усердно молились въ это время за наше спасеніе!..“— говоритъ Георгій Николаевичъ Зеленинъ въ томъ мѣстѣ своихъ записокъ, гдѣ приводятся бѣдствія отряда отъ стужи, во время ночлеговъ.

Бѣлья солдаты не мѣняли вовсе; и вотъ, если имъ удавалось достать гдѣ-нибудь хоть немножко топлива, то огонь обыкновенно разводили въ серединѣ джуламейки. Обсядутъ солдаты на корточкахъ, вокругъ огня, и когда онъ разгорится, то начинаютъ одинъ по одному снимать съ себя сорочки и держать ихъ передъ пыломъ, поворачивая во всѣ стороны; когда огонь порядочно нагрѣетъ рубашку, то ее слегка потряхиваютъ, и въ это время въ костеръ сыплятся насѣкомые, производя своеобразный трескъ и запахъ... А въ это же время, на огнѣ стоятъ солдатскіе котелки, манерки, а у кого и чайники, и снѣгъ превращается въ горячую воду, въ которой размачиваются куски закорузлыхъ и затхлыхъ черныхъ сухарей, замѣняющихъ иногда и обѣдъ, и ужинъ.

А вотъ, напримѣръ, какъ раздавали солдатамъ отряда порціи „спирту“. Когда фельдфебель получитъ его на роту, то сначала отнесетъ его къ ротному командиру, который отольетъ себѣ часть цѣльнаго спирта и подѣлиться имъ съ субалтернъ-офицерами; затѣмъ, фельдфебель приказываетъ принести этотъ спиртъ въ свою джуламейку, отдѣлитъ часть себѣ, а также и всѣмъ капральнымъ унтеръ-офицерамъ; потомъ уже позоветъ артельщика, тотъ разбавитъ оставшееся количество спирта теплою водою и эту смѣсь выдаютъ каждому солдату „по чаркѣ“.

Точно также дѣлилось и топливо, добываемое за Бишъ-Тамакомъ исключительно солдатскими руками, изъ мерзлой земли. Вырытые коренья степныхъ травъ попадали, какъ и спиртъ, сначала къ начальству, а затѣмъ уже въ джуламейки солдатиковъ. Когда въ

воскресные и праздничные дни раздавали на роты мясо и приказывали солдатамъ готовить себѣ горячую пищу, то котелъ не могъ вскипѣть болѣе одного, много двухъ разъ, мясо не уваривалось, и въ такомъ полусыромъ видѣ поглощалось солдатскими желудками... Появилась дизентерія... заболѣвающіе отправлялись въ ледяные фургоны, а оттуда въ землю.

Вотъ такимъ-то порядкомъ, въ декабрѣ 1839 г., шелъ несчастный отрядъ русскихъ войскъ по безконечной степи, въ тридцати-градусные морозы, среди леденящихъ бурановъ, по колѣно въ снѣгу, безъ теплой одежды и горячей пищи, оставляя за собою роковой страшной слѣдъ—въ видѣ невысокихъ снѣговыхъ холмовъ-могилъ надъ умершими людьми и круглыхъ горокъ нанесеннаго метелями снѣга надъ павшими верблюдами!..

19-го декабря отрядъ достигъ, наконецъ, Эмбенскаго укрѣпленія; употребивъ на этотъ переходъ (отъ Оренбурга до Эмбы) 34 дня. Между тѣмъ разсчитывали, что это пространство, около 500 верстъ, будетъ пройдено не болѣе, какъ дней въ 15-ть!

Какой страдальческій и, по истинѣ, героическій былъ этотъ переходъ, можно судить уже по одному тому, что изъ всѣхъ 34-хъ дней похода до Эмбы было лишь 15-ть безъ бурановъ и только 13 дней, когда морозъ былъ ниже 20^0. Обиліе же снѣга было такъ велико, что положительно всѣ овраги, даже самые глубокіе, были занесены имъ до верху, такъ что приходилось употреблять самыя невѣроятныя усилія, чтобы перевести черезъ такіе овраги тысячи верблюдовъ и лошадей съ ихъ вьюками и колесными фурами... А чтобы переправлять черезъ эти снѣговыя бездны пушки, приходилось накладывать поверхъ снѣга понтонные мосты и по нимъ уже перевозить орудія...

VII.

Положеніе генерала В. А. Перовскаго во время похода.—Дѣйствія Хивинскаго хана Алла-Кулла и высланный имъ двухъ-тысячный отрядъ туркменъ-іомудовъ.—Неудачная атака хивинцами Чушка-Кульскаго укрѣпленія.—Убійство нашего почтальона-киргиза.—Гибель хивинцевъ отъ морозовъ и бурановъ.—Отдыхъ отряда въ Эмбенскомъ укрѣпленіи.—Отчаяніе главноначальствующаго.—Разговоръ солдатъ, спасшій генерала Перовскаго.—Двѣ партіи въ отрядѣ.—Приказъ о сформированіи особой колонны и о выступленіи на Чушка-Кулль.—Прибытіе на Эмбу султана Айчувакова.

Страдали въ отрядѣ всѣ, конечно. Но былъ въ немъ одинъ человѣкъ, страданія котораго были гораздо болѣе мучительны: это былъ главный начальникъ всей экспедиціи генералъ-адъютантъ В. А. Перовскій... Онъ хорошо зналъ и понималъ, что вся неудача похода ляжетъ на него одного; что не любившій его военный министръ поставитъ ему на видъ и на счетъ все: и гибель людей, и потраченныя на походъ крупныя суммы денегъ, и ту потерю послѣдняго вліянія нашего въ Хивѣ, которое могло существовать *до* этого несчастнаго предпріятія... Были и другія опасенія и мысли, увеличивавшія страданія Перовскаго: онъ помнилъ, что взялъ экспедицію предъ Государемъ на свою личную отвѣтственность... Нечего и говорить, конечно, что его могло мучить и оскорбленное самолюбіе, и то злорадство, которое онъ сталъ уже замѣчать здѣсь, въ степи, со стороны, напримѣръ, генерала Ціолковскаго, выражавшагося въ кругу своихъ приближенныхъ прямо словами басни, что синица-де моря не зажгла...

До похода на Хиву, губернаторъ Перовскій прослужилъ въ Оренбургѣ шесть лѣтъ, и за это время его успѣли узнать близко и хорошо. Всѣ увидѣли, что подъ наружною суровостью и холоднымъ, какъ бы отталкивающимъ взглядомъ таилася добрая душа человѣка, не утратившаго еще вѣру въ людей, способнаго любить ихъ и довѣрять имъ. Имѣя обширныя

полномочія и права командира отдѣльнаго корпуса въ военное время, В. А. Перовскій крайне неохотно предавалъ суду служащихъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ чиновниковъ, и положительно отказывался утверждать смертные приговоры, къ которымъ присуждали иногда солдатъ полевые военные суды *).

Изъ Оренбурга генералъ-адъютантъ Перовскій выѣхалъ въ походъ при 4 колоннѣ, верхомъ. Всѣ полагали тогда, что онъ пересядетъ вскорѣ же въ свой экипажъ, слѣдовавшій за колонною. Но вышло иначе. Отъ самаго Оренбурга вплоть до Эмбы, на разстояніи 500 верстъ, главноначальствующій ѣхалъ верхомъ, выступая съ колонною одновременно, когда начинало разсвѣтать, и слѣзая съ коня лишь тогда, когда останавливалась и колонна на привалахъ и ночлегахъ. Въ утреннемъ полусвѣтѣ часто видѣли генерала верхомъ на бѣлой, а иногда на сѣрой лошади, ѣдущаго позади колонны, шагомъ, съ опущенною, по привычкѣ, головою на грудь... Въ 11 часовъ, ежедневно, генералъ Перовскій начиналъ объѣзжать всѣ колонны, здороваясь, на походѣ, съ людьми и оглядывая ихъ; въ этихъ объѣздахъ его сопровождалъ лишь одинъ казакъ. Линія отряда, состоявшая изъ 4-хъ колоннъ, растягивалась, обыкновенно, на 8 и болѣе верстъ; тѣмъ не менѣе, несмотря ни на какую погоду и морозъ, главноначальствующій объѣзжалъ всю эту линію два раза—отъ 4-й колонны до 1-й и обратно. Часто, ночью, главноначальствующій самъ повѣрялъ исправность цѣпи и бдительность часовыхъ, особенно съ того времени, когда узнали, что въ степи рекогносцируетъ двухъ-тысячный конный отрядъ хивинцевъ. Однажды,

*) Исключеніемъ было лишь одно дѣло—объ убійствѣ тремя нижними чинами, съ цѣлью ограбленія, коменданта Орской крѣпости полковника Недоброва; всѣ трое убійцъ были приговорены полевымъ военнымъ судомъ къ смертной казни; Перовскій утвердилъ этотъ приговоръ, и виновные были разстрѣляны: одинъ въ Оренбургѣ, другой въ Орскѣ и третій въ Верхне-Уральскѣ.

въ ночь подъ 22 декабря, на Эмбѣ, генералъ едва не былъ заколотъ часовымъ: ему какъ-то удалось, въ одиночку, проѣхать за цѣпь, обманувъ бдительность часового въ одномъ мѣстѣ; но когда онъ возвращался обратно, былъ замѣченъ и желалъ проѣхать чрезъ цѣпь насильно, то часовой, послѣ троекратнаго приказанія „стой!“ взмахнулъ уже штыкомъ, и только во время произнесенный пароль спасъ Перовскаго отъ новой раны. Когда начались бѣдствія отряда и стали, затѣмъ, прогрессивно увеличиваться, генералъ-адъютантъ Перовскій сталъ рѣже и рѣже объѣзжать колонны; его красивая голова стала, какъ казалось всѣмъ, опускаться все ниже и ниже, а взглядъ становился еще болѣе суровымъ и строгимъ... Такимъ образомъ, не слѣзая съ коня, доѣхалъ главный начальникъ до Эмбы; но затѣмъ, въ дальнѣйшемъ походѣ отряда, его никто не видѣлъ на лошади: онъ ѣхалъ въ зимнемъ возкѣ, видимо сталъ избѣгать встрѣчъ съ людьми и всячески старался быть незамѣченнымъ...

Когда отрядъ пришелъ въ Эмбенское укрѣпленіе, то здѣсь узнали, что Хивинскій ханъ Алла-Кулъ, освѣдомившись отъ своихъ подданныхъ, занимавшихся торговлею въ Оренбургѣ, что русскіе собираются идти на Хиву и выстроили уже для этой цѣли, по дорогѣ на Усть-Уртъ, два укрѣпленія, отобралъ болѣе двухъ тысячъ испытанныхъ и крѣпкихъ джигитовъ (батырей) изъ племени туркменъ-іомудовъ, и велѣлъ имъ ѣхать на самыхъ лучшихъ лошадяхъ, а грузнымъ всадникамъ одвуконь, безъ всякихъ запасовъ, даже безъ джуламеекъ, ѣхать быстро и не останавливаясь, стараясь достигнуть какъ можно скорѣе до русскихъ укрѣпленій, пока не подошелъ къ нимъ главный отрядъ, идущій съ Перовскимъ изъ Оренбурга; взять, пользуясь малочисленностью гарнизоновъ, оба укрѣпленія (Чушка-Кульское и Эмбенское), перебить всѣхъ русскихъ до послѣдняго человѣка,

а ихъ отрѣзанныя головы, въ видѣ трофеевъ, выслать въ Хиву; затѣмъ идти навстрѣчу главному отряду, слѣдовать по его пятамъ, безпокоя людей днемъ и ночью, и, если можно, сдѣлать на него, въ самую темную и бурную ночь, отчаяннѣйшее нападеніе въ рукопашную. Начальствовать этимъ отборнымъ отрядомъ вызвался самъ Кушь-Беги (военный министръ), который пообѣщалъ хану привести въ Хиву людей обоихъ гарнизоновъ (изъ Чушка-Куля и Эмбы) живьемъ, для смертныхъ казней въ самой Хивѣ.

Хивинцы могли исполнить только начало этого грознаго приказа. Они быстро добрались до перваго, стоявшаго на ихъ пути, Чушка-Кульскаго укрѣпленія. 18-го декабря напали на него, но были самымъ позорнымъ образомъ отбиты и прогнаны, потерявъ болѣе десяти человѣкъ убитыми, трупы которыхъ такъ и лежали подъ укрѣпленіемъ на снѣгу всю зиму. Въ укрѣпленіи, въ это время, было на лицо: здоровыхъ 130 человѣкъ и больныхъ 164 человѣка, которые тоже взялись кое-какъ за оружіе. Команду принялъ на себя горный инженеръ Ковалевскій, случайно попавшій за три дня передъ этимъ въ Чушка-Куль и оказавшійся старшимъ въ чинѣ; помощникомъ его былъ поручикъ Гернгросъ. Хивинцы дѣлали четыре отчаянныя аттаки и были отбиты единственно при помощи пушекъ: громъ выстрѣловъ и свистящая картечь производили въ ихъ рядахъ панический страхъ котораго они не могли преодолѣть, несмотря на всю свою храбрость. Ружей они не особенно боялись, такъ какъ имѣли и свои фитильныя, стрѣлявшія съ подставокъ, которыя, однако, попадали иногда довольно далеко и мѣтко. Отбитые отъ Чушка-Куля, хивинцы направились на Эмбенское укрѣпленіе. По дорогѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Акъ-Булака, они встрѣтили нашего киргиза, ѣхавшаго съ почтой изъ Эмбы въ Чушка-Куль; на этомъ несчастномъ своемъ единовѣрцѣ разбойники и выместили всю злобу: обыскавъ его, они нашли пакеты съ

печатями... улика, слѣдовательно, была на лицо... Узнано было впослѣдствіи, отъ нашихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Хивы, и потомъ въ самой Хивѣ *), что киргиза этого хивинцы подвергли самымъ ужаснымъ истязаніямъ и мукамъ и, въ концѣ, разрубили его пополамъ, поперекъ живота, и поставили въ снѣгъ съ двухъ сторонъ степной тропы, такъ что ноги съ половиною живота стояли и замерзли въ снѣгу особо, а верхняя часть туловища вкопана въ снѣгъ отдѣльно; ротъ несчастнаго былъ набитъ мелкими кусочками изорванныхъ бумагъ везенной почты и сургучными печатями отъ конвертовъ...

Эта конная партія хивинцевъ имѣла съ нашими войсками, позже, еще одно дѣло, о которомъ будетъ говорено ниже; теперь же слѣдуетъ сказать, что домой въ Хиву, въ свои аулы, изъ этихъ двухъ тысячъ отборныхъ всадниковъ вернулось лишь 700 съ чѣмъ-то человѣкъ всѣ остальные погибли въ степи, между Чушка-Кулемъ и Эмбенскимъ укрѣпленіемъ и на Усть-Уртѣ отъ страшныхъ въ ту зиму морозовъ и бурановъ; гибли также отъ изнуренія, вслѣдствіе отсутствія пищи, а главное потому, что не взяли съ собою джуламеекъ, могущихъ защитить ихъ, хотя отчасти, отъ морозовъ и степныхъ мятелей: ханъ такъ торопилъ ихъ выступленіемъ и маршемъ, что не позволилъ взять даже верблюдовъ, на которыхъ можно бы было навьючить эти джуламейки. Необыкновенная суровость зимы 1839—40 года сохранилась въ памяти у у хивинцевъ надолго: Сергѣй-Ага разсказывалъ, въ

*) Въ 1842 году было отправлено изъ Оренбурга въ Хиву особаго рода посольство съ полковникомъ Данилевскимъ во главѣ; и вотъ тогда-то, живя цѣлое лѣто въ Хивѣ, наши офицеры и узнали приводимыя въ настоящей статьѣ подробности о событіяхъ 1839 года, поскольку эти событія касались хивинцевъ и неудачныхъ дѣйствій ихъ двухъ-тысячнаго коннаго отряда. Обо всемъ этомъ разсказывалъ офицерамъ нѣкто Сергѣй-Ага, бывшій фейерверкеръ, дезертиръ съ Кавказа, очень любимый ханомъ.

1842 году, нашимъ офицерамъ, что въ хивинскихъ оазисахъ померзли въ ту зиму корни виноградныхъ лозъ, а въ самой Хивѣ погибли рѣшительно всѣ молодые телята и ягнята и даже часть новорожденныхъ верблюжатъ.

Эмбенское укрѣпленіе, куда пришелъ 19-го декабря несчастный экспедиціонный отрядъ, было построено на правой сторонѣ рѣчки Аты-Якши, невдалекѣ отъ ея впаденія въ Эмбу; кругомъ, на далекое разстояніе, была плоская равнина. И вотъ, на этой-то равнинѣ, вблизи самаго укрѣпленія, и расположились въ раскинутыхъ джуламейкахъ всѣ четыре колонны. Больныхъ изъ всѣхъ колоннъ тотчасъ же положили въ Эмбенскій госпиталь, устроенный въ теплыхъ и хорошо освѣщаемыхъ землянкахъ изъ воздушнаго кирпича *), и они стали понемногу поправляться. Гарнизонъ жилъ тоже въ хорошо устроенныхъ землянкахъ, освѣщаемыхъ сверху, гдѣ горизонтально, наравнѣ почти съ крышею, лежали оконныя рамы. Въ такихъ точно землянкахъ помѣщались въ укрѣпленіи солдатскія кухни и хлѣбопекарни; пришедшіе солдаты, съ особымъ удовольствіемъ, лакомились теперь печенымъ чернымъ хлѣбомъ, котораго не пробовали болѣе мѣсяца... Всѣ нижніе чины всѣхъ четырехъ колоннъ ходили, чередуясь, обѣдать и ужинать на кухни, въ теплыя землянки, и тутъ два раза въ день вполнѣ отогрѣвались. Уцѣлѣвшія лошади и верблюды тоже вздохнули здѣсь свободно; такъ какъ сѣна и овса заготовлено было здѣсь въ достаточномъ количествѣ, то лошадямъ стали отпускать по 4 гарнца овса въ день и по 10 фунтовъ сѣна; верблюдамъ тоже давали сѣна и бурьяну вдоволь, и они, какъ и лошади же, стали отдыхать и поправляться.

---

*) Изъ такого воздушнаго кирпича (смѣсь глины, земли и навоза) строятся иногда въ Оренбургской губерніи, за неимѣніемъ лѣса, крестьянскія избы.

Отрядъ простоялъ, такимъ образомъ, въ Эмбенскомъ укрѣпленіи болѣе двухъ недѣль, отдыхая и собираясь съ силами для дальнѣйшаго похода—впередъ или назадъ, все равно: всѣ сознавали лишь одно, что, не будь на дорогѣ этого теплаго укрѣпленія съ его теплыми землянками, печенымъ хлѣбомъ и горячею пищей, погибъ бы въ этихъ снѣговыхъ пустыняхъ весь отрядъ, до послѣдняго человѣка...

Но главнокомандующій отрядомъ, генералъ-адъютантъ Перовскій сознавалъ уже и въ душѣ рѣшилъ, что экспедиція не достигнетъ намѣченной ею цѣли, что она закончена; что идти впередъ и разсчитывать взять Хиву съ ничтожнымъ остаткомъ отряда немыслимо, что можно лишь и должно идти назадъ... Къ этому тяжелому рѣшенію генералъ Перовскій пришелъ окончательно вслѣдствіе сдѣланной, по приходѣ уже на Эмбу, рекогносцировки въ сторону Чушка-Кульскаго укрѣпленія. Предполагалось, что чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ снѣгу будетъ меньше; между тѣмъ оказалось, что снѣгъ въ сторону Чушка-Куля былъ также глубокъ, какъ и на пройденномъ пространствѣ. Это извѣстіе поразило, какъ громомъ, весь отрядъ и болѣе всего, конечно, опечалило генерала Перовскаго: онъ вдругъ сильно затосковалъ, осунулся и исхудалъ въ какіе-нибудь два-три дня до неузнаваемости, совсѣмъ пересталъ выходить изъ своей кибитки и не принималъ рѣшительно никого, кромѣ штабсъ-капитана Никифорова... Въ душѣ генералъ-адъютантъ Перовскій сознавалъ, конечно, что онъ—главный виновникъ того факта, что экспедиція состоялась; что въ гибели нѣсколькихъ тысячъ людей виноватъ все-таки онъ, творецъ экспедиціи и главный руководитель всего этого несчастнаго похода... Онъ это сознавалъ—и вслѣдствіе этого страшно мучился и страдалъ нравственно... Болѣе всего Перовскаго мучила мысль, что этотъ неудачный походъ и его имя станутъ предметомъ насмѣшекъ всей Европы, что походъ „осрамилъ Россію“,

что отрядъ деморализованъ, что офицеры и солдаты упали духомъ, что всѣ его проклинаютъ и ненавидятъ... И вотъ, какъ только ему въ голову попали эти несчастныя мысли, въ душѣ его созрѣло какое-то роковое рѣшеніе: онъ, подъ разными предлогами, пересталъ принимать пищу...

Но промыселъ Божій и тутъ пришелъ на помощь къ изнеможенному духомъ человѣку — въ лицѣ легендарнаго чудо-богатыря, русскаго солдата. Однажды, поздно вечеромъ, выйдя изъ своей кибитки и проходя джуламейками 4-й колонны, онъ услышалъ въ одной изъ нихъ разговоръ о настоящемъ положеніи отряда и свое имя... Перовскій невольно остановился и сталъ прислушиваться... Говорилъ кто-то поучительнымъ, докторальнымъ тономъ: очевидно унтеръ или, быть можетъ, самъ капралъ...

— Все это не бѣда! (говорилъ голосъ): морозы стали полегче, бурановъ совсѣмъ нѣтъ... кашица горячая есть. А вотъ плохо: самъ-то онъ, орелъ-то нашъ черноокій, захирѣлъ... вотъ это, братцы, такъ бѣда!..

— Мы вчерась, узнавали потихоньку (отвѣчалъ вполголоса другой солдатикъ): отъ пищи, сказываютъ, отсталъ—не ѣстъ, не пьетъ ничего и никого до себя не допущаетъ...

— Да-а-а, вотъ это бѣда!.. повторилъ опять первый солдатъ упавшимъ голосомъ, и громко вздохнулъ при этомъ:—Коли *самъ* помретъ, пропадутъ тогда и наши головушки!..

Генералъ Перовскій, какъ онъ самъ передавалъ объ этомъ въ тотъ же вечеръ штабсъ-капитану Никифорову, набожно перекрестился три раза, и бодрый, веселый, быстро направился въ свою кибитку... Здѣсь онъ тотчасъ же послалъ за Никифоровымъ... Когда тотъ пришелъ, генералъ сталъ подробно разспрашивать его о положеніи отряда, а главное, о нравственномъ духѣ офицеровъ и солдатъ. Штабсъ-капитанъ Никифоровъ не

скрылъ ничего и откровенно доложилъ главноначальствующему, что въ отрядѣ, среди офицеровъ, образовались собственно двѣ партіи: одна, во главѣ которой стоитъ генералъ-маіоръ Ціолковскій, доказываетъ необходимость немедленнаго отступленія и срытія укрѣпленій; другая же партія, съ генералъ-маіоромъ Молоствовымъ, напротивъ, указываетъ на то, что отрядъ прошелъ всего лишь одну треть пути, что возвратиться обратно въ Оренбургъ ни съ чѣмъ, не изслѣдовавъ даже Усть-Урта—„*дѣло будетъ постыдное для русскаго человѣка*“ и останется неизгладимымъ пятномъ въ исторіи походовъ русскихъ войскъ... „*что нужно испытать все до послѣдней крайности, и если окажется, что идти дальше невозможно, тогда только возвратиться обратно*“...

Генералъ Перовскій крѣпко поцѣловалъ Никифорова и передалъ ему разговоръ солдатъ въ джуламейкѣ 4-й колонны. Затѣмъ, въ тотъ же вечеръ, былъ составленъ и отданъ по отряду приказъ о сформированіи „отдѣльной колонны“, которая должна была отправиться къ Чушка-Кульскому укрѣпленію, за 170 верстъ, и, дойдя туда, выслать отъ себя особую рекогносцировочную партію для выбора и изслѣдованія болѣе удобнаго подъема на Усть-Уртъ—и затѣмъ ожидать въ укрѣпленіи прибытія главноначальствующаго и дальнѣйшихъ, сообразно обстоятельствамъ, распоряженій.

На другой день весь отрядъ встрепенулся и зашевелился, и загудѣлъ, словно сильный рой пчелъ, согрѣтый лучами весенняго теплаго солнца... Честь отряда была спасена; всѣ бѣдствія похода забыты разомъ!..

Къ вечеру того же дня, „явился въ отрядъ на поклонъ“ родоначальникъ киргизовъ назаровцевъ, султанъ Айчуваковъ, съ сотней Кайсаковъ, при нѣсколькихъ стахъ верблюдовъ, которые и были у него тутъ же наняты.

VIII.

Загадочная болѣзнь генерала Молоствова.—Обострившіяся отношенія генераловъ Перовскаго и Ціолковскаго.—Отказъ киргизовъ-верблюдовожатыхъ слѣдовать съ отрядомъ.—Разстрѣляніе трехъ киргизовъ.—Недобрыя вѣсти изъ Чушка-Кульскаго укрѣпленія.—Отправка туда роты и сотни казаковъ.—Нападеніе двухъ тысячъ конныхъ хивинцевъ.—Барабанщикъ, спасшій отрядъ.—Бой съ хивинцами.—Отбитіе атакъ.—Отступленіе хивинцевъ.—Сожженіе нашего плѣннаго солдата.—Награды.

Въ то время, когда формированіе „отдѣльной колонны“ *) подвигалось уже къ концу и опредѣленъ былъ день ея выступленія, заболѣлъ, совершенно неожиданно и безпричинно, генералъ-маіоръ Молоствовъ, назначенный начальникомъ этой колонны. Въ отрядѣ стали ходить весьма странные слухи о причинахъ внезапной болѣзни очень любимаго солдатами генерала... къ его болѣзни стали примѣшивать имя генералъ-маіора Ціолковскаго. Но этому тяжкому обвиненію вѣрили лишь немногіе, и оно всего болѣе создано было, повидимому, тою ненавистью, которую питали въ отрядѣ къ этому ужасному человѣку. Извѣстно было лишь одно, что генералъ Молоствовъ заболѣлъ тотчасъ же, какъ только вернулся въ свою кибитку отъ генерала Ціолковскаго, у котораго онъ пилъ кофе.

Отношенія главноначальствующаго къ генералъ-маіору Ціолковскому были въ это время крайне обострены:

---

*) Здѣсь слѣдуетъ оговориться, въ виду довольно крупнаго разнорѣчія, при опредѣленіи числа колоннъ, вышедшихъ изъ Эмбенскаго укрѣпленія къ Чушка-Кулю. Въ однихъ оффиціальныхъ сообщеніяхъ упоминается *о нѣсколькихъ* колоннахъ, въ другихъ говорится лишь *о двухъ* колоннахъ (генерала Ціолковскаго и полковника Гекке), въ запискахъ же у меня имѣющихся и въ частныхъ письмахъ говорисся лишь *объ одной* колоннѣ, и это послѣднее сообщеніе является, повидимому, болѣе вѣроятнымъ и правдоподобнымъ, такъ какъ, разъ мысль идти на Хиву была оставлена, то не было слѣдовательно и надобности высылать изъ Эмбы къ Чушка-Кулю, для изслѣдованія подъема на Усть-Уртъ *нѣсколько* отрядовъ.

уволенный за звѣрское обращеніе съ нижними чинами отъ должности начальника 1-й колонны, Ціолковскій, понятно, питалъ въ душѣ большую злобу противъ генерала Перовскаго, а этотъ, въ свою очередь, узнавъ отъ штабсъ-капитана Никифорова—какую „партію“ сформировалъ вокругъ себя въ отрядѣ опальный генералъ, давшій совѣтъ идти въ Хиву зимою, не могъ, конечно, чувствовать къ нему за все это особой пріязни... Но случилось, однако, такъ, что, когда заболѣлъ Молоствовъ, старшимъ въ отрядѣ, послѣ генералъ-адъютанта Перовскаго, очутился генералъ-маіоръ Ціолковскій, такъ какъ генералъ-лейтенантъ Толмачевъ заболѣлъ еще раньше и ѣхалъ въ возкѣ, отъ самаго урочища Бишъ-Тамакъ, не владѣя простуженными ногами. Согласно принятымъ правиламъ, Ціолковскаго никакъ нельзя было обойти, тѣмъ болѣе теперь, когда, вслѣдствіе неудачъ, главноначальствующій сознавалъ, что его престижъ въ Петербургѣ поколебленъ... И вотъ, скрѣпя сердце и подавляя свое личное неудовольствіе, Перовскій, приказомъ по отряду отъ 9-го января 1840 г., назначилъ начальникомъ „отдѣльной колонны“ Ціолковскаго.

Второе непріятное обстоятельство случилось въ отрядѣ 31-го декабря, всего за день до выступленія отдѣльной колонны изъ Эмбенскаго укрѣпленія къ Чушка-Кулю. Ночью нѣсколько десятковъ киргизовъ, которые должны были идти съ этою колонною, сговорились и ушли тихонько изъ отряда въ степь, въ свои аулы, вмѣстѣ съ принадлежащими имъ верблюдами. Когда доложено было объ этомъ происшествіи главноначальствующему, онъ велѣлъ собрать всѣхъ верблюдовожатыхъ, самъ вышелъ къ нимъ и объявилъ, чтобы никто изъ нихъ не смѣлъ, впредь, уходить изъ отряда самовольно, что они наняты по условію на весь походъ, до его окончанія, и поэтому не имѣютъ права оставлять отрядъ; что они подданные русскаго Государя и должны послужить ему въ это тяжелое время, а не измѣнять,

бросая отрядъ на произволъ судьбы; что если кто-нибудь изъ нихъ позволитъ себѣ самовольно и тайно уйти, то генералъ прикажетъ нагнать ослушниковъ и съ ними будетъ поступлено по законамъ военнаго времени.

Едва переводчикъ успѣлъ передать киргизамъ слова генерала, какъ они всѣ въ одинъ голосъ закричали: „бармасъ! бармасъ!!“ т. е. не пойдемъ... и затѣмъ заявили, что у нихъ и безъ того уже пала половина верблюдовъ, а въ дальнѣйшемъ походѣ они всѣ передохнутъ, а они, киргизы, не увѣрены, исполнятъ-ли русскіе свое обѣщаніе—заплатятъ ли за павшихъ верблюдовъ. На это генералъ объяснилъ имъ, что, согласно условію, плата за павшихъ должна быть произведена по возвращеніи отряда въ Оренбургъ, а не здѣсь, въ степи, во время неоконченнаго еще похода. Но киргизы зашумѣли еще громче и заявили окончательно, что дальше съ отрядомъ не пойдутъ. Тогда генералъ Перовскій объявилъ имъ, что если они будутъ упорствовать, то онъ прикажетъ всѣхъ ихъ разстрѣлять... Киргизы нисколько не испугались этой угрозы и заявили прямо, что если ихъ не отпустятъ, то они всѣ уйдутъ изъ отряда самовольно. Генералъ еще разъ повторилъ имъ:—„Помните, я не шучу; васъ разстрѣляютъ!“..

На это киргизы спокойно отвѣтили: „пусть разстрѣливаютъ; мы все таки не пойдемъ!..“

Наступилъ самый тяжелый и рѣшительный моментъ... Кругомъ стояли начальники отдѣльныхъ частей, офицеры, солдаты... Всѣ отлично понимали, что если только киргизы приведутъ свое намѣреніе въ исполненіе и оставятъ отрядъ, то идти ни впередъ, ни назадъ нельзя уже будетъ: придется всѣмъ жить въ Эмбенскомъ укрѣпленіи до весны—то есть до того времени, когда наймутъ въ Оренбургѣ и вышлютъ къ отряду нѣсколько тысячъ новыхъ верблюдовъ.

Генералъ Перовскій приказалъ поставить столбъ,

вырыть яму и вызвать впередъ 12 человѣкъ солдатъ съ заряженными ружьями. Черезъ пятнадцать минутъ все было готово... Тогда генералъ, сильно измѣнившись въ лицѣ, спросилъ киргизовъ еще разъ:—Такъ не пойдете??.

Всѣ въ одинъ голосъ отвѣтили: „не пойдемъ“!..

Такъ какъ у двѣнадцати слишкомъ тысячъ верблюдовъ, нанятыхъ въ Оренбургѣ, было болѣе 1200 верблюдовожатыхъ киргизовъ, считая на каждыхъ десять верблюдовъ по одному киргизу, то передъ генераломъ Перовскимъ стояла очень большая масса этихъ номадовъ. Онъ приказалъ вызвать къ столбу ближайшаго къ нему ослушника... Киргизъ пошелъ безъ всякаго сопротивленія: онъ лишь простился, по-киргизски, съ своими товарищами. Его поставили къ столбу и наскоро привязали... Офицеръ скомандовалъ „пли!“ — и киргизъ былъ разстрѣлянъ. Живо разрѣзали веревки, и онъ упалъ въ яму...

— Слѣдующаго!—крикнулъ Перовскій.

Повторилась та же исторія съ другимъ киргизомъ... Едва онъ кувырнулся въ яму, какъ генералъ крикнулъ вновь:

— Слѣдующаго!..

Разстрѣляли и третьяго киргиза... Едва спустили его въ яму и стрѣлки зарядили вновь ружья, какъ вся тысячная масса киргизовъ упала на колѣни и закричала:

— Алла! Алла!!. Пойдемъ, бачка, пойдемъ!

Они, оказалось послѣ, были вполнѣ увѣрены, что генералъ Перовскій не имѣетъ права ихъ разстрѣлять и не можетъ этого сдѣлать; оттого у нихъ и была такая самоувѣренность и рѣшимость уйти и бросить отрядъ.

Генералъ Перовскій, прекративъ экзекуцію, приказалъ сказать имъ, что если кто-нибудь изъ нихъ осмѣлится уйти изъ отряда самовольно, ночью, то будетъ

настигнутъ и разстрѣлянъ; а если даже и удастся ему избѣжать погони, то будетъ, все равно, разысканъ въ аулѣ казненъ въ Оренбургѣ, по возвращеніи отряда изъ похода.

Эта угроза и видъ трехъ разстрѣлянныхъ товарищей такъ напугали киргизовъ, что ни одинъ изъ нихъ впослѣдствіи не рѣшился самовольно бросить отрядъ— и всѣ дошли съ нимъ до Оренбурга. Тѣмъ не менѣе, въ виду крупной убыли верблюдовъ, было тогда же послано въ Оренбургъ распоряженіе немедленно нанять или купить у киргизовъ нѣсколько сотъ свѣжихъ верблюдовъ, которыхъ тотчасъ же и доставить въ Эмбенское укрѣпленіе.

Пока шли эти окончательные сборы „отдѣльной колонны", задерживаемой въ Эмбенскомъ укрѣпленіи такими случайными обстоятельствами, какъ внезапная болѣзнь генерала Молоствова и открытое неповиновеніе верблюдовожатыхъ киргизовъ, на Эмбу, изъ Чушка-Куля, прибылъ второй нарочный и привезъ печальное извѣстіе, что тамъ, послѣ благополучнаго отбитія приступа хивинцевъ, пришлось, все-таки, во избѣжаніе внезапнаго вторичнаго штурма, усилить сторожевую и форпостную службу, въ особенности ночью,—и, благодаря этому обстоятельству, а также и отъ дурной воды озера, близъ котораго возведено было Чушка-Кульское укрѣпленіе, тамъ появилась такая масса больныхъ дизентеріей, скорбутомъ и цынгою, что ихъ положительно некуда было помѣщать... Тотчасъ же, по распоряженію главноначальствующаго, была снаряжена рота пѣхоты численностью въ 140 человѣкъ, на саняхъ, запряженныхъ верблюдами, съ сотнею козаковъ, изъ коихъ только 40 были верхами, подъ начальствомъ ротнаго командира поручика Ерофеева, которому поручено было идти въ Чушка-Куль какъ можно скорѣе, забрать оттуда всѣхъ больныхъ и привезти ихъ на Эмбу. Къ отряду прибавлено было еще 230 верблюдовъ съ овсомъ, сухарями, крупою и прочими запасами.

Отрядъ этотъ, идя форсированнымъ маршемъ, прошелъ почти уже весь путь благополучно; но однажды, около полудня, всего въ 20-ти верстахъ отъ Акъ-Булака, его застигъ страшнѣйшій буранъ, свойственный лишь здѣшнимъ необозримымъ степямъ, когда, среди бѣлаго дня, не видно бываетъ свѣту Божьяго... Идти въ такую непроглядную метель не было никакой возможности и отрядикъ рѣшилъ остановиться не надолго, чтобы переждать вьюгу. Мѣста, конечно, не выбирали для остановки—какъ это дѣлалось въ обыкновенное время, когда намѣчается мѣсто болѣе или менѣе безопасное отъ внезапнаго нападенія,—а гдѣ застигъ буранъ, тутъ и задумали остановиться. При этомъ не принимали еще и никакихъ мѣръ предосторожности: не выставили передовыхъ постовъ, не заняли находившуюся вблизи возвышенность, даже ружья у казаковъ находились въ чахлахъ, а у солдатъ были затюкованы въ возахъ, и каждый заботился лишь объ одномъ: какъ бы укрыться отъ вьюги и потеплѣе устроиться, что, однако, было не легко, такъ какъ отрядъ этотъ, въ виду спѣшности дѣла и небольшого разстоянія, которое предстояло пройти—всего 170 верстъ,—не взялъ съ собою джуламеекъ.

И вотъ, едва только поуспокоились въ отрядѣ и прикурнули, какъ съ лѣвой стороны, изъ-за пригорка, выскакала громадная конная партія хивинцевъ и съ дикимъ гиканьемъ и крикомъ „алла“ бросилась на отрядъ. Передніе всадники были вооружены пиками, остальные шашками, и лишь у очень немногихъ виднѣлись за спинами длинные карабины, изъ которыхъ хивинцы стрѣляютъ не иначе, какъ установивъ ихъ на особыя подставки.

Къ великому счастью для атакованныхъ, число которыхъ вмѣстѣ съ офицерами было не болѣе 250 человѣкъ, на самомъ краю бивуака, обращеннаго къ пригорку, находился ротный барабанщикъ, который, увидѣвъ

несущихся туркменъ, живо выхватилъ свои палки и ударилъ тревогу. Эта находчивость не растерявшагося молодца-барабанщика и спасла маленькій отрядъ отъ неминуемой гибели и смерти: едва только лошади хивинцевъ подскакивали къ отряду, какъ заслышавъ трескъ невѣдомаго имъ дотолѣ инструмента, быстро, на всемъ скаку, сворачивали въ бокъ, или же взвивались отъ страха на дыбы, сбрасывая съ себя всадниковъ... Все это произошло въ какія-нибудь двѣ, много три минуты... А тѣмъ временемъ, казаки опомнились, выхватили изъ чахловъ ружья и дали залпъ, а пѣхота живо достала ихъ изъ тюковъ и стала заряжать... Хивинцы круто повернули своихъ лихихъ коней и понеслись назадъ, отбивъ, однако, отъ отряда 30 верблюдовъ, шедшихъ съ запасами и продовольствіемъ, которые были немного въ сторонѣ; этихъ верблюдовъ никто не защищалъ, такъ какъ при нихъ въ это время былъ всего одинъ солдатъ и нѣсколько киргизовъ; киргизы разбѣжались и попадали отъ страха въ снѣгъ, а солдатика туркмены захватили волосянымъ арканомъ и поволокли за собою... Они остановились отъ отряда не болѣе какъ на разстояніи двухъ ружейныхъ выстрѣловъ, на томъ самомъ бугрѣ, изъ за котораго выскочили, и стали дѣлить добычу. Затѣмъ принялись за ѣду, съ большимъ, повидимому аппетитомъ, такъ какъ ѣли

---

*) Въ 1842 году, наши офицеры слышали въ Хивѣ, отъ нашихъ же перебѣжчиковъ, что хивинцы, т. е. туркмены-іомуды, напавшіе на отрядъ поручика Ерофеева, были дѣйствительно очень голодны, такъ какъ взятые ими въ дорогу *крутъ и чуреки* совсѣмъ были на исходѣ и потреблялись всадниками въ самыхъ гомеопатическихъ дозахъ. Крутъ—это сыръ, приготовляемый изъ бараньяго молока, небольшими кусочками; его растираютъ въ водѣ, дѣлаютъ довольно густую смѣсь и этимъ утоляютъ голодъ. Чурекъ—это круглая лепешка, испеченная въ золѣ изъ прѣснаго тѣста, приготовленнаго изъ пшеничной муки.

очень долго, съ полчаса по крайней мѣрѣ*). А въ это время въ нашемъ отрядѣ, бывшемъ почти въ десять разъ меньше Хивинскаго, шли лихорадочныя приготовленія къ оборонѣ: изъ оставшихся тюковъ, кулей и саней устраивалось каре, дѣлался снѣговой брустверъ, заряжали ружья и пр.; а хивинцы, сидя на бугрѣ, преспокойно ѣли наши сухари и не особенно торопились окончить свой неожиданный обѣдъ, такъ какъ были вполнѣ увѣрены, что отрядъ на верблюдахъ никуда не можетъ уйти и, по своей малочисленности, будетъ неминуемо истребленъ, или забранъ живьемъ въ плѣнъ... Участники зимняго похода въ Хиву, передавая мнѣ объ этомъ дѣлѣ, добавляли, что не будь хивинцы такъ голодны, или будь вмѣсто нихъ другой азіатскій народъ напр., афганцы или текинцы—нашъ маленькій отрядъ погибъ бы весь до послѣдняго человѣка, или всѣхъ увели бы въ Хиву живьемъ: оказалось, что во время перваго нападенія, ружья заряжены были только у однихъ казаковъ, а въ нѣхотѣ они не только не были заряжены, но лежали затюченныя (т. е. уложенныя) въ саняхъ, да еще спрятанныя въ чахлы.

Когда хивинцы покончили съ ѣдой, то почувствовали себя гораздо бодрѣе и воинственнѣе: они сѣли на коней, сбились въ одну большую партію и съ криками „алла!“ бросились на отрядъ, разсчитывая, очевидно, растоптать его своею массою... Но вышло иначе: хивинцевъ подпустили на ружейный выстрѣлъ и дали по нимъ одинъ залпъ, потомъ другой... Ружья клались на тюки, стрѣляли почти навѣрняка, въ громадную плотную массу, въ двѣ почти тысячи коней и всадниковъ; знали, наконецъ, что отъ удачи выстрѣловъ зависитъ жизнь и смерть атакованной горсти людей... Къ счастью, буранъ въ это время сталъ стихать и не мѣшалъ цѣлиться...

Когда дымъ отъ выстрѣловъ разсѣялся, то увидѣли, что на снѣгу лежатъ нѣсколько хивинцевъ и барах-

*

таются раненыя лошади, а всѣ уцѣлѣвшіе всадники мчатся назадъ на бугоръ... Тамъ они остановились и начали о чемъ-то толковать между собою; при этомъ такъ громко спорили и кричали, что въ нашемъ отрядѣ хорошо слышенъ былъ ихъ крикъ... Наконецъ, крики стихли, хивинцы раздѣлились на двѣ части и стали обскакивать отрядъ съ двухъ сторонъ, разсчитывая, что наши солдаты, разбившись пополамъ, не въ силахъ будутъ противустоять двумъ коннымъ отрядамъ, по тысячѣ человѣкъ въ каждомъ, атакующимъ одновременно... Но и тутъ хивинцы ошиблись въ своихъ разсчетахъ: каре защищалось со всѣхъ четырехъ сторонъ, а солдаты и казаки стрѣляли очень ловко и мѣтко, укладывая ружья, по прежнему, на тюки и на кули съ продовольствіемъ... Эта третья атака была столь-же неудачна, хивинцы поплатились за свою дерзость еще болѣе: на снѣгу лежало ихъ около тридцати человѣкъ, и еще болѣе было убитыхъ и раненыхъ лошадей а многія лошади, очевидно, раненыя же, носились по степи однѣ, безъ всадниковъ...

Вновь вся эта туча безпорядочной конницы взъѣхала на возвышенность, вновь поднялся страшнѣйшій крикъ и шумъ... Наконецъ, хивинцы пришли должно быть къ такому выводу: всѣ ихъ атаки не удались потому, что онѣ были конныя, что лошади пугаются выстрѣловъ и страшнаго барабанщика; а если, напротивъ, атака будетъ пѣшая, то она удастся навѣрняка, такъ какъ численность атакующихъ почти въ десять разъ болѣе нашего отряда. Для этой цѣли половина отряда спѣшилась и отдала своихъ коней другой половинѣ всадниковъ; а чтобы защитить себя отъ мѣткихъ русскихъ пуль, спѣшенные хивинцы тихо погнали передъ собой только что отбитыхъ у насъ верблюдовъ, а за ними подвигались и сами. Изъ оставшагося же коннаго отряда выдѣлилась партія человѣкъ въ двѣсти съ пиками въ рукахъ, разсчитывая нагонять и прика-

лывать разбитаго и затѣмъ бѣгущаго непріятеля—т. е. нашихъ солдатиковъ...

Эту атакующую колонну отрядъ рискнулъ подпустить къ каре, какъ пѣшую, ближе, чѣмъ предыдущія двѣ атаки, и когда хивинцы были не болѣе какъ въ двухъ-стахъ шагахъ, по нимъ открытъ былъ убійственный батальный огонь всѣмъ отрядомъ, такъ что стрѣляли даже и офицеры... Въ отрядѣ, ободрившемся вслѣдствіе только-что отбитыхъ двухъ атакъ, явилась уже крѣпкая увѣренность въ своей силѣ и такая смѣлость, что на счетъ нападавшихъ туркменъ сыпались, со стороны солдатъ, шутки и остроты...

Когда батальный огонь немного перервался вслѣдствіе заряжанія ружей, то глазамъ атакованныхъ представилась такая картина: штукъ двадцать верблюдовъ лежали въ снѣгу убитыми или издыхающими, а остальные, будучи ранены, разбѣжались во всѣ стороны... Положеніе хивинцевъ на этотъ разъ явилось несравненно худшимъ, чѣмъ въ первыя атаки: они очутились къ отряду гораздо ближе и, вдобавокъ, пѣшіе... Раздался залпъ, и хивинцы дрогнули и побѣжали... а такъ какъ бѣжали они плотною, тысячной толпою, въ безпорядочно-сомкнутомъ строѣ, то посылаемыя имъ вдогонку пули производили порядочное опустошеніе... Съ громкими воплями понеслась, наконецъ, эта куча людей, насколько можно было быстро, стараясь убѣжать изъ-подъ выстрѣловъ и укрыться за пригорокъ...

А въ русскомъ маленькомъ отрядѣ, въ это время, поручикъ Ерофеевъ скомандовалъ: „на молитву!“ Всѣ обнажили головы и принесли горячее благодареніе Богу за избавленіе отъ лютой смерти...

Время подходило къ вечеру, и вскорѣ наступили сумерки. Хивинцы совсѣмъ скрылись за возвышенностью, и не было видно ни одного изъ нихъ. Тогда часть отряда осталась на флангахъ каре, для наблюде-

нія за непріятелемъ, а остальные принялись за варку пищи. Наконецъ, совсѣмъ стемнѣло. Внутри каре ярко пылали костры, а у огней расположились солдаты и козаки; всѣ хлопотали о горячемъ ужинѣ, шелъ громкій и веселый говоръ о только-что прекратившемся боѣ... Вдругъ со стороны непріятеля раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, третій и четвертый... И только одинъ не попалъ въ цѣль: остальными тремя выстрѣлами былъ убитъ одинъ козакъ наповалъ, а двое тяжело ранены... поручикъ Ерофеевъ, прежде всего, приказалъ затушить всѣ огни, что и было немедленно исполнено: костры живо закидали снѣгомъ... Затѣмъ стали обдумывать и соображать—откуда могли быть выстрѣлы?.. Ночь была хотя не свѣтлая, но безъ тучъ и звѣздная; стали всматриваться въ окружающую мѣстность, и вотъ, въ полутьмѣ, зоркій глазъ одного казачьяго урядника замѣтилъ, шагахъ не болѣе во ста отъ каре, что снѣгъ въ одномъ мѣстѣ былъ взрытъ кругомъ и что изъ него устроено было нѣчто въ родѣ бруствера, за которымъ, несомнѣнно, и скрывались хивинцы, стрѣлявшіе на огонь въ людей, хорошо освѣщаемыхъ кострами; оттого-то и выстрѣлы ихъ были такъ удачны. Поручикъ Ерофеевъ вызвалъ охотниковъ, желающихъ выбить хивинцевъ изъ ихъ засады; сейчасъ же явилось десять человѣкъ солдатъ и одинъ унт.-офицеръ, которые моментально и бросились на завалъ, такъ что туркменскіе стрѣлки, ничего подобнаго не ожидавшіе, обмерли отъ изумленія и страха, когда наши молодцы, съ крикомъ „ура“, вскочили на ихъ импровизованный снѣжный брустверъ... Нѣсколько хивинцевъ бросились на утекъ, трехъ солдаты тутъ же закололи, а четвертаго захватили живьемъ и привели въ отрядъ; поручикъ Ерофеевъ хотѣлъ оставить его „для языка“, т. е. допросить обо всемъ, что ему могло быть извѣстно; но подбѣжавшіе козаки, товарищи убитаго ихъ станичника, такъ разсвирѣпѣли,

что тутъ же, на глазахъ у всѣхъ, приняли плѣннаго туркмена въ шашки и въ нѣсколько секундъ изрубили его...

Наступившая затѣмъ ночь прошла для отряда въ крайне тревожномъ состояніи, такъ что никто не могъ сомкнуть глазъ: всѣ ежеминутно ожидали нападенія, зная, что азіаты любятъ дѣлать атаки ночью, когда, впотьмахъ, не можетъ быть правильной по нимъ стрѣльбы. Вздохнули свободно лишь тогда, какъ стало разсвѣтать; тогда увидѣли, что хивинцы сѣли на коней, постояли немного въ виду отряда, и затѣмъ спустились съ возвышенности и скрылись за нею вовсе; они не рѣшились даже подобрать трехъ своихъ товарищей, заколотыхъ съ вечера, на снѣговомъ завалѣ, а также и тѣхъ убитыхъ, которые пали во время атакъ. Въ недоумѣніи отрядъ простоялъ такъ, ничего не предпринимая, часа два... Наконецъ, приказано было всѣмъ козакамъ сѣсть на коней и въѣхать на пригорокъ, чтобы посмотрѣть, по какому направленію поѣхали хивинцы? не на Эмбу-ли?.. Оказалось, что они пошли обходнымъ движеніемъ, на Хиву... Болѣе этотъ конный отрядъ туркменъ-іомудъ не имѣлъ уже нигдѣ и никакихъ стычекъ съ нашими войсками, и всѣ ихъ дѣйствія, слѣдовательно, ограничились лишь неудачной атакой Чушка-Кульскаго укрѣпленія и столь же неудачнымъ нападеніемъ на отрядъ поручика Ерофеева. О послѣдующей судьбѣ этого хивинскаго воинства было сказано выше: третья лишь часть ихъ вернулась на родину; остальные погибли отъ голода и морозовъ... Нашего плѣннаго солдата эти звѣри, какъ оказалось при осмотрѣ оставленной ими стоянки, сожгли, на медленномъ огнѣ, живого... Всего отрядъ нашъ потерялъ убитыми 5 человѣкъ и ранеными 13.

Отрядъ поручика Ерофеева пошелъ въ тотъ же день дальше, къ цѣли своего назначенія, и вскорѣ наткнулся на разрубленнаго пополамъ и врытаго въ снѣгъ

киргиза, везшаго почту въ Чушка-Куль и выѣхавшаго изъ Эмбы всего двумя днями ранѣе, чѣмъ отрядъ Ерофеева. Это былъ подвигъ отступившаго хивинскаго отряда...

Поручикъ Ерофеевъ вызвалъ послѣ боя двухъ охотниковъ-козаковъ на сытыхъ и быстрыхъ лошадяхъ, чтобы отправить къ генералу Перовскому на Эмбу подробное донесеніе о только что происшедшемъ славномъ для насъ дѣлѣ, а также и предупредить генерала на тотъ случай, если хивинцы измѣнятъ направленіе и пойдутъ на Эмбу. Посланные козаки добрались до укрѣпленія благополучно и передали донесеніе. Главноначальствующій остался чрезвычайно доволенъ этимъ поистинѣ блестящимъ дѣломъ, въ которомъ на одного русскаго солдата приходилось десять хивинцевъ. Онъ собственноручно навѣсилъ смѣлымъ вѣстовщикамъ по Георгіевскому кресту; тотъ же солдатскій „Егорій“ онъ далъ молодцу барабанщику и всѣмъ одиннадцати охотникамъ, участвовавшимъ въ ночной вылазкѣ, а унтеръ-офицера представилъ еще и къ чину прапорщика. Поручикъ Ерофеевъ получилъ Владиміра 4-й степени съ бантомъ (тогда мечей на крестахъ еще не было) и былъ, кромѣ того, представленъ къ слѣдующему чину. Эти представленія къ чинамъ на Высочайшее имя были не болѣе какъ особою деликатностью или, скорѣе, скромностью со стороны генералъ-адъютанта Перовскаго: ему, по должности командира отдѣльнаго корпуса и по званію главноначальствующаго экспедиціоннымъ отрядомъ, были Высочайше представлены всѣ права и прерогативы главнокомандующаго, такъ что онъ могъ собственною властью награждать отличившихся чинами, до маіора включительно. Но генералъ Перовскій въ зимній походъ 1839 г. ни разу не воспользовался этимъ правомъ жаловать чины—по той причинѣ, что отрядъ не вступилъ въ Хивинскіе предѣлы и никакихъ собственно серьезныхъ сраженій съ войсками хана Алла-Кула не было.

IX.

Выступленіе изъ Эмбы отдѣльной колонны.—Первое донесеніе о походѣ въ Петербургъ.—Трудности новаго пути на Чушка-Куль.—Начавшаяся смертность верблюдовъ.—Польская спѣсь Ціолковскаго и его новыя жестокости.—Бѣдствія офицеровъ въ колоннѣ.—Дороговизна у маркитанта Зайчикова.—Какъ онъ нажился и чѣмъ занимался до похода.

Спустя нѣсколько дней по выступленіи изъ Эмбы маленькаго отряда поручика Ерофеева, выступила въ походъ и „отдѣльная колонна“ подъ начальствомъ генералъ-маіора Ціолковскаго, въ составѣ двухъ линейныхъ баталіоновъ и одного полка козаковъ при 4 тысячахъ верблюдовъ и нѣсколькихъ орудіяхъ. Весь остальной отрядъ съ генералъ-адъютантомъ Перовскимъ остался въ Эмбенскомъ укрѣпленіи. Отсюда, проводивъ колонну и успокоившись немного духомъ, главноначальствующій поручилъ штабсъ-капитану Никифорову составить подробное донесеніе въ Петербургъ о происшедшихъ событіяхъ. Въ томъ же донесеніи излагалась и программа будущихъ дѣйствій экспедиціоннаго отряда. По словамъ генерала Перовскаго, посланная имъ отдѣльная колонна, дойдя до Чушка-Куля и выбравъ подъемъ на Усть-Уртъ, должна была немедленно дать знать объ этомъ въ Эмбенское укрѣпленіе, откуда, достаточно уже отдохнувъ и оправившись отъ болѣзней, выступятъ къ Чушку-Кулю всѣ, оставшіяся въ живыхъ, наличныя силы отряда и, соединившись тамъ съ первою колонной и находившимся ранѣе гарнизономъ, двинутся однимъ общимъ отрядомъ далѣе на Хиву. Въ случаѣ же неудачи, т. е. при неудобствѣ, по случаю зимы, подъема на Усть-Уртъ, или при наличности на самомъ Усть-Уртѣ такого же глубокаго снѣга, всѣ должны были возвратиться обратно на Эмбу, провести тутъ остатокъ зимы, пополнить людьми изъ Оренбурга составъ отряда, возобновить всѣ продовольственные запасы, нанять новыхъ верблюдовъ и, раннею весною, идти все-таки въ

Хиву. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Выступленіе отдѣльной колонны изъ Эмбенскаго укрѣпленія совершилось въ большомъ безпорядкѣ или, вѣрнѣе, въ томъ „порядкѣ“, какой существовалъ въ первой колоннѣ генералъ-маіора Ціолковскаго во все время изъ Оренбурга до Эмбы. Люди, измученные съ вечера разными приготовленіями и походными сборами, не успѣли, какъ слѣдуетъ, выспаться; подняли ихъ ночью въ 2 часа, а въ 5, т. е. въ совершенной темнотѣ, колонна выступала уже изъ укрѣпленія... Такіе ночные марши очень хороши лѣтомъ; а тутъ они дали печальные результаты. Въ первый день колонна могла пройти всего 9 верстъ: не выспавшіеся люди и верблюды, пройдя впотьмахъ, до разсвѣта, по глубокому снѣгу болѣе двухъ часовъ, измучились преждевременно, такъ что въ 12 часовъ дня колонна не могла уже идти далѣе и должна была остановиться... Снѣгъ за Эмбою оказался еще глубже, а его ледяная кора отъ морозовъ, бывшихъ постоянно болѣе 20°, еще толще... На первомъ же переходѣ, послѣ пройденныхъ лишь 9 верстъ, пришлось оставить 10 верблюдовъ... Снѣгъ, покрытый ледяною корой, не выдерживалъ верблюдовъ, и они ежеминутно скользили или падали; а потому, для протоптанія дороги, посланъ былъ впередъ козачій полкъ, раздѣленный на ряды; но чрезъ нѣсколько часовъ, переднія лошади стали сбивать себѣ щиколотки до крови, и ихъ пришлось замѣнять задними лошадьми; за ними растянувшись „нитками“ же, шли верблюды, и такимъ порядкомъ подвигалась эта колонна впередъ... Вскорѣ отъ безкормицы верблюды до того обезсилѣли, что если случалось какой-нибудь изъ нихъ не попадалъ ногою въ лошадиную тропу, то проваливался въ снѣгъ и тотчасъ же падалъ, и поднять его на ноги не было уже никакой возможности, такъ что этотъ верблюдъ бросался совсѣмъ на произволъ судьбы: шедшіе въ аріер-

гардѣ на раненыхъ лошадяхъ козаки развьючивали такого верблюда, а продовольственные запасы разбирали—какъ они дѣлали это и во время похода до Эмбы—по своимъ саквамъ... Затѣмъ, несчастные верблюды стали падать все болѣе и болѣе, такъ что оставались на мѣстахъ ночлеговъ цѣлыми десятками... Вновь заговорили въ колоннѣ объ отравленіи верблюдовъ, по ночамъ, денщикомъ генерала Ціолковскаго Сувчинскимъ...

Это тяжкое обвиненіе порождалось всего болѣе самимъ же начальникомъ колонны, т. е. тѣми неправильными отношеніями, въ которыя онъ поставилъ себя, на первыхъ же дняхъ похода, къ офицерамъ и солдатамъ. На первомъ же переходѣ генералъ Ціолковскій приказалъ измѣнить даже внѣшній порядокъ разстановки джуламеекъ: свою кибитку онъ приказалъ ставить не только выше всѣхъ прочихъ кибитокъ, но много выше бывшей кибитки Перовскаго, въ самомъ центрѣ каре, съ длиннымъ флагштокомъ, на которомъ укрѣплялся особый значекъ съ польскими національными цвѣтами и гербомъ. Рядомъ съ его кибиткой поставили - было походную кибитку оберъ-квартирмейстера, но Ціолковскій приказалъ поставить ее позади, а взамѣнъ ея—походную кибитку-буфетъ, въ которую и приглашалъ изрѣдка штабъ - офицеровъ... Словомъ, польская спѣсь и тутъ выступила наружу при первомъ же удобномъ случаѣ.

Затѣмъ, Ціолковскій установилъ такую систему шпіонства въ колоннѣ, что офицеры могли говорить откровенно между собою развѣ только шепотомъ... Должность оберъ-шпіона занялъ унтеръ-офицеръ изъ ссыльныхъ поляковъ Антоній Завадзкій, уроженецъ Виленской губерніи, называвшій себя „юнкеромъ“ и вкравшійся въ полное довѣріе офицеровъ. Этотъ Завадзкій, равно какъ и 17 человѣкъ другихъ поляковъ, состоявшихъ въ колоннѣ большею частью въ унтеръ-офицерскомъ же зва-

ніи *), были постоянными гостями генерала Ціолковскаго, обѣдали у него, ужинали, пили чай; иногда, въ видѣ особой милости, генералъ приглашалъ къ себѣ на обѣдъ кого-нибудь изъ штабныхъ офицеровъ, или штабъ-офицеровъ, командировъ баталіоновъ, которые и попадали, такимъ образомъ, въ довольно своеобразное общество, говорившее, къ тому же, исключительно на польскомъ языкѣ. Генералъ Ціолковскій, боявшійся, ранѣе, злого языка прямодушнаго штабсъ-капитана Никифорова, теперь уже не стѣснялся никѣмъ и ничѣмъ: онъ позволялъ себѣ на этихъ обѣдахъ открыто порицать дѣйствія главноначальствующаго, обвиняя генералъ-адъютанта Перовскаго „въ необдуманности похода“; онъ прямо высказывалъ мысль, что генералъ Перовскій не нынче-завтра долженъ-де быть уволенъ и отозванъ въ Петербургъ и что, по всей вѣроятности, онъ самъ догадается вернуться изъ Эмбенскаго укрѣпленія обратно въ Оренбургъ... что онъ, генералъ Ціолковскій, въ качествѣ старшаго генерала въ отрядѣ, долженъ будетъ принять главную команду—и постарается тогда взять Хиву... При этомъ, онъ не разъ успокаивалъ обѣдавшихъ съ нимъ поляковъ унтеръ-офицеровъ, что всѣ они, за походъ, будутъ непремѣнно произведены въ офицеры. Такъ какъ, эти и многія другія рѣчи начальника колонны сильно отдавали обычною польскою болѣзнью, политическимъ хвастовствомъ, то приглашаемые штабные стали, подъ разными предлогами, уклоняться отъ званыхъ обѣдовъ въ штабной кибиткѣ; затѣмъ пересталъ ихъ приглашать и самъ генералъ Ціолковскій.

Къ солдатамъ начальникъ колонны поставилъ себя

*) Всѣ эти господа, произведенные въ унтеръ-офицеры Ціолковскимъ, попали въ Оренбургскіе линейные баталіоны послѣ мятежа 1831 года, изъ польскихъ войскъ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ состояли офицерами — и затѣмъ были разжалованы и разосланы частію на Кавказъ, частію въ Оренбургъ.

въ отношенія еще болѣе худшія: точно онъ мстилъ имъ за то, что они, нѣсколько недѣль назадъ, когда онъ былъ уволенъ отъ должности начальника 1-й колонны, открыто радовались его увольненію. И вотъ, теперь, на остановкахъ отряда, передъ обѣденною порою, когда люди приходили измученные и обезсиленные, генералъ Ціолковскій садился на лошадь (ѣхалъ онъ дорогою въ возкѣ) и спокойно начиналъ объѣздъ колонны. Его сопровождали при этомъ нѣсколько козаковъ, верхами же, съ нагайками. Рѣдкій день обходился безъ того, чтобы наказано было, и притомъ жестоко, менѣе 25-ти человѣкъ, а иногда число наказанныхъ доходило до 50 человѣкъ; достаточно было малѣйшаго повода (ружье, не поставленное въ козлы, а прислоненное къ тюку, оторванная на шинели пуговица, лошадь не въ путахъ, поставленная косо джуламейка, и т. под.), чтобы началось истязаніе несчастныхъ солдатъ... Козаковъ генералъ наказывалъ рѣже, солдатъ изъ поляковъ, т. е. простыхъ рядовыхъ солдатъ, никогда. Оканчивались эти истязанія, обыкновенно, въ кибиткѣ-буфетѣ, гдѣ генералъ, послѣ каждаго обѣда, наказывалъ своего крѣпостного повара, который впослѣдствіи, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, жестоко отомстилъ своему мучителю.

Офицеры этой колонны бѣдствовали такъ же сильно, какъ и во время марша до Эмбы. Большинство строевыхъ офицеровъ въ Оренбургскихъ линейныхъ баталіонахъ были люди очень небогатые, жившіе тѣмъ скромнымъ жалованьемъ, которое они получали. Въ тѣ годы не было ни „столовыхъ“, ни „добавочныхъ“, ни „наградныхъ“, а было лишь одно жалованье, получаемое по третямъ, то-есть три раза въ годъ: прапорщикъ, напр., получалъ 18 р. съ копѣйками въ мѣсяцъ, капитанъ немного болѣе 35-ти... На такое-то жалованье надо было существовать въ безлюдной, снѣжной пустынѣ, продовольствуясь всѣмъ у маркитанта и платя за все самыя

невѣроятныя цѣны. Маркитантомъ отряда былъ купецъ Михаилъ Зайчиковъ *), и вотъ какія бралъ онъ съ офицеровъ деньги: фунтъ баранокъ, стоившій въ Оренбургѣ три копѣйки, Зайчиковъ продавалъ по 50 коп., четвертка Жукова табаку, вмѣсто 15 к., продавалась по рублю; бутылка водки стоила рубль и 1 р. 50 коп. ассигнаціями, а въ городѣ она стоила тогда 35 коп. ассигнаціями или 10 коп. на серебро. Когда офицеры окончательно истратились, то Зайчиковъ, съ разрѣшенія генералъ-адъютанта Перовскаго, которымъ онъ заручился еще на Эмбѣ, сталъ отпускать всѣ припасы для офицеровъ въ кредитъ, и

*) Этотъ самый купецъ Зайчиковъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, былъ судимъ въ Оренбургской Уголовной Палатѣ за продажу русскихъ мужчинъ и женщинъ въ неволю въ Хиву. Дѣлалось это такъ, Зайчиковъ имѣлъ въ разныхъ мѣстностяхъ Оренбургскаго края и нынѣшней Уральской области нѣсколько тысячъ десятинъ земли и занимался хлѣбопашествомъ. Во время жнитва, приказчики Зайчикова, каждый разъ все разные, ѣздили въ Бузулукскій и Николаевскій уѣзды Самарской губерніи и по окраинамъ Оренбургскаго уѣзда нанимали людей, давая имъ хорошія цѣны и выдавая крупные задатки; затѣмъ, людей этихъ заставляли жать хлѣбъ, укладывая на ночь спать въ отдѣльные сараи. Въ одну изъ ночей киргизы, по заранѣе условленному плану, окружали со всѣхъ сторонъ сарай, связывали плѣннымъ руки и гнали ихъ передъ собою, какъ скотъ, въ Хиву, для продажи... Приказчики утромъ оказывались, тоже, связанными по рукамъ и ногамъ, и все дѣло сваливали на хищниковъ-киргизовъ. По рѣшенію палаты, купецъ Зайчиковъ и его главный приказчи къ Филатовъ былиприговорены къ каторжнымъ работамъ; главными обвинителями выступили противу нихъ многіе изъ плѣнныхъ, вернувшихся лѣтомъ 1840 г. изъ Хивы въ Оренбургъ. Затѣмъ, Зайчиковъ, слѣдуя въ Сибирь, обмѣнялся именемъ съ обыкновеннымъ ссыльнымъ, приговореннымъ лишь на житье въ Сибирь, на извѣстное количество лѣтъ и, отживъ этотъ срокъ, вернулся, подъ своимъ уже новымъ именемъ, Дѣева, въ Оренбургъ... Совѣсть не давала ему покоя: онъ выстроилъ храмъ, богадѣльню и занялся вообще дѣлами благотворительности... Но это не спасло его ни отъ народной ненависти при жизни, ни отъ всеобщихъ проклятій послѣ смерти. О богатствѣ этого Зайчикова, такъ неправедно нажитомъ, ходятъ въ Оренбургѣ и понынѣ легенды.

такимъ образомъ, пріобрѣлъ, за время похода, большія деньги, да еще былъ награжденъ потомъ золотою медалью на шею, съ надписью „за усердіе“...

X.

Неожиданное прибытіе Перовскаго и принятіе начальства надъ колонною.—Прекращеніе жестокостей и польскихъ сходбищъ.—Окончательная гибель верблюдовъ. — Всеобщее уныніе. — Прибытіе въ Чушка-Куль.—Празднованіе „побѣды“ у хивинцевъ.

На восьмой день похода отдѣльной колонны, рано утромъ, аріергардные казаки увидѣли, что по дорогѣ изъ Эмбенскаго укрѣпленія, по направленію къ отряду, быстро подвигается какая-то длинная черная полоска... Одинъ изъ козаковъ поскакалъ впередъ, нагналъ отрядъ и доложилъ объ этой полоскѣ начальнику колонны генералъ-маіору Ціолковскому, сладко спавшему въ это время въ своемъ дорожномъ возкѣ... Тотъ въ началѣ разсердился было, но потомъ приказалъ остановить колонну, вышелъ изъ возка и велѣлъ подать себѣ подзорную трубу. Но какъ ни старались найти на горизонтѣ и разсмотрѣть движущійся предметъ, это не удалось, такъ какъ отрядъ только что спустился передъ этимъ съ невысокой, но довольно обширной возвышенности. Въ это время изъ аріергарда прискакалъ второй козакъ съ извѣстіемъ, что черная, быстро движущаяся полоска представляетъ собою дорожный возокъ, запряженный тройкою лошадей, гуськомъ... Генералъ Ціолковскій не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ, обратился къ стоявшему рядомъ съ нимъ командиру козачьяго полка и сталъ съ нимъ о чемъ-то разговаривать... Въ это время на возвышенности показался возокъ и сталъ быстро спускаться подъ гору. Еще десять минутъ, и экипажъ въѣхалъ въ середину колонны, остановился, и изъ него вышелъ главноначальствующій отрядомъ В. А. Перовскій, въ сопровожденіи штабсъ-ка-

питана Никифорова... Сухо поздоровавшись съ Ціолковскимъ и ни о чемъ его не спрашивая, Перовскій сталъ обходить колонну и здоровался съ каждою ротой и сотней отдѣльно. Измученные люди подбодрились и весело его привѣтствовали. Затѣмъ въ отрядѣ узнали, что главноначальствующій, отправивъ въ Петербургъ всѣ нужныя донесенія, а въ Оренбургъ распоряженія, выѣхалъ, всего два дня назадъ, изъ Эмбенскаго укрѣпленія, на тройкѣ артиллерійскихъ лошадей, въ сопровожденіи десятка Оренбургскихъ казаковъ о дву-конь, съ небольшимъ запасомъ сѣна, овса и провизіи; по дорогѣ счастливо избѣжалъ всякихъ опасностей, а верстахъ въ 20-ти отъ колонны бросилъ свой эскортъ и уѣхалъ впередъ одинъ, желая нагнать отрядъ какъ можно скорѣе.

Со дня прибытія къ колоннѣ главноначальствующаго, тотчасъ же измѣнились всѣ порядки походнаго движенія, прекратилось безполезное жестокое обращеніе съ несчастными солдатами, кибитка генерала Ціолковскаго опустилась значительно ниже, сходбища ссыльныхъ поляковъ въ штабномъ буфетѣ-кибиткѣ оборвались сразу... Въ тотъ же день вечеромъ, на ночлегѣ, генералъ адъютантъ Перовскій потребовалъ къ себѣ начальника колонны и около получаса говорилъ съ нимъ съ глазу на глазъ. Бесѣда ихъ осталась тайной: о ней Перовскій не сказалъ ничего даже Никифорову. Офицерамъ колонны стало лишь извѣстно, на другой день, изъ отданнаго приказа, что главноначальствующій пожелалъ самъ вступить въ командованіе колонной; да потомъ, шопотомъ, офицеры передавали другъ другу со словъ часовыхъ у кибитки главноначальствующаго, что генералъ Ціолковскій, уходя, сказалъ что-то на непонятномъ для часовыхъ языкѣ, раздраженнымъ и угрожающимъ тономъ, а начальникъ отряда отвѣтилъ ему по-русски, въ дверяхъ самой кибитки:—Я не боюсь васъ, генералъ: я вѣдь не пью кофе...

Съ того дня между генералами Перовскимъ и Ціол-

ковскимъ установились довольно странныя отношенія: они не встрѣчались болѣе и не говорили между собой ни одного слова до самаго конца похода и возвращенія въ Оренбургъ. Ціолковскій совсѣмъ стушевался и сталъ всячески избѣгать встрѣчи съ главноначальствующимъ: такъ, напр., если Перовскій ѣхалъ впереди отряда, то возокъ Ціолковскаго ѣхалъ сзади, и наоборотъ. Свою войлочную кибитку бывшій начальникъ колонны приказывалъ ставить не въ ряду штабныхъ кибитокъ, а въ средѣ козачьихъ; при неизбѣжныхъ встрѣчахъ во фронтѣ соблюдался лишь внѣшній декорумъ: генералъ Ціолковскій бралъ „подъ козырекъ“, а главноначальствующій отвѣчалъ ему тѣмъ же краткимъ внѣшнимъ привѣтствіемъ.

Крайне тяжелое впечатлѣніе произвела на генерала Перовскаго дорога отъ Эмбенскаго укрѣпленія до колонны, которую онъ только что проѣхалъ: если бы пройденный колонною путь былъ весь занесенъ, степными метелями, то и тогда генералу съ его маленькимъ конвоемъ не надо было бы прибѣгать ни къ проводникамъ, ни къ компасу, ни къ солнцу и звѣздамъ для опредѣленія правильнаго направленія, а стоило бы только имѣть въ виду сотни труповъ верблюдовъ, павшихъ дорогою и обгладываемыхъ теперь цѣлыми стаями голодныхъ волковъ. Какъ только снѣгъ и покрывавшая его ледяная кора вполнѣ окрѣпли, несчастные верблюды остались совсѣмъ безъ корма: никакія уже силы не могли докопаться до находящейся подъ снѣгомъ травы; надо было у каждаго верблюда поставить людей съ желѣзными мотыгами и употреблять для этого тѣ ночные часы отдыха, въ которыхъ сами солдаты нуждались не менѣе верблюдовъ; а эти животныя, къ ихъ несчастію, не обладаютъ, подобно лошадямъ, способностью разрывать снѣгъ ногами. Голодъ ихъ былъ такъ великъ, что они, во время слѣдованія, стали ѣсть тѣ рогожныя попоны,

которыми киргизы укрывали ихъ отъ холода взамѣнъ кошемныхъ (войлочныхъ) попонъ, бывшихъ на нихъ при выходѣ изъ Оренбурга и давно изорвавшихся: какъ только задній верблюдъ замѣчалъ на переднемъ рогожу, онъ нагонялъ его и начиналъ рвать зубами и ѣсть рогожу вмѣсто сѣна. На ночь, по приказанію уже нагнавшаго колонну генерала Перовскаго, верблюдовъ стали класть рядами, плотно одинъ къ другому, чтобы имъ было тепло лежать, и разстилали передъ ними цыновки съ насыпаннымъ овсомъ; но они лишь понюхаютъ и не станутъ ѣсть; пробовали всыпать имъ овесъ въ ротъ насильно, но они тотчасъ же его выплевывали, не проглотивъ ни одного зерна и гораздо охотнѣе теребили и жевали цыновки, безполезно разсыпая овесъ по снѣгу. Тогда, чтобы спасти хотя десятую часть бывшихъ при колоннѣ верблюдовъ, прибѣгли къ послѣднему средству: генералъ Перовскій приказалъ мѣсить изъ ржаной муки колобки и класть ихъ верблюдамъ въ ротъ. Но и это не помогло: колобки замѣшивались въ холодной водѣ, а верблюдъ не можетъ ѣсть ничего холоднаго; а чтобы нагрѣвать воду для этого мѣсива, нужно было топливо, котораго едва-едва хватало для варки разъ въ день горячей пищи солдатамъ, да и это топливо добывалось такимъ тяжкимъ трудомъ, что немыслимо было тратить его еще и для верблюдовъ.

Тогда начался повальный падежъ верблюдовъ и въ такомъ огромномъ количествѣ, что даже шедшіе въ аріергардѣ козаки, лакомые вообще до даровщинки, не стали пользоваться нѣкоторыми вьюками съ павшихъ животныхъ, а поступали обыкновенно такъ: муку разсыпали по вѣтру, порохъ и соль топтали въ снѣгъ, свинецъ бросали въ глубокіе овраги, а спиртъ по своимъ манеркамъ. Самыя главныя трудности и бѣдствія испытала колонна, встрѣтивъ на своемъ пути двѣ большія горы—Бакыръ (мѣдь) и Али: здѣсь оставили большую часть верблюдовъ, и лишь козачьи лошади и солдатскія

руки втащили на эти горы артиллерію. Всего изъ четырехъ тысячъ верблюдовъ, взятыхъ изъ Эмбенскаго укрѣпленія отдѣльной колонною, пало дорогою около двухъ тысячъ головъ, то-есть половина.

Вмѣстѣ съ верблюдами стали, наконецъ, гибнуть и солдаты—отъ страшныхъ, все еще продолжавшихся морозовъ, а главное, вслѣдствіе отсутствія теплаго жилья ежедневно, цѣлыми десятками, людей отправляли въ походные лазареты, откуда они возвращались очень рѣдко. Болѣзни были различныя: преимущественно цынга, скорбутъ, дизентерія и общій упадокъ силъ. Въ колоннѣ наступило всеобщее уныніе. Главноначальствующій увидѣлъ, что возникли, наконецъ, непреодолимыя никакими человѣческими силами препятствія... Онъ ѣхалъ въ своемъ возкѣ мрачный и больной и совсѣмъ пересталъ показываться людямъ...

Но все имѣетъ свой конецъ. На пятнадцатый день по выступленіи изъ Эмбы, въ одинъ изъ морозныхъ солнечныхъ дней, вдали показалась сдѣланная изъ глины и занесенная снѣгомъ стѣна, а за нею какіе-то снѣжные бугры и холмики:—это и былъ Акъ-Булакъ или Чушка-Кульское укрѣпленіе, котораго достигла, уменьшившись болѣе чѣмъ на половину, несчастная „отдѣльная колонна“.

Этою главою заканчивается мое повѣствованіе о скорбномъ пути, пройденномъ горстью русскихъ войскъ отъ Оренбурга до Чушка-Кульскаго укрѣпленія—на разстояніи 670 верстъ. Путь этотъ, со всѣми его лишеніями и бѣдствіями, пройденъ былъ, по истинѣ, съ героизмомъ, которому позавидовали бы закаленные въ походахъ воины Александра Македонскаго и столь же достославные легіоны Юлія Цезаря. Еще не суждено было русскому знамени развѣваться на стѣнахъ древней Хивы, и необычайная, по своей суровости, зима съ глубокимъ снѣгомъ явилась, на этотъ разъ, преградою на пути нашего отряда...

*

Когда изъ двухъ-тысячнаго рекогносцировочнаго отряда отборныхъ туркменъ-іомудовъ, высланныхъ противъ нашихъ войскъ Хивинскимъ ханомъ Алла-Куломъ, двѣ трети погибли отъ морозовъ и голода и въ Хиву вернулись лишь 700 человѣкъ и принесли извѣстіе о таковой же гибели, постигшей и русскій экспедиціонный отрядъ, то печаль хивинцевъ о погибшихъ батыряхъ была, по разсказамъ Сергѣя-Аги и нашихъ плѣнныхъ, очень небольшая. За то радость ихъ была неописанная: нѣсколько дней подрядъ шло у нихъ празднованіе „побѣды“ и, въ концѣ, совершено было великое поклоненіе праху ихъ святого Полвалъ-Аты, похороненнаго подъ громаднымъ камнемъ, въ одной изъ мечетей Хивы. По ихъ понятію, этотъ святой ниспослалъ такой великій снѣгъ и такіе морозы, которые не допустили русскихъ до Хивы *).

XI.

Что сталось съ ротою поручика Ерофеева.—Усиленіе въ Чушка-Кульскомъ укрѣпленіи дизентеріи, цынги и скорбута.—Общій упадокъ духа.—Изслѣдованіе подъема на Усть-Уртъ.—Приказъ объ обратномъ выступленіи.—Зимній оазисъ.—Озеро съ камышемъ.—Дороговизна топлива.—Тайна молодыхъ топографовъ.—Что значилъ чай.—Брошенный киргизами бульонъ.—Срытіе Чушка-Кульскаго укрѣпленія и взрывъ землянокъ.—Фейерверкъ.—Обратный походъ до Эмбы.—Выносливость уральскихъ казаковъ.—Страшный буранъ, застигшій колонну.

Прибывшая колонна не имѣла самаго главнаго—теплаго жилья, и солдатамъ довелось жить въ войлочныхъ джуламейкахъ, такъ какъ землянки въ Чушка-Кульскомъ укрѣпленіи оказалось далеко не такъ удобны, какъ на

*) У хивинцевъ существуетъ преданіе, что Хива будетъ затоплена водою, а Бухара занесена пескомъ; „Урусъ“ же никогда ихъ не возьметъ. Послѣ 1873 года въ преданіе это, вѣроятно, утратилась вѣра.

Эмбѣ, гдѣ солдаты два раза въ день могли въ нихъ обогрѣваться: онѣ были и тѣсны, и темны; къ тому-жъ, въ нихъ лежала масса солдатъ, больныхъ скорбутомъ... Оказалось, что поручикъ Ерофеевъ никакъ не могъ увезти больныхъ, согласно приказанію, изъ Чушка-Куля въ Эмбенское укрѣпленіе именно потому, что у него тоже не было корма для верблюдовъ, и всѣ больные непремѣнно померзли бы дорогою въ саняхъ, такъ какъ некому было бы везти эти сани. Запасъ же сѣна въ Чушка-Кульскомъ укрѣпленіи оказался самый ничтожный. Крайне нездоровая вода, бывшая въ укрѣпленіи, способствовала тому, что когда пришла въ Чушка-Куль отдѣльная колонна, то въ ротѣ Ерофеева четвертая часть солдатъ была уже больна дизентеріей, цынгою и тѣмъ же скорбутомъ; а люди гарнизона, заболѣвшіе ранѣе, лежали со сведенными ногами, и лишь немногіе изъ нихъ могли кое-какъ ползать по земляному холодному полу полутемныхъ землянокъ, замѣнявшихъ теперь лазаретныя палаты... Въ укрѣпленіи было тихо и мертво, какъ въ разрытой могилѣ: чувствовался общій упадокъ духа... Покойниковъ хоронили ежедневно; между ними приходилось уже хоронить и офицеровъ... Голодные степные волки окружали по ночамъ укрѣпленіе цѣлыми стаями, поднимали ужаснѣйшій вой, раскапывали могилы и съѣдали похороненныхъ людей... Въ отрядѣ днемъ и ночью стали происходить частыя пропажи; похищалось исключительно то, что могло горѣть: плохо лежавшая веревка, деревянная лопата, служившая для отгребанія снѣга и забытая у джуламейки и проч.—все это тотчасъ же исчезало...

Такъ прошло восемь дней. У генерала Перовскаго къ нравственнымъ и душевнымъ страданіямъ присоединились еще и физическія: у него открылась старая турецкая рана въ груди, и начались кромѣ того невыносимыя легочныя спазмы, послѣдствія удара, нанесеннаго ему, какъ говорили въ отрядѣ, огромнымъ по-

лѣнаго по спинѣ, на Сенатской площади, 14 декабря 1825 г.

Въ концѣ восьмого дня вернулся въ укрѣпленіе посланный генераломъ Перовскимъ, тотчасъ-же по приходѣ въ Чушка-Куль, маленькій рекогносцировочный отрядъ подъ начальствомъ полковника Бизянова *), для обслѣдованія и выбора подъема на Усть-Уртъ, въ количествѣ 150-ти козаковъ, съ однимъ 3-хъ фунтовымъ орудіемъ при офицерѣ генеральнаго штаба Рейхенбергѣ, одномъ козачьемъ офицерѣ и двухъ топографахъ. Подъемъ на Усть-Уртъ былъ найденъ лишь въ одномъ мѣстѣ, по ущелью оврага Кынъ-Каусъ; все остальное были отвѣсныя скалы, составлявшія когда-то, въ доисторическія времена, возвышенный берегъ моря. Снѣгъ на возвышенной плоскости Усть-Урта оказался на полъ-аршина глубже, чѣмъ на пройденномъ пути. Получивъ это рѣшающее извѣстіе, главноначальствующій пригласилъ въ свою кибитку генерала Ціолковскаго и всѣхъ наличныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, бывшихъ въ колоннѣ, объявилъ имъ о положеніи дѣла и приказалъ немедленно начать сборы къ выступленію изъ Чушка-Кульскаго укрѣпленія обратно на Эмбу.

— Сегодня-же вечеромъ будетъ отданъ надлежащій приказъ по колоннѣ, — прибавилъ Перовскій, и когда всѣ стали выходить изъ кибитки, онъ попросилъ штабсъ-капитана Никифорова остаться.

— Сядьте и перепишите приказъ объ отступленіи,— дрожащимъ отъ волненія голосомъ приказалъ онъ:—Я уже составилъ его.

Никифоровъ сѣлъ къ походному столику, на которомъ горѣли двѣ восковыя свѣчи, и наскоро переписалъ слѣдующій „Приказъ по отряду войскъ Хивинской экспедиціи:“

*) Полковникъ Бизяновъ впослѣдствіи былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ наказнымъ атаманомъ Уральскаго казачьяго войска.

Февраля 1-го дня 1840 года.

„Товарищи! Скоро три мѣсяца, какъ выступили мы по повелѣнію Государя Императора въ походъ, съ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостью исполнить царскую волю. Почти три мѣсяца сряду боролись мы съ неимовѣрными трудностями, одолѣвая препятствія, которыя встрѣчаемъ въ необычайно жестокую зиму отъ бурановъ и непроходимыхъ, небывалыхъ здѣсь снѣговъ завалившихъ путь нашъ и всѣ корма. Намъ не было даже отрады встрѣтить непріятеля, если не упоминать о стычкѣ, показавшей все ничтожество его. Не взирая на всѣ перенесенные труды, *люди свѣжи и бодры, лошади сыты, запасы наши обильны.* Одно только намъ измѣнило: значительная часть верблюдовъ нашихъ уже погибла, остальные обезсилены, и мы лишены всякой возможности поднять необходимое для остальной части пути продовольствіе. Какъ ни больно отказаться отъ ожидавшей насъ побѣды, но мы должны возвратиться на сей разъ къ своимъ предѣламъ. Тамъ будемъ ждать новыхъ повелѣній Государя Императора; въ другой разъ будемъ счастливѣе. Мнѣ утѣшительно благодарить васъ всѣхъ за неутомимое усердіе, готовность и добрую волю каждаго, при всѣхъ перенесенныхъ трудностяхъ. Всемилостивѣйшій Государь и отецъ нашъ узнаетъ обо всемъ“.

— Дайте перо, я подпишу,—попросилъ генералъ Перовскій, когда Никифоровъ прочелъ ему этотъ приказъ.

— Но позвольте, ваше высокопревосходительство, я прикажу еще разъ переписать бумагу на бѣло...

— Ахъ, не мучьте меня, ради Бога! Дайте перо поскорѣе! Неужели вы хотите, чтобы я еще разъ читалъ этотъ горькій и непріятный для меня приказъ?!.—раздраженно проговорилъ главноначальствующій и, взявъ перо изъ рукъ Никифорова, быстро подписалъ бумагу...

„Такъ сей приказъ и былъ приложенъ къ дѣлу экспе-

диціи не перебѣленный", говорится въ запискахъ Г. Н. Зеленина.

Утромъ на другой день, 2 февраля, во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ колонны былъ прочитанъ отданный генералъ-адъютантомъ Перовскимъ приказъ объ обратномъ отступленіи отряда на Эмбу... Приказъ этотъ произвелъ большое оживленіе въ колоннѣ: словно она получила разрѣшеніе выступить изъ зачумленнаго города...

Солдаты живо принялись разметывать глиняную стѣну и довольно солидный брустверъ, сдѣланный изо льда и снѣгу вокругъ всего укрѣпленія; затѣмъ тщательно вынимали весь лѣсъ изъ землянокъ—рамы, дверные косяки, подпорины и пр., словомъ самый ничтожный кусочекъ дерева былъ бережно вынутъ и отложенъ для топлива во время предстоящаго обратнаго похода... Затѣмъ разсчитали, что можно взять съ собою на 2 т. уцѣлѣвшихъ еще верблюдовъ и что слѣдуетъ уничтожить. Болѣе 1,500 четв. ржаной муки и сухарей, т. е. 6-недѣльное продовольствіе всего отряда, было разсыпано по снѣгу и развѣяно по вѣтру; все излишнее желѣзо побросали въ Чушка-Кульское озеро. Бывшій въ плиткахъ бульонъ, болѣе 250 пудовъ, былъ частію розданъ людямъ на руки, а остальное рѣшили взять съ собою, наложивъ на верблюдовъ; но киргизы, при навьючкѣ и во время пути, бросали потихоньку бульонъ въ снѣгъ, такъ какъ они считали плитки эти ни къ чему негодными кирпичами, напрасно лишь отягчающими ихъ верблюдовъ, и когда впослѣдствіи хватились этого бульона, не нашли въ обозѣ и стали требовать его отъ киргизовъ-верблюдовожатыхъ, то наивные сыны степей спокойно объявили, что они по прибытіи въ Оренбургъ, взамѣнъ этихъ маленькихъ кирпичей, обязуются доставить русскимъ войскамъ большіе, еще болѣе тяжелые, „настоящіе" глиняные кирпичи...

Вечеромъ 3 февраля, наканунѣ выступленія, жгли всѣ

сигнальныя ракеты и фальшфейеры; огонь и трескъ отогнали далеко отъ укрѣпленія волковъ, сбиравшихся цѣлыми стаями каждый вечеръ вблизи Чушка-Куля. Киргизы видѣли такой фейерверкъ въ первый разъ, и онъ имъ очень понравился. Передъ самымъ разсвѣтомъ колонна выступила въ обратный походъ, раздѣлившись, для удобства движенія въ пути, на четыре отдѣленія и устроивъ мины въ оставляемыхъ землянкахъ; когда вся колонна отошла отъ Чушка-Куля съ версту, зажженные фитили въ минахъ догорѣли, и начались взрывы... Киргизы въ суевѣрномъ ужасѣ попадали на землю и долго тряслись, какъ въ лихорадкѣ...

Въ день выступленія было 28° стужи, наканунѣ 30°, въ два послѣдующіе дня, т. е. 5 и 6 февраля, было 27° при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ.

Обратный походъ изъ Чушка-Кульскаго укрѣпленія былъ рядомъ непрерывныхъ страданій и тяжкихъ бѣдствій для отступающей колонны, таявшей съ каждымъ днемъ какъ воскъ на огнѣ... Несмотря на наступившій уже февраль, морозы продолжали держаться все время отъ 26 до 29° по Реомюру, при сильныхъ вѣтрахъ и частыхъ буранахъ. На ночлегахъ колонна останавливалась иногда безъ всякаго порядка; какъ только слѣдовалъ сигналъ „стой“, то солдаты раскидывали свои джуламейки тамъ, гдѣ кого засталъ этотъ сигналъ... Единственными людьми, не боявшимися морозовъ, были уральцы, выносливость коихъ была изумительна. Вотъ одинъ случай, происшедшій въ колоннѣ во время обратнаго похода на Эмбу. Денщикъ генерала Ціолковскаго Евтихій Сувчинскій повелъ однажды поить лошадей своего барина на озеро, попавшееся на пути ночлега: прорубая ледъ желѣзнымъ ломомъ, онъ нечаянно уронилъ его въ воду; зная, что за эту оплошность придется поплатиться спиной, Сувчинскій обратился къ

уральскимъ козакамъ, съ просьбою помочь его горю, вытащить какъ-нибудь ломъ изъ воды...

— Почему не достать! — отвѣчалъ одинъ изъ козаковъ:—достать можно; но только купи, братъ, полштофъ водки...

За этимъ, конечно, дѣло не стало: денщикъ сбѣгалъ къ маркитанту Зайчикову, купилъ водку и принесъ къ проруби. Козакъ преспокойно раздѣлся, его обвязали веревкой, онъ спустился въ воду, нащупалъ ломъ, взялъ его въ руки и вынырнулъ на поверхность воды, въ проруби... Морозу въ это время было 31 градусъ. Козакъ накинулъ на себя тулупъ и надѣлъ валенки, выпилъ съ маленькой передышкой весь полштофъ, схватилъ платье и побѣжалъ въ свою джуламейку; тамъ уже онъ одѣлся какъ слѣдуетъ. Потомъ козакъ этотъ говорилъ пѣхотнымъ офицерамъ, видѣвшимъ всю эту исторію, что они, козаки, во время багренья рыбы на Уралѣ, часто упускаютъ въ воду свои пѣшни и достаютъ ихъ такимъ именно простымъ способомъ, во время самыхъ сильныхъ морозовъ.

На упомянутое озеро отрядъ напалъ чисто случайно, уклонившись, во время бывшаго наканунѣ бурана, съ стараго пути въ сторону. Озеро это было для колонны истиннымъ оазисомъ. Во-первыхъ, не надо было оттаивать снѣгъ для воды, для питья лошадямъ и верблюдамъ; а во-вторыхъ, по краямъ озера оказалась такая масса камыша, что всѣ повеселѣли, развели огни, сварили себѣ горячую пищу и совершенно отогрѣлись. Уходя съ ночлега, всѣ очень жалѣли, что за слабостью немногихъ, оставшихся въ живыхъ верблюдовъ, нельзя было захватить этого топлива съ собою въ запасъ... И дѣйствительно, до Эмбенскаго укрѣпленія въ колоннѣ никто почти не разводилъ огня ни для варки пищи, ни для того даже, чтобы немного отогрѣть закоченѣвшіе члены и согрѣть хотя одинъ чайникъ воды... Исключенія были очень рѣдки: если кому-нибудь изъ штабныхъ или имѣю-

щихъ болѣе средствъ офицеровъ удавалось, съ помощію добычливыхъ уральцевъ, получить нѣсколько фунтовъ топлива, въ видѣ, напр., старой веревки, куска дерева или обломка доски и т. под., за все это платилось если не на вѣсъ золота, то почти на вѣсъ серебра.

Только въ одной джуламейкѣ молодыхъ топографовъ многіе замѣчали, что нѣсколько вечеровъ подрядъ горитъ тамъ соблазнительный огонекъ... Всѣ удивлялись, откуда это у топографовъ завелись большія деньги на покупку топлива, и охотно пользовались радушнымъ приглашеніемъ молодыхъ людей выпить у нихъ стаканъ чаю... Тайна эта осталась въ то время не раскрытою, и лишь спустя 51 годъ, одинъ сѣдой, какъ лунь, 75-тилѣтній старикъ, отставной подполковникъ Г. Н. Зеленинъ, добродушно улыбаясь, передавалъ мнѣ, что они жгли въ то время футляры и лубочные короба отъ имѣвшихся у нихъ различныхъ инструментовъ, астролбяій, мензулъ, цѣпей и пр., а самые инструменты преспокойно укладывали въ холщевые мѣшки, которые были надѣты сверхъ этихъ футляровъ и коробовъ, избавляя такимъ образомъ себя отъ замерзанія, а верблюдовъ отъ излишней ноши.

Отъ замерзанія или, по крайней мѣрѣ, отъ болѣзни, происходящей вслѣдствіе продолжительнаго озябанія тѣла, не спасали офицеровъ ни водка, ни спиртъ, ни ромъ, ни коньякъ; единственнымъ спасеніемъ былъ горячій чай. Пища у офицеровъ была немногимъ лучше, чѣмъ у солдатъ: запасы маркитанта Зайчикова были давно уже на исходѣ и продавались по баснословно дорогимъ цѣнамъ; никакихъ своихъ продовольственныхъ запасовъ у офицеровъ уже не было, и приходилось поэтому довольствоваться тѣми же сухарями, размоченными въ снѣговой водѣ... Оттого-то всѣ и старались добыть хоть немножко топлива, чтобы имѣть возможность вскипятить чайникъ съ водой и напиться чаю. „Это неоцѣненный напитокъ зимою“, говорится въ одномъ частномъ письмѣ о походѣ на Хиву; „по выпитіи двухъ

стакановъ, тотчасъ разливается необыкновенная теплота по всему тѣлу, человѣкъ дѣлается свѣжѣе и бодрѣе, а усталость совершенно пропадаетъ"... По словамъ боевыхъ, заслуженныхъ офицеровъ, проведшихъ всѣ свои 35 лѣтъ службы въ степи, чай даже лѣтомъ, въ самый страшный жаръ, въ 2 и 3 часа дня, производитъ необыкновенно цѣлебное дѣйствіе: сначала появляется сильный потъ, а потомъ, когда тѣло обсохнетъ немного, то становится чрезвычайно легко, утомленіе проходитъ и человѣкъ дѣлается крѣпкимъ и свѣжимъ.

9-го февраля колонну застигнулъ въ пути необыкновенно жестокій, степной буранъ... Въ этотъ день, когда отрядъ выступалъ съ ночлега, было прекрасное, тихое утро съ небольшимъ, всего 4^0, морозомъ; полагали, что днемъ, когда взойдетъ и начнетъ грѣть солнце, морозъ совсѣмъ исчезнетъ, или дойдетъ до нуля; а потому, кто изъ офицеровъ имѣлъ тулупы, снялъ ихъ и велѣлъ убрать на верблюдовъ, валенки съ ногъ тоже всѣ сняли, такъ какъ въ нихъ было очень тяжело идти по снѣгу. Но не прошло и двухъ часовъ, какъ начался вѣтеръ, перешедшій вскорѣ въ такой порывистый, что буквально сваливалъ пѣшихъ людей въ снѣгъ, а лошадямъ и верблюдамъ совсѣмъ мѣшалъ идти. Морозъ сталъ крѣпчать и дошелъ до 27^0; замела такая вьюга, что въ десяти шагахъ ничего не было видно, и въ степи, среди бѣлаго дня, стало вдругъ такъ темно, какъ въ сумерки; словомъ, начался страшный буранъ, случающійся только въ здѣшнихъ необъятныхъ степяхъ, такъ прекрасно и вѣрно описанный въ „Капитанской Дочкѣ" Пушкина...

Генералъ-адъютантъ Перовскій приказалъ остановить колонну, и всѣ, конечно, стали на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ захватила метель, такъ какъ идти, въ темнотѣ, было некуда. Верблюдовъ съ своими вьюками нашли въ этомъ адскомъ, степномъ хаосѣ, очень немногіе; джуламейки довелось раскинуть съ большими, самыми му-

чительными усиліями; объ огнѣ нечего, конечно, было и думать... Всю ночь свирѣпствовала эта разыгравшаяся снѣговая стихія; многіе готовились къ смерти. Вдругъ, на счастіе отряда, къ утру буранъ сталъ стихать... Но когда совсѣмъ разсвѣло, и надо было подняться съ ночлега, то прежде чѣмъ выступить въ походъ, довелось совершить печальный обрядъ нѣсколькихъ похоронъ разомъ... И лишь маленькіе снѣговые бугорки, образовавшіеся на мѣстѣ ночлега, могли повѣдать буйному вѣтру въ этой безлюдной степи о количествѣ жертвъ и о тѣхъ страданіяхъ, которыя выпали въ эту присно-памятную ночь на долю геройской горсти русскихъ воиновъ, безмолвно и безропотно полагавшихъ животъ свой въ борьбѣ со стихійными силами...

XII.

Возвращеніе на Эмбу. — Сагатемирскій лагерь. — Оффиціальныя и дѣйствительныя потери.—Двѣ новыя неудачи.—Желѣзная натура генерала Перовскаго.—Новая услуга султана Айчувакова.—Отъѣздъ генераловъ Перовскаго и Молоствова въ Оренбургъ.—Прибытіе въ Оренбургъ.—Поляки и татары и ихъ ожиданія.—Ходатайство о новой экспедиціи въ Хиву. — Отказъ изъ Петербурга. — Выступленіе отряда съ Эмбы.—Взрывъ укрѣпленія.

Между 14 и 17 февраля всѣ четыре отдѣленія колонны стали подходить къ Эмбенскому укрѣпленію пройдя, слѣдовательно, 170 верстъ отъ Чушка-Куля въ 12—14 дней. Для нихъ, по распоряженію Перовскаго, были уже заготовлены особыя лазаретныя мѣста въ нѣсколькихъ верстахъ за Эмбой, по р. Сага-Темиру: для здоровыхъ людей поставлены новыя киргизскія кибитки, а для больныхъ просторные камышевые балаганы; лишніе котлы передѣланы на печи, и пр.; нѣсколько десятковъ уцѣлѣвшихъ верблюдовъ были отогнаны въ камыши, росшіе по берегамъ Сага-Темира, для самопрокормленія. Изъ двухъ тысячъ этихъ несчастныхъ животныхъ, взятыхъ колонною изъ Чушка-Куля, пало, за время 12—14 дней, 1780 головъ, то-есть почти 90%...

Тотчасъ же по прибытіи въ Эмбу колонны, генералъ-адъютантъ Перовскій отправилъ второе оффиціальное донесеніе въ Петербургъ о неуспѣшномъ походѣ предпринятой экспедиціи въ Хиву.

На Эмбу генералъ-адъютантъ Перовскій прибылъ нѣсколькими днями ранѣе колонны, уѣхавъ впередъ

послѣ бурана 10 февраля. Онъ пріѣхалъ едва живой: открывшаяся еще въ Чушка-Кулѣ рана въ груди мучила его страшно; ему нуженъ былъ безусловный покой, а онъ, какъ извѣстно, ѣхалъ за отрядомъ, хотя и въ возкѣ, но въ тѣ же двадцати и тридцати-градусные морозы. Плохою и изрытою дорогою его страшно било и качало; онъ даже не имѣлъ, во время послѣднихъ дней на пути къ Эмбѣ, ни теплой пищи, ни горячаго чая.

По прибытіи на Эмбу, генералъ узналъ двѣ печальныя вѣсти. Первая состояла въ томъ, что десять парусныхъ судовъ, отправленныхъ въ октябрѣ 1839 года, изъ Астрахани на Ново-Александровскъ и далѣе съ различными запасами и продовольствіемъ для отряда, не могли, за противными вѣтрами, дойти до этого форта и вернулись обратно въ Астрахань. Слѣдовательно, на помощь съ этой стороны разсчитывать было нечего. Вторая печальная вѣсть, ожидавшая главноначальствующаго въ Эмбѣ, заключалась въ томъ, что нѣсколько сотъ свѣжихъ верблюдовъ, высланныхъ по его требованію изъ Оренбурга сюда, на Эмбу, были отхвачены въ степи кайсаками; сопровождавшій же этихъ верблюдовъ корнетъ Аитовъ былъ взятъ и переданъ (т. е. проданъ) тѣми же кайсаками въ Хиву, въ неволю.

Но все это — и рана, и болѣзнь, и эти двѣ горькія вѣсти — къ счастію, не одолѣли атлетической натуры генерала Перовскаго и его желѣзнаго здоровья, и по приходѣ въ Эмбу, десять дней спустя, онъ былъ настолько уже здоровъ, что сѣлъ на коня и отправился въ Сага-Темирскій лагерь посмотрѣть на остатки своихъ героевъ-солдатъ, изъ которыхъ, по его словамъ (сказаннымъ впослѣдствіи военному министру), „каждый заслужилъ по золотому Георгію“.

Въ началѣ марта, когда вернувшіеся изъ Чушка-Куля люди немного отдохнули, начались сборы и приготовленія къ обратному отступленію въ Оренбургъ. Но

чтобы подняться и двинуться въ путь съ честью, т. е. не бросая артиллеріи, нужны были верблюды. Ихъ-то и не было почти въ отрядѣ. Тѣ, которые, вслѣдствіе крайняго изнуренія, оставались въ Эмбенскомъ укрѣпленіи, и тѣ, что недавно пришли съ колонной, не оправились еще, по неимѣнію подножнаго корма; къ тому же, всѣхъ то ихъ осталось лишь около тысячи головъ отъ 10,450 штукъ, взятыхъ отрядомъ въ Оренбургѣ. Но тутъ на помощь отряду явился все тотъ же султанъ Айчуваковъ и, по просьбѣ генерала Перовскаго, доставилъ въ концѣ марта мѣсяца, 850 свѣжихъ и крѣпкихъ верблюдовъ, вполнѣ пригодныхъ для пути. Изъ этого числа четыреста штукъ были опредѣлены для Перовскаго, его конвоя и штаба, а также и для всѣхъ тѣхъ больныхъ и изнуренныхъ офицеровъ, которые, по нездоровью своему не могли оставаться долѣе въ Эмбенскомъ укрѣпленіи и нуждались въ серьезномъ и продолжительномъ лѣченіи. Весь остатокъ отряда, равно какъ и вся артиллерія, остались въ Эмбенскомъ укрѣпленіи до весны, или вообще до дальнѣйшихъ распоряженій изъ Оренбурга. Старшимъ въ оставшемся отрядѣ былъ назначенъ ген.-м. Толмачевъ, уже оправившійся отъ своей болѣзни; на Эмбѣ же были оставлены: ген.-л. Ціолковскій и полковники Бизяновъ, Кузьминскій, Геке и Мансуровъ. Отрядъ, оставленный въ укрѣпленіи, считался, по прежнему, состоящимъ изъ четырехъ колоннъ, и начальниками ихъ были назначены вышеназванные четыре полковника; генералъ же Толмачевъ былъ, такъ сказать, общимъ начальникомъ всего отряда, замѣнявшимъ отъѣзжающаго Перовскаго. Ціолковскому не было дано никакого назначенія.

1-го апрѣля 1840 года, генералъ-адъютантъ Перовскій, въ сопровожденіи совсѣмъ больного, лежавшаго въ возкѣ безъ движенія, генерала Молоствова, а также и всѣхъ больныхъ офицеровъ и юнкеровъ, выступилъ

изъ Эмбенскаго укрѣпленія. Половина 400 верблюдовъ была запряжена попарно и тройками въ кое-какъ сколоченныя сани и въ возки, гдѣ размѣщались больные офицеры, юнкера и нѣсколько десятковъ старыхъ, заслуженныхъ „кандидатовъ“; на остальныхъ двухстахъ верблюдахъ были вьюки главноначальствующаго, его штаба, докторовъ, фельдшеровъ и больныхъ. Двадцать человѣкъ, уцѣлѣвшихъ отъ дивизіона конно-регулярнаго полка, были посажены на козачьихъ лошадей и состояли въ родѣ конвоя при генералѣ Перовскомъ; въ этомъ оригинальномъ каравanѣ была лишь одна рота 2-го линейнаго баталіона—въ видѣ эскорта. Уѣзжая изъ укрѣпленія и прощаясь съ людьми, генералъ выразилъ надежду, что, быть можетъ, вскорѣ онъ вернется сюда съ новыми боевыми силами изъ Оренбурга—для новаго и болѣе удачнаго похода на Хиву; въ этихъ видахъ, какъ объяснилъ онъ людямъ, и остается пока въ укрѣпленіи вся артиллерія. Перовскій говорилъ это искренно: онъ надѣялся, что ему разрѣшатъ въ Петербургѣ двинуться еще разъ на Хиву.

Караванъ этотъ, сопровождаемый тѣмъ же услужливымъ султаномъ Айчуваковымъ, дошелъ въ 12 дней, вполнѣ благополучно, до нашей „линіи“ по Уралу и остановился въ ближайшей на дорогѣ крѣпостцѣ Ильинской (нынѣ простая станица), расположенной всего въ 110 верстахъ отъ Оренбурга. Здѣсь всѣ больные были помѣщены въ теплыя козачьи избы, которыхъ никто изъ отряда не видѣлъ болѣе 5-ти мѣсяцевъ, и оставлены подъ наблюденіемъ сопровождавшихъ ихъ врачей и фельдшеровъ. Самъ же генералъ Перовскій и весь его штабъ, равно какъ и генералъ Молоствовъ, выѣхали въ Оренбургъ на почтовыхъ лошадяхъ, уже на колесахъ, такъ какъ санный путь пропадалъ и снѣгъ лежалъ лишь въ степи да по оврагамъ. Для Перовскаго и Молоствова едва нашли въ станицѣ два дорожныхъ плетеныхъ тарантаса: въ одномъ помѣстился Молоствовъ съ

докторомъ, въ другомъ Перовскій съ штабсъ-капитаномъ Никифоровымъ. Въ ночь съ 13 на 14 апрѣля эти два тарантаса въѣхали въ Оренбургъ.

Оренбургъ встрѣтилъ генералъ-адъютанта Перовскаго еще менѣе привѣтливо, чѣмъ Парижъ, въ 1812 году, Наполеона I. Люди—„жрецы минутнаго, поклонники успѣха“ — рѣшили уже, что карьера Перовскаго погублена навсегда, что дни его сочтены... что слѣдуетъ ожидать, со дня на день, отозванія его изъ Оренбурга... Съ особеннымъ, совсѣмъ уже не скрываемымъ злорадствомъ относились къ нему проживавшіе въ Оренбургѣ, въ довольно изрядномъ количествѣ, поляки, а за ними и татары; первые враждовали противъ генерала изъ-за его походныхъ отношеній къ Ціолковскому, о чемъ, конечно, давно уже знали въ Оренбургѣ изъ писемъ поляковъ, бывшихъ въ отрядѣ; татары же, надо полагать, радовались собственно тому обстоятельству, что единовѣрная имъ Хива осталась во всей своей неприкосновенности, и гордыня ея не была и на этотъ разъ сломлена.

На другой же день по возвращеніи Перовскаго въ Оренбургъ, отправлено было къ военному министру и на имя Государя третье донесеніе о результатахъ „военнаго предпріятія въ Хиву“. Вмѣстѣ съ донесеніемъ, генералъ-адъютантъ Перовскій испрашивалъ Высочайшаго соизволенія на новую экспедицію противу Хивы, которую предполагалъ начать съ конца мая мѣсяца. Отвѣтъ не замедлилъ себя ждать *): военный министръ гр. Чернышовъ сообщалъ Оренбургскому военному губернатору, что осуществленіе новаго похода въ Хиву не представляется возможнымъ и даже настоятельно необходимымъ... Такой отвѣтъ глубоко огорчилъ Перовскаго, тѣмъ болѣе,

*) Обыкновенная почта ходила изъ Оренбурга въ Петербургъ въ то время, три недѣли; пакеты же, отправляемые съ фельдъ-егерями и курьерами, шли восемь дней.

что онъ сопровождался письмомъ конфиденціальнаго характера, писаннымъ какъ бы по порученію того же гр. Чернышова къ Перовскому однимъ изъ лицъ, близко въ то время стоявшихъ къ военному министру (Позеномъ). Въ письмѣ этомъ заключалась, между прочимъ, слѣдующая фраза, сказанная будто бы княземъ Меньшиковымъ въ отвѣтъ одному высокопоставленному лицу, на его вопросъ: слѣдуетъ ли предпринять новый походъ въ Хиву? Князь отвѣчалъ: — Для нынѣшняго царствованія довольно и одного такого неудачнаго похода *)...

Получивъ отвѣтъ военнаго министра, Перовскій немедленно отправилъ приказаніе въ Эмбенское укрѣпленіе оставленному тамъ отряду прибыть въ Оренбургъ, взорвавъ на воздухъ стѣны и всѣ постройки въ укрѣпленіи. Вслѣдствіе этого распоряженія, генералъ-лейтенантъ Толмачевъ выступилъ изъ Эмбы, всѣмъ отрядомъ, 18 мая, взявъ съ собою всю артиллерію и взорвавъ на воздухъ самое укрѣпленіе. Трескъ взлетѣвшихъ на воздухъ стѣнъ былъ послѣднимъ салютомъ немногимъ русскимъ воинамъ, уцѣлѣвшимъ въ этомъ роковомъ, многострадальномъ походѣ, и теперь столь безславно отступавшимъ предъ невидимымъ непріятелемъ, который не осмѣлился даже и подойти близко къ этому геройскому, маленькому отряду...

---

*) Князь Меньшиковъ имѣлъ причины недолюбливать В. А. Перовскаго, вспоминая его службу въ морскомъ вѣдомствѣ, когда этотъ честнѣйшій человѣкъ возставалъ противу непроизводительныхъ и громадныхъ затратъ, дѣлаемыхъ въ этомъ министерствѣ.

XIII.

Что погубило экспедицію?—Во что обошлась она русской казнѣ?—Результаты этой экспедиціи. — Возвращеніе нашихъ плѣнныхъ. — Обѣдъ, данный имъ въ Оренбургѣ.—Посолъ хивинскаго хана Атаніасъ-Хаджи.—Освобожденіе задержанныхъ хивинцевъ.—Договоръ о свободной торговлѣ съ Хивою.

Что же погубило эту экспедицію, такъ во время задуманную и даже, для интересовъ и чести Россіи, столь необходимую? Этотъ тяжелый вопросъ напрашивается, въ концѣ концовъ, самъ собою... И теперь, когда со времени этой несчастной экспедиціи прошло болѣе полувѣка, мы, кажется, не только можемъ, но и должны, и обязаны отвѣчать на этотъ вопросъ прямо, не боясь высказать истину.

Первымъ погубителемъ этой экспедиціи былъ, несомнѣнно, генеральнаго штаба полковникъ Ѳ. фонъ-Бергъ, который далъ „совѣтъ лукавый“ относительно пути на Хиву и даже намѣтилъ два пункта для укрѣпленій; но на указанномъ пути изъ Оренбурга до Эмбы оказались такіе глубокіе овраги, чрезъ которые, по нанесенному снѣгу, довелось устраивать понтонные мосты, и только такимъ образомъ переправлять черезъ эти овраги артиллерію. Изъ двухъ укрѣпленій не годилось, какъ мы говорили уже, ни одно: въ Чушка-Кулѣ вода оказалась настолько пагубною для здоровья людей, что первое время люди подозрѣвали, не отравлена ли она хивинцами?.. А на второмъ пути отъ Эмбы къ Акъ-Булаку

(или Чушка-Кулю) встрѣтились двѣ высокія горы, которыхъ не знали даже названія и о самомъ существованіи коихъ не подозрѣвали, и лишь киргизы султана Айчувакова объяснили господамъ „ученымъ“ отряда, вооруженнымъ топографическою картою фонъ-Берга, что въ первой горѣ масса мѣди, а потому она и называется *Бакыръ*, а вторая гора названа по имени убитаго на ней батыря *Али*...

Второю причиною неудачи экспедиціи, и самою главною, была необычайно суровая зима съ сильными морозами, частыми буранами и глубокимъ снѣгомъ, какихъ не могли запомнить самые древніе старики-киргизы. Являлась, конечно, полная возможность избѣжать и этихъ морозовъ, и всей этой необыкновенной зимы съ ея глубокимъ снѣгомъ; но для этого надо было выступить изъ Оренбурга только мѣсяцемъ раньше, какъ, напр., выступила авангардная колонна подполковника Данилевскаго, дошедшая до Эмбы, какъ мы знаемъ, „вполнѣ благополучно“. Такъ-же „благополучно“ колонна эта могла бы дойти и до Хивы, если бы ей не надо было сидѣть на Эмбѣ и ожидать прибытія экспедиціоннаго отряда. Но дѣло въ томъ, что авангардъ *могъ* выйти изъ Оренбурга въ половинѣ октября, а колонна *не могла*: ея сборы не были вполнѣ окончены даже и въ половинѣ ноября, когда она выступала. Такія экспедиціи подготовляются, по мнѣнію знатоковъ военнаго дѣла, годами, а не мѣсяцами.

Во главѣ экспедиціи поставленъ былъ, какъ мы видимъ, человѣкъ даровитый, закаленный въ бояхъ, образованный и очень любимый солдатами и офицерами. Но человѣкъ этотъ имѣлъ въ Петербургѣ такую массу враговъ (главнымъ образомъ, за свою безукоризненную, чисто-рыцарскую честность, выказанную имъ во все время службы, а главное, въ бытность его директоромъ канцеляріи начальника морского штаба), что ему „бросали палки въ колеса“ всякій разъ, какъ только пред-

ставлялся къ тому случай. В. А. Перовскій презиралъ своихъ враговъ и не боялся ихъ, но постоянно отъ нихъ терпѣлъ и мучился. А тутъ возстали противу него не только враги, но и стихіи: суровая зима, бураны, „противные вѣтры“, отогнавшіе шедшую къ нему на помощь флотилію обратно къ Астрахани... Даже такіе робкіе номады, какъ кайсаки, и тѣ осмѣлились, на этотъ разъ, сдѣлать разбойничье нападеніе на маленькій отрядъ, сопровождавшій пересылаемыхъ на Эмбу, къ отряду, верблюдовъ, забрали этихъ верблюдовъ, а также и офицера съ нѣсколькими человѣками, сопровождавшими транспортъ, и все это, въ качествѣ военныхъ трофеевъ, препроводили въ Хиву.

Хивинская экспедиція обошлась, сравнительно, очень немного, если не считать погибнувшихъ солдать и офицеровъ: изъ ассигнованныхъ на „военное предпріятіе противу Хивы“ 1.698,000 рублей и 12 тысячъ червонныхъ (золотомъ), бережливый генералъ издержалъ лишь немного болѣе полумилліона рублей; да башкирское войско, если перевести на деньги все, что оно доставило, истратило „болѣе милліона“ рублей. Это „войско“, какъ извѣстно, не платило въ то время никакихъ податей и не отбывало ни воинской, никакой иной повинности; а потому, привлекая его къ участію въ расходахъ на хивинскую экспедицію, Перовскій поступалъ вполнѣ справедливо.

Но если бы даже на эту экспедицію истрачено было не полмилліона только русскихъ денегъ, но всѣ ассигнованные два и даже дважды-два милліона, то и тогда не слѣдовало бы объ этомъ много печаловаться. Если Англія пожертвовала болѣе 44 милліоновъ металлическихъ рублей на абиссинскую войну 1867—68 гг., для освобожденія нѣсколькихъ десятковъ своихъ подданныхъ, захваченныхъ абиссинцами, то нашему государ-

ству слѣдовало принести неменьшую жертву, памятуя о томъ, что въ неволѣ у хивинцевъ томятся не десятки русскихъ людей, а многія сотни. По счастію, почти всѣ наши плѣнники были освобождены хивинцами, въ томъ же 1840 году; и съ этой стороны неудачный походъ въ Хиву генерала Перовскаго далъ, совершенно неожиданно, желаемые результаты. Случилось это такъ: Едва только проживавшіе въ Гератѣ англичане узнали изъ достовѣрныхъ источниковъ, что экспедиціонный отрядъ назначался не для изслѣдованія Аральскаго моря, а прямо для похода въ Хиву, они отправились сами въ Хиву и сумѣли склонить хана Алла-Кула на согласіе немедленно освободить русскихъ плѣнниковъ и установить съ нами правильныя торговыя сношенія, т. е. воспретить ограбленіе русскихъ купеческихъ каравановъ. Существуетъ извѣстіе, которое, по желанію англичанъ, держалось въ началѣ въ большомъ секретѣ, что за всѣхъ русскихъ плѣнныхъ англичане уплатили жадному Алла-Кулу своимъ собственнымъ золотомъ и даже приняли на себя всѣ путевыя издержки на обратное возвращеніе плѣнныхъ въ Оренбургъ: такъ велико было ихъ опасеніе новаго похода русскихъ войскъ на Хиву, въ успѣхѣ коего могъ сомнѣваться лишь тупой и высокомѣрный правитель Хивы, гордый безводными и песчаными пустынями, окружавшими его ничтожное и безсильное государство.

И вотъ, 14-го августа 1840 года, прибылъ въ Оренбургъ корнетъ Аитовъ съ двумя русскими бывшими плѣнниками Хивы, взятыми имъ въ путь въ видѣ прислуги; а спустя нѣсколько дней, пришли въ Оренбургъ же 416 человѣкъ обоего пола русскихъ плѣнныхъ, томившихся долгіе годы въ Хивѣ, въ неволѣ. Ихъ сопровождалъ посланецъ хана Атаніасъ-Хаджи. При выступленіи ихъ изъ Хивы, каждому плѣннику дали на дорогу по золотому (4 рубля), по мѣшку муки и на каждыхъ двухъ человѣкъ по одному верблюду. Эти

несчастные встрѣчены были въ Оренбургѣ очень торжественно и радушно: въ ихъ присутствіи былъ отслуженъ въ соборѣ благодарственный молебенъ и затѣмъ устроенъ былъ для нихъ обѣдъ на открытомъ воздухѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ выстроенъ нынѣ театръ. Посмотрѣть на освобожденныхъ собралось полгорода, и въ это время разыгрывались тяжелыя и полныя глубокаго трагизма сцены: въ сѣдомъ, согбенномъ старикѣ иная женщина едва узнавала своего красавца-мужа, уведеннаго въ Хиву болѣе 25-ти лѣтъ назадъ; во взрослomъ парнѣ, „уже потурчившемся“, старуха-мать узнавала, по имени или по какимъ-нибудь особымъ, внѣшнимъ примѣтамъ, своего дорогого сына, схваченнаго киргизами десятилѣтнимъ мальчикомъ и проданнаго въ Хиву...

Плѣнные разсказали тогда участникамъ бывшей экспедиціи въ Хиву всѣ подробности о снаряженіи двухъ-тысячнаго коннаго отряда туркменовъ-іомудовъ, о гибели этого отряда и о той „побѣдѣ“, которая праздновалась хивинцами, когда они узнали, что русскій отрядъ покинулъ Чушка-Кульское укрѣпленіе и отступилъ на Эмбу.

Тѣ же плѣнные явились неумолимыми обвинителями и правдивыми свидѣтелями противу купца Зайчикова, бывшаго, такъ сказать, тайнымъ коммиссіонеромъ по поставкѣ въ Хиву русскихъ невольниковъ. Они разсказывали, затѣмъ, что ихъ, по доставкѣ въ Хиву, всячески склоняли принять мусульманство, и въ случаѣ успѣха, женили на хивинкахъ. Съ дѣвушками поступали гораздо проще: ихъ прямо разбирали по гаремамъ. Если же замѣчали у плѣнника намѣреніе бѣжать, то дѣлали ему, немного повыше пятки, разрѣзъ, насыпали туда мелко нарѣзаннаго конскаго волоса и долго, искусственнымъ образомъ, растравляли рану, чтобы плѣннику нельзя было скоро ходить. Если же кто-нибудь изъ плѣнныхъ убѣгалъ изъ Хивы и его ловили, то сажали,

въ страхъ другимъ, на колъ, и несчастный умиралъ въ жесточайшихъ мученіяхъ. Спастись отъ казни, въ случаѣ поимки, былъ лишь одинъ исходъ—принять исламъ и жениться на хивинкѣ, что нѣкоторые и дѣлали. Возвращенные плѣнные объяснили при этомъ, что всѣхъ русскихъ людей жило въ Хивѣ въ неволѣ болѣе тысячи человѣкъ, преимущественно забранныхъ туркменами съ рыбныхъ промысловъ на Каспійскомъ морѣ и поставленныхъ Зайчиковымъ; но что во время бывшей въ Хивѣ холеры, въ 1829 году, умерло ихъ болѣе половины; что и теперь еще осталось въ Хивѣ нѣсколько десятковъ плѣнныхъ русскихъ—частію по доброй волѣ, особенно женщины, не пожелавшія бросить въ Хивѣ прижитыхъ ими дѣтей, а то и по неволѣ, оставленные самимъ ханомъ, особенно любимые имъ личные его слуги, которые умоляли возвращавшихся плѣнниковъ похлопотать за нихъ у оренбургскаго начальства, дабы оно настояло и на ихъ возвращеніи. Вслѣдствіе этого, посланному хана, Атаніасу-Хаджи, было объявлено, что онъ и задержанные ранѣе хивинцы будутъ лишь тогда освобождены, когда ханъ возвратитъ всѣхъ остальныхъ русскихъ плѣнниковъ, насильно удержанныхъ имъ въ Хивѣ. Надо замѣтить, что въ Оренбургѣ содержалось подъ карауломъ тоже болѣе сотни хивинцевъ: ихъ забирали въ то время когда они являлись на мѣновой дворъ, по торговымъ дѣламъ. Мѣра эта подѣйствовала какъ нельзя лучше: въ концѣ того же 1840 года и въ январѣ 1841 прибыли въ Оренбургъ изъ Хивы и всѣ остальные наши плѣнные; тамъ остались лишь три бѣглыхъ солдата, нѣсколько десятковъ потурчившихся женщинъ и около сотни калмыковъ, которые сами не пожелали вернуться на родину, такъ какъ, будучи магометанами, поженились на туркменкахъ и хивинкахъ и обзавелись семьями и своимъ хозяйствомъ.

Тотчасъ же по прибытіи нашихъ послѣднихъ плѣн-

ныхъ, были отправлены въ Хиву всѣ забранные нами ранѣе подданные хана Алла-Кула, надѣленные на дорогу болѣе щедро, чѣмъ надѣлены были наши. При отъѣздѣ изъ Оренбурга Атаніаса-Хаджи, съ нимъ былъ заключенъ обстоятельный торговый договоръ о безпрепятственномъ проходѣ въ Хиву и обратно русскихъ купеческихъ каравановъ и посланецъ хана далъ обѣщаніе, отъ имени своего правителя, воспретить отнынѣ туркменамъ-іомудамъ и хивинскимъ киргизамъ грабить въ степи наши караваны *).

Такимъ образомъ, экспедиція, предпринимавшаяся въ Хиву, дала всѣ тѣ результаты, которые отъ нея желались и ожидались, т. е. возвращеніе плѣнныхъ и свободу торговли. Вслѣдствіе такихъ мирныхъ и покорныхъ дѣйствій хивинскаго хана, были отмѣнены въ томъ же 1840 году, по высочайшему повелѣнію, всѣ сдѣланные генераломъ Перовскимъ предъ отъѣздомъ его въ Петербургъ распоряженія о новомъ походѣ въ Хиву. Приказъ о томъ былъ очень громкій, и воспослѣдовалъ онъ, главнымъ образомъ, по настоянію канцлера Нессельроде, очень желавшаго успокоить англичанъ и какъ бы извиниться предъ ними, что безъ ихъ позволенія мы рѣшились - было двинуться на Востокъ...

Слѣдуетъ упомянуть также и о главномъ результатѣ, который дала русскимъ военнымъ людямъ неудачная экспедиція генерала Перовскаго въ Хиву: она научила — *какъ снаряжать походы въ Среднюю Азію.* Горькимъ уро-

*) Къ сожалѣнію, договоръ этотъ не былъ даже оформленъ хивинцами, такъ какъ ханъ отказался, въ первое посольство наше въ Хиву, въ 1841 году, подписать его. Впослѣдствіи, въ 1842 году, новому нашему посольству, благодаря перемѣнѣ правителя въ Хивѣ, удалось-таки добиться подписанія торговаго договора, который, впрочемъ, выполнялся хивинцами недолго.

комъ 1839 г. воспользовался покойный К. П. Кауфманъ, не только въ системѣ и порядкѣ снаряженія самой экспедиціи и въ пути слѣдованія ея черезъ степь, но даже и во времени года: вмѣсто поздней осени, онъ двинулся въ Хиву раннею весною.

XIV.

Извѣстіе о поѣздкѣ Государя за границу.—Отъѣздъ генерала Перовскаго въ Петербургъ.—Сухой пріемъ у военнаго министра.—Томительныя ожиданія аудіенціи у Государя.—Приглашеніе прибыть въ Михайловскій манежъ.—Сцена съ гр. Чернышовымъ.—Свиданіе съ Государемъ.—Переѣздъ въ Петергофскій дворецъ.—Представленія къ наградамъ.—Новые помыслы о Хивинскомъ походѣ.—Отъѣздъ генерала Перовскаго за границу.

Когда генералъ-адъютантъ Перовскій вернулся въ Оренбургъ, то вскорѣ изъ получаемыхъ имъ петербургскихъ писемъ онъ убѣдился окончательно, что о новомъ походѣ въ Хиву нечего было и думать; что, напротивъ, слѣдуетъ ѣхать въ Петербургъ, въ качествѣ обвиняемаго, и оправдываться. Объ этомъ, между прочимъ, писалъ ему неизмѣнно къ нему расположенный министръ двора, графъ В. Ѳ. Адлербергъ. Но ѣхать тотчасъ же въ Петербургъ было немыслимо: Перовскій нуждался хотя въ небольшомъ отдыхѣ, а его открывшаяся рана—въ лѣченіи; къ тому же, наступила въ апрѣлѣ самая распутица.

Въ концѣ апрѣля, Перовскій получилъ конфиденціальное письмо отъ московскаго почтъ-директора Булгакова *), извѣщавшее его, что Государь собирается ѣхать въ Варшаву, а оттуда въ Эмсъ. Это извѣстіе было крайне непріятно для Перовскаго, который, будучи безъ вины виноватымъ, желалъ, конечно, оправдаться какъ можно скорѣе; а для этого ему необходимо было личное свиданіе съ Государемъ, который (онъ зналъ и былъ увѣренъ) терпѣливо выслушаетъ его и не обвинитъ.

*) А. Я. Булгаковъ былъ, какъ называли его, „всеобщій одолжитель“: онъ зналъ все и всѣхъ; для аристократическаго кружка Москвы онъ замѣнялъ нынѣшнія газеты и телефонныя агентства. Этимъ и объясняются обстоятельныя сообщенія о походѣ въ Хиву, дѣлаемыя нарочито Перовскимъ въ его письмахъ къ московскому почтъ-директору.

Въ половинѣ мая генералъ Перовскій выѣхалъ, наконецъ, въ Петербургъ. Онъ ѣхалъ безостановочно и пробылъ лишь одинъ день въ Москвѣ; тѣмъ не менѣе, онъ прибылъ въ Петербургъ лишь 3-го іюня. За два дня передъ тѣмъ возвратился изъ-за границы Государь, но графъ Адлербергъ, на содѣйствіе котораго и дружбу такъ разсчитывалъ Перовскій, не вернулся вмѣстѣ съ Государемъ, а остался на нѣкоторое время въ Эмсѣ, при больной императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, лѣчившейся тамъ. Такимъ образомъ, Перовскій лишенъ былъ возможности предстательства предъ Государемъ и испрошенія у него аудіенціи.

На другой же день своего пріѣзда въ Петербургъ, генералъ-адъютантъ Перовскій, въ силу обычной воинской дисциплины и установленнаго порядка, отправился представиться военному министру гр. Чернышову, своему завѣдомому недоброжелателю и тайному врагу. Гр. Чернышовъ принялъ его очень сухо, въ общей пріемной, ни о чемъ не спрашивалъ и на заявленіе Перовскаго, что онъ, по званію генералъ-адъютанта и по должности командира отдѣльнаго корпуса, желалъ бы представиться Государю, небрежно отвѣчалъ:

— Я извѣщу, когда Государю благоугодно будетъ васъ видѣть.

Въ той же пріемной военнаго министра В. А. Перовскій могъ лишній разъ убѣдиться въ людскомъ ничтожествѣ, навыкшемъ поклоняться лишь успѣху: нѣсколько человѣкъ изъ числа представлявшихся и одинъ директоръ канцеляріи министра, бывшіе давними знакомыми генерала Перовскаго, постарались его не узнать и отвернулись отъ него.

Генералъ Перовскій вернулся отъ военнаго министра мрачный и почти больной, и для него настали самые горькіе и тяжелые въ его славной и честной жизни дни: прошла недѣля, другая, третья—отъ военнаго министра нѣтъ извѣстія о днѣ представленія Государю...

Графъ В. Ѳ. Адлербергъ былъ все еще за границей... Въ это время никто, кромѣ близкихъ родныхъ, даже не посѣщалъ опальнаго губернатора: всѣ сторонились отъ него, какъ отъ зачумленнаго. Постояннымъ собесѣдникомъ его былъ одинъ штабсъ-капитанъ Никифоровъ, пріѣхавшій въ Петербургъ вмѣстѣ съ генераломъ; да еще заходили изрѣдка люди изъ кружка Жуковскаго и Плетнева, да пріятели и друзья В. И. Даля, который лежалъ въ это время больной въ Оренбургѣ... Лѣто въ Петербургѣ стояло удушливое и пыльное, и переносить его было для генерала Перовскаго особенно тяжело; переѣхать же куда-нибудь на дачу, за городъ, генералъ не рѣшался—въ ежечасномъ ожиданіи приглашенія къ Государю, который, возвратясь изъ-за границы, жилъ то въ Царскомъ Селѣ, то въ Петергофѣ, и наѣзжалъ въ душный Петербургъ изрѣдка, не болѣе какъ на нѣсколько часовъ. Наконецъ, въ концѣ 4-й недѣли томительнаго ожиданія, генералъ-адъютантъ Перовскій получилъ отъ военнаго министра „приглашеніе“ пожаловать на другой день въ Михайловскій манежъ, гдѣ имѣлъ быть разводъ въ присутствіи Государя, которому онъ и можетъ-де представиться.

На другой день, въ девять часовъ утра, генералъ В. А. Перовскій, одѣвшись въ полную парадную форму, былъ въ Михайловскомъ манежѣ. Оказалось, что все уже было готово, и лишь ожидали, съ минуты на минуту, прибытія Государя и великаго князя Михаила Павловича; военный министръ графъ Чернышовъ былъ тутъ-же. Войдя въ манежъ и увидя, что въ сторонѣ войскъ, недалеко отъ праваго фланга, стоитъ небольшая группа генераловъ, съ членами и атташе какого-то посольства, В. А. Перовскій, обойдя ихъ, сталъ совсѣмъ отдѣльно, неподалеку отъ этой группы. Военный министръ, раздосадованный уже тѣмъ обстоятельствомъ, что ген.-адъютантъ Перовскій не подошелъ къ нему и окружавшей его свитѣ, послалъ тотчасъ же своего

адъютанта съ порученіемъ—предложить присоединиться къ общей группѣ генераловъ, имѣющихъ представиться въ этотъ день Государю.

Генералъ молча выслушалъ адъютанта и стоялъ на одномъ мѣстѣ „какъ окаменѣлый“ (по словамъ имѣющагося у насъ письма); затѣмъ медленно началъ ходить взадъ и впередъ.

Прошло нѣсколько минутъ. Группа генераловъ и члены посольства съ недоумѣніемъ поглядывали на представительную фигуру молодого генерала, одѣтаго въ красивый мундиръ атамана казачьихъ войскъ съ генералъ-адъютантскими вензелями и аксельбантами, въ высокомъ, мерлушчатомъ киверѣ съ длиннымъ султаномъ и этишкетами, съ грудью, покрытою звѣздами и орденами—русскими и иностранными, съ массою разныхъ медалей, между которыми первое мѣсто занимала почетная медаль за войну 1812 г.,—а этотъ генералъ, опустивъ, по привычкѣ, на грудь свою красивую курчавую голову, медленно прохаживался взадъ и впередъ на маленькомъ, намѣченномъ имъ пространствѣ манежа, усыпаннаго пескомъ.

Въ свитѣ графа Чернышова, когда вернулся адъютантъ, произошло нѣкоторое недоумѣніе и даже волненіе; затѣмъ, военный министръ послалъ второго адъютанта съ слѣдующимъ приказаніемъ:

— Передайте ген.-адъютанту Перовскому, что военный министръ покорнѣйше проситъ его не нарушать обычнаго порядка и присоединиться къ общей группѣ лицъ, желающихъ представиться сегодня Государю Императору.

Адъютантъ передалъ это распоряженіе; но генералъ Перовскій выслушалъ его такъ же молча и даже не пріостановился въ своемъ медленномъ хожденіи взадъ и впередъ по песку манежа. Посланецъ, сильно озадаченный и сконфуженный, подъѣхалъ къ военному министру и доложилъ ему о своей неудачѣ...

Спустя нѣсколько минутъ, все зашевелилось и подтянулось: въ дверяхъ манежа показался Императоръ, сопутствуемый великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Государь подошелъ къ фронту, принялъ рапортъ военнаго министра и поздоровался съ людьми... Въ это время взглядъ его повернулся въ бокъ: онъ увидѣлъ, что въ сторонѣ отъ всѣхъ стоитъ монументальная фигура генерала, съ поднятою „подъ козырекъ“ правою рукою...

Государь нахмурился: очевидно, нарушался „обычный порядокъ“...

— Кто это такой?—спросилъ онъ недовольнымъ голосомъ у военнаго министра.

— Это генералъ-лейтенантъ Перовскій, ваше величество.

— Перовскій?! — радостно воскликнулъ Государь и быстро направился къ одиноко стоявшему генералу...

— Здравствуй, Перовскій, здравствуй! — торопливо заговорилъ Николай Павловичъ, и крѣпко поцѣловалъ Перовскаго.—Какъ я радъ, что вижу тебя!.. Давно-ли ты пріѣхалъ?

— Почти уже мѣсяцъ, какъ я въ Петербургѣ.

— Почему же ты не явился до сихъ поръ ко мнѣ?! —удивленно спросилъ Императоръ.

— Такъ угодно было господину военному министру,— отвѣчалъ Перовскій.

Лицо Государя омрачилось... Онъ взялъ подъ руку Перовскаго и, обращаясь къ великому князю, проговорилъ:—Замѣни, братъ, меня на сегодня,—и, совершенно не замѣчая графа Чернышова и его растерянаго, поблѣднѣвшаго лица, вышелъ изъ манежа, попрежнему подъ руку съ Перовскимъ, посадилъ его съ собою въ коляску и повезъ во дворецъ... Въ тотъ же день вечеромъ, Перовскій, по приглашенію Государя, переѣхалъ на жительство въ Петергофъ, гдѣ былъ въ это время дворъ, и ему были отведены во дворцѣ особые покои.

Такимъ образомъ вознагражденъ былъ этотъ мужественный, гордый и даровитый человѣкъ за всѣ свои страданія и муки и за всѣ приниженія, терпѣливо имъ вынесенныя. Въ лицѣ русскаго царя нашелся единственный справедливый и милостивый судія дѣлъ и несчастій главнаго начальника экспедиціоннаго отряда, погибшаго въ неудачномъ походѣ въ Хиву *).

Болѣе двухъ дней Императоръ Николай Павловичъ не отпускалъ отъ себя генерала Перовскаго ни на шагъ какъ говорится: онъ внимательно разспрашивалъ и выслушивалъ все, что касалось несчастнаго похода и его бѣдствій. Государь, по разсказамъ самого Перовскаго былъ особенно сильно пораженъ и тронутъ до слезъ, когда бывшій главный начальникъ отряда сталъ передавать ему подробно о страшной ночи на 10-е февраля, когда во время бурана всѣ въ отрядѣ готовились къ смерти, и не стихни этотъ буранъ на другой день, на Эмбу не вернулся бы изъ „отдѣльной колонны“ ни одинъ человѣкъ...

Государь самъ потребовалъ отъ Перовскаго, чтобы онъ немедленно сдѣлалъ общее представленіе къ наградамъ; при этомъ приказалъ ему представить буквально всѣхъ офицеровъ и генераловъ „и чтобъ солдаты не были забыты“... Черезъ нѣсколько дней, представленіе это было сдѣлано и тотчасъ же утверждено Государемъ, поручившимъ Перовскому „лично передать его графу Чернышову для исполненія“.

Боже мой, какъ согнулись тогда передъ Перовскимъ всѣ тѣ, которые такъ недавно отъ него отворачивались и старались даже совсѣмъ не узнавать его!.. А онъ, до-

*) Въ Англіи военные авторитеты того времени отдавали, тоже, должную дань героизму Перовскаго въ его несчастномъ походѣ. Съ особеннымъ уваженіемъ относился къ нему знаменитый Веллингтонъ, восхищавшійся именно мужествомъ и самоотверженіемъ Перовскаго, какъ военноначальника.

вольный и счастливый, словно помолодѣвшій на нѣсколько лѣтъ, скромно ходилъ по аллеямъ Петергофскаго парка, опустивъ на грудь свою курчавую голову и обдумывая новый походъ въ Хиву, настоятельную необходимость и неизбѣжность котораго онъ сознавалъ теперь болѣе, чѣмъ прежде. Но всѣ его попытки въ этомъ направленіи были графами Нессельроде и Чернышовымъ отклонены. Въ началѣ августа, у Перовскаго вновь открылась дурно залѣченная старая рана въ груди, и Государь убѣдилъ его уѣхать лѣчиться за границу, пожаловавъ на эту поѣздку 20 тысячъ рублей (асс.).

XV.

Всеобщія награды.—Увольненіе отъ службы и смерть генерала Ціолковскаго.—Миссія капитана Никифорова въ Хиву и его смерть.—Трагическая кончина генерала Данилевскаго.—Генералы Молоствовъ и Геке.—Подполковникъ Г. Н. Зеленинъ.—Назначеніе въ Оренбургъ генерала Обручева.—Вторичная служба генерала Перовскаго въ Оренбургскомъ краѣ.—Коканскій походъ и взятіе крѣпости Акъ-Мечети.—Возведеніе въ графское достоинство.—Смерть графа В. А. Перовскаго.

Вѣсти изъ Петербурга о ласковомъ и милостивомъ пріемѣ, оказанномъ генералу Перовскому Государемъ, дошли до Оренбурга вмѣстѣ съ высочайшими приказами о пожалованныхъ за походъ наградахъ: эти вѣсти привезъ штабсъ-капитанъ Никифоровъ, явившійся въ Оренбургъ уже въ чинѣ капитана и съ пожалованнымъ ему орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Эти вѣсти, равно какъ и пожалованныя награды, сильно порадовали и оживили совсѣмъ было пріунывшихъ участниковъ похода, оставшихся еще въ живыхъ. Всѣ получили или ордена, или слѣдующіе чины и по годовому не въ зачетъ окладу жалованья; всѣмъ нижнимъ чинамъ были даны также денежныя награды, а юнкера и унтеръ-офицеры топографы были произведены въ пра-

порщики; даже генералъ-маіоръ Ціолковскій получилъ Анненскую звѣзду, хотя, спустя всего недѣлю послѣ этой награды, въ Оренбургѣ полученъ былъ высочайшій приказъ, коимъ Ціолковскій увольнялся отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ. Эта отставка, состоявшаяся безъ желанія и прошенія жестокосердаго поляка, сильно оскорбила его самолюбіе: онъ въ слѣдующую же ночь выѣхалъ въ свое имѣніе, отстоящее 80 съ чѣмъ-то верстъ отъ Оренбурга. Тамъ онъ вновь принялся-было за прежнее, истязуя уже не солдатъ, а своихъ крѣпостныхъ людей; но они ие въ силахъ были перенести звѣрскія жестокости этого злого человѣка, и спустя всего три недѣли по отъѣздѣ Ціолковскаго изъ Оренбурга, въ этотъ городъ пришло извѣстіе, что генералъ убитъ своими крѣпостными. Случилось это такъ.

Тотъ самый поваръ, котораго Ціолковскій наказывалъ во время экспедиціи чуть не ежедневно, рѣшился избавить крѣпостную дворню отъ злого барина, ставшаго еще болѣе злымъ по пріѣздѣ въ деревню, вслѣдствіе своей невольной отставки. Для приведенія своего намѣренія въ исполненіе, поваръ выбралъ темный и теплый августовскій вечеръ. Въ домѣ были отворены всѣ окна. Ціолковскій сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и читалъ книгу, облокотившись на ладонь правой руки, пуля попала ему прямо въ високъ, такъ что онъ не пошевельнулся и даже не перемѣнилъ позы — какъ сидѣлъ, прислонившись къ письменному столу, такъ и остался. Поваръ, взглянувъ послѣ выстрѣла въ окно и увидя, что баринъ не упалъ, вообразилъ, что промахнулся и бросился бѣжать; неподалеку отъ дома была картофельная яма, въ которой онъ и спрятался; тамъ онъ просидѣлъ до утра, пока мимо ямы шли на работу крестьяне и громко говорили о смерти барина. Услышавъ слово „смерть“, поваръ догадался, что онъ не далъ промаха, вышелъ изъ ямы, прямо прошелъ въ домъ,

гдѣ былъ уже становой приставъ, объявилъ ему о своей винѣ и спокойно отдался въ руки правосудія. Таковъ, значитъ, былъ страхъ передъ генераломъ Ціолковскимъ, что предстоящее повару наказаніе чрезъ палача, на эшафотѣ, было ничто въ сравненіи съ тѣми истязаніями, которымъ могъ подвергнуть виновнаго самъ Ціолковскій, еслибы поваръ промахнулся. „Такимъ образомъ окончилъ свою жизнь этотъ варваръ рода человѣческаго“,—говорится въ имѣющихся у меня запискахъ подполковника Г. Н. Зеленина.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о другихъ дѣйствующихъ лицахъ нашего повѣствованія.

Капитанъ Никифоровъ былъ назначенъ, по рекомендаціи генерала Перовскаго, начальникомъ миссіи въ Хиву, отправленной туда въ 1841 г. Но онъ держалъ себя съ ханомъ Алла-Куломъ съ такимъ достоинствомъ, а по словамъ хивинцевъ „такъ гордо и дерзко“, что не добился у нихъ ничего и уѣхалъ изъ Хивы въ Оренбургъ съ неподписаннымъ торговымъ договоромъ. Возвращаясь, затѣмъ, съ отчетомъ о своей неудачной миссіи въ Петербургъ, онъ заѣхалъ по дорогѣ къ своей старушкѣ-матери въ ея маленькое имѣньице, находившееся близъ Сызрани, и тамъ неожиданно умеръ отъ разрыва сердца.

Командиръ авангардной колонны полковникъ Данилевскій отправился въ Хиву въ слѣдующемъ 1842 г., во главѣ цѣлаго посольства, добился-таки отъ хана подписанія торговаго трактата, былъ произведенъ за это въ генералъ-маіоры и перешелъ на службу въ Петербургъ. Жизнь свою онъ окончилъ трагически. Будучи замѣчательно красивъ собою и имѣя всего 35 лѣтъ отъ роду, онъ страстно влюбился въ одну славянскую владѣтельную княжну и пользовался взаимностью; но на бракъ этотъ не согласились ея родители и рѣшили

увезти ее на родину. Въ осеннія сумерки, на первой же почтовой станціи отъ Петербурга къ Москвѣ, едва только заложили лошадей въ карету, въ которой ѣхало семейство княжны и она сама, какъ къ лошадямъ спереди подошелъ высокаго роста молодой генералъ и выстрѣлилъ себѣ въ ротъ. Лошади поднялись-было на дыбы, затѣмъ рванулись впередъ, и карета проѣхала по трупу уже скончавшагося Данилевскаго...

Генералъ-маіоръ Молоствовъ, воспротивившійся отступленію отряда съ Эмбы, былъ впослѣдствіи наказнымъ атаманомъ Оренбургскаго казачьяго войска; а полковникъ Геке, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, назначенъ былъ наказнымъ же атаманомъ Уральскаго казачьяго войска.

Ген.-лейт. Толмачевъ, погубившій окончательно свое здоровье во время экспедиціи, получилъ орденъ Бѣлаго Орла, полную пенсію и уѣхалъ къ себѣ на родину, въ Тамбовскую губернію.

Сошли въ могилу почти и всѣ остальные участники героическаго зимняго похода въ Хиву въ 1839 году, и въ настоящее время, по прошествіи болѣе полувѣка со времени этой экспедиціи, въ Оренбургѣ и его уѣздахъ находятся въ живыхъ нѣсколько лишь человѣкъ, которые весьма охотно и съ замѣчательною скромностію разсказываютъ о всѣхъ ужасахъ, выпавшихъ на ихъ долю въ Хивинскомъ походѣ.

Изъ унтеръ-офицеровъ топографовъ, бывшихъ въ отрядѣ совсѣмъ юношами, были живы еще (въ 1891 г. два брата Зеленины, оба подполковники въ отставкѣ; старшій изъ нихъ, Георгій Николаевичъ, составившій краткія записки о зимнемъ походѣ въ Хиву, получаетъ шестисотъ-рублевую пенсію и настолько былъ бодръ и крѣпокъ, что служилъ безвозмездно членомъ мѣстнаго отдѣленія Крестьянскаго Поземельнаго Банка.

Вмѣсто генералъ-адъютанта Перовскаго, командиромъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса и военнымъ

губернаторомъ былъ вскорѣ же назначенъ генералъ-лейтенантъ Обручевъ, оставившій по себѣ въ Оренбургѣ добрую память честнаго и вполнѣ доступнаго человѣка.

Залѣчивъ кое-какъ свою тяжелую турецкую рану за-границей, генералъ-адъютантъ В. А. Перовскій вернулся въ Россію, и его вновь стало тянуть на Востокъ. Онъ горячо доказывалъ необходимость и неизбѣжность нашего поступательнаго движенія въ Среднюю Азію. Его благосклонно выслушивали, но не соглашались съ нимъ. Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки добился учрежденія въ Оренбургѣ особаго генералъ-губернаторства и былъ первымъ генералъ-губернаторомъ, назначеннымъ на этотъ постъ. Въ это время, сосѣдніе съ нами владѣтели средне-азіатскихъ ханствъ вновь подняли головы и стали чинить нашимъ торговымъ людямъ всяческія обиды и притѣсненія. Дерзость ихъ особенно усилилась въ то время, когда они узнали, что единовѣрная имъ Турція находится съ нами въ войнѣ. Вслѣдствіе этого, въ 1853 г. былъ предпринятъ генералъ-губернаторомъ В. А. Перовскимъ знаменитый Коканскій походъ, окончившійся для насъ полною побѣдою и взятіемъ сильной коканской крѣпости Акъ-Мечети, переименованной впослѣдствіи въ „Фортъ Перовскій“. За этотъ собственно походъ Перовскій и возведенъ былъ, въ 1855 г., въ графское достоинство.

Оренбургскимъ краемъ В. А. Перовскій управлялъ до апрѣля 1857 г. Въ августѣ 1856 г., онъ уѣхалъ изъ Оренбурга въ Москву, на коронацію покойнаго Государя Александра Николаевича, награжденъ былъ орденомъ Андрея Первозваннаго и возвратился въ излюбленный имъ край. Но годы, долгій плѣнъ, походы и раны сломили, наконецъ, желѣзный организмъ Перовскаго... Онъ сталъ часто хворать, попросился на покой—и 7 апрѣля 1857 г. былъ уволенъ. Затѣмъ, онъ, по совѣту врачей, уѣхалъ въ

Крымъ, и тамъ, въ имѣніи князя Воронцова Алупкѣ, 8 декабря 1857 года, тихо скончался... А такъ какъ онъ, предчувствуя свою скорую кончину, говорилъ, всего за недѣлю до смерти, окружающимъ, что радуется тому, что умираетъ вблизи Чернаго моря, постоянный шумъ и плескъ котораго ему такъ нравятся, то его и похоронили въ извѣстномъ Георгіевскомъ монастырѣ, расположенномъ вблизи Севастополя, на отвѣсномъ берегу моря; мѣсто же для гроба графа Василія Алексѣевича Перовскаго было высѣчено въ скалѣ, омываемой у своего подножія волнами этого вѣчно неспокойнаго моря...

Эпилогъ.

Со времени зимняго похода въ Хиву прошло 33 года. Въ Хивѣ и въ Россіи смѣнились правители: Хивою заправлялъ гордый Мухамедъ-Рахимъ-Богударъ-Ханъ, въ Россіи царствовалъ Императоръ Александръ Николаевичъ. Но нравы руководителей хивинской политики и ихъ недоброжелательныя отношенія къ Россіи не измѣнились за это время къ лучшему: подущаемые иноземными совѣтниками, они, напротивъ, становились годъ отъ году хуже и хуже. Хивинцы не хотѣли признавать даже тѣхъ договоровъ, которые были ранѣе ими же самими подписаны. Когда мѣра русскаго долготерпѣнія, наконецъ, истощилась, предпринятъ былъ знаменитый походъ въ Хиву, подъ общимъ начальствомъ генералъ-адъютанта К. П. Кауфмана,—и вотъ, въ саду Хивинскаго хана, 2-го іюня 1873 г., произошла слѣдующая историческая сцена, которую мы, ради ея глубокаго интереса, и позволимъ себѣ привести здѣсь.

„Ханъ Мухамедъ-Рахимъ-Богударъ вернулся, наконецъ, въ Хиву и явился къ побѣдителю.

„Генералъ Кауфманъ принялъ его подъ вязами, предъ своею палаткой. Здѣсь была платформа изъ кирпичей,

устланная теперь коврами, уставленная стульями и столами. На этой-то платформѣ произошло первое свиданіе генерала Кауфмана съ ханомъ.

„Едва разнесся по Хивѣ слухъ о пріѣздѣ хана, всѣ собрались вокругъ генерала Кауфмана, интересуясь видѣть властелина, о которомъ слышали такъ много. Теперь онъ довольно смиренно въѣхалъ въ свой собственный садъ, сопровождаемый свитой человѣкъ въ двадцать; когда же подъѣхалъ къ концу коротенькой аллеи изъ молодыхъ тополей, ведущей къ палаткѣ генерала Кауфмана, то сошелъ со своего богато-убраннаго коня и пошелъ пѣшкомъ, снявъ свою высокую баранью шапку. Онъ поднялся на маленькую платформу, сидя на которой ему, вѣроятно, часто приходилось самому видѣть выраженія почтительнѣйшей покорности своихъ подданныхъ, и сталъ на колѣна предъ генераломъ Кауфманомъ, сидѣвшимъ на своемъ походномъ стулѣ... Затѣмъ, онъ отодвинулся немного дальше, не сходя однако съ платформы, покрытой, вѣроятно, его собственнымъ ковромъ, и остался на колѣняхъ.

„Ханъ—человѣкъ лѣтъ тридцати, съ довольно пріятнымъ выраженіемъ лица, когда оно не отуманивается страхомъ, какъ въ настоящемъ случаѣ... У него красивые большіе глаза, слегка загнутый орлиный носъ, рѣдкая бородка и усы и крупный, чувственный ротъ. По виду, онъ мужчина очень крѣпкій и могучій, ростомъ въ цѣлыхъ шесть футовъ и три дюйма, плечи его широки пропорціонально этой вышинѣ и, на взглядъ, вѣсу въ немъ должно быть никакъ не меньше шести, даже семи пудовъ. Одѣтъ онъ былъ въ длинный ярко-синій шелковый халатъ, на головѣ была высокая хивинская шапка. Смиренно сидѣлъ онъ, полу-стоя на колѣняхъ, предъ генераломъ Кауфманомъ, едва осмѣливаясь поднять на него глаза. Едва-ли чувства хана были пріятнаго свойства, когда онъ очутился, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, у ногъ Туркестанскаго генералъ-гу-

бернатора, славнаго „ярымъ-падишаха“. Два человѣка эти представляли любопытный контрастъ: генералъ Кауфманъ ростомъ былъ чуть-ли не на половину меньше хана, и въ улыбкѣ, скользившей по его лицу, когда онъ смотрѣлъ на сидящаго у его ногъ *русскаго историческаго врага*, сказывалась не малая доля самодовольства. Казалось, что трудно бы и подобрать болѣе рѣзкое олицетвореніе побѣды ума надъ грубою силой, усовершенствованнаго военнаго дѣла надъ первобытнымъ способомъ веденія войны, чѣмъ оно являлось въ этихъ двухъ мужчинахъ. Во времена рыцарства, ханъ этотъ, со своею могучею фигурой великана, былъ бы чуть не полубогомъ; въ рукопашномъ бою онъ обратилъ бы въ бѣгство цѣлый полкъ, весьма вѣроятно былъ бы настоящимъ „Coeur de Lion“; а теперь самый послѣдній солдатъ въ русской арміи былъ, пожалуй, сильнѣе его.

— Такъ вотъ, ханъ, — сказалъ генералъ Кауфманъ, —вы видите, что мы, наконецъ, и пришли васъ навѣстить, какъ я вамъ обѣщалъ это еще три года тому назадъ...

Ханъ. — Да, на то была воля Аллаха.

Генералъ Кауфманъ.—Нѣтъ, ханъ, вы сами были причиной этому. Если бы вы послушались моего совѣта три года тому назадъ и исполнили бы тогда мои справедливыя требованія, то никогда не видали бы меня здѣсь. Другими словами, если бы вы дѣлали то, что я вамъ говорилъ, то никогда бы не было на то воли Аллаха.

Ханъ. — Удовольствіе видѣть ярымъ-падишаха такъ велико, что я не могъ бы желать какой-нибудь перемѣны.

Генералъ Кауфманъ (смѣясь).—Могу увѣрить васъ, ханъ, что въ этомъ случаѣ удовольствіе взаимно... Но перейдемъ къ дѣлу. Что вы будете дѣлать? Что думаете предпринять?

Ханъ.—Я предоставляю это рѣшить вамъ, въ вашей

великой мудрости. Мнѣ же остается пожелать одного—быть слугой великаго Бѣлаго Царя.

Генералъ Кауфманъ.—Очень хорошо. Если хотите, вы можете быть не слугой его, а другомъ. Это зависитъ отъ васъ однихъ. Великій Бѣлый Царь не желаетъ свергать васъ съ престола: онъ только хочетъ доказать, что онъ достаточно могущественъ, чтобы можно было оказывать ему пренебреженіе, и въ этомъ, надѣюсь, вы теперь достаточно убѣдились. Великій Бѣлый Царь слишкомъ великъ, чтобы вамъ мстить. Показавъ вамъ свое могущество, онъ готовъ теперь простить васъ и оставить по прежнему на престолѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ мы съ вами, ханъ, поговоримъ въ другой разъ.

Ханъ.—Я знаю, что дѣлалъ очень дурно, не уступая справедливымъ требованіямъ русскихъ, но тогда я не понималъ дѣла, и *мнѣ давали дурные совѣты*; впередъ, я буду лучше знать, что дѣлать. Я благодарю великаго Бѣлаго Царя и славнаго ярымъ-падишаха за ихъ великую милость и снисхожденіе ко мнѣ и всегда буду ихъ другомъ“ *).

Сцена эта вознаграждала Россію за все: за гибель отряда князя Бековича-Черкасскаго, за оскорбленія, чинимыя нашимъ посламъ, за захватъ и тяжкую неволю русскихъ подданныхъ, за грабежи торговыхъ караванов, словомъ *за все*—даже за неудачу зимняго похода 1839 года...

---

*) „Военныя дѣйствія на Оксусѣ и паденіе Хивы“, сочиненіе Макъ-Гахана. Лондонъ, 1874 года.

Помѣщаемыя, вслѣдъ за описаніемъ несчастнаго похода въ Хиву, письма гр. Перовскаго къ московскому почтъ-директору А. Я. Булгакову, служатъ, какъ намъ кажется, прекраснымъ дополненіемъ и живою иллюстраціей къ этому походу, вѣрно и картинно обрисовываютъ мѣстныя условія, среди коихъ молодому губернатору приходилось въ то время жить и дѣйствовать *), и описываютъ, затѣмъ, многія интересныя обстоятельства, послѣдовавшія по окончаніи экспедиціи.

Слѣдомъ за письмами, относящимися къ походу 1839 года, мы приводимъ здѣсь и письма позднѣйшія касающіяся второго похода Перовскаго *въ степь* — въ 1853 году, когда онъ взялъ сильную коканскую крѣпость Акъ-Мечеть,—послѣ чего рѣка Сыръ-Дарья перешла, на большомъ протяженіи, въ наши руки.

Всѣ эти письма, чрезвычайно изящныя по своему слогу, писаны на французскомъ языкѣ, которымъ Перовскій владѣлъ въ совершенствѣ,—и мы, поэтому, печатаемъ ихъ въ подлинникѣ. Для лицъ же, не знакомыхъ съ французскимъ языкомъ, приводимъ, ниже, ихъ

---

*) Напр., первое же письмо, очень короткое и совсѣмъ незначительное по своему остальному содержанію, сообщаетъ, однако, о „бунтѣ“ Уральскихъ казаковъ—этой неспокойной вольницы, причинившей Россіи столько серьезныхъ хлопотъ во время пугачевскаго бунта.

русскій переводъ. Ранѣе, изъ помѣщенныхъ въ этой книгѣ писемъ того же В. А. Перовскаго къ поэту Жуковскому, писанныхъ по-русски, читатели могли, конечно, убѣдиться въ томъ, что Перовскій въ одинаковой степени и совершенствѣ владѣлъ и русскою рѣчью.

№ 1. *Ouralsk, 25 Aout. 1837.*

Il y aura bientôt deux mois que je me trouve à Ouralsk; le motif de mon séjour ici vous est déjà peut-être connu; c'est encore une mutinerie: cette fois c'était le tour des Cosaques d'Oural et l'affaire se présentait d'abord sous des dehors assez défavorables et sérieux. Vous savez que tous les Cosaques d'Oural sont des schismatiques enragés. C'est en invoquant leur réligion, soit disant lésée par la construction de quelques églises orthodoxes bâties sur leurs terres, que les malveillants étaient parvenus à ameuter le peuple et à l'opposer aux autorités locales, qui du reste n'avaient donné aucune raison plausible de mécontentement. Dieu merci cette fois encore cela a fini comme toutes les entreprises semblables finissent dans mon royaume. La correction paternelle d'un petit nombre fut suivie d'une pacification pleine et entière. A l'heure qu'il est, les plus opiniâtres s'étonnent de la bêtise qu'ils ont eue de se faire punir, quand ils pouvaient l'éviter en commençant par obéir. Pour l'intelligence de cette affaire, voici l'ordre du jour dont je me suis fait précéder à Ouralsk et qui a produit un effet aussi immédiat que salutaire.

Puisque je vous donne les nouvelles du pays, je pense avoir le droit de vous demander à votre tour ce que vous savez sur le voyage des Majestés. Je suis là dessus dans une ignorance complète.

№ 2. *Orenbourg, 16 Novembre 1837.*

Merci pour les nouvelles, que vous me donnez, j'en attends encore de votre part, car à présent vous êtes à la source et mon seul correspodant à Moscou. Adlerberg est trop affairé,

quand il est en activité de service et trop paresseux lorsqu'il se repose sur ses lauriers, aussi ce n'est pas par lui, que je puis apprendre quelque chose. L'Empereur a-t-il été content de Rosen sous le rapport administratif? Quel est le motif de la disgrace de Nic. Mouravieff? Quels sont les projets arrêtés relativement au séjour de la cour à Moscou etc., etc.? Il faudra que vous trouviez un moment pour me dire tout cela; il faut vraiment votre bonté pour correspondre avec moi, qui suis privé de la possibilité de vous rendre la monnaie des nouvelles que vous me donnez, et il faut aussi, que je sois sûr que vous avez hérité de l'amitié que me témoignait votre bon frère sans cela rien n'excuserait l'importunité, que je montre à votre égard. La dernière extra-poste a tardé de deux fois vinqt quatre heures; cette fois le retard s'explique assez par la difficulté, quelle a remontée au passage des rivières, mais en général elle est depuis quelques temps moins éxacte que les autres postes, souvent elle a manqué de plus de 24 heures sans aucun motif plausible.

№ 3. *Orenbourg, 7 Décembre 1837.*

De toutes les nouvelles dont vous me faites part, celle qui m'a le plus étonné est précisement celle, qui me concerne: le bruit que l'on a fait courir au sujet de ma nomination au poste de Rosen. Ceux, qui me font l'honneur de m'en croire digne, seraient certainement bien surpris d'apprendre, que non seulement je ne le désire pas, mais que j'en aurais été fâché; le poste que j'occupe n'est pas aussi brillant; ni aussi honorifique sans doute, mais il me fournit la possibilité de prouver, que je puis être utile; j'ajouterai que j'y suis devenu nécessaire et même que dans ce moment on m'y remplacerait difficilement, car il y a une foule de choses commencées dont moi seul possède la clef; enfin, si je suis condamné à rester encore quelques années ici, j'espère laisser après moi une réputation, qui me dédommagera de la vie, que j'aurai menée. Tout le contraire pourrait m'arriver au Caucase, mais, ce qu'il y a de plus probable, c'est qu'on m'y enterrerait au bout de six mois; la démission

de Rosen et le mécontentement de l'Empereur ne justifient que trop ce que l'on entend dire de ce pays par ceux qui en viennent: tout y est sans dessus dessous, administration militaire et civile; il faut y envoyer un homme capable et bien intentionné sans doute, mais surtout un homme tant soit peu paresseux, ou du moins un homme, dont l'activité ne soit pas une des qualités proéminantes un homme trop laborieux y trouverait son tombeau avant que d'avoir réussi à rétablir l'ordre. Je puis me tromper, mais c'est ma façon de penser relativement au Caucase. Quant'à moi personnellement, je vous assure que mon ambition ne consiste pas à monter; je suis de la croyance que l'on peut se distinguer, se faire remarquer, et mériter l'estime générale à chaque degré d'élévation; selon moi un исправникъ, qui toute sa vie aurait rempli ses fonctions consciencieusement, mérite autant de louange et de reconnaissance qu'un gouverneur militaire, qui aurait fait comme lui.

№ 4. *Orenbourg, 25 Nov.* (годъ не означенъ).

...Voici une anecdote historique qui peut vous donner une idée de ce que sont nos chasse-neiges (бураны). L'autre jour pendant un de ces tourbillons de neige, deux femmes Cosaques d'une станица, voisine d'Orenbourg, sortirent en plein midi de leurs maisons pour aller puiser de l'eau à deux puits l'un à 20, l'autre à 50 sagènes de leurs habitations. Ni l'une, ni l'autre de ces femmes ne reparut; quelques heures après on retrouva leurs corps gelés; les seaux pleins prouvaient que c'est en revenant qu'elles s'étaient égarées.

Qu'il y a loin d'ici aux violettes de Florence et aux orangers de Sorrento!..

№ 5. *Orenbourg, 4 Janvier 1838.*

C'est une bien triste nouvelle que celle qui fait le sujet de votre dernière lettre; il est vraiment inconcevable qu'un édifice aussi beau, aussi vaste et aussi solide soit brulé comme une изба; mais enfin, puisque l'hermitage, les diamants de la cou-

ronne et d'autres richesses encore ont été sauvés, on peut se consoler de la perte du reste, ce n'est plus qu'une affaire d'argent, quelques centaines de pouds d'or que l'Oural et l'Altai fourniront si on les leur demande. Ce qu'il y a de consolant encore dans ce malheureux évènement, ce sont les épisodes aux quels il a donné lieu; les traits que vous me citez font vraiment du bien à l'âme; voilà des faits, qu'il serait indispensable de relever, de publier et de faire répéter, bon gré malgré, par les journaux étrangers; malheureusement c'est ce que l'on ne fera pas, nous sommes la dessus d'une modestie inqualifiable, vos journaux et ceux, qui sont chargés de les diriger sont quelque fois d'un mutisme désolant, je dirai même révoltant; est-il possible par exemple qu'un évènement tel que l'incendie du Palais d'hiver, qui a eu lieu le 17, n'ait pas été mentionné dans les feuilles du 20, que j'ai reçu en même temps que votre lettre! Dans tout autre pays on aurait imprimé et fait circuler des bulletins toutes les heures. Un silence, aussi inconcenable dans de semblables circonstances, donne lieu à de fausses et dangereuses interprétations dans l'éloignement, et il ne saurait en être autrement; quelquefois même une publicité tardive n'a plus le pouvoir de redresser le mal occasionné par le silence, qui, par cette seule raison, qu'on en recherche le motif, laisse déjà une certaine défiance dans les esprits. Ce que je viens de dire, est une raison de plus pour vous remercier de m'avoir informé en détails relativement à ce facheux évènement. Où se logera la cour et tout ce qui y tient? Les trois palais: d'Anitchkoff, de la Tauride et le palais de marbre réunis, ne sauraient contenir le quart du personnel, qui renfermait le palais d'hiver; ne sera ce pas un motif pour revenir à Moscou?

№ 6. *Orenbourg, 20 Juin 1839.*

C'est vraiment une véritable bonne fortune qu'un correspondant comme vous; je suis persuadé, que par le monde entier il n'en éxiste pas de plus désinterressé; vous me donnez les nouvelles les plus fraîches, les plus intéressantes, telles enfin

que je ne puis les trouver ni dans les journaux, ni dans ma correspondance particulière, et que puis je vous rendre en échange? Avec la meilleure volonté possible et en réunissant tous les évènements qui se passent depuis le Volga jusqu'à Boukharie, je ne pourrais vous dire rien, qui soit digne de votre attention. Mon temps est pris actuellement en entier par les préparatifs pour une expédition scientifique aux bords de la mer d'Aral: elle doit avoir lieu sur une échelle plus grande, que tout ce qui a été fait jusqu'à présent de ce côté; elle doit parcourir un pays entièrement inconnu aux Européens, mais l'époque de ces explorations n'est pas encore bien déterminée; en tout cas elle ne peut avoir lieu qu'après mon voyage de Moscou. Les Thurcomans sont cette année d'une impertinence inconcevable sur la mer Caspienne: leurs corsaires nous ont déjà enlevé près de quatre cents pêcheurs d'Astrakan, la plus grande partie aux embouchures du Volga, à tel point que nos промышленники n'osent plus tenir la mer; c'est une honte; la flottille de la mer Caspienne n'y peut rien,—elle n'éxiste que de nom.

№ 7. *Orenbourg, 15 Aout, 1839.*

Il n'y a pas quinze jours encore que j'étais fermement persuadé que j'aurais le plaisir de vous revoir à l'époque des manoeuvres de Borodino; j'avais même l'intention de me rendre à Moscou au plus tard pour le 20,—mais l'homme propose et Dieu dispose!—Il paraît que les incendiaires de Simbirsk et de Saratoff ou au moins leur diabolique esprit s'est transplanté à Orenbourg; depuis le 2 de ce mois, jour où a eu lieu le premier incendie qui a été suivi de trois autres assez considérables, il ne s'est pas passé un jour qu'il n'y ait eu des tentatifs d'incendies; les boutiques sont fermées et les effets emballés sur des voitures ou emportés hors de la ville, les habitants ne dorment ni jour ni nuit; c'est une alarme générale, une désolation continuelle; la majorité des maisons d'Orenbourg et surtout des faubourgs sont des baraques pourries, et qui par l'extrême sécheresse sont réduites à l'état d'amadou; la ville est éloignée de

l'eau; depuis plus de deux mois il n'est pas tombé une goutte de pluie, avec cela des espèces d'ouragans journaliers et pour couronner le tableau—trois pompes à feu et pas de пожарная команда. Vous comprenez comme au milieu de tout cela je puis être tranquille et combien il est agréable de se démener par une chaleur qui à l'ombre n'est jamais au dessous de 26°! Heureusement que jusqu'a présent la manie incendiaire ne paraît pas encore s'être répandue dans l'intérieur du gouvernement;—je dis „ne paraît pas", car déjà j'ai la nouvelle de trois incendies assez considérables, mais dont les causes quoique inconnues, peuvent s'expliquer naturellement. Quoiqu'il en soit, il ne peut être question pour moi de voyager pour le moment. Il y a eu quelques incendiaires pris sur le fait; ils sont livrés à une commission d'enquête; jusqu'à présent il n'a pas été possible de découvrir aucune trame ourdie, ni rien qui ressemble à une conspiration dans le sens politique; ceux qui sont pris ne sont pas polonais; aussi pour ma part je suis tout porté à expliquer la chose d'une manière toute simple et prosaïque: je crois que chez nous il y a plus qu'ailleurs, en ville comme dans les villages, des gens qui constamment ne demanderaient pas mieux que de mettre le feu à la maison de leurs voisins par vengeance, envie etc... Les domestiques sont dans les mêmes dispositions pour leurs maîtres,—mais dans l'ordre ordinaire des choses tous ces gens courent trop de risque à satisfaire leurs passions, aulieu que quand les esprits sont inquiets et préparés (par des bruits qu'on a fait circuler avant) à voir brûler leurs maisons, ces gens ne risquent rien en y mettant le feu, persuadés qu'ils sont, que les soupçons ne tomberont pas sur eux, mais seront dirigés sur des incendiaires qui peut-être ne sont que des êtres imaginaires.

Voilà les tristes raisons qui portent empèchement à mon voyage de Moscou, malgré l'envie et le besoin que j'avais de le faire; il est probable qu'au mois de septembre j'entreprendrai celui de Pétersbourg, où je ne passerai cette fois que 8 jours tout au plus.

№ 8. *Orenbourg, 17 Novembre, 1839.*

Enfin nous voilà en marche!—Tout le détachement est déjà parti, je ne suis resté que pour écrire quelques lettres; demain j'irai le rejoindre. Pour le moment il y a encore beaucoup de chaos dans notre affaire et il ne saurait en être autrement: point d'antécédent, tout est à deviner, tout est nouveau pour chacun, le soldat n'avait de sa vie chargé de chameau; le chameau n'a jamais porté les bâts dont on l'affuble; tout cela crie, s'impatiente, perd du temps; dans quelques jours, quand hommes et bêtes auront fait connaissance tout ira mieux. Le temps m'a joué un mauvais tour: après plus de quinze jours d'un froid constant et assez intense, quoique sans neige, ne voilà-t-il pas que vient la pluie et le dégèl, cela dure depuis trois jours et me fait beaucoup craindre que nous perdrons les viandes et les provisions que nous avions préparées en comptant sur la constance du froid. Jamais pareil temps ne s'est vu ici au mois de Novembre surtout à la suite de 20° de froid. Mais nous en verrons bien d'autre encore! Enfin, à la garde de Dieu et en avant, marche! et vous, quand vous n'aurez rien de mieux à faire, priez pour nous, cela ne sera pas de trop, je vous assure. Si nous sommes destinés à nous revoir, j'aurai beaucoup de choses à vous conter,—s'il en était autrement, rappelez-vous que je ne suis ni un étourdi, ni un fanfaron; toutes les mesures qu'il était possible de prendre, ont été prises,—si je n'en reviens pas, c'est qu'il y a des malheurs que l'homme ne peut parer.....

Ci joint une déclaration et une proclamation; le tout à votre usage; la déclaration sera je crois rendue publique dans les journaux, mais ne la communiquez pas à ceux, qui pourraient l'imprimer sans attendre pour cela les ordres suprêmes, comme cela arrive quelque fois. Toutes les fois que j'en aurai l'occasion, je donnerai de mes nouvelles.

№ 9. *23 Novembre 1839.*

Je vous écris ces mots du dernier point habitable,—d'ici à deux mois adieu à tout ce qui ressemble au confort; j'ai déjà passé deux nuits sous la tente,—la première par 20° de froid, la seconde par 30°,—à force de chauffer je suis parvenu à n'avoir la première nuit que 15° de froid sous le feutre et la seconde—25°; vous penserez peut-être que cela ne vaut pas la peine de chauffer,—je pense comme vous.

C'est un joli commencement que 30° de froid le troisième jour de marche, cependant personne ne s'est encore gelé ni pieds, ni pattes, mais j'avoue franchement que l'épreuve est rude, et que s'il s'etait agi de louer du monde pour faire cette campagne, tout l'or des mines de l'Oural aurait été inutile: on n'aurait trouvé ni officiers, ni soldats, но по Царскому велѣнью идемъ охотно, — рады стараться. Ma santé n'est pas en harmonie avec ce qui m'attend, je ne suis pas complètement remis d'une fièvre, qui m'a pris avant mon départ d'Orenbourg, de plus j'ai une inflammation d'yeux, et j'ai profité d'une дневка ici pour m'appliquer dix sangsues aux tempes.

№ 10. *Bachtalaky. 250 verstes d'Orenbourg, 6 Decembre 1839.*

J'ai encore l'occassion d'envoyer un exprès à Orenbourg et j'en profite pour tenir ma promesse en vous disant que je me porte bien, que j'avance aussi bien que faire se peut, et que j'ai fait à peu près le cinquième du chemin que nous avons à faire. Vous parler des difficultés sans nombre que nous rencontrons à cause de la rigueur de la saison, du manque de bois etc., ce serait inutile. Vous pouvez facilement vous représenter la sensation que l'on doit éprouver, passant chaque jour et toute la journée à la belle étoile, et la nuit aussi, et cela souvent par un froid de 30° (aujourd'hui nous en avons 32°); ce qui vous paraîtra plus difficile à comprendre, c'est qu'avec tout cela nous n'ayons ni doigts ni nez de gelés, et en général très peu de malades grâce à Dieu jusqu'à présent; les froids, quoique très forts, n'ont pas été accompagné de vents, c'est ce que je

crains le plus, car alors sans abri et sans bois pour se chauffer, je ne sais quel moyen pourraît être mis en usage pour nous sauver.

Aujourd'hui le 6 Décembre, par 32° de froid, nous avons chanté un Te Deum en plein air et tiré du canon; je vous assure que c'était une cérémonie touchante et que nous avons prié avec plus de ferveur et moins de distraction, que nous l'aurions fait dans les églises bien chauffées de la capitale; c'est que dans notre position la prière a un autre sens que pour vous autres; ce n'est qu'avec le secours de Dieu que nous pouvons aspérer de vaincre les éléments et l'ennemi, et nous sentons que nous serions perdus si notre prière n'était pas exaucée immédiatement; cependant n'allez pas croire, qu'il y ait de l'abattement parmi nous, — loin de là; vous entendrez chanter dans le camp comme si c'était au mois de Mai, il est vrai que l'on tousse plus souvent que l'on ne chante, mais enfin je trouve qu'il est beau de chanter par une nuit obscure de 20° ou 30° de froid, n'ayant pas plus de feu qu'il n'en faut pour cuire sa soupe et puis pas un tison qui vous réjouisse la vue et sachant que demain, après demain et pendant six semaines encore, ce sera la même chose, le même manque. Adieu.

№ 11. *4 Janvier 1840. Rivière Emba à 500 verstes d'Orenbourg.*

Vous me croyez probablement déjà à Khiva ou au moins près d'y arriver. Hélas! je n'en suis pas encore à moitié chemin! L'hiver avec toutes ses horreurs s'est déclaré contre nous. De mémoire d'homme ou plutôt de kirguis, on n'a pas vu ici une saison rigoureuse—des neiges aussi profondes; depuis notre sortie d'Orenbourg, le thermomètre a rarement monté audessus de 20°, nous avons eu 31°, 33° pendant deux fois 24 heures de suite et dès qu'il faisait moins de 25°, survenaient des vents et des chasse-neiges violents. Il est difficile sans l'avoir éprouvé de comprendre ce que l'homme éprouve, quand malgré ses habits, toutes les pelisses et ses bottes chaudes, il sent le froid qui le gagne;— quand il sait que demain, que dans un mois, ce sera encore la

même chose et qu'avec cela il n'a pas de bois pour se chauffer et pour réjouir sa vue pendant ces longues, interminables nuits. Oui, il faut avoir éprouvé tout cela pour le comprendre. Et cependant nous ne sommes pas abattus, — „лишь бы не было хуже, *а этакъ перенесемъ*“, dit l'officier, „*право не о чемъ тужить*“; „*Царю рады мы служить*“, dit le soldat. Nous en sommes au point qu'une journée de 20° est souvent regardée par nous comme un avant-coureur du printemps; on va se chauffer au soleil. Nous n'avons eu que trois cas de pieds gelés, or, vous avouerez que trois hommes sur 4,600 ne doivent pas être comptés, aussi ne vous en aurai-je pas parlé, si je ne voulais vous dire tout. Je suis persuadé qu'on nous croit tous gelés sur place, mais nous avançons quoique à pas de tortue et nous arriverons au but—seulement un mois plus tard. Ce qui nous reste à faire est le plus difficile; je ne parle pas des embarras que l'ennemi ne manquera pas de nous donner, car sans gasconnade je dis que chacun de nous vaut dix khiviens au moins, or 50 ou 40 mille hommes, c'est tout ce qu'ils pourront nous opposer, mais 700 verstes d'un pays encore plus ingrât que celui que nous venons de traverser—les herbes (s'il y en a) couvertes de neige et par conséquent ne pouvant servir de nourriture aux bêtes et Pour nous pas d'autre eau que de la neige fondue quand il y aura de quoi la fondre—voilà le difficultueux de la chose—voilà ou nous aurons besoin de toute l'assistance divine,—celle de l'homme n'y pouvant rien. A 180 verstes en avant d'ici, nous avons un petit fortin que les khiviens sont venus attaquer ces jours ci. Ils étaient au nombre de 2 mille hommes et comme de raison, ils ont été repoussés. Leur apparition nous a fort étonné, car nous ne pouvions pas espérer les voir si tôt. Ils ont eu la politesse de faire plus de la moitié du chemin.

Malheureusement ils n'ont pas reparu depuis; ce devait être un petit détachement, qu'ils ont envoyé pour nous reconnaître. Puissions nous en venir aux mains le plus tôt possible. C'est le voeu général de ma petite armée; une fois que nous nous serons mesuré, ils sauront à quoi s'en tenir—si seulement je n'avais pas besoin d'autant de chameaux pour avancer!!.

De grâce, écrivez moi; la lettre d'un ami, des nouvelles de la patrie, de la Famille Impériale sont pour nous et surtout pour moi plus indispensable, que le feu pendant les grands froids. Nous avons déjà prouvé que nous pouvons nous passer de celui ci, mais le manque de nouvelles influe directement sur le moral; c'est peut-être l'épreuve la plus dure de toutes celles que j'ai à soutenir.

№ 12. *4 Fevrier 1840. Akboulak. 650 verstes d'Orenbourg.*

Vos lettres m'ont plus d'une fois consolé depuis que je suis dans la steppe et c'est en adressant quelques mots à un ami, que j'ai le besoin de me consoler moi-même dans le malheur qui m'arrive. L'expédition est complètement manquée! Après avoir lutté avec succès pendant trois mois contre les froids les plus riguoureux, contre des chasse-neiges presque journaliers, après avoir traversé des centaines de verstes de neige d'une profondeur, inconnue dans ces latitudes,—étant parvenu à conserver en bon état hommes, chevaux et tout le matériel du détachement, je me vois forcé de revenir, de renoncer à une victoire, à un succès plus que probable, après avoir fait la moitié la plus difficile du chemin.

Nos chameaux, qui n'étaient pas soutenus par la force morale, qui nous a fait avancer jusqu'au *nec plus ultra*, les chameaux, dis je, ont faibli dans une progression effrayante; nous en avons perdu plus de la moitié—le reste a définitivement renoncé à marcher avec leur charge; nous avons dû diminuer le poids des bats, mais pour avancer par ce moyen, il aurait fallu augmenter le nombre des chameaux et les nôtres tombaient tous les jours par centaines.

Enfin, arrivés jusqu'ici, il est devenu plus qu'évident que si nous faisions encore quelques marches en nous éloignant de notre magasin de vivres, nous nous trouverions dans une égale impossibilité d'avancer ou de revenir.

Sur l'espace des 150 dernières verstes le détachement a perdu plus de 2,000 chameaux; avec ce qui nous en restait, nous

ne pouvions enlever de vivres que pour un mois et nous avions devant nous deux mois et demie de marche!

Vous dire ce que j'ai éprouvé en signant l'ordre du jour qui commandait la retraite et ce que j'éprouve après avoir accompli cet acte, me serait impossible!

Tout ce qui pouvait être prévu et préparé pour le succès de l'expédition avait été fait; toutes les privations supportées avec courage, tous les obstacles surmontés et cependant l'expédition a manqué par une cause dont Dieu seul pouvait nous préserver. Les plus vieux des habitants de la steppe ne se rappellent pas d'un hiver pareil. L'espace qui nous a couté tant de peine à franchir et où nous avons trouvé non seulement les herbes, mais les broussailles ensevelies sous la neige, est le refuge ordinaire, à cette époque de l'année d'aouls nombreux qui viennent y chercher la nourriture pour leur bétail, lorsqu'ils n'en trouvent plus dans le voisinage de nos frontières. Nous, au contraire, n'y avons pas trouvé un brin d'herbe pour nos chameaux (et cela pendant une marche de près d'un mois) pas un buisson pour faire du feu; car ce n'est qu'à force de travail, en rejettant la neige que nous parvenions à déterrer quelques chétives racines, qui servaient pour faire la soupe du soldat; quant au feu pour se chauffer, nous n'avions même aucune prétention la-dessus et cependant hier (3 de Février) le thermomètre a marqué 30° de froid; aujourd'hui 28°—avant-hier 26° avec un vent violent, qui enlevait nos misérables tentes de feutre et qui a duré 36 heures. Ce sont ces froids inacoutumés, autant que le manque de nourriture, qui ont été cause de la ruine de nos chameaux.

Vous pouvez aussi vous imaginer ce que les hommes ont à souffrir et les soins qu'il est possible de donner aux malades! Et cependant, malgré tout, malgré les privations de tout genre, les embarras et les obstacles de tous les moments, nous serions parvenus à notre but, si les chameaux ne nous avaient pas manqués—c'est à dire, si j'avais eu le bonheur de tomber sur un hiver ordinaire!

Ici j'ai été obligé de jeter 150 четверть de farine et de biscuit, la nourriture de six semaines pour tout le détachement;

notre retour ne sera pas facile non plus; nous avons jusqu'à notre fortin sur l'Emba, où se trouve notre dépot de vivres 160 verstes de neige et deux hautes montagnes à escalader et à descendre. C'est un trajet de 15 à 18 jours sans nourriture pour les chameaux. Dieu veuille que nous puissions le faire sans désastre. Une fois arrivés sur l'Emba, malgré les vivres que j'y ai, le détachement n'est pas hors d'affaire; il n'y a pas un seul de mes chameaux qui aura la force de dépasser ce terme. Il faudra en rassembler de nouveaux, ce qui dans cette saison et dans les circonstances où nous nous trouvons est de la plus grande difficulté. D'Orenbourg,—aucun secours à attendre; quelques jours de pluie (et il y en a ici au mois de Mars) peuvent anéantir notre provision de biscuits.

En tous cas le détachement devra attendre le printemps sur l'Emba.

Résumé: D'après les calculs basés sur les notions les plus précises, je devais à moitié chemin de Khiva être en mesure d'y arriver avec des vivres tout au moins pour deux mois; j'avais envoyé de approvisionnements de deux mois aussi à Ново-Александровскъ, il était destiné à approvisionner le détachement en cas de besoin. Quelques jours de bourasque en automne ont dispersé les batiments chargés de porter les vivres à Ново-Александровскъ. Quelques-uns ont péri, enfin aucun n'est arrivé á sa destination. Aulieu des 10,000 chameaux, au moins sur lesquels je comptais je n'en ai conservé que 4,000 et quelques, ce qui fait qu'aulieu de 4 mois de vivres au moins, que je devais avoir à mon armée dans le pays ennemi, je n'en avais que tout juste ce qu'il fallait pour faire la moitié du chemin à peu près.

Je prévois tous les jugements, qu'on portera sur mon compte; pour excuser, pour justifier un échec, il faut une victime et ce ne peut être que moi; je me soumets avec résignation et sans objection au qu'en dira-t-on et 4,000 témoins attesteront ce qui humainement était possible à faire et ce qui a été fait.

Que l'on me juge, qu'on me condamne, pourvu qu'on n'abandonne pas la partie; une non réussite ne prouve rien en faveur

de l'impossibilité. Deux hivers, comme celui qui m'est tombé en partage, ne se rencontrent pas deux fois en 50 ans et ce n'est que la rigueur de la saison qui a fait manquer l'expédition. Que l'on ne se laisse pas rebuter par la question d'argent; la malheureuse expédition que j'ai entreprise était une expédition *gratis*, un coup de main; le débourse du gouvernement, était hors de proportion avec le résultat que devait procurer le succès. Il faut âgir à l'anglaise et cela d'autant plus que c'est contre les Anglais qu'on âgit. Eux, ils ne se sont jamais laissé arrêter par la question d'argent et voilà pourquoi ils ont réussi partout où ils ont entrepris quelque chose. Nous comptons de jour au jour et eux calculent de siècle en siècle; la différence est d'autant plus énorme que ne comptant sur le résultat d'une entreprise que dans un certain nombre d'années, ils risquent des capitaux dix fois plus forts, que ceux que nous dépensons avec l'espoir d'être payés sur le champ.

Voilà une lettre bien-barbouillée;—c'est que les pensées gèlent autant que l'encre; à chaque deux ou trois mots je dois chauffer ma plume à la bougie. Ермоловъ avait raison de dire: „*это пунтировка въ банкъ*“, mais un joueur ne doit pas se croire battu, lorsqu'il n'a pris qu'une première carte. Adieu, je n'écris à personne aujourd'hui.

№ 13. *Forte de l'Emba, 14 Fevrier 1840.*

Hélas, que vous dirais-je de nous! Je suis bien tenté de ne vous en pas parler. Les douleurs d'un enfantement laborieux excitent l'intêret, peuvent même exciter l'admiration, quand elles sont supportées, mais il faut pour cela que le spectateur croie et espère, que ces douleurs aboutiront à une heureuse délivrance; elles ne sont, tout au plus, dignes que de pitié, lorsqu'elles n'ont produit qu'une fausse couche. Pour revenir sur Emba le détachement a eu encore plus à souffrir qu'en s'en éloignant; nous avons eu encore vers 29 et 26° avec de forte chasse-neige (бураны); il y a de cela 5 jours qu'après une neige humide par 4° de froid est immédiatement survenu un froid de

25° avec un vent N. très violent; ce fut le coup de grâce pour nos chameaux, qui perdaient de leur force не по днямъ, а по часамъ. Tout le détachement n'est pas encore rassemblé et je ne puis désigner au juste le nombre des chameaux perdus depuis 10 jours, mais à en juger par la colonne que j'ai accompagnée et qui en a laissé en route plus de 600, la perte totale, en 10 jours, doit monter au moins à deux milles. Heureusement que pendant quelques jours nous avons pu suivre les traces qu'avait laissées la dernière colonne; cela nous a donné la possibilité de forcer la marche, le salut ou la perte du détachement dépendent du plus ou du moins du temps que nous mettrions à arriver ici. Le détachement était comme un vaisseau en pleine mer, battu par la tempête, ayant perdu ses mats et faisant eau de toutes parts; pour ne pas couler bas sur place il jette par dessus bord tout ce dont il peut se passer, c'est ce que nous avons fait, nous n'avions pas d'objets de luxe à sacrifier, toutes les voitures, traîneaux, bateaux etc., etc., enfin tout ce qui était combustible y compris les cordes, les порожки qui a servi pour faire la soupe aux soldat, mais n'a suffi que pour 3 jours; les chameaux ont été nourris avec des biscuits et de l'avoine destinés aux hommes et aux chevaux et malgré cela une quantité assez considérable de biscuits, de farine et d'avoine a été jetée par manque de chameaux pour l'enlever; enfin ce n'est qu'ayant conservé *le stricte nécessaire en fait de vivres* et après des efforts inouis pour ne pas perdre les munitions de guerre, que les deux premières colonnes sont arrivées sur l'Emba; les deux dernières doivent y être rendues dans 2 ou 3 jours; l'état où le détachement se trouve à présent aurait été de beaucoup plus déplorable, si j'avais continué à le faire avancer; dix jours de marche par des neiges plus profondes encore que celles d'ici, auraient *immanquablement* mis le détachement dans l'impossibilité totale d'avancer et de revenir sur ses pas; je me serais trouvé dans la cruelle nécessité de déclarer à la troupe, que je suis sans vivres et sans moyens de la faire marcher; nous nous serions trouvés alors à plusieurs centaines de verstes des aouls kuirguises les plus proches; au printemps on

aurait trouvé nos cadavres, et le matériel de l'expédition aurait fourni au Khan de Khiva des trophées que rien n'aurait pu lui procurer sans cela. La fin de l'expédition n'en est pas moins une malheureuse fausse couche comme je vous l'ai dit au commencement de cette lettre; fausse couche qui aura d'autant plus de fâcheuses conséquences, que l'expédition a eu de retentissement. Les prophètes et entre autres ceux du club Anglais doivent triompher, au moins leur amour-propre; ils en tireront la conclusion qu'une expédition à Khiva est chose impossible tandis que ce n'est qu'un hiver d'une rigueur inconnue ici et surtout la profondeur de la neige, qui ont fait manquer l'entreprise. Quant à moi je vous donne ma parole d'honneur sacrée, que mon ambition ne souffre pas à l'idée, que mon nom ne sera connu dans les postes militaires et n'y figurera que comme celui d'un chef, qui a fait une campagne malheureuse. Ce qui me fait souffrir, ce qui me fait mal, c'est la pensée du tôrt qui en résultera pour la cause. Je ne puis vous dire, combien de temps je passerai ici; ce qui me reste de chameaux suffirait pour ramener le détachement jusqu'à la forteresse; il n'y a à cela qu'un obstacle, c'est qu'ils ne peuvent pas faire un pas de plus; il faut donc s'en procurer d'autres, et cela *n'est pas facile*; ou bien attendre deux mois jusqu'à ce que ceux-ci aient repris quelques forces; à la moitié de Mars; il y a de l'herbe ici, cette nourriture les remettra bientôt, mais d'ici à la moitié de Mars il en crèvera plus de la moitié. En tout cas il m'est impossible d'abandonner le détachement pour le moment; je dois d'abord trouver des emplacements pour y faire camper la troupe; il faut que ces emplacements réunissent autant que possible, au moins une certaine quantité de nourriture pour les chevaux et les chameaux; quelques moyens de chauffage; rien de tout cela ne se trouve près de la forteresse; on ne peut trouver de pareils endroits qu'à une 50-me de verstes, et alors l'approvisionnement des camps devient très difficultueux, car les magasins de vivres sont établis dans le fortin.—Militaire ou non, personne de ceux qui n'ont pas fait cette campagne ne peuvent se former une idée même approximative des difficultés sans nombre, des

difficultés insurmontables et de tous les moments, que j'ai rencontré une fois que toutes les chances se sont déclarées contre moi. Adieu, cher ami, peut-être ne vous écrirai-je plus de longtemps, à moins que quelque évènement imprévu ne me fournisse l'occasion de vous parler d'autre chose que des chameaux; mes lettres ne peuvent plus intêresser personne, pas même mes amis; elles ne peuvent contenir que la répétition peu consolante des mêmes tribulations. Il y a encore une grande épreuve qui m'attend: entre nous soit dit, l'état sanitaire de mon infanterie devient assez alarmant; j'ai pu les préserver de la gelée, mais malgré l'excellente nourriture dont le soldat a joui pendant toute la campagne et dont aucune autre campagne n'offre l'exemple, il m'a été impossible de faire, que des hommes, qui jamais n'ont bougé de chez eux, qui n'ont jamais vu de bivouac même en temps de paix, il m'a été impossible, dis-je, de faire supporter à ces hommes les fatigues d'une telle campagne. Il est si vrai que ce n'est que la qualité de mon infanterie, qui est cause du nombre des malades qu'elle a, c'est que les cosaques, qui pendant tout le temps ont fait un service bien plus pénible n'ont pas de malades du tout.

№ 14. *Orenbourg, 15 Avril 1840.*

Après cinq mois de pélerinage dans le désert, me voici de nouveau sous un toit, dans une chambre meublée, dans un bon fauteuil, ayant quitté pour la première fois ma pelisse et mes bottes chaudes. Il y a deux jours, que je suis arrivé, il y en a treize que j'ai quitté le détachement. Après toutes les horreurs d'une rude campagne dans la steppe, j'ai eu à supporter tous les désagréments d'une marche de 500 verstes pendant la fonte des neiges et les pluies froides du printemps; ce n'est pas non plus chose plaisante que de faire 500 verstes à cheval dans cette saison, par un pays où il n'y a ni routes, ni ponts, ni nul moyen pour traverser les rivières dans leur crue et les ravins transformés en torrents, ou bien remplis d'une espèce de sorbet composé de neige, de boue et de glace. Aussi j'avoue que je me

sens cassé, fatigué et dans l'impossibilité de me remettre de suite aux affaires. J'ai reçu toutes vos lettres, cher ami, et ne saurais assez vous remercier de m'avoir tenu au courant de ce qui se fait et se passe; pendant tout ce temps vous étiez le seul lien, qui m'unissait au monde habité, aussi je vous embrasse avec joie et reconnaissance, Христосъ воскресъ y compris. La nouvelle, que vous me donnez du prochain départ de l'Empereur pour Varsovie me contrarie infiniment; d'ici là, je ne pourrai me rendre à Pétersbourg et cette course est de toute urgence. il est en général difficile et sous plusieurs rapports impossible à expliquer la chose par écrit.—On n'a pas à Pétersbourg une idée tout à fait juste sur ce qu'il faut pour entreprendre une seconde expédition, ni surtout sur le temps indispensable pour les préparatifs, qui présenteront bien plus de difficultés que la première fois, car, bien des ressources locales, encore vierges l'année passée, sont épuisées maintenant. Il y a tel article où la ferme volonté et l'argent ne peuvent rien; on ne saurait par exemple établir une fabrique de chameaux, il faudra toujours aller les chercher dans l'immensité des steppes, où ils ne viennent pas comme des champignons; ils sont loin d'y être aussi nombreux que les chevaux et les moutons; l'expédition de l'année passée en a furieusement diminué le nombre et j'en aurai besoin d'une plus grande quantité encore, que la première fois; il faudra donc les faire venir de bien plus loin et leur donner le temps de reposer avant que de leur faire prendre le chemin de Khiva.

N'en déplaise à Timiriaseff et à André Michel Golitzin, il n'existe pas de meilleure route que celle que j'avais prise, ni d'autre saison que l'hiver pour aller à Khiva et y arriver; remarquez, que je ne dis pas «*et en revenir*», ceci doit en tout cas être abandonné à la volonté de Dieu, car nulle mesure préalable ne saurait être prise à ce sujet; les difficultés de tout genre pour y aller sont si grandes et si nombreuses, que, je le répète, la question du retour ne doit même pas être posée.

№ 15. *19 Juin 1840. Peterhoff.*

... Je n'ai pas encore vu l'Empereur. Sa Majesté est constamment entre Peterhoff, Cronstadt et Krasnoé Sélo; de plus l'Empereur est on ne peut plus occupé et même préoccupé des mesures à prendre pour *parer* à la pénurie des grains des gouvernements qui vous avoisinnent. Je crois que Strogonoff y fera un voyage; puisse-t-il être de quelque utilité!

Il n'y a absolument personne en ville; le peu de monde, qui ne s'est pas exporté à l'étranger habite la campagne. Ce qui me contrarie le plus c'est que je n'ai pas trouvé ici Adlerberg; il n'est pas revenu avec l'Empereur, ayant obtenu la permission à Ems d'aller trouver sa femme et ses enfants à Paris, ce qui me fait croire qu'il n'y sera pas beaucoup en famille.

L'Empereur n'a mis qui sept jours pour revenir d'Ems à Peterhoff. Benkendorff est parti pour Fall. Demain un bâteau à vapeur va chercher le G. Duc Héritier—un autre transporte—le G. Duc Constantin qui va trouver l'Jmpératrice à Schlangenbad. Je vous embrasse.

№ 16. *Peterhoff, 27 Juin, 1840.*

Vous vous souvenez que le lieutenant Petrofsky qui accompagne notre ami Abbott jusqu'à Pétersbourg, doit se présenter chez vous à son passage par Moscou. Comme ce jeune homme n'a pas beaucoup d'expérience, je vous serais très obligé si vous vouliez l'aider de vos conseils pour le chemin qui lui reste à faire jusqu'ici. Les carossiers d'Orenbourg me sont assez connus pour que j'aie le droit de supposer qu'arrivés à Moscou les équipages d'Abott seront dans un état à ne pouvoir continuer leur route.

Je vous prie donc, cher ami, d'aviser aux moyens afin que cet insulaire nous parvienne de la manière la plus comfortable possible.

Je suis ici depuis huit jours, reçu et traité comme toujours au grand étonnement de *certaines personnes,* qui s'attendaient, Dieu sait pourquoi, à me voir complètement disgracié. Sa Majesté

a eu la bonté de me dire, que l'issue malheureuse de l'expédition dont j'ai été chargé, lui a prouvé, mieux que toute autre chose, qu'il avait bien placé sa confiance en moi—que j'avais fait preuve de fermeté et de résolution (рѣшимости) ayant sauvé le détachement d'une perte certaine, qu'une hésitation de ma part aurait produit etc., etc.

Enfin à présent comme toujours, je ne puis qu'admirer la justice et la justesse du jugement de notre Souverain. Jusqu' à présent c'est sans exception le *seul* homme, qui sans avoir été sur les lieux, juge des choses comme s' il y avait été...

L'Empereur n'a pas encore été en ville. Le 25 *) il n'a vu personne et quand o luiu a demandé ses ordres pour les individus qu'il voudrait recevoir le 1-er Juillet **) il a répondu: „Если можно, то еще менѣе чѣмъ 25-го." Il n'a pas mis les pieds à Alexandrie, ni au grand Palais—enfin dans aucun endroit où il avait l'habitude de demeurer avec l'Impératrice ***). A Serghiefka, campagne de sa fille, la G. Duchesse Marie il occupe deux pièces bien exigües au grenier et vient travailler tous les jours à Monplaisir ou au Palais Anglais. L'Héritier est attendu le 10 ou le 12 Juillet. On le dit très amoureux de sa fiancée, qui le mérite bien à en juger par son portrait et parce que l'on en entend dire.

P. S. L'Empereur m' a dit qu'il n'entendait pas que ceux qui ont si bien servi et tant supporté pendant ma malheureuse expédition soient victimes des circonstances indépendantes de personne et m'a autorisé à faire ma présentation pour des récompenses.

№ 17. *Peterhoff, 6 Juillet, 1840.*

Jusqu' à présent je ne bouge pas d'ici et ne trouve pas un moment pour aller à Pétersbourg—c'est vous dire qui je ne suis pas mécontent de mon sort et quoique en conscience je n'ai

*) 25-го іюня рожденіе Императора Николая Павловича.

**) 1-го іюля рожденіе Имп. Александры Ѳеодоровны.

***) Имп. Александра Ѳеодоровна была въ то время за границей.

par démérité aux yeux du Souverain, je n'en suis pas moins profondément touché et reconnaissant à Sa Majesté de montrer aussi ostensiblement à *présent* que je suis digne de ses bontés comme je l'etais *avant*.

Les nouvelles de l'Impératrice sont excellentes; l'Héritier est attendu ici pour le 8. Samedi prochain l'Empereur va à Krasnoe Sélo faire des revues partielles, suivies des manoeuvres générales.

Le temps est infâme—on crie au miracle quand on voit le soleil.

№ 18. *3 Mars.*

En ouvrant ce grand paquet et en y trouvant ce peu de lignes pour vous, cher ami, vous vous rappellerez sans doute de la montagne qui accouche d'une souris. Que voulez vous, c'est plus fort que moi, j'ai tout à fait perdu l'habitude et presque la faculté d'écrire et je trouve, que ne pas écrire, c'est une des jouissances de la vie. Aussi je vous dirai seulement, que je vous aime, parce-que vous êtes un bon garçon, qui ne m'oubliez pas, et qui avez de l'amitié pour moi, tout comme si je vous écrivais.

Adieu, il n' y a rien de nouveau chez nous, si ce n'est le président du conseil, qui n'est pas encore nommé, je dirai plus, qui n'est pas encore deviné.

№ 19. *5 Avril, 1842.*

.....List à joué hier à la soirée de l'Impératrice; il a enlevé tous les suffrages; les personnes le plus décidées à garder leur sangfroid et à ne pas imiter les exaltations germaniques n'ont pu resister à l'entraînement de ce prodigieux talent.—Je n'ai plus que cinq semaines à peu près à rester ici; je serai enlevé par le premier bateau à vapeur de la couronne qui est destiné à ramener ici l'un des nombreux Princes qui cet été viendront passer l'hiver à Pétersbourg.

№ 20. *24 Fevrier, 1847.*

C'est une affreuse nouvelle que celle de l'assassinat de l'Emp. d'Autriche, quoique j'espère bien qu'il en réchappera. Il paraît que nous aurons de nouveau toute la procession des horreurs démagogiques. Mais l'autre histoire, l'affaire de Politkofsky est, selon moi, encore plus triste, plus infâme et plus honteuse pour l'humanité en général et pour le nom Russe en particulier; en la lisant, j'ai rougi jusqu'au blanc des yeux, en pensant au retentissement, que cela aura en Europe. Je conçois l'indignation et le juste courroux de l'Empereur—je le conçois, et je tremble à l'idée, que moi aussi, j'aurais pu y être exposé, car enfin si je n'ai jamais fait partie du comité des invalides, ce n'est que par pur hasard, et si j'avais été nommé membre de ce comité, je ne suis pas du tout sûr, que je me serais montré plus prudent que les autres aiguilletes.

Il y a de cela un mois, le commandant d'Orsk a été assassiné à coups du hâche par trois individus masqués, qui se sont introduits le soir dans sa maison et qui, le coup fait, ont pillé ce qu' ils ont trouvé d'argent. Les trois criminels ont été découverts et convaincus. C'était trois militaires de différentes armes; je Vous conte tout cela parcequ'il n' y a pas une demi heure que le principal coupable a été fusillé aux portes de la forteresse en présence d'une foule immense de spectateurs;—les deux autres criminels seront exécutés sur le lieu même du crime. La fusillade est un mode de punition trop douce pour certains crimes, et qui a le mauvais côté de donner parfois à un coquin l'occasion de se poser en héros, en montrant de l'indifférence aux apprêts imposants de la cérémonie funèbre.

№ 21. *13 Janvier 1852.*

Votre dernière lettre, mon cher ami, était une véritable nécrologie, heureusement qu'il n'y était question de personne qui me fut cher; on a beau faire et beau dire, il est impossible de se défaire de l'habitude, de regretter ceux que nous voyons enlever par la mort: au lieu de dire simplement: à revoir, on les

pleure, on se lamente, comme si la séparation pouvait être longue, comme si nous n'étions pas presque tous mortels. Il est vrai que le choléra ajoute au désagrément de la chose,—cependant s'il m'était permis de choisir je préférerais cette manière de quitter ce monde à celle qui me pend à l'oreille.—Mais j'oublie que je me laisse aller à parler de choses défendues, il fallait cependant vous dire que décidément je dois renoncer au voyage de Pétersbourg et que ce n'est pas un excès de santé qui m'empêche de partir.

№ 22. *28 Avril 1852.*

Dans quinze jours ou plus tard je quitte Orenbourg pour me rendre sur le Syr-Daria et pour faire une promenade le long de la rivière en la remontant, dans le but de chatier les kokhaniens, qui y ont construit des forteresses et s'amusent depuis quelques années à piller nos pauvres kuirguis. Voilà toute la vérité, je vous en donne ma parole; je ne sors pas de chez moi à la rigueur, car la cour du Syr-Daria autant du moins qu'il fait la limite de nos steppes, nous appartient; je vous dis tout cela afin qu'en temps et lieux vous puissiez remettre sur la vraie voie les éxagérateurs, qui disent déjà, que je vais à Khiva etc., etc., le tout peut être pour pouvoir ajouter après, que je n'ai pas pu y arriver.

№ 23. *Orenbourg, 12 Mai 1853.*

Après demain je me mets en route; le détachement et les trains sont en marche depuis longtemps; de ma personne j'irai sans m'arrêter et il ne me faudra qu'une vingtaine de jours pour me rendre aux embouchures du Syr-Daria, c'est à dire, que je compte faire de 50 à 60 verstes par jour, en comparaison du chemin de fer c'est presque le pas d'une écrevisse, mais n'oubliez pas qu'il n'éxiste pas de relais sur cette route et que je la fais avec les mêmes chevaux; un travail bien plus pénible que la fatigue de la marche attend ces chevaux sur place. Je suis comme

*

vous le pensez bien dans toutes les horreurs des préparatifs de voyage.

№ 24. *Orenbourg, 14 Septembre 1852.*

Vous avez tenu la campagne plus longtemps que moi, cher ami, car il y a déjà plus d'un mois que j'ai du troquer mon délicieux séjour d'été dans les montagnes, contre la misérable bicoque d'Orenbourg.—J'aurais payé cher, pour vous posséder ne fusse que pendant quelques heures dans le petit coin de terre que je me suis arrangé en Bachkirie, comme la belle nature que vous êtes obligé d'admirer à Sakolniki, vous aurait paru mesquine comparée à ces magnifiques montagnes couvertes de beaux chênes, à ces immenses prairies où les fleurs que vous cultivez dans vos jardins, viennent spontanément et se succèdent sans interruption depuis le mois de Mai jusqu'à la fin de Septembre! Et quels points de vue, quel panorame, si vous voulez vous donner la peine de monter à cheval et de suivre l'un des nombreux sentiers qui à travers le bois vous mênent aux hauteurs voisines! Sa Majesté donnerait volontiers quelques millions, si avec de l'argent on pouvait transporter à Царское Село ou à Péterhoff un de ces sites, dont le bon Dieu a si libéralemant pourvu le gouvernement d'Orenbourg. Ne croyez pas que j'éxagère: j'ai vu assez de beaux paysages dans ma vie, et je n'en ai pas rencontré qui puissent se comparer à ceux d'ici.—Au fond ce n'est que justice,—il faut bien quelque compensation pour la vie de privations que nous menons.

№ 25. *Orenbourg, 17 Mai 1853.*

Dans une heure ou deux je passe en Asie pour y mener pendant deux ou trois mois la vie nomade, que je connais assez pour n'en rien attendre d'agréable.—Ma santé passablement remise me permet d'espérer que je supporterai les fatigues et les tribulations qui m'attendent. Je me suis arrangé de manière, que pendant tout le temps que durera mon absence il y aura tous les huit jours un courrier qui m'apportera l'extra et un autre que

j'expédierai avec mes lettres; la chose ne pourra pas se passer aussi régulièrement, que dans le pays soumis au sceptre d'Adlerberg mais je compte cependant qu'il n'y aura pas de grandes lacunes dans ma correspondance,—je compte surtout sur vous, mon cher ami,—vos lettres m'ont déjà réchauffé le coeur plus d'une fois quand il y a de cela treize ans je gelais là où je vais rôtir maintenant.—Je vous envoie une carte que je viens de faire lithocromer par mes artistes; elle contient tout le pays depuis l'embouchure de Сыръ-Дарья jusqu'au point à peu près où je remonterai le fleuve. *Personne* ne possède encore cette carte et je vous prie de ne pas vous vanter de l'avoir; vous savez que tout est mystère chez nous, ainsi de cette carte qui ne sera pas publiée.

La distraction que j'ai commise en écrivant l'adresse de votre lettre est bien compréhensible: je pense souvent à votre frère que j'aimais bien sincèrement.—Je n'ai pas la faculté de me représenter en idée les personnes absentes ou mortes: il n'y a d'exception que pour bien peu, et votre frère est de ce petit nombre; je le vois quand je veux, comme s'il était devant mes yeux....

№ 26. *30 Mai 1853.*

Me voici, cher ami, vous écrivant par 42° au soleil à peu près de même endroit, d'où il y a de cela treize ans je vous écrivais par 33° de froid.—Peu d'hommes ont eu l'occasion de faire cette double expérience, doublement curieuse sous le rapport de l'influence physique et morale qu'elle exerce sur l'homme. Je ne sais comment vous vous représentez la steppe Kuirguis? Vous croyez peut-être par exemple: que l'on y marche sur un gazon touffu entre deux ruisseaux transparents, qui vous charment par leur doux murmure; il n'en est rien,—la verdure n'est qu'une rare exception et le ruisseau, l'eau coulante n'éxiste plus dans cette saison; ce qui était une rivière, il y a de cela un mois, n'est plus maintenant qu'un chapelet de petits lacs, de misérables grenouillères, dont l'eau est tantôt salée et tantôt amère, rare-

ment douce et en tout cas tiède, encadrés de joncs et de touffes d'absynthe; pendant des centaines de verstes on ne voit, que sable, terre glaise et efflorescences de salines qui rappèllent la neige à s'y tromper. Voilà le paysage peu récréatif que j'ai sous les yeux et dont tous les jours nous parcourons 50 à 60 verstes; ma petite troupe est en avant de quelques jours, je n'ai plus que huit marches à faire pour la joindre et depuis Orenbourg (640 verstes) je n'ai pas fait une seule дневка avec les cent cosaques et la pièce de canon, qui forme ma garde; je n'ai pas un seul malade (vous savez, que dans ce cas on ne compte pas le chef) et je n'ai pas perdu un seul cheval; dans tout le détachement il n'y a qu'une dizaine d'individus слабые,—en un mot, tout va le mieux du monde; il y a du mieux, même pour ma santé et je commence à croire à la possibilité de vous revoir un jour, ce qui à mon départ de Pétersbourg me paraissait bien peu probable. Tout ce que je viens de débiter a l'air n'est ce pas de n'avoir traît qu'au physique de l'homme et cependant je n'ai rien à ajouter pour vous faciliter la conclusion morale, car pour faire le métier, que nous faisons sans préjudice à la santé, il faut de toute nécessité, que l'homme soit soutenu par une force interne, que le **русскій человѣкъ** seul possède. Pendant ma campagne d'hiver dans ce pays où nous avons eu tant à souffrir, le soldat, les cosaques ouraliens surtout chantaient le jour et la nuit sans avoir l'air de se douter, que le mercure etait gelé dans le thermomètre; cela pouvait se concevoir en quelque manière par le besoin de se réchauffer, tout exercice même le chant *con amore* réchauffe, mais les entendre chanter maintenant depuis le lever jusqu'au coucher du soleil, vraiment je n'y conçois rien, car certes cela ne saurait les rafraîchir.

№ 27. *25 Juin 1853. Rive droit du Karaousiak en face du fort ruiné Koch-Kourgan.*

L'eau est bonne, il y a de l'herbe et c'est le 25 Juin, c'est plus de raisons qu'il n'en faut pour laisser un peu reposer mon

nmode hommes et bêtes; ainsi relache aujourd'hui, point de marche et j'en profite pour vous dire quelques mots, cher ami. Ce matin nous avons prié pour la santé de l'Empereur et je vous assure, que ce te-Deum, chanté dans le désert, cette poignée d'hommes agenouillée devant la croix, qui pour la première fois apparait dans ces lieux, était un spectacle émouvent, plus touchant que la messe, chantée en même temps à l'église de Péterhoff. Il était 9 heures du matin et le thermomêtre marquait 38°. Le 6 Decembre 1839 je priais Dieu dans le même désert par 32° de froid. Je ne sais si l'on peut dire, que les extrêmes se touchent. Nous avons déjà eu 49° au soleil et jusqu'à 30° à la lune; pour de l'ombre nous n'en avons pas, je la payerais au *poids de l'or*, si je pouvais m'en procurer. Ce qu'il y a de plus difficile à supporter ce sont les 35 m. espèces de cousins et de слѣпни. Cependant dans tout le détachement il n'y a que cinq malades et je n'ai pas perdu un seul cheval, cela n'est pas malheureux surtout si l'on considère, qu'ils n'ont pas tous les jours de l'herbe et rarement de l'avoine. Le Syr-Daria est un magnifique fleuve 3 et 6 sagênes de profondeur et rarement moins de 250 de large; c'est une masse d'eau tout à fait imposante et qui depuis des milliers d'années coule en pure perte; elle ne peut fertiliser les bords arides, dénués de toute végétation la plus-part du temps; les oasis d'herbes ne se rencontrent que rarement de 20 en 30 verstes, et n'occupent que des espaces très bornés. Aussi en été il serait impossible de traverser ce pays avec un détachement plus nombreux que le mien. Je ne suis plus qu'à sept jours de marche assez difficile d'Ak-Metchet —but de mon voyage; j'ai fait plus de 1,200 verstes et je suis à peu près dans la même ignorance qui je l'était à Orenbourg sur ce qui nous attend. Tout ce que nous craignons c'est que l'ennemi ne déguerpisse au lieu de nous attendre, ce serait dur il faut l'avouer après toutes les difficultés, toutes les tribulations, que nous endurons et surmontons. Et quand je pense, que pour revenir il faudra, que je refasse ces mêmes 1,500 verstes avec des chevaux plus fatigués, moins de paturage encore et du soleil plus brûlant! Cela fait venir la chair de poule! Приходитъ на умъ, что

мнѣ собственно, pour ma personne, не стоитъ труда возвращаться, можно-бы и здѣсь остаться подъ какимънибудь курганчикомъ.

№ 28. *27 Juin 1853.*

Je suis absolument de votre avis, cher ami, sur le compte de la manière peu satisfaisante de Gortchakoff de vous donner les détails de l'affaire du 6, il y a même des contradictions, entre le dernier bulletin et la nouvelle télégraphique, qui parlait de 600 prisonniers, tandis que le bulletin n'en fait pas mention. Les journaux français et surtout anglais nous apprendront probablement plus que nous n'en savons par l'Invalide. Хрулевъ est bien le même qui a fait avec moi la campagne d'Ak-Metchet. Il possède d'éminentes qualités militaires, paie de sa personne bravement et d'une manière intelligente; sait inspirer une grande confiance au soldat, et peut être extrêmement utile à Sévastopol et il vient de le prouver brillamment, mais il faut savoir l'employer. Si nous avions quelques généraux de plus de son calibre, je pense que l'assaut manqué des alliés aurait pu avoir pour eux de bien autres suites et je crois que Хрулевъ n'aurait pas demandé mieux, que de les poursuivre dans leur camp. Il paraît que nous n'étions pas en mesure de le faire et qu'il y a plusieurs dessous de cartes que nous ne connaissons pas.

Il est bien curieux de savoir comment cet échec sera accepté à Londres et à Paris et ce qu'ils imagineront pour l'atténuer il ne serait pas moins intéressant de connaître les plans et les espérances de Pellissier.

№ 29. *16 Juillet 1853.*

Trois cents hommes décidés à se défendre jusqu'a l'extrémité, enfermés dans une forteresse, dont les murs en terre glaise ont 5 sagènes d'épaisseur et autant de hauteur sans compter le fossé, ne peuvent être réduits à se rendre sans que l'on fasse des

travaux de siège. Aussi me voilà depuis huit jours à fouiller la terre, à m'avancer à pas de tortue et cela me réussit assez bien, car jusqu'à présent je n'ai perdu que 4 hommes et quelques blessés. Ak-Metchet sera prise d'une manière peu brillante peut être, mais il s'âgit d'épargner le sang de nos soldats et non de fournir un article de journal et d'imprimer un bulletin bien ronflant. Mon expédition est secrète et pourvu que les kokaniens sachent, qu'ils sont battus et que la place est enlevée, je n'en demande pas plus.

№ 30. *Ak-Metchet. Prise d'assaut le 28 Juillet à 4 h. du matin 1853.*

Je ne sais trop à quel point l'assaut et la prise d'une forteresse peut rester secrète, cependant comme ce n'est que le résultat d'une expédition qui lètait (secrète) je crois plus prudent de m'abstenir de tout dètail à ce sujet, je me contenterai de vous dire qu'après avoir fait sauter une partie de la muraille, nos soldats et nos cosaques, à qui mieux mieux, ont attaqué la brèche dèfendue par la garnison, qui ne voulait pas se rendre, elle a tenu ferme même après que nous sommes entrés dans la place—plus de 300 hommes ont été tués par nos bayonnettes et nos sabres. En somme c'est un brillant fait d'armes, qu'il serait dommage et j'ose dire inutile de dissimuler.

Si mon aide-de-camp Eversmann, porteur de cette nouvelle parvient à vous voir avant de prendre le chemin de fer il vous donnera des détails qu'une extrême fatigue m'empêche vous écrire.

№ *16 Août 1853.*

Remarquez vous, mon cher ami, que votre vocation de tout trouver pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles devient de plus en plus difficile. Vous avez beau vous battre les flancs il n'en sort que de bien faibles consolations, tirées par les cheveux et toutes basées sur des illusions. Vous vous

réjouissez par exemple de ce que Palmerston a enfin jeté le masque et avoué, que ce n'est pas pour soutenir la Turquie ni pour maintenir l'équilibre de l'Europe que l'on nous fait la guerre, mais bien pour faire pencher la balance du côté de l'Angleterre et de la France. Que nous revient-il donc de cet aveu dépourvu de pudeur? Cela fera-t-il revenir l'opinion publique en Angleterre et en France de notre côté? L'acharnement au contraire a tout l'air d'augmenter chez la nation marchande, ses actes de flibustiers se multiplient, elle nargue toute l'Allemagne, elle intimide l'Autriche et en France l'Elu de la nation continue à en faire des choux et des raves selon son bon plaisir. Nous sommes plus loin que jamais du chemin, qui mène à la paix; on ne saurait douter que la guerre durera longtemps, et dans cette assurance, savez vous ce qui me déplait le plus? C'est la froideur de notre noblesse, qui après avoir fait des phrases sur la dernière goutte de sang et le dernier rouble, qu'elle était prête à sacrifier pour la défence de la patrie, trouve, que c'est un effort au dessus du possible que de marcher avec les ополченія. Voyez, comme elle se conduit dans presque tous les gouvernements; du moins c'est ce que l'on dit. Le peuple Russe n'a pas changé, il est encore ce qu'il était en 1812, mais la noblesse n'est plus à reconnaître. Or, comment ferons nous durer la guerre, si les hautes classes en sont déjà lasses dès le début. Voilà, mon cher Pangloss, ce qui m'attriste et me fait pousser des soupirs. Je vous saurais un gré infini, si vous pouviez dissiper l'humeur noire qui me poursuit surtout depuis quelque temps. J'ai aussi des raisons locales pour n'être ni gai, ni content.

№ 32. *13 Juin 1854.*

Votre № 82 n'est plus aussi Pangloss, cher ami, et je trouve la chose toute simple, car pour le moment il est tout à fait impossible de prétendre, que tout va pour le mieux dans le meilleur des mondes! Moi, qui n'ai jamais vu les choses en rose,

je n'en suis pas moins peiné et inquiet de la tournure qu'elles prennent.

Nous n'avons plus rien de bon à attendre de Crimée et de la mer d'Azow et je cherche le point d'où l'on pourrait tirer quelque consolation pour notre avenir le plus prochain. Nous ne sommes qu'au mois de Juin, notre auxiliaire ordinaire est encore bien loin de nous! Que se passera-t-il d'ici à l'arrivée des glaces dans la Baltique et des bourrasques dans la mer Noire! и грустно и страшно. Nous n'avons cependant pas le droit de nous laisser aller au découragement car il est manifeste, que Dieu ne nous abandonne pas, sans cela les choses iraient bien plus mal, les hommes ne faisant rien qui vaille.

№ 33. *29 Janvier 1855.*

Que voulez vous, cher ami, c'est plus fort que moi! je ne saurais partager votre jubilation, — il m'est impossible d'avaler les cinq articles, même sans connaître tous les assaisonnement que les cuisiniers anglais, français et autrichiens y ajouteront et qui certes ne les rendront pas de plus facile digestion. Je ne veux pas dire par là, qu'il fallait coûte que coûte continuer la guerre, pour se prononcer la dessus il faudrait en savoir plus long que ce que je sais; je veux croire, au contraire, que nous nous trouvons dans la nécessité malheureuse de conclure une paix humiliante, mais cette cruelle nécessité ne saurait m'inspirer pour le présent d'autres pensées, que les plus tristes et les plus amères, sans la moindre lueur consolante dans l'avenir. Dieu donne, que je me sois trompé dans mes funestes pressentiments; — ce n'est pas la perte de notre influence Européenne que je regrette et ce n'est pas l'ennemi du dehors que je crains, c'est la désaffection du peuple pour son Souverain,—c'est l'accusation de faiblesse etc. et tout ce que ces deux motifs peuvent chez nous amener à leur suite.

№ 34. *18 Septembre 1856.*

Parmi toutes les nouvelles, que vous m'avez communiquées, cher ami, vous avez eu la malice de garder un profond silence sur ce qui me regarde. «L'Invalide» a imité votre exemple, ce qui fait, que je dois vous paraître d'une indiscrétion scandaleuse en vous faisant part de l'imprimé ci inclus.

Mais je veux pousser mes confidences plus loin encore; apprenez donc, si vous ne le savez déjà, que le délabrement de ma santé est arrivé à un point qui ne me permettra plus de conserver mon poste et que j'ai demandé à le quitter.—Depuis longtemps déjà, mais surtout depuis un an ma vie n'est pour ainsi dire qu'une douloureuse agonie et un combat continuel de mes forces morales et physiques.

J'y ai mis toute l'énergie, dont je suis capable et j'ai tenu autant que faire se pouvait, mais à l'impossible nul n'est tenu, surtout quand la conscience me dit, qu'une plus longue lutte serait nuisible au service et par conséquent au bien du pays que j'administre et que j'aime par-dessus tout.

J'aurais pu encore tromper les spectateurs, mais impossible de me faire illusion à moi-même. — Пора уступить мѣсто другому. — Dieu veuille que mon successeur travaille avec le même amour, que j'ai fait pendant 15 ans. Je comptais mourir à mon poste, mais la mort ne vient pas quoique la vie n'y est plus. C'est avec un sentiment bien pénible, avec un serrement de cœur bien douloureux, que j'obéis à ma consience en faisant le sacrifice que je fais.

№ 35. *27 Novembre 1857.*

Jusqu'au dernier moment je m'étais flatté de l'espoir, que mon frère Léon réchapperait de la maladie qui l'a emporté; à présent je considère sa mort tout bonnement comme un passe droit; de toute manière c'était mon tour, car je ne suis absolument bon à rien, tandis que lui pouvait encore être très utile et sera difficilement remplacé. — Qu'il en soit selon la volonté de Dieu! il ne faut pas être égoiste.—Mon frère n'a jamais été

apprécié comme il mériterait de l'être; il avait une bien belle âme et un excellent cœur, mais peu expansif et par cela méconnu. Actuellement même, d'après ce que vous me dites, vos jugeurs l'accusent très gratuitement, d'avoir fait un testament en faveur de mon neveu au préjudice de mon frère B. Jusqu'à présent j'ignore absolument ce qui en est, mais en tout cas B. ne pouvait et n'a jamais compté sur la succession de Léon qui *a des enfants;* sa fortune n'était pas assez considérable pour être morcelée, et il n'aurait pu la tester à B. qu'en le chargeant de la transmettre et alors le testament aurait été une espèce de mystification. Il faut dire encore que dans notre famille il y a des membres bien autrement génés dans leurs affaires, et bien plus surchargés d'enfants que B. Vous voyez donc, mon cher ami, que vos *Solons de salons* ne savent ce qu'ils disent.

№ 36.

Письмо графа Перовскаго къ одной изъ его родственницъ передъ началомъ второго похода, въ 1853 г. (въ Коканъ).

Je réponds à ta lettre du 4 et je n'ai que le temps de te dire deux mots, car dans quelques heures je me mets en route et d'ici là j'ai encore un tas d'affaires à expédier.

Tu expliques parfaitement ma position *dans le monde;* c'est aussi comme cela que je l'entends et je tache de faire comme tu dis. Je sais que les deux maladies que j'ai eues, sont des appels, des avertissements et je cherche à me mettre en règle autant que cela dépend de moi; какъ умѣю, такъ и дѣлаю— mais il est si difficile de faire marcher de front les devoirs de ce monde avec les préparatifs pour l'autre. L'excellent livre, que tu m'as envoyé me facilite,beaucoup la besogne *). Je suis un peu plus content de moi depuis que je le lis. Cette lecture me fera le plus grand bien et me donnera des forces pour supporter les tribulations et les épreuves qui m'attendent. On fait de l'expé-

*) Bossuet—„Les Commentaires sur l'Evangile".

dition que je vais entreprendre une affaire importante et cela à mon grand désavantage, car c'est une entreprise absolument insignifiante dont l'issue la plus heureuse ne présentera rien de brillant. Quand j'aurais obtenu tout le résultat possible, ce sera si peu de chose que l'on croira généralement que l'expédition est manquée.

Je te dis cela pour te faire voir que dans cette entreprise il n'y a pas de place pour l'ambition, au moins pour ma personne — malgré qu'il y en a qui pensent le contraire. C'est un devoir de conscience que je remplis et à toi je puis dire que c'est une bonne action que je fais.

Si nous nous revoyons, tu sauras en quoi elle consiste et tu m'approuveras. Quant à ma santé, je puis te donner ma parole qu'elle risquerait bien plus d'être compromise si je restais ici, qu'elle ne souffrira des fatigues aux quelles je l'expose en me transportant sur lieux... etc., etc.

№ 1. *Уральскъ, 25 августа 1837 г.*

Скоро два мѣсяца, какъ я нахожусь въ Уральскѣ. Причина моего пребыванія здѣсь, можетъ быть, вамъ извѣстна: это—опять-таки волненія казаковъ Урала,—и сначала, дѣло было очень серьезное... Вы знаете, что всѣ казаки Урала—ярые раскольники. Постройка на ихъ землѣ нѣсколькихъ православныхъ церквей возбудила ихъ религіозный фанатизмъ—и злонамѣреннымъ людямъ удалось взбунтовать народъ и возстановить его противъ мѣстныхъ властей, которыя, впрочемъ, не подали ни малѣйшаго повода къ неудовольствію. Благодареніе Богу, на этотъ разъ все кончилось, какъ всегда кончается въ моемъ „королевствѣ“: послѣ родительскаго внушенія, преподаннаго нѣкоторымъ, послѣдовало полнѣйшее умиротвореніе. Въ настоящее время, самые упорные дивятся тому, что имѣли глупость подвести себя подъ наказаніе, котораго легко можно было избѣжать. Чтобы пояснить Вамъ все это дѣло, прилагаю дневной приказъ, который предшествовалъ моему прибытію въ Уральскъ и произвелъ хорошее дѣйствіе. Сообщая Вамъ наши мѣстныя новости, полагаю, что имѣю право просить и Васъ, въ свою очередь, извѣстить меня о путешествіи Ихъ Величествъ. Относительно этого нахожусь въ полной неизвѣстности.

№ 2. *Оренбургъ, 16 ноября 1837 г.*

Благодарю васъ за извѣстія; жду дальнѣйшихъ, такъ какъ вы теперь у источника ихъ—и мой един-

ственный корреспондентъ въ Москвѣ. Адлербергъ же слишкомъ занятъ, когда онъ на службѣ, и слишкомъ лѣнивъ, когда отдыхаетъ на лаврахъ,—такъ что черезъ него я не могу ничего узнать.

Остался ли доволенъ Императоръ административными распоряженіями Розена (на Кавказѣ)? Какая причина немилости къ Николаю Муравьеву? Что рѣшено касательно пребыванія двора въ Москвѣ? и пр. и пр. Найдите время все мнѣ сообщить. Право, нужно вашу доброту, чтобы переписываться со мною—въ то время, какъ я не могу отплатить тѣмъ же, и нужна моя увѣренность въ томъ, что вы унаслѣдовали отъ вашего добраго брата его дружбу ко мнѣ—безъ чего нельзя было бы оправдать мою докучливость въ отношеніи васъ.

Послѣдняя экстра-почта (изъ Москвы въ Оренбургъ) опоздала на 48 часовъ; на этотъ разъ, опозданіе объясняется затрудненіями при переправѣ черезъ рѣки; но вообще, почта съ нѣкоторыхъ поръ менѣе аккуратна и часто опаздываетъ на сутки, безъ всякаго основательнаго повода.

№ 3. *Оренбургъ, 7 декабря 1837 г.*

Изъ всего вами сообщеннаго, всего болѣе удивляетъ меня новость, касающаяся меня—о моемъ назначеніи на мѣсто Розена. Тѣ, которые дѣлаютъ мнѣ честь считать меня достойнымъ, будутъ удивлены, узнавъ, что я не только не желаю, но былъ бы недоволенъ. Мой теперешній постъ, конечно, не такъ блестящъ и не такъ почетенъ, но онъ даетъ мнѣ возможность доказать, что я могу быть полезенъ, прибавлю даже — что я сдѣлался необходимъ, — и въ настоящую минуту меня здѣсь трудно даже замѣстить, потому что начато многое такое, что я одинъ могу завершить. Наконецъ, если мнѣ суждено пробыть здѣсь еще нѣсколько лѣтъ, то я надѣюсь

оставить по себѣ репутацію, которая вознаградитъ меня за проведенную здѣсь жизнь. Совершенно противное случилось бы со мною на Кавказѣ; но вѣроятнѣе всего, что меня бы тамъ мѣсяцевъ черезъ шесть похоронили. Отставка Розена и неудовольствіе Государя вполнѣ оправдываютъ все, что было слышно про тотъ край отъ пріѣзжающихъ оттуда людей: все тамъ вверхъ дномъ—какъ военное управленіе, такъ и гражданское... Туда надо послать человѣка не только способнаго и благонамѣреннаго, но еще и чуть-чуть лѣниваго, или, по крайней мѣрѣ, человѣка, дѣятельность и энергія коего не была бы выдающимся качествомъ; слишкомъ же трудолюбивый человѣкъ нашелъ бы тамъ могилу—прежде, чѣмъ достигъ бы водворенія порядка. Могу ошибаться, но это—мой взглядъ относительно Кавказа.

Что же касается меня лично, то увѣряю васъ, что мое честолюбіе не стремится къ повышеніямъ; мое убѣжденіе такое, что можно отличиться, быть замѣченнымъ и заслужить всеобщее уваженіе на всякомъ постѣ: по моему мнѣнію, исправникъ, который всю жизнь добросовѣстно исполнялъ бы свои обязанности, заслуживаетъ столько же похвалы и признательности, какъ и военный губернаторъ, поступающій такимъ же образомъ.

№ 4. *Оренбургъ, 25 ноября (годъ не означенъ).*

Вотъ историческій анекдотъ, который дастъ вамъ понятіе о нашихъ буранахъ. На дняхъ, во время одного такого бурана, двѣ казачки изъ станицы, принадлежащей къ Оренбургу, вышли въ полдень изъ дому, чтобы принести воды изъ колодца, находящагося для одной въ 20, а для другой въ 50 саженяхъ отъ жилья; ни та, ни другая не вернулись; черезъ нѣсколько часовъ ихъ нашли замерзшими: полныя ведра доказывали, что онѣ потеряли слѣдъ на возвратномъ пути.

Какъ это далеко отъ фіалокъ Флоренціи или апельсинныхъ деревьевъ Соренто!

№ 5. *Оренбургъ, 4 января 1838 г.*

Какое грустное извѣстіе вы сообщаете мнѣ въ вашемъ послѣднемъ письмѣ. Поистинѣ, можно-ли себѣ представить, чтобы такое великолѣпное, громадное и прочное зданіе, какъ Зимній дворецъ, сгорѣло, какъ изба. Но Эрмитажъ, коронные брилліанты и другія богатства спасены; можно еще утѣшиться о потерѣ остального. Остается только денежный вопросъ, а Уралъ и Алтай пришлютъ нѣсколько сотенъ пудовъ золота, если этого отъ нихъ потребуютъ. Эпизоды, вызванные этимъ несчастнымъ событіемъ, также весьма утѣшительны. Трогательные поступки, разсказанные вами, поистинѣ услаждаютъ душу. Вотъ дѣла, которыя было-бы необходимо вывести наружу, публиковать и заставить повторять, хочешь не хочешь, иностранную печать. Къ несчатію, именно этого ничего и не сдѣлаютъ; мы на этотъ счетъ непозволительно скромны, наши газеты и тѣ, кто ими заправляетъ, предаются часто удручающему, и скажу даже, возмутительному молчанію. Возможно ли, напримѣръ, что о событіи, какъ пожаръ Зимняго дворца, совершившемся 17-го, не было упомянуто въ листкахъ отъ 20-го, полученныхъ мною одновременно съ вашимъ письмомъ. Во всякомъ другомъ государствѣ все это было-бы немедленно напечатано съ прибавленіемъ ежечасныхъ бюллетеней. Непостижимое молчаніе при такихъ обстоятельствахъ можетъ дать впослѣдствіи поводъ къ совсѣмъ ложнымъ и опаснымъ истолкованіямъ, да и не можетъ быть иначе. Иногда запоздавшее объявленіе не въ силахъ даже исправить вредъ, причиненный молчаніемъ, которое въ силу именно того, что ему пріискивается причина, поселяетъ въ умахъ недовѣріе. Я тѣмъ болѣе благодарю васъ за подробности этого печальнаго событія.

Гдѣ поселиться Дворъ и все къ нему принадлежащее? Аничковскій, Таврическій и Мраморный дворцы— всѣ три въ совокупности не могутъ вмѣстить и четверти личнаго состава Зимняго дворца. Не послужитъ-ли это поводомъ къ возвращенію въ Москву?

№ 6. *Оренбургъ, 20 іюня 1839 г.*

Настоящее счастье быть въ перепискѣ съ такимъ человѣкомъ, какъ Вы; думаю, что въ цѣломъ мірѣ не найдется другого, болѣе безкорыстнаго; Вы сообщаете мнѣ новости самыя свѣжія, самыя интересныя, которыхъ я не найду ни въ газетахъ, ни въ частной моей перепискѣ; что могу дать я взамѣнъ? При всемъ моемъ желаніи, припоминая всѣ событія, совершившіяся на пространствѣ отъ Волги до Бухары, не могу сообщить ничего достойнаго Вашего вниманія. Въ данное время я всецѣло поглощенъ приготовленіемъ къ научной экспедиціи на берега Аральскаго моря: она должна быть обширнѣе всего того, что было сдѣлано въ этомъ направленіи; она должна изслѣдовать страну, совершенно неизвѣстную европейцамъ; но время этихъ изслѣдованій не обозначено еще точно. Во всякомъ случаѣ, она можетъ быть предпринята только послѣ моей поѣздки въ Москву. Туркмены нынѣшній годъ чрезвычайно дерзки на Каспійскомъ морѣ: ихъ корсары захватили уже около 400 нашихъ астраханскихъ рыболововъ, большею частью въ устьяхъ Волги, такъ что наши промышленники не осмѣливаются больше выходить въ море. Это постыдно. Флотилія Каспійскаго моря не можетъ придти на помощь, такъ какъ существуетъ только по имени.

№ 7. *Оренбургъ, 15 августа 1839 г.*

Двѣ недѣли тому назадъ я былъ еще убѣжденъ, что буду имѣть удовольствіе видѣть Васъ во время

*

маневровъ подъ Бородинымъ; я даже намѣревался пріѣхать не позднѣе 20-го; но „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ!“.— Повидимому, симбирскіе и саратовскіе поджигатели, или, по крайней мѣрѣ, ихъ дьявольская идея переселилась въ Оренбургъ: со второго числа этого мѣсяца, день перваго пожара, за которымъ послѣдовало три другихъ, довольно значительныхъ, и не прошло дня безъ попытки поджоговъ: лавки закрыты, вещи уложены на возы и вывезены за городъ; жители не спятъ ни днемъ, ни ночью; всеобщая паника, постоянное отчаяніе... Главная часть домовъ Оренбурга и особенно предмѣстій—полусгнившіе бараки, которые отъ чрезмѣрной засухи представляютъ изъ себя хорошій горючій матеріалъ; городъ расположенъ далеко отъ воды; въ продолженіе болѣе двухъ мѣсяцевъ не было ни капли дождя; при этомъ, каждодневные ураганы, а къ довершенію картины—три пожарные насоса безъ пожарной команды. Вы представляете себѣ, какъ могу я быть спокоенъ среди всего этого, и какъ пріятно двигаться по жарѣ, которая, въ тѣни, достигаетъ 20° тепла.

По счастью, манія поджигательства, кажется, еще не проникла внутрь губерніи; говорю *кажется*, потому что имѣю уже извѣстіе о трехъ довольно значительныхъ пожарахъ, но причины ихъ, хотя и неизвѣстныя, могутъ быть объяснены естественнымъ путемъ.

Какъ бы то ни было, о моей поѣздкѣ въ данную минуту не можетъ быть рѣчи. Нѣсколько поджигателей были задержаны на мѣстѣ преступленія; они переданы слѣдственной коммиссіи, но до сихъ поръ не было возможности открыть какой-либо заговоръ, особенно ничего на политической подкладкѣ; тѣ, которые схвачены —не поляки; *) такъ что я съ своей стороны объясняю все самымъ простымъ и прозаическимъ образомъ: я думаю,

*) Здѣсь упоминается о ссыльныхъ полякахъ, попавшихъ въ Оренбургъ послѣ возстанія 1831 года.

что здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ городѣ и въ селахъ, есть люди, для которыхъ нѣтъ большаго удовольствія, какъ поджечь домъ своихъ сосѣдей изъ мести, изъ зависти и т. д.; слуги питаютъ такія же чувства къ господамъ; при обычномъ порядкѣ вещей всѣ эти люди подверглись бы слишкомъ большой отвѣтственности при удовлетвореніи своихъ страстей, тогда какъ во время броженія умовъ, направленныхъ къ тому, что ихъ дома будутъ подожжены, неблагонамѣренные люди не боятся поджигать, убѣжденные, что подозрѣніе падетъ не на нихъ, а на поджигателей, которыхъ въ дѣйствительности можетъ быть и не существуетъ.

Вотъ печальныя причины, мѣшающія моей поѣздкѣ въ Москву, несмотря на все мое желаніе и даже необходимость ея для меня; но вѣроятно въ сентябрѣ я поѣду въ Петербургъ, гдѣ пробуду этотъ разъ не болѣе недѣли.

№ 8. *17 ноября 1837 г.*

Наконецъ вотъ мы пустились въ походъ... Весь отрядъ уже ушелъ, я-же остался здѣсь, чтобы написать коекакія письма. Завтра присоединюсь къ отряду. Въ настоящее время, у насъ совершенный хаосъ, и не можетъ быть иначе. Вѣдь въ прошломъ никакихъ указаній: все надо отгадывать, все ново для каждаго. Солдатъ никогда еще не вьючилъ верблюда, верблюдъ никогда не носилъ подобныхъ вьюковъ. Всѣ кричатъ, сердятся, теряютъ время; чрезъ нѣсколько времени, когда люди и животныя ознакомятся ближе, все пойдетъ лучше. Погода сыграла со мной плохую шутку. Послѣ двухнедѣльнаго постояннаго и пронзительнаго холода, вдругъ дождь и оттепель. Вотъ уже три дня, какъ это продолжается, и я очень боюсь, что придется потерять мясо и всѣ припасы, заготовленные въ разсчетѣ на постоянный холодъ; никогда здѣсь не было такой погоды въ ноябрѣ, особенно послѣ 20° мороза. Но что еще намъ предстоитъ?

Впрочемъ, съ Богомъ, впередъ—маршъ! А вы въ свободныя минуты помолитесь за насъ, право это будетъ не лишнее. Если судьба позволитъ намъ еще свидѣться, то много придется мнѣ вамъ поразсказать; въ противномъ случаѣ, не забудьте, что я не вѣтренникъ, не фанфаронъ. Всѣ возможныя мѣры были приняты, и если я не возвращусь, то потому, что есть несчастія, которыя человѣкъ не можетъ предотвратить. Прилагаю при семъ воззваніе и прокламацію, это только для васъ. Воззваніе будетъ, я думаю, напечатано въ газетахъ, но не сообщайте о немъ тѣмъ, которые могли-бы его публиковать, не дождавшись для этого Высочайшаго повелѣнія, какъ это случается иногда. При всякой удобной оказіи извѣщу васъ обоихъ (т. е. братьевъ Булгаковыхъ).

№ 9. *23 ноября 1839 г.*

Пишу вамъ съ послѣдняго населеннаго пункта; затѣмъ, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, прощай всему, что похоже на комфортъ: я уже провелъ двѣ ночи въ палаткѣ; первую при 30° градусахъ мороза. Послѣ усиленной топки, мнѣ удалось добиться подъ войлокомъ 15° мороза въ первую ночь, во вторую 25°... Вы можетъ быть подумаете, что не стоило топить, да и я того-же мнѣнья. Какое прелестное начало эти 30° въ третій день похода!.. однако, никто еще не отморозилъ себѣ ни рукъ, ни ногъ; но признаться откровенно, что испытаніе тяжко и если-бы пришлось нанимать людей для подобнаго похода, все уральское и алтайское золото оказалось-бы безполезнымъ, не нашли-бы ни офицеровъ, ни солдатъ, но по царскому велѣнью, рады стараться. Здоровье мое не совсѣмъ подходитъ къ тому, что меня ожидаетъ: я еще не вполнѣ оправился отъ лихорадки, которую схватилъ передъ отъѣздомъ изъ Оренбурга; къ этому прибавилось еще воспаленіе глазъ, и я воспользовался дневкой, чтобы приставить піявки къ вискамъ.

№ 10. *Башталаки, 6 декабря 1869 г. 250 верстъ отъ Оренбурга.*

У меня есть оказія отправить еще почту въ Оренбургъ, и я пользуюсь этимъ, чтобы исполнить мое обѣщаніе сообщить вамъ, что я здоровъ, по мѣрѣ возможности подвигаюсь впередъ и сдѣлалъ почти пятую часть нашего пути; говорить вамъ о безчисленныхъ затрудненіяхъ которыя мы испытываемъ по случаю суровой зимы, при недостаткѣ топлива, безполезно: вы легко себѣ можете представить ощущеніе, которое испытываешь, находясь цѣлыми днями и ночами подъ открытомъ небомъ, при морозѣ въ 30 градусовъ (а сегодня даже 32°); что вамъ покажется невѣроятнѣе, это—что при этомъ нѣтъ отмороженныхъ ни пальцевъ, ни носовъ и вообще очень мало больныхъ. Слава Богу, что до сихъ поръ морозы, хотя и сильные, не сопровождались вѣтрами; этого я болѣе всего опасаюсь, потому что тогда, не имѣя ни жилья, ни топлива, нѣтъ спасенія.

Сегодня, 6 декабря, при 32 градусномъ морозѣ отслужили молебенъ *) подъ открытымъ небомъ и салютовали Могу васъ увѣрить, что это была трогательная церемонія и что мы молились съ большимъ жаромъ и меньшей разсѣянностью, чѣмъ въ хорошо натопленныхъ церквахъ столицы; въ нашемъ положеніи молитва имѣетъ иной смыслъ, чѣмъ въ вашемъ: только при помощи Бога мы можемъ надѣяться преодолѣть стихіи и врага, и чувствуемъ, что погибнемъ, если молитвы наши не будутъ услышаны; однако, не думайте, что мы упали духомъ; ничуть! вы услышите пѣнье въ лагерѣ, какъ бы среди мая; правда, что кашляютъ чаще, чѣмъ поютъ; но я нахожу достойными похвалы и восхищенья пѣть темной ночью при 20 и 30° мороза, пользуясь огнемъ только при варкѣ пищи, а затѣмъ ни уголька, который бы ласкалъ зрѣніе,

*) Это былъ день тезоименитства Николая Павловича.

и сознавая, что завтра, послѣ-завтра и еще цѣлыхъ шесть недѣль будетъ продолжаться все то-же и съ тѣми же лишеніями... Прощайте.

№ 11. *Рѣка Эмба, въ 500 верстъ отъ Оренбурга, 4 января 1840 г.*

Вы, вѣроятно, думаете, что я уже въ Хивѣ, или близокъ къ ней! Увы! я еще не на половинѣ пути! Зима со всѣми своими ужасами обратилась противъ насъ. Тамошніе обыватели или лучше сказать киргизы не помнятъ такой суровой зимы, съ такими глубокими снѣгами. Со времени выступленія изъ Оренбурга термометръ рѣдко показывалъ менѣе 20° мороза. Два дня сряду было 31° и 33 градуса, а какъ только подымалось до 25°, начинался сильнѣйшій вѣтеръ и бураны. Трудно себѣ представить, не переживъ этого, что испытываетъ человѣкъ, когда, несмотря на всякія одежды, шубы и теплые сапоги, чувствуетъ прохватывающій его холодъ, когда знаетъ, что и завтра, и черезъ мѣсяцъ все еще будетъ то-же самое; что при этомъ нѣтъ топлива, чтобы отогрѣться или побаловать себя свѣтомъ костра во время длинныхъ, безконечныхъ ночей. Да, нужно испытать все это, чтобы понять! И все же мы не пали духомъ: „Лишь бы не было хуже, а это перенесемъ“,—говорятъ офицеры,—„право не о чемъ тужить“.—„Царю рады мы служить“—говорятъ солдаты. Мы дошли до того, что день въ 20° мороза считаемъ предвѣстникомъ весны, и скоро надѣемся грѣться на солнцѣ...

Было только три случая отмораживанія ногъ; конечно, вы согласитесь, что три человѣка на 4,600 человѣкъ не берутся въ разсчетъ, поэтому я умолчалъ бы объ нихъ, еслибы не желалъ, чтобъ вы знали все. Я увѣренъ, что насъ всѣхъ считаютъ уже замерзшими, а мы подвигаемся, хотя и черепашьимъ шагомъ, и достигнемъ цѣли, только мѣсяцемъ позднѣе. Остается сдѣлать самое трудное; я разумѣю не тѣ препятствія, которыя непріятель поста-

рается намъ причинить, такъ какъ безъ хвастовства скажу, что каждый изъ насъ стоитъ по крайней мѣрѣ 10 хивинцевъ, а все, что они могутъ намъ противопоставить, будетъ не болѣе 50 или 40 тысячъ,—но 700 верстъ пространства еще болѣе безплоднаго, чѣмъ то, которое мы прошли;—съ травой подъ снѣгомъ, а слѣдовательно не могущей служить кормомъ для животныхъ; а для насъ съ отсутствіемъ другой воды, какъ изъ талаго снѣга, при условіи, что не на чемъ таять,—вотъ гдѣ затрудненія; вотъ гдѣ необходима Божья помощь, такъ какъ человѣческая безсильна. Въ 180 верстахъ отсюда есть крѣпостца, на которую хивинцы на этихъ дняхъ сдѣлали нападеніе. Ихъ было 2,000 человѣкъ и, конечно они были прогнаны. Ихъ появленіе насъ удивило: мы не ожидали видѣть ихъ такъ скоро; они были настолько любезны, что встрѣтили насъ болѣе чѣмъ на полъ-дороги. Къ сожалѣнью, послѣ этого они не появились болѣе. Это вѣроятно былъ маленькій отрядъ, посланный на развѣдки. Если-бы мы имѣли возможность скорѣе вступить съ ними въ дѣло! Это общее желаніе моей малочисленной арміи; разъ бы мы помѣрились силами, они бы уже знали, чего ожидать. Еслибы только я не нуждался въ такомъ количествѣ верблюдовъ для передвиженія!

Ради Бога, пишите мнѣ; письмо друга, извѣстія о родинѣ, о Царской семьѣ для насъ, а особенно для меня, необходимѣе огня во время большихъ холодовъ. Мы уже доказали, что безъ него можемъ обходиться; но отсутствіе извѣстій вліяетъ прямо на душевное состояніе; это повидимому самое тяжкое испытаніе изъ всѣхъ, которыя мнѣ приходится выдерживать...

№ 12. *Акбулакъ, 650 в. отъ Оренбурга, 4 февраля 1840.*

Ваши письма утѣшали меня не разъ, съ той поры какъ я въ степи; обращаясь къ другу, чувствую потребность утѣшить самого себя въ моемъ несчастьи. Экспе-

диція положительно не удалась. Послѣ успѣшной борьбы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ съ сильнѣйшимъ холодомъ, почти ежедневными мятелями, прошедши сотни верстъ по глубокому снѣгу, неизвѣстному въ этихъ широтахъ, сохранивъ въ хорошемъ состояніи людей, лошадей и все имущество отряда, я былъ вынужденъ возвратиться, отказаться отъ побѣды и отъ успѣха болѣе чѣмъ возможнаго, пройдя болѣе половины дороги, самой трудной. Наши верблюды, которыхъ не поддерживала нравственная сила, заставлявшая насъ двигаться впередъ до nec plus ultra,—верблюды; говорю я, обезсилили въ ужасающей мѣрѣ, мы потеряли ихъ почти половину, остальные отказались окончательно идти съ нами и пришлось уменьшить вѣсъ вьюковъ; но для дальнѣйшаго пути, такимъ способомъ, пришлось бы увеличить число верблюдовъ, а наши падали ежедневно сотнями. Наконецъ, добравшись сюда, было ясно, что отдаляясь отъ нашихъ запасныхъ магазиновъ, мы одинаково находились бы въ невозможности двигаться впередъ или назадъ. На разстояніи послѣднихъ 150 верстъ, отрядъ потерялъ болѣе двухъ тысячъ верблюдовъ; съ оставшимися мы не могли бы поднять провіанта болѣе чѣмъ на мѣсяцъ, а впереди предстояло $2^1/_2$ мѣсяца похода. Выразить вамъ, что я испыталъ, подписывая дневной приказъ къ отступленію, и что я испытываю выполнивъ это, не въ состояніи. Все что слѣдовало предвидѣть и подготовить для успѣха экспедиціи, было сдѣлано; всѣ лишенія перенесены стойко; всѣ препятствія устранены, а между тѣмъ экспедиція не удалась по причинамъ, отъ которыхъ только одинъ Господь могъ насъ избавить. Старожилы степей такой зимы не запомнятъ. Пространство, нами пройденное съ такими затрудненіями и гдѣ мы нашли не только траву, но даже и кустарники, заваленные снѣгомъ, въ это время года было всегда убѣжищемъ многочисленныхъ ауловъ, перекочевывающихъ сюда за кормомъ для ихъ скота, когда его болѣе нѣтъ по сосѣд-

ству съ нашими границами. Мы, напротивъ, не нашли былинки травы для нашихъ верблюдовъ во время всего пути, ни одного кустарника для огня, такъ какъ, только усиленно расчищая снѣгъ, намъ удавалось добыть немного тощихъ корней, употребляемыхъ для варки супа солдатамъ; что же касается огня, чтобы обогрѣться, мы даже на него и не разсчитывали, а между тѣмъ вчера, 3-го Февраля, термометръ показывалъ 30° холода, сегодня 28°, третьяго дня 26° съ жестокимъ вѣтромъ, срывающимъ наши жалкія войлочныя палатки и длившимся 36 часовъ. Эти непривычные холода, а также отсутствіе корма причиняли гибель нашихъ верблюдовъ. Вы можете себѣ представить, что вынесли люди и насколько было трудно ухаживать за больными. А между тѣмъ, вопреки всему, лишеніямъ всякаго рода, затрудненіямъ и ежеминутнымъ препятствіямъ, мы бы достигли цѣли, не будь недостачи въ верблюдахъ, то-есть если бы я имѣлъ счастье напасть на зиму обыкновенную. Здѣсь я вынужденъ былъ бросить 150 четвертей муки и сухарей—пищу на шесть недѣль для всего отряда; возвращеніе наше тоже не легко: мы должны до нашей крѣпостцы на Эмбѣ, гдѣ хранится провіантъ, пройти 160 верстъ въ снѣгу и двѣ высокія горы. Это 15-ти или 18-ти дневный переходъ безъ корма для верблюдовъ... Дай Богъ, чтобы мы справились безъ страшныхъ приключеній. По прибытіи на Эмбу, хотя тамъ и есть припасы, отрядъ еще не спасенъ; ни одинъ изъ верблюдовъ не дотянетъ до этого срока. Придется набирать новыхъ,—что въ это время, при нашихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, представляетъ величайшую трудность. Помощи изъ Оренбурга нельзя ждать; нѣсколько дней дождя, а здѣсь они бываютъ въ мартѣ, могутъ истребить нашъ запасъ сухарей. Во всякомъ случаѣ, отряду придется ждать весны на Эмбѣ.

Резюме: Согласно самымъ точнымъ и вѣрнымъ разсчетамъ, я бы долженъ быть на полпути отъ Хивы, и при-

быть сюда съ провіантомъ по крайней мѣрѣ на два мѣсяца я послалъ также провизію на два мѣсяца въ Ново-Александровскъ, которому было назначено снабжать отрядъ въ случаѣ надобности. Осеннія бури разсѣяли суда, нагруженныя припасами для доставки въ Ново-Александровскъ. Нѣкоторыя погибли, и ни одно не достигло цѣли. Вмѣсто десяти тысячъ верблюдовъ, на которые я разсчитывалъ, осталось всего четыре тысячи съ чѣмъ-то и оказалось, что вмѣсто 4-хъ мѣсячнаго запаса, который я долженъ былъ имѣть въ враждебной землѣ, его было только въ обрѣзъ, чтобы совершить приблизительно половину пути. Предвижу какъ меня будутъ осуждать; для извиненія и оправданія нужна жертва и разумѣется это долженъ быть я; подчиняюсь съ покорностью и безъ возраженій тому, что скажутъ, а 4,000 свидѣтелей подтвердятъ, что по человѣчеству было возможно сдѣлать, и что было сдѣлано. Пусть меня судятъ, казнятъ, лишь бы не забросили дѣло; одна неудача не доказываетъ, что оно невозможно. Такія двѣ зимы, какъ тѣ, которыя выпали на мою долю, не случались дважды въ 50 лѣтъ, и только суровость этихъ элементовъ повредила экспедиціи. Пусть денежный вопросъ не служитъ препятствіемъ; несчастная, предпринятая мною злополучная экспедиція *была даровая*: это былъ отважный или смѣлый поступокъ. Резюме: успѣхъ вознаградилъ бы за всѣ траты. Правительству надобно дѣйствовать по англійски, тѣмъ болѣе, когда дѣйствуютъ противъ англичанъ: деньги ихъ никогда не останавливаютъ. Вотъ почему они вездѣ успѣваютъ, чтобы ни предприняли. Мы разсчитываемъ изо дня въ день, а они изъ вѣка въ вѣкъ. Разница тѣмъ болѣе громадная, что, разсчитывая на будущее, англичане рискуютъ капиталами десять разъ сильнѣйшими, чѣмъ тѣ, которые затрачиваемъ мы, въ надеждѣ скораго вознагражденія. Вотъ страшно испачканное письмо, но мысли стынутъ, такъ же, какъ чернила: на каждыхъ двухъ-трехъ словахъ я долженъ грѣть перо на свѣчкѣ.

Ермоловъ былъ правъ, говоря: *„это понтировка въ банкъ“*... Но игрокъ не долженъ считать себя побѣжденнымъ, если поставилъ только одну карту.

№ 13. *Фортъ Эмба, 14 февраля 1849 г.*

Увы, что сказать Вамъ о насъ! Большое искушеніе ничего Вамъ не сообщать. Предродовыя боли возбуждаютъ интересъ, могутъ даже возбудить восхищеніе, когда они перенесены, но при условіи, что зритель вѣритъ и надѣется, что боли закончатся благополучнымъ разрѣшеніемъ; при неблагопріятномъ исходѣ они заслуживаютъ только состраданія. На обратномъ пути къ Эмбѣ отрядъ еще болѣе страдалъ, чѣмъ при уходѣ отъ нея. Опять были морозы въ 29° и 26° съ сильной мятелью; пять дней тому назадъ послѣ мокраго снѣга при 4° мороза, вдругъ наступилъ 25° морозъ съ сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ; это былъ послѣдній ударъ для нашихъ верблюдовъ, которые теряли силы не по днямъ а по часамъ. Отрядъ еще не весь въ сборѣ, и я не могу точно опредѣлить число верблюдовъ, павшихъ за эти 10 дней, но судя по колоннѣ, съ которой я слѣдую, и въ которой погибло ихъ болѣе шестисотъ штукъ, общая потеря за 10 дней должна простираться до двухъ тысячъ. Къ счастью, въ продолженіе нѣсколькихъ дней мы могли идти по слѣдамъ предшествовавшаго намъ отряда, что позволяло ускорить движеніе; спасеніе или гибель отряда зависѣли отъ скорости прибытія сюда. Отрядъ походилъ на корабль въ открытомъ морѣ, который перенесъ бурю, потерялъ мачты и далъ течь по всѣмъ швамъ; чтобы не пойти ко дну, отъ выбрасываетъ за бортъ все лишнее; такъ и мы поступили: это не были предметы роскоши, но всѣ экипажи, сани, лодки и т. д., однимъ словомъ все, что было сгораемо, включая веревки и рогожи, все было употреблено для варки пищи солдатамъ, но было достаточно только на три дня. Вер-

блюдовъ кормили сухарями и овсомъ, предназначенными для людей и лошадей, и не смотря на это, значительное количество сухарей, муки и овса надо было бросить за недостаткомъ верблюдовъ для ихъ перевозки; и такъ сохраняя только необходимое изъ припасовъ и употребивъ невѣроятныя усилія, чтобы не потерять военнаго матеріала, двѣ первыя колонны достигли Эмбы; двѣ остальныя должны прибыть сюда же чрезъ два или три дня. Теперешнее состояніе отряда оказалось бы еще печальнѣе, если бы я продолжалъ движеніе впередъ; 10 дней похода по снѣгамъ еще болѣе глубокимъ, чѣмъ здѣшніе, поставили бы отрядъ въ невозможность идти ни впередъ, ни назадъ; а я бы принужденъ былъ объявить войскамъ, что у меня нѣтъ припасовъ, и нѣтъ возможности продолжать походъ; мы бы тогда очутились въ нѣсколькихъ сотняхъ верстъ отъ ближайшихъ киргизскихъ ауловъ; весною нашли бы только наши трупы, а имущество экспедиціи доставило бы Хивинскому хану трофеи, которыхъ безъ этого онъ никогда бы не получилъ.

Конецъ экспедиціи остается все-таки несчастно кончившимися родами, какъ я вамъ писалъ въ началѣ письма; тѣмъ болѣе неудачными по своимъ дурнымъ послѣдствіямъ, что объ экспедиціи много говорили. Пророки, и между ними особенно изъ Англійскаго клуба, должны торжествовать въ своемъ самолюбіи: они отсюда выведутъ заключеніе, что экспедиція въ Хиву невозможна; тогда какъ тольконе бывало суровая зима и особенно глубокіе снѣга были причиной неудачи предпріятія.

Относительно себя, даю вамъ честное слово, что ничуть не страдаю при мысли, что мое имя будетъ упоминаться въ военной іерархіи только какъ начальника неудавшагося похода. Что меня заставляетъ страдать и причиняетъ боль, это мысль о вредѣ, который эта неудача причинитъ дѣлу.

Не могу сказать вамъ, сколько времени пробуду здѣсь; оставшагося количества верблюдовъ было бы достаточно, чтобы дойти съ отрядомъ до крѣпости но бѣда въ томъ, что они больше не могутъ двигаться; и такъ нужно добывать другихъ, что *не легко*, или сидѣть два мѣсяца, пока эти не отдохнутъ. Среди марта здѣсь уже бываетъ трава, и эта пища быстро бы возстановила ихъ силы; но за время до середины марта большая половина ихъ издохнетъ. Во всякомъ случаѣ, мнѣ теперь нельзя покинуть отрядъ: нужно найти мѣсто, чтобы удобно расположить войско, чтобы эти мѣста давали по возможности кормъ для лошадей и верблюдовъ, а также какое нибудь топливо; ничего подобнаго нѣтъ около крѣпости; такія мѣста можно найти только въ 50 верстахъ отъ нея, а тогда затруднителенъ подвозъ продовольствія въ лагерь, такъ какъ магазины устроены въ фортѣ.

Военные и не военные, никто изъ тѣхъ, кто не продѣлалъ этого похода, не могутъ представить себѣ даже приблизительно тѣхъ ежеминутныхъ безчисленныхъ не преодолимыхъ препятствій, которыя я встрѣтилъ, какъ только счастіе отвернулось отъ меня.

Прощайте, любезный другъ, можетъ быть долго не буду вамъ писать, если какое нибудь непредвидѣнное событіе не дастъ мнѣ возможности говорить о другихъ предметахъ помимо верблюдовъ. Мои письма никого не могутъ болѣе интересовать, даже и моихъ друзей; они могутъ содержать только мало утѣшительное повтореніе все тѣхъ же сѣтованій.

Меня ожидаетъ еще одно большое испытаніе: состояніе здоровья моей пѣхоты становится довольно угрожающимъ; я могъ ее предохранить отъ холода, но, несмотря на прекрасную пищу, которой она пользовалась во все время похода, примѣра чего не было ни въ одномъ походѣ, я былъ безсиленъ научить переносить тяжесть такого похода людей, никогда не покидавшихъ своего

рая и не испытывавшихъ бивачной жизни даже въ мирное время. Дѣло въ томъ, что причина такой заболѣваемости зависитъ отъ самого качества моей пѣхоты: потому что казаки, которые все время несли еще болѣе тяжелую службу, не имѣютъ совсѣмъ больныхъ.

№ 14. *Оренбургъ, 15 апрѣля 1840 г.*

Послѣ пяти мѣсяцевъ скитанія въ степи, вотъ я опять подъ крышей, въ уютной комнатѣ, въ удобномъ креслѣ, впервые сбросивъ шубу и теплые сапоги. Уже два дня, какъ я пріѣхалъ и 13 дней, какъ я покинулъ отрядъ.

Послѣ всѣхъ ужасовъ суроваго похода въ степи, мнѣ пришлось перенести всѣ непріятности переѣзда въ 500 верстъ во время таянія снѣговъ, подъ холодными весенними дождями; не шутка также сдѣлать 500 верстъ верхомъ въ это время года по мѣстности, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни мостовъ и никакихъ способовъ переправы чрезъ разлившіяся рѣки и чрезъ овраги, полные воды или грязи.

Признаюсь, я чувствую себя разбитымъ, усталымъ и неспособнымъ приняться тотчасъ за дѣла.

Я получилъ всѣ ваши письма, дорогой другъ, и не нахожу словъ для выраженія благодарности за то, что по вашей милости мнѣ было извѣстно все, что происходило, во все это время. Вы были единственнымъ звеномъ связывавшимъ меня съ остальнымъ міромъ, и за это Васъ обнимаю съ признательностію и съ радостью говорю: „Христосъ Воскресъ!“

Ваше сообщеніе о предстоящемъ отъѣздѣ Императора въ Варшаву мнѣ очень непріятно: потому что до тѣхъ поръ я не успѣю побывать въ Петербургѣ, а это мнѣ необходимо; вообще, трудно и по многимъ причинамъ невозможно объяснить все письменно.

Въ Петербургѣ не имѣютъ вѣрнаго понятія о томъ, что необходимо для предпринятія второго похода, а осо-

бенно о времени, необходимомъ для приготовленій, которыя представятъ еще болѣе затрудненій, чѣмъ въ первый разъ: многое, чѣмъ можно было воспользоваться въ прошломъ году, уже не существуетъ нынче. Есть статьи, которыхъ ни силой воли, ни деньгами не создашь, напримѣръ—фабрику верблюдовъ; ихъ все же придется искать въ безграничныхъ степяхъ, гдѣ они не растутъ, какъ грибы, и гдѣ ихъ гораздо меньше чѣмъ лошадей и барановъ. Прошлогодняя экспедиція значительно уменьшила ихъ количество, а мнѣ ихъ понадобится еще больше, чѣмъ въ первый разъ; придется выписывать ихъ издалека и дать имъ время отдохнуть, прежде чѣмъ отправиться съ ними въ Хиву.

Что ни говори Тимирязевъ и Андрей Голицынъ, а нѣтъ лучшаго пути, какъ тотъ, который я избралъ, ни другого времени года—какъ зима, чтобы дойти до Хивы; замѣтьте—я не говорю *о возвращеніи*,—это должно быть предоставлено волѣ Божіей; никакихъ предупредительныхъ мѣръ не можетъ быть принято: трудности всякаго рода такъ велики и многочисленны, что, повторяю, этотъ вопросъ не долженъ быть даже затронутъ.

Писано по возвращеніи изъ перваго похода въ Хиву.

№ 15. *Петербургъ, 19 іюня 1840 г.*

Я еще не видѣлъ Государя. Его Величество находится постоянно между Петергофомъ, Кронштадтомъ и Краснымъ Селомъ; къ тому же, онъ необычайно занятъ и даже озабоченъ мѣрами предупрежденія недостатка зерна въ сосѣднихъ вамъ губерніяхъ. Думаю, что туда пошлютъ Строгонова; дай Богъ, чтобы онъ былъ тамъ полезенъ.

Въ городѣ рѣшительно никого нѣтъ; тѣ, которые не уѣхали заграницу, живутъ по деревнямъ. Непріятнѣе всего то, что я не засталъ Адлерберга: онъ не вернулся съ Государемъ, получивъ позволеніе въ Эмсѣ—поѣхать

къ женѣ и дѣтямъ въ Парижъ; это заставляетъ меня думать, что тамъ онъ въ семьѣ не засидится.

Императоръ употребилъ только недѣлю на переѣздъ изъ Эмса въ Петергофъ. Бенкендорфъ уѣхалъ въ Фоль. Завтра отправляютъ пароходъ за Наслѣдникомъ; другой съ Велик. Кн. Константиномъ ѣдетъ за Императрицей въ Шлангенбадъ...

№ 16. *Петергофъ, 27 іюня 1840 г.*

Вы помните, что лейтенантъ Петровскій, сопровождающій нашего друга Аббота въ Петербургъ, долженъ явиться къ вамъ, во время своего проѣзда чрезъ Москву. Такъ какъ это мало опытный молодой человѣкъ, то вы меня очень обяжете, давъ ему указанія для продолженія пути до Петербурга. Оренбургскіе каретники мнѣ слишкомъ знакомы, потому я въ правѣ предположить, что по пріѣздѣ въ Москву экипажи Аббота будутъ негодны для дальнѣйшей дороги. И такъ, любезный другъ, прошу васъ придумать средства, чтобы этого островитянина доставить намъ самымъ удобнымъ способомъ. Уже недѣля, какъ я здѣсь; меня приняли, какъ всегда, къ великому удивленію *нѣкоторыхъ особъ*, которыя ожидали, не знаю почему, что я буду въ полной немилости. Его Величество милостиво сказалъ, что несчастливый конецъ экспедиціи, мнѣ препорученной, доказалъ лучше всего, что выборъ Его былъ удаченъ, такъ какъ я выказалъ твердость и рѣшимость, спасшія отрядъ отъ неминуемой гибели, которой бы онъ подвергся при малѣйшемъ колебаніи съ моей стороны. Однимъ словомъ теперь, какъ и всегда, я не могу не восхищаться справедливостью и правильностью сужденій нашего Государя. До сихъ поръ это безспорно единственный человѣкъ, который, не присутствуя на мѣстѣ, судитъ о происходящемъ, какъ бы самъ былъ тамъ.

Императоръ еще не былъ въ городѣ *). 25-го онъ никого не принималъ, а когда спросили Его распоряженій объ лицахъ, которыхъ онъ желалъ бы принять 1 іюля **), онъ отвѣтилъ: „Если можно, то еще меньше, чѣмъ 25-го“.

Онъ не переступаетъ порога ни Александріи, ни Большого дворца, т. е. мѣстъ, гдѣ онъ привыкъ жить съ Императрицей ***). Въ Сергіевкѣ, дачѣ его дочери Вел. Кн. Маріи Николаевны онъ занимаетъ двѣ комнатки, похожія на чердакъ и ѣздитъ работать въ Монплезиръ, или въ Англійскій дворецъ. Наслѣдника ждутъ 11 или 12 іюля; говорятъ, что онъ очень влюбленъ въ свою невѣсту, чего она вполнѣ заслуживаетъ, судя по портрету и по тому, что говоритъ молва.

P. S. Императоръ сказалъ мнѣ, что онъ не допускаетъ, чтобы тѣ, которые такъ хорошо несли свою службу и столько претерпѣли во время неудачнаго похода, стали жертвами ни отъ кого независящихъ обстоятельствъ, и велѣлъ мнѣ сдѣлать представленіе о наградахъ.

№ 17. *Петергофъ, 6 іюля 1840 г.*

Я до сихъ поръ еще не выѣхалъ отсюда и не нашелъ минуты, чтобы побывать въ Петербургѣ,—это доказываетъ вамъ, что я доволенъ своей судьбой, и хотя по совѣсти я ничѣмъ не виноватъ передъ Государемъ, я все же глубоко тронутъ и благодаренъ Его Величеству за желаніе показать видимымъ образомъ, что *теперь*, какъ и *прежде*, онъ считаетъ меня достойнымъ своего вниманія.

Извѣстія о Государынѣ прекрасны, Наслѣдника ожидаютъ здѣсь къ 8-му. Будущую субботу Государь отправ-

---

*) 25 іюня—рожденіе Имп. Николая Павловича.

**) 1 іюля—рожденіе Импер. Александры Ѳеодоровны.

***) Импер. Александра Ѳеод. была въ то время заграницей.

ляется въ Красное Село дѣлать войскамъ частные смотры, за которыми послѣдуютъ общіе маневры.

Погода отвратительная. Проблески солнца считаются чудомъ...

№ 18. *3 марта (годъ не означ.)*

Любезный другъ! Вскрывши большой пакетъ и найдя въ немъ только нѣсколько строкъ отъ меня, вы конечно вспомнили о *горѣ, родившей мышь*... Что-же дѣлать? Не могу! Я потерялъ способность писать и нахожу, что *не* писать—одно изъ наслажденій жизни. Но все же скажу вамъ, что я васъ люблю, что вы прекрасный малый, не забывающій меня и сохранившій мнѣ свою дружбу, какъ будто я не переставалъ вамъ писать.

Прощайте, новостей у насъ нѣтъ никакихъ, развѣ только, что предсѣдатель Совѣта еще не назначенъ. Скажу болѣе—еще не *отгаданъ*—и не намѣченъ.

№ 19. *5 апрѣля 1842 г.*

Вчера на вечерѣ у Императрицы игралъ Листъ; онъ заслужилъ всеобщія похвалы. Лица, намѣренныя не увлекаться и не подражать германскимъ восторгамъ, не могли не восхищаться этимъ громаднымъ талантомъ.

Мнѣ остается не болѣе пяти недѣль на пребываніе мое здѣсь. Я уѣду съ первымъ казеннымъ пароходомъ, предназначеннымъ доставить сюда одного изъ многочисленныхъ принцевъ, которые должны пріѣхать лѣтомъ, чтобы остаться на зиму въ Петербургѣ.

№ 20. *24 апрѣля 1847 г.*

Извѣстіе о покушеніи на жизнь австрійскаго императора ужасно, — хотя я крѣпко надѣюсь, что исходъ будетъ для него благополученъ. По всей вѣроятности, мы снова увидимъ цѣлый рядъ демократическихъ зло-

дѣйствъ. Но второе извѣстіе, т. е. дѣло Политковскаго, по моему еще печальнѣе, омерзительнѣе и постыднѣе для человѣчества вообще и для русскаго имени въ особенности. Я краснѣлъ до ушей, читая и представляя себѣ, какой отголосокъ это событіе будетъ имѣть въ Европѣ. Понимаю негодованіе и справедливый гнѣвъ Государя. Да, понимаю и дрожу при мысли, что и я могъ бы быть запутанъ въ это дѣло. Только случайно, я никогда не принадлежалъ къ Комитету Инвалидовъ а будь я назначенъ его членомъ, отнюдь не отвѣчаю, что былъ-бы осторожнѣе другихъ генералъ-адъютантовъ.

Мѣсяцъ тому назадъ, орскій комендантъ былъ убитъ топоромъ тремя замаскированными личностями, которыя ворвались вечеромъ въ его квартиру и, покончивъ съ нимъ, унесли всѣ найденныя ими деньги. Преступники были схвачены и обличены—всѣ три военные разныхъ частей. Я разсказываю вамъ это событіе потому, что только полчаса тому назадъ, главный виновникъ былъ разстрѣлянъ вблизи крѣпости, въ присутствіи громадной толпы зрителей. Другіе два будутъ казнены на самомъ мѣстѣ преступленія. Разстрѣляніе, пожалуй, слишкомъ мягкое наказаніе для иныхъ преступленій. Оно подчасъ только даетъ негодяю случай разыграть роль героя, выказывая презрѣніе къ торжественному приготовленію къ смертному часу.

№ 21. *Оренбургъ, 13 января 1852 г.*

Ваше послѣднее письмо, мой другъ, было настоящимъ некрологомъ; по счастью онъ не касался дорогихъ мнѣ лицъ; чтобы ни дѣлали и ни говорили, невозможно отрѣшиться отъ привычки оплакивать тѣхъ, кого уноситъ смерть; вмѣсто того, чтобы сказать просто „до свиданья“, ихъ оплакиваютъ, печалуются, какъ будто разлука можетъ быть продолжительной, какъ будто не всѣ мы смертны!.. Правда, что холера увеличиваетъ непріят-

ность положенія; однако, если бы мнѣ былъ предоставленъ выборъ, я предпочелъ бы покинуть міръ этимъ способомъ, вмѣсто того, который грозитъ мнѣ. Но я забылъ, что предаюсь разговору о предметахъ, мнѣ запрещенныхъ. Однако, нужно было вамъ сообщить, что я рѣшительно долженъ отказаться отъ поѣздки въ Петербургъ и что помѣхой этому, конечно, не избытокъ здоровья.

№ 22. *28 апрѣля 1852 г.*

Не позднѣе какъ черезъ двѣ недѣли, я покину Оренбургъ, чтобы отправиться на Сыръ-Дарью, совершить прогулку вверхъ по рѣкѣ, съ цѣлью наказать коканцевъ, которые тамъ понастроили укрѣпленій и забавляются въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ тѣмъ, что грабятъ нашихъ бѣдныхъ киргизовъ. Вотъ вамъ истинное положеніе вещей; даю вамъ мое честное слово, я безъ надобности не выхожу изъ своихъ границъ, а часть Сыръ-Дарьи, протекающая по границѣ нашихъ степей, принадлежитъ намъ; сообщаю вамъ это, чтобы вы въ должное время могли указать истину людямъ, людямъ, любящимъ преувеличенія, которые уже проповѣдуютъ, что я иду въ Хиву и т. д. съ цѣлью, вѣроятно, сказать потомъ, что я туда не добрался.

№ 23. *12 мая 1853 г.*

Послѣ завтра пускаюсь въ путь. Отрядъ и обозъ уже давно ушли. Я самъ поѣду безъ остановки и чтобы добраться до устьевъ Сыръ-Дарьи, понадобится не болѣе 20-ти дней, т. е. надѣюсь дѣлать отъ 50 до 60 верстъ въ день. Въ сравненіи съ желѣзною дорогою, это почти черепашій ходъ, но не забудьте, что на этомъ пути нѣтъ станцій и что ѣду безъ подставъ.

Лошадямъ предстоитъ на мѣстѣ работа несравненно труднѣе: усталость похода.

Вы легко поймете, что въ эту минуту я нахожусь въ самыхъ утомительныхъ приготовленіяхъ къ походу и пр.

№ 24. *Оренбургъ, 14 сентября 1852 г..*

Вы усидѣли въ деревнѣ долѣе меня, милый другъ, потому что вотъ уже мѣсяцъ, какъ я принужденъ былъ промѣнять мое прелестное лѣтнее мѣстопребываніе въ горахъ на жалкій невзрачный Оренбургъ. Чтобы я далъ, чтобы перенесть васъ хотя на нѣсколько часовъ въ скромный уголокъ, который я себѣ устроилъ въ Башкиріи. Какъ показалась бы вамъ ничтожна природа, коей вы принуждены любоваться въ Сокольникахъ, въ сравненіи съ чудными горами, покрытыми великолѣпнымъ дубовымъ лѣсомъ, съ обширными лугами, испещренными такими же цвѣтами, какъ у васъ въ садахъ, но которые здѣсь являются сами собой и не переводятся отъ мая до сентября. И какіе виды! Какая природа,—если вы потрудитесь сѣсть на лошадь и доѣхать по многочисленнымъ лѣснымъ тропинкамъ до ближайшихъ высотъ! Государь далъ бы, конечно, нѣсколько милліоновъ, если бы посредствомъ денегъ можно было перенести въ Царское Село или Петергофъ тѣ виды, которыми Господь Богъ такъ щедро одарилъ Оренбургскую губернію. Не подумайте, что я преувеличиваю; я въ жизни видѣлъ довольно красивыхъ пейзажей, но подобныхъ не встрѣчалъ. Смотрю на это, какъ на дѣло справедливости; вѣдь надо же вознаградить насъ за всѣ лишенія, на которыя мы обречены.

№ 25. *Оренбургъ, 17 мая 1853 г.*

Черезъ два или три часа я перехожу въ Азію, чтобы въ продолженіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ вести тамъ кочевую жизнь, слишкомъ хорошо мнѣ знакомую, чтобы ожидать отъ нея чего-нибудь пріятнаго.

Мое относительно улучшившееся здоровье позволяетъ мнѣ надѣяться, что смогу перенести предстоящія мнѣ невзгоды и утомленіе.

Я устроился такъ, что во все время моего отсутствія у меня каждую недѣлю будетъ курьеръ для доставленія экстренной почты, и другой для отправки моихъ писемъ; конечно, это не можетъ происходить въ такомъ порядкѣ, какъ во владѣніяхъ графа Адлерберга, но я все-же надѣюсь, что не будетъ большихъ перерывовъ въ моей перепискѣ. Я особенно разсчитываю на васъ, мой другъ; ваши письма не разъ уже согрѣвали мое сердце, когда, 13 лѣтъ тому назадъ, я замерзалъ тамъ, гдѣ теперь буду жариться на солнцѣ.

Я посылаю вамъ карту, которую велѣлъ сдѣлать своимъ художникамъ: она обнимаетъ всю страну, отъ устья Сыръ-Дарьи до того пункта, гдѣ я начну подыматься по рѣкѣ.

Ни у кого еще нѣтъ этой карты; поэтому, прошу никому не хвастаться ею. Вы знаете, что у насъ изо всего дѣлаютъ тайну, такъ и съ этой картою, которая не будетъ отпечатана для публики.

Ошибка, сдѣланная мною на адресѣ, очень понятна: я такъ часто думаю о вашемъ братѣ, котораго искренно любилъ. У меня нѣтъ способности представлять себѣ мысленно отсутствующихъ или умершихъ людей; очень немногіе составляютъ исключеніе, и вашъ братъ изъ ихъ числа; когда я захочу—онъ стоитъ передо мной, какъ живой...

№ 26. *30 мая 1853 г.*

Пишу вамъ, дорогой другъ, при 42° жары на солнцѣ, почти на самомъ томъ мѣстѣ, откуда писалъ вамъ тринадцать лѣтъ назадъ при 33° мороза... Немногіе имѣли случай пройти черезъ этотъ двойной опытъ, который и вдвойнѣ любопытенъ—по своему физическому и нравственному вліянію на человѣка. Не знаю, какъ вы себѣ

представляете киргизскую степь? Вы, быть можетъ, думаете, что мы идемъ по мягкому газону, между двухъ рѣкъ прозрачныхъ, услаждающихъ насъ своимъ тихимъ журчаніемъ?..--Но здѣсь нѣтъ ничего подобнаго. Зелень является въ видѣ рѣдкаго исключенія, а ручьи или проточная вода не существуютъ въ это время года. Что было рѣкой мѣсяцъ тому назадъ, обратилось въ маленькія лужи, лягушечьи дыры, окаймленныя камышемъ и дикой мятой; вода въ нихъ соленая или горькая, весьма рѣдко сладкая и во всякомъ случаѣ теплая. На протяженіи сотенъ верстъ ничего не видишь, кромѣ песку, глины и солончаковъ, поразительно напоминающихъ снѣгъ. Вотъ какой неприглядный пейзажъ у меня передъ глазами... Мы проходимъ ежедневно отъ 50 до 60 верстъ. Мое крошечное войско опередило меня на нѣсколько дней, но черезъ недѣлю я догоню его. Съ отъѣзда изъ Оренбурга (640 в.), я ни разу не остановился для дневки; мнѣ сопутствуетъ сотня казаковъ съ однимъ орудіемъ, въ видѣ моей охраны. У меня нѣтъ ни одного больного (исключая, разумѣется, главнаго начальника) и я не потерялъ еще ни одной лошади; во всемъ отрядѣ есть только десятокъ слабыхъ. Короче,—все идетъ наилучшимъ образомъ даже и для моего здоровья, и я начинаю вѣрить въ возможность свидѣться съ вами, что при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга казалось мнѣ невѣроятнымъ. Все сказанное мною теперь относится, не правда-ли, только къ физикѣ человѣка, но однако я ничего не могу прибавить, чтобы облегчить вамъ заключеніе о нравственномъ. Для исполненія нашей задачи безъ вреда тѣлесному здоровью необходимо требуется, чтобы человѣкъ былъ поддерживаемъ внутренней силой, а этой силой обладаетъ только русскій человѣкъ. Во время моего зимняго похода въ этомъ краю, гдѣ намъ пришлось столько перестрадать,—солдаты и въ особенности Уральскіе казаки, пѣли день и ночь, какъ будто и не подозрѣвали, что ртуть въ термометрѣ

замерзаетъ. Послѣднее можно было-бы приписать желанію согрѣться, такъ какъ всякое движеніе, даже пѣніе *con amore*, согрѣваетъ, но никакъ не могу понять, зачѣмъ поютъ они теперь съ восхода и до заката солнца: врядъ-ли это ихъ освѣжитъ!

№ 27. *25 іюня 1853 г.*

Вода хороша, травы довольно и мы празднуемъ 25 іюня (Рожденіе Государя Николая Павловича). Всѣхъ этихъ причинъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы дать отдыхъ людямъ и животнымъ. Итакъ, сегодня перерывъ—нѣтъ похода.

Пользуюсь этимъ, чтобы сказать вамъ нѣсколько словъ, милый другъ. Нынче утромъ мы молились за здоровье Государя и могу васъ увѣрить, что нашъ молебенъ, отслуженный въ степи, въ присутствіи небольшой кучки людей, колѣнопреклоненной передъ крестомъ, который впервые является въ этомъ краѣ—было зрѣлище потрясающее и трогательнѣе, чѣмъ парадный выходъ въ Петергофской церкви по этому-же случаю. Молебенъ служили въ 9 часовъ утра и термометръ показывалъ 38° тепла. Въ 1839 году, шестого декабря, я молился въ этой самой степи при 32° мороза. Не знаю, можно-ли сказать que les extrêmes se touchent?

У насъ уже было 49° на солнцѣ и 30° при лунѣ. Тѣни ни малѣйшей. Я-бы купилъ ее на вѣсъ золота. Всего труднѣе переносить милліоны различныхъ комаровъ и слѣпней.

Однако, во всемъ отрядѣ только пять больныхъ, а лошади всѣ цѣлы, что весьма удачно, когда подумаешь, что трава достается имъ не всякій день, а овесъ рѣдко.

Сыръ-Дарья—великолѣпная рѣка, глубиной отъ 3-хъ до 6-ти саженъ, а широта доходитъ почти вездѣ до 250 саженъ. Эта громадная масса воды протекаетъ съ-

незапамятныхъ временъ безъ всякой пользы. Она не можетъ сдѣлать плодородныхъ береговъ, лишенныхъ всякой растительности. Оазисы съ травой встрѣчаются очень часто на протяженіи 20 или 30 верстъ и занимаютъ весьма ограниченное пространство, такъ что лѣтомъ невозможно было-бы пройти эту мѣстность съ отрядомъ многочисленнѣе моего.

Теперь мнѣ остается только дней семь довольно труднаго перехода до Акъ-Мечети, окончательной цѣли моего путешествія и я, сдѣлавъ болѣе 1,200 вер., нахожусь все въ томъ-же невѣдѣніи на счетъ того, что меня ожидаетъ, какъ при отъѣздѣ моемъ изъ Оренбурга. Всего больше боимся, чтобы непріятель не улизнулъ, вмѣсто того, чтобы идти къ намъ навстрѣчу. Послѣ перенесенныхъ и переносимыхъ еще нами трудностей и невзгодъ это было-бы, правду сказать, жестоко, а какъ подумаешь, что на возвратномъ пути надобно будетъ сдѣлать тѣ-же 1,500 верстъ съ усталыми лошадьми, съ худшими пастбищами и подъ лучами еще болѣе палящаго солнца, то признаюсь, морозъ пробѣгаетъ по кожѣ.

Приходитъ на умъ, что мнѣ собственно, *pour ma personne*, не стоитъ труда возвращаться и можно-бы и здѣсь остаться подъ какимъ-нибудь курганчикомъ.

№ 28. *16 іюля 1854 г.*

Мы не можемъ заставить сдаться триста человѣкъ, рѣшившихся защищаться до послѣдней крайности и засѣвшихъ въ крѣпости, стѣны которой имѣютъ 5 саженъ толщины и столько же высоты, не говоря уже о глубокомъ рвѣ,—не сдѣлавъ предварительныхъ земляныхъ работъ.

Вотъ уже недѣля, что я роюсь въ землѣ, подвигаясь черепашьимъ шагомъ, но довольно успѣшно.

До сихъ поръ потерялъ только четырехъ человѣкъ и нѣсколько раненыхъ.

Взятіе Акъ-Мечети не составитъ, можетъ быть, блестящаго дѣла, но мнѣ жизнь солдата дороже всякой журнальной статьи съ напыщеннымъ бюллетенемъ. Экспедиція моя секретна, но лишь бы коканцы знали, что они разбиты и что крѣпость ихъ взята,—мнѣ ничего болѣе не нужно.

№ 29. *Акъ-Мечеть, взятая штурмомъ 28 іюля 1853 г., въ семь часовъ утра.*

Не знаю, до какой степени можно сохранить въ тайнѣ осаду и взятіе крѣпости, но такъ какъ это событіе — результатъ моей экспедиціи, которая была секретна, то лучше, кажется, воздержаться отъ всякихъ подробностей на этотъ счетъ. Скажу вамъ только, что послѣ взрыва одной части стѣны, наши солдаты и казаки атаковали усиленно пробоину (brèche), защищаемую гарнизономъ, который не хотѣлъ сдаваться и упорствовалъ даже послѣ того, какъ мы вошли въ крѣпость. Наши штыки и сабли уничтожили болѣе трехсотъ непріятелей.

Короче, это было блестящее военное дѣло. Жаль и безполезно бы было о немъ умолчать.

Если мой адъютантъ Ефремовъ, посланный съ этой вѣстью, успѣетъ увидѣть васъ прежде отъѣзда по желѣзной дороги, то передастъ вамъ подробности, которыя не могу сообщить самъ отъ чрезмѣрной усталости.

№ 30. *16 августа 1853 г.*

Замѣтьте, любезный другъ, что ваше желаніе находить, что все идетъ къ лучшему въ наилучшемъ изъ міровъ, становится съ каждымъ часомъ труднѣе и вы трудитесь понапрасну: утѣшенія ваши натянуты и основаны на однѣхъ мечтахъ. Вы радуетесь, напримѣръ, что Пальмерстонъ сбросилъ, наконецъ, маску и сознается, что съ нами воюетъ не для поддержанія Турціи или европейскаго

равновѣсія, но чтобы дать политическій перевѣсъ Англіи и Франціи. Какая же намъ польза отъ этого циничнаго признанія? Общественное мнѣніе Англіи и Франціи перейдетъ-ли на нашу сторону? Напротивъ, вражда торговой націи все усиливается; морской грабежъ все учащается: она пренебрегаетъ Германіей, и застращиваетъ Австрію, а во Франціи *избранникъ народа* продолжаетъ дѣйствовать какъ ему вздумается. Мы далѣе чѣмъ когда либо отъ пути къ миру; нельзя сомнѣваться, что война будетъ продолжительная, а при такой увѣренности, знаете-ли, что меня всего больше смущаетъ? Это равнодушіе дворянства, которое послѣ громкихъ рѣчей и обѣщаній пожертвовать собой до послѣдней капли крови и до послѣдней полушки на защиту отечества, находитъ непосильнымъ стать въ ряды ополченія. Посмотрите, какъ оно держитъ себя во всѣхъ губерніяхъ; по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ. Русскій *народъ* не измѣнился, онъ все тотъ же, какъ былъ и въ 1812 году, но дворянство неузнаваемо. Какъ же будемъ мы продолжать войну, если высшіе классы тяготятся ею съ самаго начала!

Вотъ, мой любезный Панглосъ, *) что меня печалитъ и принуждаетъ вздыхать.

Я былъ бы вамъ безконечно благодаренъ, если-бы вы могли разсѣять хандру, которая меня преслѣдуетъ съ нѣкоторыхъ поръ. У меня есть и мѣстныя причины, чтобы не быть веселымъ и довольнымъ.

№ 31. *13 января 1854 г.*

Вашъ № 82**) совсѣмъ не такъ радуженъ, милый другъ, и я нахожу это естественнымъ, такъ какъ въ данную минуту нельзя допустить, что все идетъ къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ! Я, который никогда не вижу ни-

*) Панглосъ—герой одного изъ французскихъ романовъ. Этимъ именемъ, шутя, называлъ А. В. Перовскій Булгакова.

**) Т. е., письмо Булгакова было, по счету, подъ № 82.

чего въ розовомъ цвѣтѣ, я удрученъ и обезпокоенъ ходомъ дѣлъ: намъ нечего ждать хорошаго изъ Крыма и съ Азовскаго моря и я ищу точку опоры, изъ которой можно бы было почерпнуть утѣшеніе для нашего ближайшаго будущаго. У насъ только іюнь; нашъ обычный пособникъ, зима, еще очень далеко отъ насъ! А что произойдетъ ко времени появленія льда на Балтійскомъ морѣ и бурь на Черномъ! и грустно и страшно... Мы, однако, не имѣемъ права отчаяваться, потому что, видимо, мы не покинуты Богомъ, иначе дѣла шли-бы еще хуже, такъ какъ людскія дѣянія никуда не годятся.

№ 32. *27 іюня 1854 г.*

Я вполнѣ согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, любезный другъ, о неудовлетворительности объясненій, данныхъ вамъ Горчаковымъ по поводу дѣла отъ 6-го числа; даже есть противорѣчіе между послѣднимъ донесеніемъ и телеграммой, сообщающей о 600 плѣнныхъ, о которыхъ донесеніе не упоминаетъ. Чрезъ французскія и особенно англійскія газеты мы вѣроятно узнаемъ больше, чѣмъ изъ „Инвалида“. Хрулевъ—тотъ же самый, который былъ со мной во время похода на Акъ-Мечеть. Онъ обладаетъ выдающимися военными качествами, жертвуетъ собой смѣло и разумно и умѣетъ внушить довѣріе къ себѣ солдатамъ. Онъ можетъ принести большую пользу въ Севастополѣ, что онъ блестяще доказалъ; но нужно умѣть пользоваться имъ. Если бы у насъ было побольше такого рода генераловъ, то неудавшееся нападеніе союзниковъ имѣло бы для нихъ *другія* послѣдствія, и Хрулевъ, я увѣренъ, не желалъ бы ничего больше, какъ преслѣдовать ихъ до лагеря. Повидимому, мы не были подготовлены сдѣлать это, и нѣкоторыя стороны дѣла намъ были неизвѣстны. Любопытно бы было знать, какъ взглянутъ на это пораженіе въ Парижѣ и Лондонѣ, и что они придумаютъ, чтобы его смягчить. Такъ же интересно было бы знать планы и надежды Пеллисье.

№ 33. *29 іюня 1855 г.*

Что же дѣлать, милый другъ?.. Это свыше силъ моихъ. Я не могу ни раздѣлять вашей радости, ни переварить *пяти статей* *), даже не зная, какую приправу къ нимъ состряпаютъ англійскіе, французскіе и австрійскіе повара; но врядъ ли этотъ соусъ будетъ здоровъ для нашего желудка.

Не хочу этимъ сказать, что надобно продолжать войну, во что бы ни стало. Я недостаточно ознакомленъ съ настоящимъ вопросомъ, чтобы излагать свое мнѣніе. Думаю, напротивъ, что мы находимся въ горестной необходимости заключить унизительный миръ, но это отчаянное положеніе не можетъ мнѣ внушить ничего иного, какъ самыя печальныя и горькія мысли, безъ малѣйшаго утѣшительнаго проблеска на счетъ будущаго. Дай Богъ, чтобы я ошибался въ своихъ мрачныхъ предчувствіяхъ. Жалѣю не о потерѣ нашего вліянія въ Европѣ—боюсь не внѣшняго врага, а охлажденія народной любви къ своему Государю и обвиненія его въ слабости; опасаюсь еще возможныхъ послѣдствій этихъ двухъ проявленій, и пр.

№ 34. *18 сентября 1856 г.*

Среди всѣхъ новостей, о которыхъ вы сообщаете мнѣ, другъ мой, вы храните глубокое молчаніе о томъ, что касается меня. „Инвалидъ“ послѣдовалъ вашему примѣру, такъ что я долженъ показаться вамъ крайне нескромнымъ, дѣлясь съ вами приложеннымъ здѣсь печатнымъ листкомъ.

Но я еще продолжу мою откровенность: узнайте-же, если вамъ еще это неизвѣстно, что мое здоровье дошло до такого разстройства, которое не позволяетъ мнѣ больше

---

*) Рѣчь идетъ о *проектѣ* мирнаго трактата и введенныхъ въ него „пяти статей“—въ исходѣ уже Крымской войны.

занимать настоящее мое мѣсто, почему я и просилъ о разрѣшеніи покинуть его. Уже давно, но особенно послѣдній годъ, моя жизнь—тягостная агонія и постоянная борьба силъ душевныхъ съ физическими.. Я употребилъ свою энергію, къ которой былъ способенъ, и держался до послѣдней крайности, но „невозможное—невозможно“, особенно, когда совѣсть говоритъ, что дальнѣйшая борьба была-бы вредна для службы, и особенно для блага страны, которой я управляю и которую больше всего люблю. Я могъ-бы еще обманывать зрителей, но обмануть самого себя невозможно: — пора уступить мѣсто другому. Дай Богъ, чтобы мой преемникъ работалъ съ такой-же любовью, какъ работалъ я въ продолженіе 15 лѣтъ. Я разсчитывалъ умереть на этомъ мѣстѣ, но смерть не приходитъ, хотя и жизни уже нѣтъ. Съ тяжелымъ чувствомъ, съ болью въ сердцѣ приношу я эту жертву, побуждаемый совѣстью.

№ 35. *27 ноября 1857 г.*

До послѣдней минуты я льстилъ себя надеждой, что братъ мой Левъ поправится отъ той болѣзни, которая его унесла. Теперь я смотрю на его смерть просто какъ на личную обиду. По всѣмъ обстоятельствамъ очередь принадлежала *мнѣ*, потому что я уже не гожусь ни къ чему, а онъ могъ быть еще очень полезенъ, и трудно его замѣнить. Но да будетъ воля Божія, а я не долженъ быть эгоистъ! Братъ мой никогда не былъ оцѣненъ по достоинству. У него была чудная душа и предоброе сердце, но онъ не высказывался и потому его не понимали.

По вашимъ словамъ вижу, что и теперь судьи обвиняютъ его совершенно понапрасну: — „зачѣмъ онъ завѣщалъ свое имущество племяннику, въ ущербъ брату нашему Борису“? Я до сихъ поръ объ этомъ ничего не знаю, но во всякомъ случаѣ Борисъ не могъ и никогда не разсчитывалъ быть наслѣдникомъ Льва, у котораго

есть дѣти. Его состояніе было не довольно велико, чтобы раздѣлять его на части; онъ могъ завѣщать Борису только съ порученіемъ передать его другой,—и тогда подобное завѣщаніе было бы нѣчто въ родѣ мистификаціи. Надобно еще сказать, что между членами нашей семьи есть люди весьма недостаточные и обремененные многочисленнымъ семействомъ, не въ примѣръ болѣе, чѣмъ Борисъ. И такъ, вы видите, милый другъ, что ваши *салонные Солоны* часто сами не знаютъ, что говорятъ.

№ 36.

Письмо гр. Перовскаго къ одной изъ его родственницъ передъ началомъ второго похода (въ Кокандъ), въ 1853 г.

Отвѣчаю на твое письмо отъ 4-го и едва успѣю написать тебѣ двѣ строчки. Чрезъ нѣсколько часовъ отправляюсь въ путь, а до тѣхъ поръ заваленъ дѣлами.

Ты очень хорошо поняла мое положеніе въ *здѣшнемъ мірѣ*; я совершенно согласенъ съ твоимъ взглядомъ и стараюсь дѣйствовать, какъ ты говоришь.

Знаю, что двѣ болѣзни, чрезъ которыя я перешелъ, ничто иное какъ призывъ—предупрежденія свыше—и стремлюсь не уклониться отъ нихъ, насколько это зависитъ отъ меня. Какъ умѣю, такъ и дѣлаю. Но какъ трудно согласить мірскія обязанности съ приготовленіями къ другой жизни! Прекрасная книга, присланная тобой, много облегчитъ эту задачу; она мнѣ будетъ чрезвычайно полезна *) и дастъ мнѣ силы перенести всѣ трудности и испытанія, которыя меня ожидаютъ.

Люди смотрятъ на предпринимаемый мною походъ, какъ на нѣчто весьма важное,—что для меня очень невыгодно, потому что это предпріятіе почти ничтожное, и при самомъ счастливомъ исходѣ не представитъ ничего блестящаго. Если я добьюсь желаемой цѣли, то

*) Боссюэтъ—„Коментаріи на Евангеліе“.

и тогда это будетъ такъ мало, что вѣроятно походъ покажется неудачей. Говорю это тебѣ съ тѣмъ, чтобы ты знала, что въ моемъ предпріятіи нѣтъ мѣста для моего личнаго тщеславія, хотя многіе думаютъ иначе. Въ сущности это только исполненіе долга совѣсти, а *тебѣ* могу сказать еще, что этимъ я совершаю доброе дѣло *). Если мы свидимся, то ты узнаешь, въ чемъ оно состоитъ, и одобришь меня.

Что касается моего здоровья, то могу дать тебѣ честное слово, что оно пострадало бы несравненно больше, если-бы я остался здѣсь, чѣмъ отъ всѣхъ невзгодъ, которымъ оно подвергнется во время похода.

*) То-есть, ограждая, на будущее время, русскихъ подданныхъ и нашихъ киргизовъ отъ грабежей и насилій со стороны коканцевъ.

Командиръ Отдѣльнаго Оренбургскаго Корпуса, Оренбургскій Военный Губернаторъ, *по случаю выступленія съ воинскимъ отрядомъ противу Хивы, считаетъ необходимымъ обнародовать, во вверенномъ ему краѣ, нижеизложенную* Декларацію *о причинахъ и цѣли военныхъ противу Хивы дѣйствій.*

ДЕКЛАРАЦІЯ.

Съ давняго уже времени вниманіе Правительства устремлено на враждебныя противу Россіи расположенія Ханства Хивинскаго. Прилегая къ степямъ подвластныхъ Имперіи Киргизъ-Кайсаковъ, Хива, въ продолженіе многихъ лѣтъ, безпрерывными дерзостными поступками, оказываетъ явное неуваженіе къ державѣ, съ которою имѣла всегда торговыя сношенія.

Торговля съ Россіею доставляла Хивѣ необходимыя средства для ея существованія; Хивинцы постоянно пользовались у насъ важными выгодами и правами, наравнѣ съ торговцами прочихъ областей Средней Азіи, и за все сіе Хива платитъ намъ однимъ вѣроломствомъ. Съ безпримѣрнымъ дерзновеніемъ, она нарушаетъ ежедневно спокойствіе племенъ, кочующихъ близъ ея предѣловъ, преграждаетъ торговыя съ нами сообщенія прочихъ Азіатскихъ владѣній, останавливаетъ идущіе въ Россію и возвращающіеся изъ оной Бухарскіе караваны, облагаетъ ихъ непомѣрною пошлиною, насиль-

ственно принуждаетъ заходить въ свои владѣнія, гдѣ произвольно и безъ всякаго права отбирается отъ беззащитныхъ купцовъ значительная часть ихъ товаровъ. Наглость Хивинцевъ простирается еще далѣе: не только Бухарскіе караваны, идущіе въ Россію, но даже караваны собственно Россійскіе не могутъ безопасно проходить чрезъ степи. Такъ, снаряженный въ Оренбургѣ караванъ, состоявшій изъ товаровъ нашихъ купцовъ, былъ совершенно разграбленъ высланными изъ Хивы вооруженными полчищами.—Ни одинъ русскій торговецъ не можетъ появиться въ Хивѣ безъ опасенія лишиться жизни, или подвергнуться заточенію. Хивинцы дѣлаютъ частые набѣги на отдаленныхъ отъ линіи Киргизовъ, поступившихъ еще при Абулхаиръ-Ханѣ въ подданство Россіи, разоряютъ ихъ аулы, обременяютъ разными поборами, волнуютъ противъ законной власти, даютъ убѣжище непокорнымъ и, наконецъ, къ довершенію всѣхъ своихъ преступныхъ дѣйствій, явно задерживаютъ въ Хивѣ множество русскихъ, томящихся тамъ въ жестокомъ рабствѣ. Число сихъ несчастныхъ ежегодно увеличивается; по наущеніямъ Хивинцевъ, дѣлаются на Каспійскомъ морѣ и въ иныхъ мѣстахъ безпрестанныя нападенія на мирныхъ и беззащитныхъ промышленниковъ, которыхъ увлекаютъ въ Хиву и повергаютъ тамъ въ тяжкую неволю.

Бѣдственная судьба сихъ несчастныхъ не могла не обратить вниманія нашего Правительства, поставляющаго одною изъ священныхъ обязанностей огражденіе спокойствія и безопасности подданныхъ Имперіи. Но великодушіе, съ какимъ оно предваряло Хивинцевъ о неминуемыхъ послѣдствіяхъ преступныхъ ихъ дѣйствій, не имѣло успѣха. Они не вняли сдѣланнымъ имъ внушеніямъ; они не постигли снисходительности Россіи къ ихъ заблужденію. Напротивъ того, они возмечтали, что хищничества ихъ останутся безъ всякаго наказанія. Въ этой самонадѣянности, они дерзнули построить внѣ своихъ

предѣловъ, близъ караваннаго пути, ведущаго въ Бухару, двѣ крѣпости, дабы съ большею наглостію и безотвѣтственностію притѣснять торговцевъ; они усилили свои преступные набѣги и грабежи, и въ большей еще степени стали упорствовать въ непримиримой враждѣ своей противъ Россіи.

Надлежало принять мѣры болѣе сообразныя съ ихъ понятіями. Испытано было еще послѣднее средство къ ихъ вразумленію: прибывшіе въ Россію Хивинскіе торговцы были задержаны на линіи, и условіемъ ихъ освобожденія—объявлено немедленное возвращеніе Русскихъ невольниковъ и прекращеніе всякихъ непріязненныхъ поступковъ. Но и сія мѣра оказалась недѣйствительною. Послѣ трехлѣтняго ожиданія, едва 100 человѣкъ возвращены въ Россію, между тѣмъ, какъ нынѣшнею весною захвачено вновь, на одномъ Каспійскомъ морѣ, до 200 рыбопромышленниковъ.

Наконецъ, истощились всѣ средства убѣжденія.—Охраненіе выгодъ Россіи, безопасность ея торговли, спокойствіе ея вѣрноподданныхъ,—все требуетъ нынѣ мѣръ болѣе рѣшительныхъ, болѣе надежныхъ; того же требуетъ и самое достоинство Имперіи.

Сіи справедливыя и основательныя уваженія побудили Государя Императора повелѣть отправить военный отрядъ противу Хивы, дабы силою оружія обезпечить на будущія времена права и пользы Россійскихъ подданныхъ, положить конецъ грабежамъ и насиліямъ, избавить томящихся въ Хивѣ невольниковъ, внушить должное уваженіе къ имени русскому и упрочить то вліяніе, которое неоспоримо принадлежитъ Россіи и которое одно можетъ служить залогомъ сохраненія мира въ сей части Азіи.

Такова цѣль предпринимаемой противу Хивы военной экспедиціи. Лишь только цѣль сія будетъ достигнута и утвердится въ Хивѣ новый порядокъ вещей, соотвѣтствующій взаимнымъ пользамъ Россіи и смеж-

ныхъ съ нею областей Азіатскихъ, то согласно съ Высочайшею волею Государя Императора, посылаемый отрядъ войскъ возвратится въ предѣлы Имперіи.

Подписалъ: *Генералъ-адъютантъ Перовскій.*

14 ноября 1839 года.
Оренбургъ.

ПРИКАЗЪ

по отдѣльному Оренбургскому корпусу.

Г. Оренбургъ, ноября 14 дня, 1839 года.

№ 181.

По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, я иду съ частію ввѣренныхъ мнѣ войскъ на Хиву.

Давно уже Хива искушала долготерпѣніе сильной и великодушной Державы и заслужила наконецъ вѣроломными, непріязненными поступками своими грозу, которую сама на себя накликала. Честь и слава всѣмъ, кому Богъ привелъ идти по повелѣнію Государя на выручку братьевъ, томящихся въ неволѣ.

Товарищи! насъ ожидаютъ стужа и бураны и всѣ неизбѣжныя трудности дальнаго, степнаго и зимняго похода; но забота обо всемъ необходимомъ, по возможности, предупредила крайности и недостатки, а рвеніе ваше, усердіе и мужество довершатъ успѣхъ и побѣду. Войска Оренбургскаго корпуса въ первый разъ выступаютъ въ значительномъ составѣ противъ непріятеля; Россія въ первый разъ караетъ Хиву, эту дерзкую и вѣроломную сосѣдку. Черезъ два мѣсяца, дастъ Богъ, будемъ въ Хивѣ, и въ первый разъ еще въ столицѣ ханства предъ крестомъ и Евангеліемъ, русскіе будутъ приносить теплыя и громкія молитвы за Царя и Отечество.

Обращаюсь къ той части войскъ, которая остается для охраненія Оренбургскаго пограничнаго края и ро-

дины своей. Вамъ не судило счастіе дѣлить съ нами труды и опасности; но вы не менѣе того заслужите добрую славу и милостивое вниманіе Государя Императора: всякій чинъ, малый и великій, простившись съ ушедшими въ походъ товарищами, будетъ свято помнить долгъ и присягу, будетъ нести службу за себя и походныхъ, и, въ свое время, радостнымъ, братскимъ привѣтствіемъ встрѣтитъ возвратившихся изъ дальнаго и труднаго странствія сослуживцевъ своихъ.

Подписалъ: *Генералъ-адъютантъ Перовскій.*

ПРИКАЗЪ

по отдѣльному Оренбургскому корпусу.

Г. Оренбургъ.

Сентября 12 дня, 1853 года.

№ 190.

По всеподданнѣйшему моему донесенію Государю Императору о покореніи кокандской крѣпости Акъ-Мечети, о мужествѣ и объ отличной храбрости, оказанныхъ войсками отряда, дѣйствовавшаго при осадѣ и штурмѣ этой крѣпости, я удостоился счастія получить слѣдующій Высочайшій рескриптъ:

„Василій Алексѣевичъ. Получивъ донесеніе ваше о покореніи крѣпости Акъ-Мечети, Я поспѣшаю выразить вамъ душевную Мою признательность за блистательный этотъ подвигъ, покрывшій новою славою русское оружіе. Онъ вполнѣ увѣнчалъ всѣ распоряженія ваши, отъ коихъ Я не могъ не ожидать успѣха, зная примѣрное ваше рвеніе и военную вашу опытность; но вы не ограничились общимъ направленіемъ дѣйствій. Вы пренебрегли трудность предстоявшаго при слѣдованіи къ Акъ-Мечети похода;—не щадя слабаго вашего здоровья, приняли лично начальство надъ отрядомъ для взятія

этой крѣпости назначеннымъ, и не преставали раздѣлять съ нимъ всѣ лишенія и опасности. Столь похвальное самоотверженіе служитъ Мнѣ новымъ доказательствомъ вашей ко Мнѣ привязанности, которую Я оцѣняю въ полной мѣрѣ. Повторяя вамъ сердечную Мою благодарность и желая увѣковѣчить память вашего подвига, повелѣваю: чтобы крѣпость Акъ-Мечеть именовалась отнынѣ фортомъ „Перовскимъ".

„Вмѣстѣ съ симъ поручаю вамъ объявить всѣмъ чинамъ храбрыхъ войскъ, находившихся подъ вашимъ предводительствомъ, особенное Мое благоволеніе за твердость ихъ, соревнованіе другъ предъ другомъ и отличное ихъ мужество въ бою.

„Пребываю вамъ навсегда благосклонный".

На подлинномъ собственою Его Императорскаго Величества рукою написано:

„*НИКОЛАЙ*".

Петергофъ.
26-го августа 1853 года.

Въ то же время увѣдомилъ меня г. военный министръ, что Его Императорское Величество, во вниманіе къ лишеніямъ и трудамъ преодолѣннымъ войсками экспедиціоннаго отряда и къ мужеству ихъ, повелѣть соизволилъ: 1) разрѣшить мнѣ войти съ представленіемъ о чинахъ, заслужившихъ право на Всемилостивѣйшее вниманіе, 2) въ награду нижнимъ чинамъ болѣе отличившимся раздать 25 знаковъ отличія военнаго ордена, въ дополненіе къ 25-ти таковымъ же прежде розданнымъ и кромѣ того 12 такихъ же знаковъ, установленныхъ для чиновъ мусульманскаго исповѣданія и 3) всѣмъ чинамъ отряда выдать не въ зачетъ годовое жалованье, по окладу, каждымъ изъ нихъ получаемому.

Объявляя симъ Высочайшую волю, выраженную во Всемилостивѣйшемъ ко мнѣ рескриптѣ, считаю при томъ долгомъ благодарить участвовавшихъ въ экспедиціи и отъ своего имени: мужеству ихъ и честной

службѣ обязанъ я величайшимъ утѣшеніемъ въ жизни— достойно исполнить священную волю Государя Императора, порадовать тѣмъ отеческое Его сердце, и видѣть, вмѣстѣ съ сотрудниками моими, столь многомилостивое къ намъ изъявленіе Монаршаго Его благоволенія.

Пріемля съ благоговѣніемъ великія милости, излитыя на насъ щедрою рукою Царя, потщимся и впредь всѣ силы тѣла и духа нашего полагать на службу Государю и Отечеству.

Подписалъ: *Генералъ-адъютантъ Перовскій.*

ПРИКАЗЪ

по отдѣльному Оренбургскому корпусу.

Г. Оренбургъ.

Апрѣля 24 дня, 1855 года.

№ 95.

Объявляю по ввѣренному мнѣ корпусу, Высочайшій Всемилостивѣйшій рескриптъ, коимъ Его Императорскому Величеству благоугодно было осчастливить меня:

Копія.

„Графъ Василій Алексѣевичъ. Состоя съ 1816 года при почившемъ въ Бозѣ Августѣйшемъ Моемъ Родителѣ, вы были однимъ изъ ближайшихъ свидѣтелей пламеннаго стремленія Его на благо и славу Россіи. Воодушевленные высокими Его побужденіями, вы съ юныхъ еще лѣтъ пріобрѣли Его довѣренность и сохранили ее до самой Его кончины. Въ первомъ турецкомъ походѣ, вы оказали, подъ стѣнами Анапы и Варны, мужество и самоотверженіе воина, уже подвизавшагося съ честію въ достопамятномъ 1812 году. За тѣмъ, многія важныя порученія и въ особенности устройство Оренбургскаго края открыли обширное поприще вашему

просвѣщенному и неутомимому усердію. Незабвенный Мой Родитель, любя васъ, какъ вѣрнаго сподвижника первыхъ Своихъ трудовъ, уважалъ ваши заслуги и цѣнилъ васъ какъ одного изъ самыхъ ревностныхъ исполнителей благотворныхъ Его указаній. Въ постигшей насъ горестной потерѣ, Мнѣ утѣшительно повторить вамъ выраженіе чувствъ, коими нашъ Благодѣтель отвѣчалъ на вашу къ Нему неограниченную преданность. Въ ознаменованіе сихъ чувствъ и въ изъявленіе личной Моей признательности за достохвальное служеніе ваше Престолу и Отечеству, Я возвелъ васъ, указомъ, даннымъ сего числа правительствующему сенату, въ графское Россійской Имперіи достоинство.

„Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный и искренно доброжелательный".

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„АЛЕКСАНДРЪ".

С.-Петербургъ.
17 апрѣля 1855 года.

Вѣрно: *Генералъ-адъютантъ графъ Перовскій.*

ПРИКАЗЪ

по отдѣльному Оренбургскому корпусу.

Г. Оренбургъ.

Сентября 5-го дня, 1856 года.

№ 250.

Государю Императору благоугодно было, 26 минувшаго августа, Всемилостивѣйше удостоить меня пожалованіемъ алмазныхъ знаковъ ордена святаго апостола Андрея Первозваннаго, кои имѣлъ я счастіе получить при слѣдующей Высочайшей грамотѣ:

„Нашему генералъ-адъютанту, командиру отдѣльнаго

Оренбургскаго корпуса, оренбургскому и самарскому генералъ-губернатору графу Перовскому.

Достохвальное служеніе ваше Престолу и Отечеству всегда отличалось самымъ дѣятельнымъ и примѣрно-ревностнымъ исполненіемъ возлагавшихся на васъ обязанностей. Зная сколь высоко Незабвенный Нашъ Родитель цѣнилъ вашу преданность къ Нашему Августѣйшему Дому, Намъ пріятно, въ настоящія торжественныя для Насъ минуты, обратиться къ воспоминанію, что при Нашемъ рожденіи въ стѣнахъ древняго Московскаго Кремля, Родителю Нашему угодно было избрать васъ для извѣщенія о томъ Императора Александра I-го, а впослѣдствіи — на васъ же возложить сопутствованіе Намъ въ Москву къ Священному Коронованію Нашихъ Родителей. Желая изъявить вамъ душевную Нашу признательность за прежнюю вашу службу Императору Николаю I-му, такъ и за настоящіе неутомимые труды по управленію ввѣреннымъ вамъ обширнымъ краемъ и войсками въ ономъ расположенными, Всемилостивѣйше жалуемъ вамъ алмазные знаки ордена святаго апостола Андрея Первозваннаго, кои при семъ препровождая, пребываемъ къ вамъ навсегда благосклонны.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„*АЛЕКСАНДРЪ*“.

Въ Москвѣ.
26 августа 1856 года.

О таковой Высочайшей милости объявляю по ввѣренному мнѣ корпусу.

Подписалъ: *Генералъ-адъютантъ графъ Перовскій.*

ПРИКАЗЪ

по отдѣльному Оренбургскому корпусу.

Г. Оренбургъ.

Апрѣля 22-го дня, 1857 года.

№ 127.

Шесть лѣтъ тому назадъ, съ разстроеннымъ уже на службѣ здоровьемъ принялъ я вторично управленіе Оренбургскимъ краемъ и командованіе отдѣльнымъ Оренбургскимъ корпусомъ. Единственное, сердечное желаніе мое было посвятить себя на пользу и устройство страны, давно мною любимой, и умереть на поприщѣ, указанномъ мнѣ волею и довѣріемъ Царя; но тяжкая, изнурительная болѣзнь истощила меня, и я, съ горестію, вынужденнымъ нашелся просить Государя Императора о сложеніи съ меня должностей, требующихъ дѣятельности, на которую не достаетъ моихъ силъ. Всемилостивѣйше снисходя ко всеподданнѣйшей моей просьбѣ, Его Императорскому Величеству благоугодно было осчастливить меня рескриптомъ, преисполнившимъ душу мою невыразимою благодарностію. Съ благоговѣніемъ передаю здѣсь слова этого священнаго для меня свидѣтельства Монаршаго благоволенія, далеко превышающаго слабыя мои заслуги:

„Графъ Василій Алексѣевичъ! Выраженное вами убѣжденіе, что разстроенное состояніе здоровья не позволяетъ вамъ, съ необходимою дѣятельностію, продолжать управленіе Оренбургскимъ краемъ и начальствованіе надъ войсками, въ немъ расположенными, побудило Меня, съ душевнымъ соболѣзнованіемъ, согласиться на просьбу вашу, объ увольненіи васъ отъ должностей оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора и командира отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса.

„Поставляю Себѣ при этомъ въ особенное удовольствіе изъявить вамъ совершенную Мою признательность,

за долголѣтніе, всегда достойно оцѣняемые блаженныя памяти Родителемъ Моимъ, неусыпные труды ваши на пользу ввѣренныхъ вамъ края и войскъ, положившіе твердыя основы ихъ благоустройству, и за полную откровенность, съ которою вы познакомили преемника вашего съ истиннымъ положеніемъ Оренбургскаго края и съ видами къ дальнѣйшему развитію его благосостоянія.

„Желая, чтобы отдохновеніе отъ трудовъ послужило къ прочному возстановленію здоровья вашего, дорого цѣнимаго Мною, по уваженію къ просвѣщенной опытности и пламенному усердію вашему къ истиннымъ пользамъ Престола и Отечества, пребываю навсегда неизмѣнно благосклонный и искренно доброжелательный къ вамъ,

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„васъ душевно любящій и благодарный

АЛЕКСАНДРЪ“.

С.-Петербургъ.
7 апрѣля 1857 года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, господинъ военный министръ сообщилъ мнѣ Высочайшую Его Императорскаго Величества волю, чтобы я продолжалъ управленіе на прежнемъ основаніи до прибытія сюда назначеннаго Государемъ Императоромъ на мое мѣсто генералъ-адъютанта Катенина.

Объявляю о семъ для свѣдѣнія и надлежащаго исполненія.

Я не въ правѣ говорить по настоящему случаю о достоинствахъ моего преемника, избраннаго отеческою заботливостію возлюбленнаго нашего Царя; но долженъ сказать, что назначеніе генералъ-адъютанта Катенина радуетъ и утѣшаетъ меня, душевно сроднившагося съ Оренбургскимъ краемъ.

Прощаясь съ вами, любезные сослуживцы, прошу васъ, если успѣлъ заслужить вашу привязанность и доброе расположеніе, выразить мнѣ эти чувства, содѣйствуя новому вашему начальнику съ такою же ревностію къ Царской службѣ, съ тѣмъ же горячимъ участіемъ къ общему благу, которыя встрѣчалъ я въ васъ постоянно во все продолженіе двукратнаго, пятнадцатилѣтняго моего управленія.

Подписалъ: *Генералъ-адъютантъ графъ Перовскій.*

Приказъ объ отступленіи войскъ хивинской экспедиціи, собственноручно написанный генераломъ В. А. Перовскимъ въ укрѣпленіи Чушка-Куль, 1-го февраля 1840 года.

Приказъ по отряду Войскъ Хивинской Экспедиціи

Февр. 1го дня 1840

Товарищи! Мало три мѣсяца, какъ выступили мы по повелѣнію Государя Императора въ походъ, съ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостью исполнить Царскую волю. Почти три мѣсяца сряду боролись мы съ неимовѣрными трудностями, одолѣвая препятствія, которыя встрѣчаемъ въ необычайно жестокую зиму отъ бурановъ и непроходимыхъ, небывалыхъ, чѣмъ снѣговъ, завалившихъ путь нашъ и всѣ корма. — Намъ не было даже отрады встрѣтить непріятеля, если не упоминать о стычкѣ, показавшей все ничтожество его. — Не вчуже на всѣ перенесенныя труды, люди свѣжи и бодры, лошади состы, запасы наши обильны, одно только намъ измѣнило значительная часть верблюдовъ нашихъ уже погибла, остальные обезсилѣли и мы лишены всякой возможности поднять необходимое для остальной части пути продовольствіе. — Какъ ни больно отказаться отъ ожидавшей насъ побѣды, но мы должны возвратиться на сѣверъ къ своимъ пребываніямъ. Тамъ будемъ ждать новыхъ повелѣній Государя Императора; въ другой разъ будемъ счастливѣе. — Мнѣ удовольствительно благодарить васъ всѣхъ за неутомимое усердіе, готовность и добрую волю каждаго при всѣхъ перенесенныхъ трудностяхъ. — Всемилостивѣйшій Государь и Отецъ нашъ узнаетъ объ всемъ.

В. Перовскій

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе.

Часть первая.—Графъ В. А. Перовскій:

Біографія графа Перовскаго 1
Плѣнъ у французовъ 15
Письма изъ Италіи 44
Дружба съ Жуковскимъ 77
Кончина гр. Перовскаго 115

Часть вторая.—Зимній походъ въ Хиву:

Предисловіе.
Зимній походъ 1839 года 1
Письма къ А. Я. Булгакову 125
Русскій переводъ писемъ 159
Рескрипты и приказы 195

Въ концѣ книги — факсимиле гр. В. А. Перовскаго.